

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Решающий фактор мирового развития

Международное значение опыта
монгольского народа в строительстве
социализма

Идейное банкротство пекинских лжеисториков

Социалистические преобразования на Юге
Вьетнама

Советско-корейское сотрудничество

Марксистско-ленинское учение и рабочее
движение Японии

4
1978

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

4 [28] 1978

НАУЧНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД НА РУССКОМ,
АНГЛИЙСКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 Решающий фактор мирового развития

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

- Международное значение опыта монгольского народа
в строительстве социализма
16 *М. И. Сладковский*
- Идейное банкротство пекинских лжеисториков
29 *В. С. Мясников*
- Маоистские фальсификаторы поправляют историю
41 *М. Д. Дальнев*
- Социалистические преобразования на Юге Вьетнама
И. А. Осотов,
49 *М. М. Петров*
- О третьей конституции КНР
Л. М. Гудошников,
57 *К. А. Егоров*
- Провал американских планов интервенции в Китае и отторжения Маньчжурии
68 *А. М. Ледовский*
- Советско-корейское сотрудничество
Н. М. Ашуров,
83 *В. И. Алексеев*
- Китайская община Вьетнама — политическое орудие в руках Пекина
94 *Т. М. Котова*
- Социально-экономический статус и движение потребителей в Японии
108 *В. Б. Рамзес*

ИДЕОЛОГИЯ

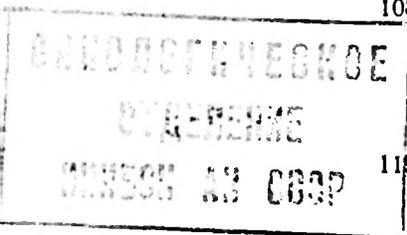
- Марксистско-ленинское учение и рабочее движение в Японии
119 *Б. В. Поспелов*

ИСТОРИЯ

- Историческое наследие в политике китайского руководства
131 *Л. С. Переломов*

КУЛЬТУРА

- Некоторые вопросы взаимосвязи литературы и политики в КНР
139 *А. Н. Желоховцев*

ОЧЕРКИ И СООБЩЕНИЯ

- 147 Су Дун-по и его «Красные стены»
В. С. Колоколов
- 152 Из записок советского дипломата
И. Н. Никитин

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- 157 Политика ограничения прав тибетцев
А. А. Москалев
- 161 Япония: особенности кредитно-финансовой сферы
Н. В. Смородинская
- 163 Подход новый — цели старые
Д. Т. Капустин,
В. К. Константинов
- 166 Шестой выпуск ежегодника «Япония»
Н. П. Павлова
- 169 Идеологическая борьба в КНР
В. В. Арунов
- 172 Антимарксистская сущность военной теории и практики маоизма
В. А. Васильев
- 175 Идеологические диверсии — главное направление внешнеполитической пропаганды Пекина
Г. Н. Тайгачев
- 177 Исследование сельского хозяйства КНР
В. И. Акимов
- 179 Книга о Ба Цзине
В. К. Потаенко,
А. Н. Сизигирцев
- 181 Сила, проверенная временем
Ю. М. Рякин

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 184 На XXVI европейской конференции по китаеведению
Л. М. Гудошников,
В. Ф. Сорокин

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 1978 ГОД

Адрес редакции: Москва, 117218
ул. Кржижановского, д. 14, корп. 2,
тел. 127-08-49

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1978

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (и. о. главного редактора),
В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора),
Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ,
Г. А. БОГДАНОВ, Г. В. ЕФИМОВ, М. С. КАПИЦА,
В. А. КРИВЦОВ, К. М. ПОПОВ, О. Б. РАХМАНИН,
Б. В. САГАРЕВ (отв. секретарь), В. М. СОЛНЦЕВ,
М. Л. ТИТАРЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ,
Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ, И. Т. ФЕДОРЕНКО

Решающий фактор мирового развития

Знаменательным событием международной жизни минувшего года явились дружеские встречи Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева с руководителями партий, правительств и государств социалистического содружества в Крыму летом 1978 г.

Советский народ, трудящиеся братских стран социализма с единодушным одобрением встретили результаты состоявшихся переговоров, которые продемонстрировали замечательные достижения строителей нового мира и явились важным шагом по пути укрепления единства и сплоченности партий и народов социалистического содружества, развития их плодотворного сотрудничества.

Прогрессивная мировая общественность восприняла дружеские встречи в Крыму как центральное событие года, которое стало новым и весьма своевременным импульсом разрядке международной напряженности, надежной гарантией безопасности и сотрудничества народов, свидетельством ценного опыта коренных общественных преобразований. Основанием для подобной оценки послужило признание растущего влияния социалистической внешней политики на ход событий в мире.

Спокойный и деловой характер обсуждения, дружеская атмосфера переговоров, целеустремленный поиск позитивных решений проблем мирового развития — все это произвело благотворное воздействие на международную обстановку. Итоги переговоров в Крыму были встречены во всем мире с особым удовлетворением после вашингтонской сессии НАТО, боннской встречи лидеров ведущих стран Запада, выступлений буржуазных политиков и военных, а также шумных пропагандистских кампаний 1978 г., которые встревожили мировую общественность своим негативным характером. Немало шагов в подобном деструктивном духе было предпринято и Пекином.

Мир увидел, кто в действительности работает над решением насущных проблем современности и предлагает наиболее эффективные решения этих проблем, демонстрируя собственным опытом, практикой пример решения задач всемирно-исторической значимости.

Человечество вновь смогло убедиться в том, что мир социализма, революционно-освободительные и прогрессивные силы во все большей мере выполняют роль решающего фактора мирового развития. Комментируя результаты крымских встреч, «Руде право», газета чехословацких коммунистов, подчеркнула, что «решающей силой, определяющей ход современной международной политики, является мировая социалистическая система, которая в то же время представляет собой самую надежную гарантию сохранения и укрепления мира».

Во все большей мере эта характеристика обнаруживается в развитии социалистического содружества, которое находится «на острие» общественного прогресса, являя тем самым пример общественного развития и вместе с тем главную область решений этих проблем. Печать социалистических стран обращает внимание на органическую связь внешней и внутренней политики стран социалистического содружества,

что нашло свое отражение в ходе бесед тов. Л. И. Брежнева с руководителями братских партий и государств. Участники переговоров прежде всего рассмотрели вопросы многостороннего и двустороннего сотрудничества братских стран и партий во всех сферах — политике, экономике и идеологии. Как указано в документе «В Центральном Комитете КПСС» и в решениях политбюро братских партий, успешное претворение в жизнь созидательных планов, намеченных XXV съездом КПСС и съездами коммунистических и рабочих партий братских стран, сопровождается и — в растущей мере — обеспечивается расширением системы связей между социалистическими государствами во всех областях. Именно эту ситуацию как перспективу имел в виду В. И. Ленин в 1914 г.: «Социалистическое движение... творит новые, высшие формы человеческого общения, когда законные потребности и прогрессивные стремления трудящихся масс *всякой* национальности будут впервые удовлетворены в интернациональном единстве...»

Участники встреч обменялись опытом и информацией о ходе выполнения намеченных планов, о важнейших задачах, которые решают братские партии в процессе строительства социализма и коммунизма. В числе рассмотренных были вопросы сбалансированного социально-экономического развития ГДР и ход осуществления мероприятий по празднованию 30-летия образования ГДР, которое будет отмечаться как смотр социалистических достижений на немецкой земле, как манифестация дружбы народов ГДР и СССР, как праздник всего социалистического содружества. Стороны информировали друг друга о ходе выполнения решений XI съезда ВСРП и мобилизующем значении апрельского (1978) пленума ЦК ВСРП, о ходе строительства развитого социализма в ЧССР, НРБ и СРР и социалистическом строительстве в ПНР. Были рассмотрены вопросы ускоренного развития народного хозяйства МНР и ее участия в комплексных мероприятиях СЭВ. Тов. Л. И. Брежнев информировал руководителей братских партий о результатах работы июльского (1978) пленума ЦК КПСС.

В ходе переговоров основное внимание уделялось итогам и перспективам двустороннего и многостороннего сотрудничества. Все участники встреч подчеркнули, что главным направлением этого сотрудничества в ближайшие годы и на отдаленную (до 1990 г.) перспективу является согласование планов на предстоящие пятилетия с учетом все более глубокого кооперирования и специализации производства в целях наиболее эффективного развития экономики каждой из стран и в интересах дальнейшего укрепления мировой системы социализма в целом. Были намечены, а затем утверждены Центральными Комитетами и Политбюро братских партий конкретные программы реализации крымских договоренностей. Участники переговоров подчеркнули большие возможности развития сотрудничества и необходимость ускорения реализации долгосрочных целевых программ, одобренных XXXII сессией СЭВ в Бухаресте. В ходе бесед было выражено стремление к дальнейшему укреплению сплоченности и сотрудничества стран — членов СЭВ.

В 1979 г. Совету Экономической Взаимопомощи исполняется 30 лет. За это время СЭВ стал самым динамичным и первым по объему промышленного производства центром мирового экономического могущества. Продолжается и его географический рост — в состав этой организации вошел социалистический Вьетнам.

За первые два года текущего пятилетия темпы прироста промышленного производства СССР были почти в 2 раза выше, чем в США, в 3 раза выше, чем в странах «Общего рынка», в 1,7 раза выше, чем в Японии. За период с 1973 по 1977 гг. промышленное производство

стран — членов СЭВ возросло на 32%, в то время как тот же показатель развитых капиталистических государств составил лишь 7%. В текущей пятилетке национальный доход стран — членов СЭВ возрос за два года на 12%, объем промышленного производства на 12,4%. Товарооборот в торговле между странами — членами СЭВ в 1978 г. приблизился к 100 млрд. руб. Реальные доходы трудящихся за 1976—1977 гг. увеличились более чем на 9%, в братских странах за эти годы около 25 млн. человек отпраздновали новоселье.

Успешно реализуется комплексная программа многосторонних интеграционных мероприятий в рамках СЭВ. Осуществляется строительство 28 крупномасштабных предприятий, общая стоимость строительства и создания дополнительных мощностей составляет 9 млрд. руб. Начато совместное решение ряда крупных проблем: добычи и распределения сырья, топлива и энергии с ускоренным развитием сети АЭС, развития машиностроения, сельского хозяйства и пищевой промышленности.

Замечательной демонстрацией успехов сотрудничества братских стран явились достижения по программе «Интеркосмос». К советским космонавтам присоединились и представители ЧССР, Польши и ГДР.

Неуклонно расширяются внешние связи СЭВ, с ним тесно сотрудничают Социалистическая Федеративная Республика Югославия, Лаосская Народно-Демократическая Республика, Народная Республика Ангола, Социалистическая Эфиопия, а также Иракская Республика, Мексиканские Соединенные Штаты, Финляндская Республика. Товарооборот стран содружества с нечленами СЭВ возрос в 17 раз.

Результаты международного социалистического сотрудничества обеспечиваются прежде всего тем, что участники его строят свою деятельность, как было отмечено в ходе крымских встреч, «на незыблемой основе марксизма-ленинизма и социалистического интернационализма, координации их действий в интересах уверенного продвижения вперед дела мира и социального прогресса».

Встречи в Крыму, как подчеркнуто в документе Политбюро ЦК КПСС «В Центральном Комитете КПСС», «знаменуют собой важный шаг в дальнейшем укреплении социалистического содружества, углублении всестороннего сотрудничества братских партий, стран и народов в строительстве социализма и коммунизма, создают благоприятные условия для подготовки новых шагов в развитии этого сотрудничества».

Таковы социалистические решения крупных и сложных проблем общественного развития, проблем, остающихся нерешенными при капитализме и в условиях авантюристических экспериментов.

* * *

В ходе крымских встреч был дан углубленный анализ, реалистическая и вместе с тем оптимистическая оценка современного международного положения, которое за последнее время претерпело ряд существенных изменений.

Как отметили участники крымских встреч, ведущей тенденцией международной жизни продолжает оставаться разрядка напряженности. В связи с этим был сделан вывод о возможности и необходимости дальнейших активных усилий социалистических государств и их взаимодействия в интересах закрепления и углубления разрядки международной напряженности. В то же время обращено серьезное внимание на осложнение процессов мирового развития.

В основе обострения международной обстановки, подчеркнул тов. Л. И. Брежнев в речи при награждении города Баку, «лежат неже-

ланне наиболее твердолобых империалистических кругов трезво оценить сложившееся в мире соотношение сил, совершенно нереальные и опасные для мира расчеты добиться военного превосходства над странами социализма и диктовать им свою волю».

Процесс разрядки международной напряженности, начатый по инициативе и в результате настойчивых усилий СССР и стран социалистического содружества, оказался губительным для интересов этих кругов. Поэтому противники разрядки международной напряженности попытались возродить ситуацию и методы «холодной войны» с тем, чтобы не дать процессу разрядки достичь стадии необратимости. Под давлением этих сил представители администрации США попытались ревизовать ранее достигнутые договоренности с СССР по вопросам разоружения и даже отошли от согласованных на переговорах по ОСВ позиций. На словах выступая за соглашение с СССР, определенные круги США занялись разработкой и внедрением в производство новых систем оружия (нейтронное оружие, новые ракетные системы и т. д.), появление которых не просто означает увеличение массы вооружений, но имеет целью обойти уже подписанные соглашения с СССР.

Под прикрытием вновь воскрешенного, известного советскому народу более 60 лет лживого мифа о «советской угрозе», о мнимом превышении Советским Союзом пределов вооружений, необходимых (с точки зрения Запада) для обороны, вашингтонская сессия НАТО под нажимом США утвердила программу широкого наращивания вооружений США и Западной Европе. Американский конгресс принял рекордный военный бюджет с приростом в 10,8% на 1979 финансовый год. Вопреки предвыборным обещаниям Дж. Картера США не только не сократили гонку вооружений и торговлю оружием, но значительно их увеличили. В западной печати появились сообщения о планах формирования новой системы военно-политических блоков, более обширной, чем в период «холодной войны» (САТО — в Южной Атлантике и МЕТО — на Ближнем Востоке), поощряется активизация японского милитаризма.

В результате этих шагов западных держав проблема разоружения значительно усложнилась, возникла реальная угроза превращения гонки вооружений в необратимый, неуправляемый процесс. Серьезную озабоченность мировой общественности вызвали выступления ряда государственных деятелей США и других стран НАТО, в которых содержались попытки возродить прежнюю империалистскую концепцию военного превосходства с целью нарушения достигнутого военного паритета, единственно разумного в современных условиях, и приобретения односторонних военных преимуществ.

Подобные действия неизбежно отражаются на ходе переговоров в Женеве и Вене по разоружению, на советско-американских отношениях, на общем положении дел в мире. Совершенно очевидно, что эта позиция — не позиция решения современных проблем, а тем более в условиях, которые не поддаются решениям империалистического характера.

Эта недалекновидная политика может дорого обойтись человечеству, но в любом случае она не сулит успеха ее инициаторам. Было бы наивным полагать, что продолжение или развертывание гонки вооружений способно дать Соединенным Штатам односторонние преимущества и создает сложности лишь Советскому Союзу. Опыт показывает, что на путях гонки вооружений не могут быть решены и проблемы, порожденные многосторонним кризисом капиталистической системы во всех сферах жизни. Подобная политика приведет лишь к увеличению груза обвинений империализму и капитализму со стороны народных масс, а также к увеличению степени риска в международных отношениях.

Стратегия империалистических сил с их грубым военным нажимом, экономическим давлением, маневрированием реакционными националистическими марионетками, идеологическими мифами и независимо от объема применяемых средств обнаруживает способность лишь к обострению проблем, затягиванию «узлов», но не к действительным решениям, что показали, в частности, события на Ближнем Востоке. Как свидетельствует выступление Дж. Картера в Аннаполисе летом 1978 г. для этой стратегии подчас оказывается непосильным самостоятельный выбор: сотрудничество или конфронтация, как, впрочем, и выбор между интересами человечества, собственного народа и, с другой стороны — монопольными интересами экономических и политических группировок национального и многонационального уровня.

Еще одним фактором, осложняющим обстановку в мире, затрудняющим решение насущных проблем современности, явилась, как подчеркнули участники крашских встреч, попытка использовать для укрепления позиций капитализма кампанию по поводу мнимых «нарушений прав человека» в странах социализма. Эта кампания, с большим или меньшим неуспехом раздуваемая на Западе время от времени, представляет собой вопиющее нарушение международного права, грубое вмешательство во внутренние дела стран социализма, противоречащее Заключительному акту совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Последствием этой недобросовестной шумихи явилось в известной степени замораживание «духа Хельсинки» в отношениях между государствами различных общественных систем. Вместе с тем спекуляция на «правах человека» привела к тому, что миллионы людей обратились к действительной проблеме прав человека в связи с преследованиями борцов за гражданские права, грязной деятельностью ЦРУ и монополий в США и других странах, поддержкой империализмом террористических реакционных режимов в различных районах мира, попранием прав целых народов, в связи с невозможностью найти капиталистическое решение острейших социальных проблем в странах Запада.

Дело не только в «избирательности» этой кампании, в ходе которой ни разу не было упомянуто, например, и о том, каково положение с правами человека в КНР. Между тем в условиях маоистского режима периодически осуществляются кровавые «чистки» и постоянно (кто бы ни был у власти) функционирует режим террора и произвола как главное средство «сплочения», практически отсутствует гражданское, процессуальное и уголовное законодательство.

Империализм пытается открыто инспирировать «деятельность» по созданию помех в строительстве нового общества, идущего ему на смену. За шумихой о «правах человека» пытаются скрыть глубокий кризис человека в буржуазном обществе как отражение кризиса этого общества в целом. В этих условиях выглядят не только нечистоплотными, но и смехотворными попытки искусственно сформировать антисоциалистическую «оппозицию» в странах социализма и найти опору среди кучки отщепенцев, этих «мыслящих наоборот» субъектов, которые по недомыслию или недобросовестности стали на путь антигосударственных, антиобщественных, антинародных действий.

Главное, пожалуй, в том, что «идеологическое контрнаступление», которое пытается организовать Запад по инициативе правящих кругов США так же, как и миф о «красной опасности», не является чем-то новым. Оно представляет собой всего лишь возврат к тактике, в прошлом уже показавшей свою несостоятельность, и совершенно не означа-

ет появления у империализма более эффективной идеологии. Оно основывается прежде всего на старых приемах «психологической войны», на клевете, на преследовании явно буржуазных классовых целей и все более обнаруживает черты идеологической авантюры.

В ходе беседы тов. Л. И. Брежнев с тов. Г. Гусаком было отмечено, что попытки определенных империалистических кругов представить себя радетелями прав и свобод человека являются от начала до конца лицемерными, а на деле все их заявления на этот счет продиктованы стремлением вмешиваться во внутренние дела других государств и народов. Вполне очевидно, что подобные действия будут встречать соответствующий отпор со стороны государств социалистического содружества, со стороны всех прогрессивных сил.

* * *

Заметное воздействие на осложнение международной обстановки оказывает стремление некоторых политиков Запада использовать так называемую «китайскую карту». Политбюро ЦК КПСС в документе «В Центральном Комитете КПСС» подчеркнуло серьезную опасность, которую представляют для дела мира и социализма действия нынешних руководителей Китая. В прошедшем году пекинские лидеры наиболее полно продемонстрировали вызывающее отвращение предательство идей интернационализма и бесстыжий альянс с империалистическими державами.

В ходе беседы товарищей Л. И. Брежнева и Ю. Цеденбала участники переговоров с озабоченностью отметили наличие негативных моментов в развитии обстановки на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, что в первую очередь вызывается линией руководства КНР, образуемого великодержавностью и стремлением к гегемонизму. Как в этих, так и в других районах мира оно делает ставку на нагнетание международной напряженности, на обострение отношений между различными государствами, поэтому еще более необходимо повышение бдительности к действиям на международной арене Пекина и сил, которые так или иначе способствуют проведению его авантюристической линии. Во время крымских встреч руководители братских партий подчеркнули, что на этом пути пекинские лидеры сомкнулись с усилиями реакционных и милитаристских кругов Запада по усилению гонки вооружений в целях обострения международной обстановки. По-видимому, атмосфера разрядки международной напряженности оказывается губительной и для пекинских шовинистов.

Участники крымских переговоров решительно осудили грубое давление Китая на Социалистическую Республику Вьетнам, его активную подстрекательскую роль в военных провокациях Кампучии против Вьетнама, преступные попытки помешать народам Юго-Восточной Азии проводить самостоятельную, независимую политику.

Пекинские лидеры пытаются оправдать свою наглую позицию то «судьбой хуацяо» во Вьетнаме, то вьетнамской политикой дружбы с СССР. Но в Албании нет хуацяо, и она до сих пор не нормализовала отношения с СССР, однако китайская дипломатия и здесь продемонстрировала самый неприкрытый шовинизм.

Главы партий и государств социалистического содружества твердо заявили о нерушимой солидарности с героическим вьетнамским народом, строящим социализм и отстаивающим свои законные права, суверенитет и достоинство своей страны. Участники переговоров поддержали священное право народов Юго-Восточной Азии на мирную независи-

мую жизнь, завоеванную в многолетней и трудной борьбе с чужеземными захватчиками.

В Пекине не скрывают стремления к прямым экспансионистским действиям, заявляя о территориальных притязаниях к соседним государствам, апеллируя, в частности, к такому основанию, как находки археологов. Лидеры КНР изображают себя поборниками исторически справедливых границ, видимо, не придавая значения ни сходству с политикой израильских захватчиков, ни абсурдности своих аргументов. Между тем в поиске подобного рода «доисторических» оправданий этой политики столько же смысла, сколько в идеализации исходных позиций развития человечества. Где, в какой дали прошлого останутся маоисты в поисках изначальных границ и восстановления «исторической справедливости»?

В 1978 г. из многочисленных акций пекинской внешней политики сложился характерный облик еще одного претендента на мировое господство, и сегодня воспринимать политику маоистского руководства как один из допустимых подходов к проблемам современности и считать это реалистической политикой может лишь тот, кто сам подвержен «увлечению» национализмом, беспринципным антисоветизмом или склонен к недобросовестным комбинациям, рискуя оказаться в позиции «независимости» от социализма в межгосударственных отношениях. В. И. Ленин писал, что, «только отбрасывая все дикие и глупые национальные предрассудки, только сливая в один союз рабочих всех наций, может рабочий класс стать силой, дать отпор капиталу».

Маоизм — не теория, а тактика, единственным «принципом» которой является беспринципность, ибо в основе его лежит не научное познание общества, а изобретение и оправдание любых средств удовлетворения великодержавных appetitов. Если в КНР и наметился отход от «идей Мао», то лишь в сторону их «рафинирования», расширения и совершенствования выбора этих средств, потому и нужен оголтелый антисоветизм как единственное оправдание и последний аргумент. Однако нагнетание напряженности в мире и антисоветизм как прикрытие гегемонистских притязаний и база для альянса с мировой реакцией не смогут стать образцом для подражания среди революционных и прогрессивных сил современности.

Идеология маоизма служит общим основанием и для внешней, и для внутренней политики. Истолковывать это единство как стремление к независимости ради утверждения места в современном мире, преодоления исторической отсталости и т. п. может либо тот, кто не искушен в политике и истории, либо тот, кто руководствуется «чисто» конъюнктурными соображениями. Столь же наивны, если не недобросовестны, попытки отделить внутреннюю и внешнюю политику Пекина, представляя первую как позитивно-социалистическую, а вторую как «невольную» националистическую.

Популистские меры нынешнего руководства КНР не могут иметь долгодействующего эффекта, ибо являются не более, чем «упорядочением» той же маоистской внутренней политики. Программа «четырёх модернизаций» в свою очередь не имеет социалистического содержания, так как носит по существу служебный («применительно к шовинизму») характер. Эта программа ориентирует общество на развитие исключительно вещественной стороны производительных сил, а не на развитие общественных отношений и всестороннее развитие личности, без чего невозможно решение задач социального равенства, социальной справедливости и реального гуманизма. В этих условиях социалистический прогресс китайского общества обречен на мучительный застой, а со-

циалистические устремления народа — на конфликт с гегемонистской политикой, с воскрешением всей этой «старой мерзости» мелкобуржуазного бытия, о котором предупреждал Ф. Энгельс. Поэтому попытки допустить внутреннюю политику Пекина как объективно сложившийся вариант строительства социализма или позитивного решения проблем национальной отсталости не имеют под собой реального основания.

Идеология и политика маоизма не могут быть привлекательными для современного человечества, а тем более образцом для подражания. Если и есть в них какой-то исторический смысл, то только смысл предупреждения и урока для всех, кто озабочен судьбой своего народа и будущим человечества.

КНР — единственное государство, представители которого открыто выступают против советских инициатив по вопросам разоружения и создания системы международной безопасности. В зависимости от аудитории пекинские деятели и пропаганда то изображали себя сторонниками «полного запрещения и действительного уничтожения ядерного оружия», то объявляли переговоры по разоружению «уловками сверхдержавы», однако постоянными являлись следующие вариации: пропаганда «подготовки к войне» (Дэн Сяо-пин), афоризмы «война — явление нормальное», «война — продолжение мира» (Сюй Сян-цзянь), «подавляющее большинство стран не нуждается в разоружении» и т. п. КНР претендует на 10,5 млн. км² территории соседних стран при собственной территории в 9,6 млн. км², проводит политику открытого вмешательства во внутренние дела соседних государств, провоцирования конфликтов и подрывной деятельности. Руководство КНР было неоднократно уличено в незаконных акциях против Индии и Индонезии, Бирмы и Таиланда, Малайзии и Кампучии и, наконец, против социалистического Вьетнама. Тактика затягивания войны во Вьетнаме, которую проводил маоистский Китай, сменилась политикой грубого нажима на эту страну.

«Мы обязательно должны, — говорил Мао Цзэ-дун на заседании Политбюро ЦК КПК в августе 1965 г., — получить Юго-Восточную Азию, включая Южный Вьетнам, Таиланд, Бирму, Малайзию, Сингапур. Такой район, как Юго-Восточная Азия, очень богат, там очень много природных ископаемых, он весьма заслуживает затрат на то, чтобы его заполнить. В будущем он будет очень полезен для развития китайской промышленности. Таким образом можно будет полностью возместить убытки...»

Главы братских партий и государств вновь привлекли внимание мировой общественности к тому, что пекинское руководство проводит великодержавный, гегемонистский курс, открыто делает ставку на нагнетание международной напряженности, использует любые средства, чтобы подорвать позиции социалистического содружества, революционных, освободительных сил современности. Стремясь получить доступ к натовским военным арсеналам, правители Китая всячески рекламируют свою враждебность к Советскому Союзу и другим странам социализма и ратуют за безудержную гонку вооружений.

Участники переговоров в Крыму подчеркнули, что подобный курс тем более опасен, что он встречает поддержку со стороны наиболее реакционных кругов империалистических государств. Своевременность этого предупреждения подтвердили дальнейшие события, которые показали, что Пекин приступил к активным попыткам проведения авантюрной «геополитической» программы. «Теоретическим» обоснованием этой политики послужило так называемое «учение о трех мирах», политическим воплощением — идея «единого фронта» всех реакционных

сил современности и разного рода мелкобуржуазного отребья против СССР (как главного «врага»), стран социализма, международного коммунистического и рабочего движения, против сил национального освобождения.

Многолетняя политическая игра маоистов с империализмом США обрела четкую направленность. Провоцирование обострения американо-советских отношений, угодливая готовность идти на союз с самыми реакционными политическими силами сочетается здесь с явным стремлением использовать американскую реакцию в собственных тактических целях.

Политика Пекина в Европе проявила себя как политика подрыва Хельсинкских соглашений, создавших условия для безопасности и сотрудничества стран с различным общественным строем в этом районе. «Китайская политика, — писала польская «Трибуна люду», — направлена не только против социалистического содружества и СССР — наших ближайших союзников, но фактически против такого соотношения сил в Европе, которое впервые в истории обеспечило нам безопасность границ и является гарантией нашего мирного труда и развития».

Пекинские эмиссары осуществили десятки контактов с представителями Запада по поводу закупок вооружения и технологии в соответствии с милитаристским курсом «четырёх модернизаций». Пекин солидаризировался с империалистическим вмешательством Запада в дела народов Африки и Ближнего Востока, активизирует связи с реакционными арабскими режимами, продолжает дипломатический нажим в Юго-Восточной Азии, с нескрываемой враждебностью встретил народную революцию в Афганистане.

Как известно, на Западе нашлись политические деятели, склонные принять активное участие в игре с пекинским руководством. Более того, были предприняты шаги к координации политики США и КНР в отношении СССР, Анголы и Мозамбика, Эфиопии и стран Юго-Восточной Азии. Независимо от того, чьи расчеты возьмут верх (Пекина — употребить в своих целях реакционные круги Запада или империализма — использовать китайских гегемонистов), эти комбинации не сулят ничего хорошего их инициаторам. СССР неоднократно предупреждал об этом. Выступая в Минске 25 июня 1978 г., Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР тов. Л. И. Брежнев сказал: «В последнее время в США предпринимаются, причем на высоком уровне и в довольно циничной форме, попытки разыграть «китайскую карту» против СССР. Близорукая и опасная политика! Как бы ее авторам не пришлось в ней горько раскаяться».

Близорукость этой политики заключается в том, что альянс с Пекином значительно усложнит самую насущную проблему современности — проблему разоружения, в решении которой Запад заинтересован не меньше, чем СССР и его друзья. Содействие пекинскому милитаризму не даст Западу никаких постоянно действующих преимуществ. Оборонная мощь социалистического содружества уже не раз продемонстрировала свою эффективность. К тому же общие объемы вооружений в мире уже сейчас делают бессмысленными их «сдвоение», поскольку оно ничего не меняет в существе, в формуле и принципе проблемы гонки вооружений и проблемы разоружения, кроме отягощения ситуации количественными изменениями. С другой стороны, никто не даст гарантии, что в будущем Запад сможет контролировать в своих целях великодержавную политику маоистов, «канализовать» ее в удобном для него направлении. Наконец, подобная политика не учитывает и мнение самого китайского народа, которому пекинские лидеры отводят роль слепого ис-

полнителя опасных и бредовых идей гегемонизма. Как подчеркнул тов. Ф. Кастро, «сам китайский народ — трудолюбивый, самоотверженный, боевой, героический и революционный — рано или поздно сведет счеты с предателями, которые бросили под ноги империалистов его красные знамена интернационалистов».

Принципиальная и бескомпромиссная борьба с маонизмом — это наш долг и в отношении китайского народа в трудный для него момент. Советские люди, трудящиеся стран социализма, все передовое человечество, конечно, умеют различать навязчивые идеи и несоразмерные желания от действительных возможностей тех или иных политических сил. Маонизм как идеология прошел уже все стадии свой «эволюции», а точнее — рождения: и как идейная спекуляция, и как политическая химера он достиг крайней степени абсурда.

Однако, как подчеркнули руководители братских партий и государств в Крыму, великодержавный курс Пекина не может не вызвать опасений. Авантюристический характер целей маонизма, их недостижимость не безвредны для международной обстановки. Идеология маонизма, который ориентируется на примитивное политическое мышление, может, как бывало в прошлом с подобного рода «идеями», стать серьезной угрозой, если ее навязнут огромной человеческой массе, не искушенной историческим и политическим опытом, столетиями существовавшей в неизменном «заколдованном круге» изоляции и жесточайшего террора.

Необходима высокая политическая бдительность по отношению к словам и делам маонистов, чья политика враждебна делу мира и социализма и опасна если не провоцированием новой мировой войны, то стремлением дезорганизовать мировой революционный процесс и международное развитие вообще.

Любителям империалистических авантур не следует забывать и то, что советский народ, как и народы стран социализма, все прогрессивные и миролюбивые силы, не останется безучастен к этим близоруким и опасным комбинациям. Эти силы располагают и тем более будут располагать достаточными и многообразными возможностями для срыва подобных затей, враждебных делу мира и социализма. Братские страны социализма считают разоблачение маонизма, как подчеркнула чехословацкая «Руде право», — нераздельной частью борьбы за социализм, мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов.

Становится все более очевидным и то, что близорукая политика заигрывания с Пекином не может не отразиться и на оценках ее авторов в их собственных странах как деятелей, неспособных к действительным, позитивным решениям современных проблем.

В свете анализа обстановки в мире, данного во время встреч в Крыму, так называемый «договор о мире и дружбе» КНР и Японии, подписанный 12 августа 1978 г., не может получить одобрения со стороны социалистической дипломатии. Как отметил Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, принципиальной линией внешней политики Советского Союза является развитие отношений дружбы и сотрудничества с другими странами независимо от их социального строя, в том числе и с Японией, поскольку это способствует укреплению мира и безопасности народов и не наносит ущерба третьим странам. Этого нельзя сказать о японо-китайском договоре, который направлен против Советского Союза и других миролюбивых государств, активно противодействующих гегемонистской политике Пекина. Со стороны Японии, подчеркнул А. Н. Косыгин, нет недостатка в заявлениях относительно неизмен-

ности курса на укрепление отношений с Советским Союзом, однако такие заявления должны подкрепляться практическими делами.

К числу таких дел нельзя отнести визит в Японию заместителя начальника генштаба НОАК Чжан Цай-цзяня, предпринятый с явно антисоветскими и милитаристскими целями. Прогрессивная общественность Японии в свою очередь с тревогой и возмущением восприняла договор с Китаем как шаг, противоречащий принципам мирного сосуществования. Заслуживают серьезного внимания заявления в этой связи японских социалистов об активизации военщины в этой стране. Японские коммунисты выразили опасение, что договор нанесет серьезный ущерб самостоятельности страны, особенно если он примет характер «полувовенного союза» Японии, США и Китая. Были также высказаны опасения, что «договор о мире и дружбе» означает, что Японию, имеющую «договор о безопасности» с США, в данном случае использовали в качестве средства установления военно-политической связи США с КНР. Как говорится, «кто кого поймал»... Правомерно задать вопрос, не является ли этот шаг японского правительства проявлением той самой близорукости в отношениях с КНР, о которой предупреждает тов. Л. И. Брежнев.

Советский Союз неустанно предпринимает инициативы для нормализации отношений с КНР. Такова принципиальная линия советской внешней политики, поэтому у СССР никогда не бывает возражений относительно нормализации и установления дружеских отношений между суверенными, независимыми, миролюбивыми государствами, тем более если речь идет о социалистических странах.

Иначе представляю себе дело пекинские правители. Китайское руководство и после Мао Цзэ-дуна не только не отказалось от идеи подрыва единства мировой системы социализма, но и постаралось придать этому курсу, так сказать, больший вес и большую активность.

Продолжая маоистскую политику «дифференцированного подхода» к европейским странам социализма в целях перетягивания на антисоветские позиции отдельных стран социалистического содружества, нынешнее китайское руководство откровенно связало эту политику с общим курсом нагнетания напряженности в мире в целом и в отдельных его регионах, наиболее «перспективных» в этом смысле с точки зрения Пекина. Подобная тактика уже применялась (правда, без особого успеха) маоистскими провокаторами несколько ранее в Африке и в Юго-Восточной Азии. Теперь объектом провокационной политики стали Балканы, которые в результате победы над фашизмом, образования мировой системы социализма и успехов борьбы за разрядку международной напряженности обрели долгожданную стабильность. Несомненно, что сейчас не то время, когда народы могут попасться в эти пекинские сети, однако отдельным странам, особенно небольшим, может быть причинен серьезный вред. С грубой бесцеремонностью Китай оттолкнул своего единственного союзника в Европе — Албанию, имеющую длительный опыт общения с маоизмом и занявшую в последнее время критическую позицию в отношении пекинской стратегии. «Китайские руководители, — писала по этому поводу «Зери и популлит», — отказались от принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма и стали проводить великодержавную шовнистическую политику, вступив на путь сговора и союза с империализмом и реакционными силами на международной арене».

Визиты Хуа Го-фэна в Румынию и Югославию сопровождалась шумным пропагандистским прикрытием, попытками изобразить дружелюбие, заботу о всеобщем мире, уважение к независимости и суверените-

ту народов. Однако стремление Пекина заполучить в обмен на это антисоветские сдвиги в политике некоторых стран социализма дало осечку. Китайским представителям пришлось выслушать ясные и недвусмысленные, ответственные и официальные заявления о неизменности отношений дружбы и сотрудничества с СССР.

Внешнеполитическая деятельность пекинских правителей в 1978 г. показала, что их антисоветский великодержавный гегемонистский курс на разжигание конфликтов и обострение международной напряженности никоим образом не может быть гарантом чьей бы то ни было безопасности, независимости и самостоятельности. Опыт Вьетнама и Албании в этом смысле достаточно красноречив, и всякая попытка сбросить со счетов этот опыт будет означать близорукое подыгрывание интригам маоистских провокаторов, а это не путь утверждения независимости, мира и международного сотрудничества.

* * *

Переговоры руководителей братских партий и государств в Крыму, а также события, последовавшие за ними, показали, что осложнение международной обстановки в последнее время с еще большей убедительностью подчеркивают важность и ответственность дела разрядки напряженности в мире, еще в большей мере выдвигают задачи разрядки на первый план международной жизни. Тенденция разрядки по-прежнему доминирует, охватывая все большее число проблем и районов мира прежде всего потому, что опирается на действительное соотношение сил в мире, на подлинные интересы человечества и потребности общественного прогресса, а инициаторы процесса разрядки — страны социализма — не ищут в нем выгод, противоположных интересам человечества в целом или интересам народов отдельных стран. Поэтому плоды разрядки реальны и эффективны, в чем убеждается растущее число людей также и в развитых капиталистических и развивающихся странах.

В этих условиях Политбюро ЦК КПСС выразило твердое намерение Советского Союза в соответствии с решениями XXV съезда КПСС настойчиво добиваться вместе с его друзьями и союзниками углубления процесса разрядки, расширения мирного взаимовыгодного сотрудничества между государствами и прежде всего — прекращения гонки вооружений, перехода к разоружению, подкрепления политической разрядки разрядкой военной. В течение всего минувшего года Советский Союз и страны социалистического содружества предпринимали систематические и неустанные инициативы в этом направлении. Достаточно упомянуть о предложениях на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, на Венских переговорах о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, на советско-американских переговорах в Женеве, предложения о прекращении испытаний ядерного оружия и моратории на ядерные взрывы в мирных целях, об укреплении гарантий безопасности неядерных государств, о Всемирном договоре о неприменении силы и работу специального комитета ООН по этому вопросу, работу Всемирной конференции по борьбе против расизма и расовой дискриминации, и многое другое.

«Мы считаем, — заявил тов. Л. И. Брежнев 22 сентября с. г. в Баку, что право на надежную безопасность имеют все государства — большие и малые, владеющие ядерным оружием и не имеющие его. И пусть никто не сомневается, что Советский Союз и другие страны социалистического содружества будут и впредь вносить свой достойный вклад в решение этих важных для всего человечества задач!»

Разрядка пустила глубокие корни в современной международной жизни, существуют реальные возможности придания необратимости этой тенденции. Создана и функционирует широкая сеть институтов международного сотрудничества и переговоров по разнообразному кругу проблем в сферах политической, военной, экономической, научно-технической и культурной. Существует и в основном выполняется система международно-правовых норм мирного сосуществования стран с различным общественным строем. Осуществляется эффективное взаимовыгодное экономическое сотрудничество. Только за три минувших года заключено 1300 договоров и соглашений между социалистическими и капиталистическими странами Европы. Все это делает довольно устойчивой тенденцию к разрядке международной напряженности, в основе которой лежат инициативы СССР и стран социализма. О притягательной силе этого курса свидетельствует, например, тот факт, что в США 75—80% опрошенных граждан приветствуют разрядку и считают необходимым продолжение переговоров с СССР по ограничению стратегических вооружений.

Путь преодоления осложнения международной обстановки, как подчеркнули участники крымских встреч,— в решительном противодействии любым шагам, которые могли бы подорвать процесс разрядки. В пользу этого курса выступают не только представители социалистического содружества, но и многие государственные и общественные деятели в ФРГ, Франции, Швеции, Канаде, Японии, да и в самих Соединенных Штатах. В этом огромная жизненная сила разрядки.

Оценивая значение прошедших встреч в Крыму, мировая общественность прежде всего отмечает, что принятые решения укрепили атмосферу уверенности в мире. Большое впечатление на политические круги различных стран произвела позитивная программа мер, направленная на преодоление международных осложнений, на наращивание усилий в пользу развития мирного сотрудничества.

В ходе крымских встреч была вновь подтверждена важность и эффективность дальнейшего развития сотрудничества братских стран на незыблемой основе марксизма-ленинизма и социалистического интернационализма.

События 1978 г. в международной жизни показали, что ни империалистический нажим, ни происки маонистов на мировой арене не могут дать человечеству решения насущных проблем современности, поскольку оба эти подхода не сулят ничего, кроме бессмысленной растраты времени и человеческой энергии.

Крымские встречи руководителей братских партий и государств в июле — августе 1978 г. с новой силой подтвердили, что социалистическое содружество, выступающее в союзе со всеми миролюбивыми, освободительными и революционными силами, является решающим фактором современного мирового развития. Эту роль мир социализма выполняет благодаря самой своей общественной природе, которая последовательно отражает коренные интересы передового человечества, содействуя его действительному сплочению.

Встречи в Крыму вновь показали, что страны социализма оказывают направляющее воздействие на ход событий в мире прежде всего притягательной силой своего примера в решении насущных проблем общественного и международного развития.

Переговоры руководителей социалистических стран летом минувшего года еще раз напомнили о том, что осуществление реальных программ укрепления международной безопасности и сотрудничества народов надежно обеспечивается развитием мирового социализма.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

Международное значение опыта монгольского народа в строительстве социализма

*М. И. Сладковский,
член-корреспондент АН СССР*

Для народов, обретших в результате крушения колониальной системы национальную независимость и вставших на путь радикальных социально-экономических преобразований, весьма важное значение имеет изучение и использование международного опыта перехода ранее отсталых стран к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. В этом отношении особенно богатый и успешный опыт имеет монгольский народ. В опубликованном труде видного деятеля мирового коммунистического и рабочего движения Первого секретаря ЦК Монгольской народно-революционной партии, Председателя Президиума Великого Народного Хурала Монгольской Народной Республики товарища Юмжагийн Цеденбала «Исторический путь развития социалистической Монголии»*, раскрывается историческая панорама творческого труда монгольского народа, успешно осуществляющего строительство социализма. В статьях и докладах, вошедших в него, обобщен путь социалистического развития Монголии, итоги борьбы и побед монгольского народа за более чем полувековой период. Книга является сокровищницей богатейшего опыта монгольской революции, в ходе которой были блестяще применены на практике в конкретно исторических условиях Монголии ленинские указания о возможности некапиталистического пути развития к социализму отсталых ранее стран.

В своих работах тов. Цеденбал убедительно показал, что монгольский народ смог добиться значительных побед в построении социализма только благодаря тому, что он твердо следовал указаниям и идеям гениального вождя мирового пролетариата В. И. Ленина. «Как известно,— отмечает тов. Цеденбал,— В. И. Ленин, опираясь на высказанную К. Марксом и Ф. Энгельсом гипотезу и исходя из анализа хода мирового развития в послеоктябрьский период, открыл закономерность о возможности перехода ранее отсталых стран к социализму, минуя капиталистическую стадию. Ленин указал пути и способы преобразования докапиталистических отношений в новые, социалистические отношения в условиях существования и развития передовых социалистических стран» (с. 489). Тов. Цеденбал приводит слова В. И. Ленина на II конгрессе Коминтерна: «Не может быть никаких споров о том, что пролетариат передовых стран может и должен помочь отсталым трудящимся массам... Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении сред-

* Ю. Цеденбал. Исторический путь развития социалистической Монголии. Госиздат МНР, Улан-Батор, 1976, 659 с.

ствами, тогда неправильно полагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей... С помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»¹.

Основные положения, которыми руководствовалась МНРП, были высказаны В. И. Лениным в беседе с Сухэ-Батором, Чойбалсаном и другими членами монгольской делегации в 1920 и в 1921 гг. В. И. Ленин особо подчеркивал роль и значение революционной партии. «...главным условием, обеспечивающим переход на путь некапиталистического развития,— разъяснял он,— является усиление работы народно-революционной партии и правительства, чтобы в результате этой работы и усиления влияния партии и власти росли кооперативы, прививались бы новые формы хозяйствования и национальной культуры, чтобы вокруг партии и правительства сплачивалось аратство за экономическое и культурное развитие страны. Только из островков нового хозяйственного уклада, созданного под влиянием партии и правительства, сложится новая некапиталистическая экономическая система аратской Монголии»².

Ленинские идеи стали для монгольских революционеров поистине путеводной звездой. Встречи с В. И. Лениным сыграли «огромную роль в дальнейшем углублении народной революции, укреплении МНРП на основе марксистско-ленинского учения, в дальнейшем развитии Монголии» (с. 446).

Отмечая значение создания МНРП как революционного авангарда трудового аратства (крестьянства), произошедшего непосредственно под воздействием и идейным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, тов. Цеденбал в статье «Испытанный авангард монгольского народа» писал: «В лице партии трудящиеся Монголии приобрели такой могучий рычаг воздействия на ход исторического развития страны, каким они никогда не располагали раньше. МНРП прошла полувековой путь роста, укрепления и идейной закалки в ожесточенных классовых битвах, путь серьезных испытаний и славных побед, став руководящей, авангардной силой общества, крепко сплоченной на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма» (с. 485). В книге последовательно показана роль партии на различных этапах развития монгольской революции и строительства социализма.

Процесс создания в Монголии народно-революционной партии и утверждения ее как авангарда революционного народа был нелегок.

Под влиянием идей Великого Октября летом 1919 г. в Монголии возникли первые подпольные революционные кружки, которые 25 июня 1920 г. объединились в одну организацию под названием «Монгольская Народная партия». Руководство организации устанавливает связь с русскими большевиками в Верхнеудинске и Иркутске. В дальнейшем решающее влияние на утверждение Монгольской народно-революционной партии (так стала называться партия после 1925 г.) как революционного авангарда монгольского трудового народа оказала известная встреча представителей монгольских революционеров с В. И. Лениным в ноябре 1921 г. Его советы помогли окончательно сделать выбор в пользу некапиталистического пути развития Монголии, определить программу движения общества к социализму. Создание МНРП явилось

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 245—246.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 233.

поворотным пунктом в многолетней освободительной борьбе монгольского народа против внешних и внутренних угнетателей. «Революционные идеи и цели партии,— отмечает тов. Цеденбал,— находились в полном соответствии как со стремлением трудового народа, так и историческим развитием страны».

МНРП начала работу в тяжелых условиях: в 1919—1920 гг. страна была оккупирована сначала китайскими милитаристами, а затем белогвардейскими бандами, отступившими под мощными ударами Красной Армии на территорию Монголии. По указке империалистов, белогвардейцы предприняли неудавшуюся попытку нанести с монгольской территории удары по важнейшим районам Сибири и Советского Дальнего Востока. «Наш народ,— отмечал тов. Цеденбал,— подвергавшийся жестокому насилию и унижению со стороны иноземных захватчиков, с новой силой развернул национально-освободительную борьбу, во главе которой стояла молодая Монгольская народно-революционная партия» (с. 503).

«Возникновение нашей партии и вся ее последующая деятельность,— пишет тов. Цеденбал,— тесно связаны с тем огромным влиянием, которое оказали идеи великого Ленина и Октябрьской социалистической революции на судьбы монгольского народа. Могучее воздействие этих идей выразилось в том, что МНРП, как революционная партия трудового аратства (крестьянства), восприняла их в качестве руководящей основы своей практической деятельности и установила тесные связи с мировым коммунистическим движением... В политической платформе, принятой 1 марта 1921 г. на I съезде МНРП и ставшей ее программой, в качестве принципиальной задачи выдвигалось положение о том, что партия будет поддерживать контакты с международным революционным движением и сотрудничать с революционными организациями, в первую очередь соседних стран» (с. 503—504).

При поддержке международного коммунистического движения, сплотив вокруг себя трудящихся-аратов и все патриотические и прогрессивные силы общества, МНРП повела монгольский народ на борьбу за национальное и социальное освобождение и обеспечила победу антиимпериалистической и антифеодальной народной революции, свергла господство иностранных угнетателей и внутренних феодалов и установила в стране народную власть.

Неоценимая историческая заслуга МНРП была в том, что она, неуклонно следуя ленинскому учению о некапиталистическом пути к социализму ранее отсталых стран, «умело осуществляла руководство сложнейшим процессом коренного переустройства социальной жизни на монгольской земле и привела к замене отсталых докапиталистических общественных отношений новыми, социалистическими» (с. 504). Революционное руководство МНРП обеспечило монгольскому народу совершить скачок от средневековья к социализму, минуя стадию капиталистического развития.

Ленинское учение о возможности перехода отсталых стран к социализму при условии всесторонней помощи дружественных социалистических государств подтверждает практика общественного развития МНР, получившая отражение в работах тов. Цеденбала.

Как неоднократно подчеркивал тов. Цеденбал, революционный союз со страной Октября, тесное политическое, экономическое и военное сотрудничество МНР и СССР явились решающим внешним фактором, обеспечившим некапиталистическое развитие МНР. Братский советско-монгольский союз получил свое правовое оформление впервые в подписанном 5 ноября 1921 г. Соглашении об установлении дружественных

отношений между двумя странами, которые основывались целиком на принципах пролетарского интернационализма. Этот равноправный договор был разработан при непосредственном участии В. И. Ленина и Сухэ-Батора.

Революция и строительство социализма в такой отсталой стране, какой была Монголия, были связаны с определенными, проистекающими из ее особенностей, трудностями, которые могли быть преодолены только в тесном союзе со страной Советов. Достаточно сказать, что до революции 1921 г. Монголия на протяжении двух веков была заброшенной окраиной феодальной Маньчжурской империи. Там безраздельно господствовали самые жестокие докапиталистические формы эксплуатации народных масс. Страна была крайне отсталой. Феодально-теократический строй тормозил ее развитие. Отсутствовала промышленность и другие отрасли современной экономики. Животноводство велось примитивным способом. Хозяйства аратов носили в основном натуральный характер, товарно-денежные отношения находились в эмбриональной стадии. Производительные силы деградировали. Экономический упадок усугублялся и тем, что значительная часть мужского населения была оторвана от производительного труда и проживала в монастырях, содержащихся за счет трудящихся. Господство ламаистской церкви в Монголии являлось сильнейшим орудием духовного порабощения трудящихся. Духовно закрепощенное и приниженное положение трудящихся облегчало хозяйничание в стране цинской бюрократии и ростовщиков. Тов. Цеденбал отмечает, что на монгольской земле находилось более двух тысяч иностранных торгово-ростовщических фирм, державших в своих руках всю внешнюю и внутреннюю торговлю страны и безудержно грабивших трудовой народ. Поднявшийся на борьбу за национальную независимость и социальное равенство монгольский народ под руководством МНРП не позволил феодалам внутри страны и иностранным империалистам извне «совлечь монгольский народ» на путь сохранения эксплуататорского строя. «Монгольский народ,— отмечает тов. Цеденбал,— избрал единственно верный и спасительный путь, указанный ему великим Лениным, а именно: путь некапиталистического развития в дружбе и союзе с рабочими и крестьянами России» (с. 95).

Утверждение на некапиталистическом пути развития потребовало годы ожесточенных битв против реакционных сил старого мира, «против хозяйственной отсталости, темноты и бескультурья, за обеспечение необходимой социально-классовой, экономической и культурной подготовки перехода к новому общественному строю». Показывая всестороннюю братскую помощь Советского Союза, тов. Цеденбал отмечает, что всемирно-исторический опыт Советского Союза «примечателен и полезен особенно для народов, отставших в прошлом в своем развитии, тем, что он включает в себя многообразие форм и методов преобразования социальной жизни, обусловленных наличием в Советском Союзе более 100 наций и народностей, ранее находившихся на различных ступенях общественного развития» (с. 332).

После изгнания из страны цинских интервентов и белогвардейских банд барона Унгерна монгольская народная революция приняла антифеодальную направленность.

В ряде статей сборника автор разъясняет, как проводилась политика партии и правительства в интересах трудового аратства и укреплялась народная власть. Среди многих партийных и государственных документов отмечается издание в 1921—1922 гг. правительственного закона о ликвидации крепостного права, об отмене существовавших ра-

нее мер наказания, об осуществлении других мероприятий, облегчивших положение трудящихся масс.

В конкретных исторических условиях МНРП приходилось учитывать сильное влияние буддизма, и поэтому после народной революции был оставлен богдо-гэгэн в качестве главы желтого буддизма, хотя по заключенному с ним правительством договору власть его ограничивалась лишь религиозной сферой и прежних государственных функций он не имел. Впоследствии, со смертью богдо-гэгэна институт религиозной власти богдо-гэгэна был упразднен. В 1924 г. Монголия была провозглашена республикой.

После принятия соответствующих мероприятий Народному правительству к середине 30-х годов удалось в основном устранить зависимость страны от иностранного капитала. Деятельность последних капиталистических фирм прекратилась к началу 1940 г. Народной власти удалось также постепенно ликвидировать крепостнические отношения. Условия складывались таким образом, что экспроприация собственности светских феодалов завершилась только к 1931 г., а духовных к 1939 г. Ламаистские монастыри длительное время были не только рассадниками мракобесия и бескультурья, но и являлись центрами проведения враждебной агитации среди населения, организаторами контрреволюционных выступлений. Борьба с ламаистской церковью представляла исключительную трудность. Церковь была в Монголии настоящим «государством в государстве».

Тов. Цеденбал отмечает, что реакционные классы уходили с общественной арены в условиях жестокой борьбы с народной революцией. По мере углубления революции феодалы и ламы стали выступать против нее, организовывали заговоры, стремились получить помощь у иностранных империалистов. Суровая классовая борьба находила отражение и в рядах МНРП. Тов. Цеденбал в своем труде дает подробный анализ этого сложного этапа революции. Он раскрывает и характер борьбы МНРП с так называемой «данзановщиной», выражавшей интересы капиталистических элементов в экономике Монголии.

Капиталистические элементы были разгромлены, а «данзановщина» осуждена на III съезде МНРП в августе 1924 г. Этот съезд и наметил курс развития страны по некапиталистическому пути.

Значительное место в сборнике уделено и вопросам партийного строительства. Автор нарисовал яркую картину борьбы партии за чистоту своих рядов, показал, как изживались ошибки и недостатки.

В первые годы молодая партия не убереглась от левацких ошибок, от забегания вперед. На VIII съезде партии в 1930 г. была принята резолюция, не соответствующая условиям и особенностям экономического и социально-бытового развития МНР в тот период. Съезд ошибочно считал антифеодальную стадию развития законченной и вынес решение о переходе к развернутому социалистическому строительству. Левацкое руководство партии начало осуществлять сплошную коллективизацию аратов, причем главным образом путем администрирования. Значительную часть аратов приравнивали к феодалам. Частную торговлю запретили, хотя государственная и кооперативная были еще слабо развиты. Борьба с религиозной верхушкой ламства зачастую затрагивала религиозные чувства аратов. Левацкие ошибки не могли не вызвать недовольства аратства.

В 1932 г. чрезвычайный пленум ЦК и ЦКК партии осудил допущенные ошибки и устранил левацкое руководство. Исправление допущенных перегибов способствовало активизации трудовой активности народных масс, убыстрило процесс общественного развития.

Укрепление народно-революционного строя основывалось на ликвидации феодалов как класса и приобщении аратства к общественно-полезному труду: в животноводстве — основной отрасли народного хозяйства — стали вводиться научные методы разведения скота, расширялась государственная и кооперативная торговля, развивались при содействии Советского Союза национальная промышленность, транспорт, а также культура и искусство, росли национальные кадры рабочих и интеллигенции, возрастала политическая сознательность и активность аратства, что способствовало укреплению общественной экономики, утверждению социалистической политики Монголии. В результате в Монголии были созданы реальные условия для перехода к социализму. «Антифеодальный этап монгольской революции — отмечает тов. Цеденбал — был в основном завершен к 1940 г. Главным итогом этого этапа была ликвидация феодальных производственных отношений и вытеснение иностранного торгово-растовщического капитала, с одной стороны, и зарождение социалистического сектора в народном хозяйстве, создание прочных основ для некапиталистического пути развития — с другой» (с. 213). Этот новый этап был отражен в решениях X-го съезда МНРП в 1940 г., поставившего следующие задачи перед страной: всемерное развитие народного хозяйства, содействие со стороны государства широкому развитию и улучшению трудового аратства, помощь со стороны государства добровольным коллективным объединениям трудящихся аратов, широкое развитие сети машинно-сенокосных станций на конной тяге, развитие в стране скотоводства, промышленности, транспорта, при ограничении и вытеснении капиталистических, эксплуататорских элементов, неуклонный подъем благосостояния трудящихся, всемерное развитие науки и техники, а также образования и культуры.

Выполнение этих задач призвано было обеспечить создание материальных и моральных основ для перехода к социализму. Под руководством МНРП с честью была выполнена задача на первом и втором исторических этапах МНР — общедемократическом (1921—1940) и этапе создания основ социализма (1940—1961). На современном этапе, начавшемся примерно в 1961 г., задача партии монгольских коммунистов состоит в том, чтобы завершить создание материально-технической базы социализма на основе широкого использования научно-технического прогресса, чтобы превратить МНР в ближайшем будущем в индустриально-аграрное государство.

Тов. Цеденбал посвящает отдельные статьи и доклады вопросам, связанным с отражением и закреплением революционных завоеваний монгольского народа в Конституциях страны. Огромные исторические перемены, коренные революционные социально-экономические преобразования, происшедшие в Монголии, шаг за шагом раскрываются в работах тов. Цеденбала. В них прослеживается всестороннее, последовательное развитие в стране демократии. Первая Конституция МНР, принятая в ноябре 1924 г. на I-м Народном Хурале, еще ограничивала в правах отдельные категории населения (лишены были политических прав феодалы). Этой Конституцией церковь была отделена от государства; в стране установился демократический строй; всем гражданам республики, которые, как говорилось в Конституции, добывали средства к существованию своим трудом, предоставлялось независимо от пола избирательное право. Органы государственной власти сверху донизу стали выборными.

Вторая Конституция — 1940 г. отразила дальнейшие изменения, происшедшие в классовой структуре МНР, в развитии экономики и куль-

туры. Ликвидация класса феодалов и упразднение феодальной собственности, создание молодой национальной промышленности повлекли за собой рост рабочего класса и трудовой интеллигенции. Характеризуя эти исторические преобразования, тов. Цеденбал выделяет следующие особенности в образовании рабочего класса в МНР: «во-первых, он сформировался не стихийно, а на основе осуществления научно обоснованной политики нашей партии по преобразованию общественных отношений в нашей стране; во-вторых, создание рабочего класса у нас происходило при наличии народной власти, защищающей коренные интересы трудового народа; в-третьих, наш рабочий класс возник и развивается не как класс, лишенный средств производства и подвергающийся эксплуатации, а как класс, коллективно владеющий средствами производства, как класс — носитель социалистических производственных отношений, не знающий эксплуатации человека человеком; в-четвертых, рабочий класс Монголии воспитывается в духе марксизма-ленинизма и принципов пролетарского интернационализма; в-пятых, наш рабочий класс сформировался и продолжает развиваться количественно и качественно при активной помощи русского рабочего класса, совершившего Великую Октябрьскую социалистическую революцию под руководством большевистской партии во главе с великим Лениным» (с. 521).

Идя по пути демократизации государственного строя, Монголия по примеру Советской Конституции и советской социалистической демократии законодательно закрепила основные права и обязанности граждан МНР: право на бесплатное пользование пастбищами, на труд, на отдых, на образование, на материальную помощь в старости, в случае болезни и при потере трудоспособности.

С укреплением народно-революционного строя, ростом политического сознания и активности трудящихся и в целом дальнейшего расширения демократии было отменено прежнее конституционное положение о лишении избирательных прав отдельных категорий граждан. В Конституцию были также внесены и другие изменения и дополнения. Получила дальнейшее развитие избирательная система. В 1949 г. вместо многоступенчатых, открытых и неравных выборов, существовавших до этого, были введены всеобщие, прямые, равные выборы при тайном голосовании.

К 1960 г. в стране произошла подлинная культурная революция, бурно развиваются народное просвещение и здравоохранение, наука и культура, литература и искусство. Все это получало последовательное законодательное оформление.

Опираясь на помощь Советской страны, МНР смогла преодолеть все преграды на пути преобразования общества. Теперь даже трудно себе представить, какую гигантскую работу пришлось проделать МНРП и народному правительству по ликвидации вековой отсталости Монголии. О культурной отсталости Монголии, например, говорил тот факт, что до революции только около 1% населения Монголии умело читать и писать; в стране совершенно отсутствовала система народного образования, здравоохранения, не было финансово-банковской системы и своей валюты.

Несмотря на все трудности, отмечает тов. Цеденбал, избранный Монгольской народно-революционной партией путь некапиталистического развития был несравненно более легким для народа, для трудящихся, чем капиталистический путь. Однако для коммунистов Монголии он не был простым, поскольку в отличие от стихийного, капиталистического пути возлагал на партию огромную ответственность,

«предъявляя высокие требования к сознательному руководству развитием общества с ее стороны, к теоретической и политической зрелости кадров» (с. 280). МНРП справилась с этой задачей.

Приводимый в книге богатейший фактический материал, подвергнутый тов. Цеденбалом научному анализу, и сделанные им теоретические обобщения служат убедительным подтверждением жизненной силы ленинского учения о возможности экономически отсталых стран при наличии руководства со стороны марксистско-ленинской партии и при поддержке и помощи со стороны социалистических стран прийти к социализму, минуя капиталистическую стадию развития.

* * *

В книге тов. Цеденбала иллюстрируется братская помощь советского народа, КПСС на протяжении всего исторического пути МНР и партии монгольских коммунистов. Боевая дружба между Красной Армией и Монгольской Народной Армией, созданной тов. Сухэ-Батором, относится к периоду еще не закончившейся гражданской войны в Советской России.

Молодая Народно-революционная армия, сражавшаяся против банд белогвардейцев и китайских оккупантов, при поддержке Красной Армии разгромила их и освободила столицу Монголии. 11 июля 1921 г. является днем окончательной победы монгольской народной революции. «Захват и упрочение государственной власти аратством,— подчеркивает тов. Цеденбал,— стали возможными только в условиях существования страны пролетарской диктатуры — Советского Союза, оказавшего ему всемерную помощь и поддержку» (с. 10). После преодоления тяжелых последствий гражданской войны и восстановления народного хозяйства Советский Союз приступил к оказанию широкой экономической помощи Монголии. В 1930 г. Советским Союзом было создано первое в МНР крупное промышленное предприятие — Промкомбинат в Улан-Баторе по переработке животноводческого сырья и выпуску важнейших текстильных, войлочных, обувных и других изделий. Вслед за этим при содействии и финансово-экономической помощи СССР началось транспортное, культурное строительство, началась подготовка монгольских политических, технических и экономических кадров, специалистов в области культуры, здравоохранения и т. д.

В начале 30-х годов для МНР возникла военная опасность со стороны Японии. В течение 1931—1933 гг. японские милитаристы оккупировали Маньчжурию, а также почти всю Внутреннюю Монголию и на значительном протяжении вышли непосредственно к границам Советского Союза и МНР. В 1935—1936 гг. японские агрессоры прибегли к вооруженным провокациям на восточной границе МНР. В условиях нарастающей экспансии японского империализма и его явного намерения вторгнуться в пределы МНР правительство Советского Союза выступило с предупреждением по адресу милитаристской Японии. Оно ясно заявило, что, если Япония решится напасть на МНР, покушаясь на ее независимость, Советский Союз придет на помощь монгольскому народу. Солидарность и взаимопомощь между СССР и МНР нашли свое выражение в советско-монгольском Протоколе, подписанном 12 марта 1936 г. Однако японские империалисты, опьяненные легкими победами в Китае и поощряемые империалистическими кругами Англии, США и Франции, не оставляли своих посягательств на суверенитет МНР. Японские милитаристы в 1938 г. сначала пытались прощупать силы Красной Армии в районе озера Хасан, а затем на восточной границе МНР —

в районе реки Халхин-Гол. Советско-монгольские войска в кратчайший срок не только остановили агрессоров, но и, перейдя в наступление и расчленив японские части, разгромили их. 31 августа 1939 г. операция завершилась полным разгромом 6-й японской армии. «Халхин-Гол,— отмечал тов. Цеденбал,— явился одним из важнейших этапов в упрочении уз дружбы, братства и тесного боевого содружества Советского Союза и МНР, их армий» (с. 411).

Новым и в высшей форме замечательным примером солидарности советско-монгольского братского содружества явились годы Великой Отечественной войны Советского Союза против гитлеровской Германии. Несмотря на неимоверные трудности военного времени, Советский Союз продолжал оказывать Монголии разнообразную помощь в развитии экономики и культуры, в укреплении обороны страны. В то же время трудящиеся Монголии считали своим священным долгом посылить помогать советскому народу и его армии. Они посылали на фронт теплое обмундирование, мясо, другие продукты питания. Поставки монгольских лошадей (свыше 150 тыс. голов) для частей Красной Армии оказали существенную помощь в формировании советских кавалерийских подразделений. На средства, собранные монгольскими трудящимися, были созданы танковая бригада «Революционная Монголия» и эскадрилья «Монгольский арат». Первая прошла от Подмосковья до Берлина, вторая — закончила войну в Праге. Наконец, монгольская армия вместе с советскими войсками участвовала в молниеносном разгроме Квантунской армии. Монгольские войска, политическим комиссаром которых был генерал-лейтенант Ю. Цеденбал, принимали активное участие в разгроме японской Квантунской армии. «Подлинным символом боевого братства наших народов,— говорил Л. И. Брежнев,— стал разгром японских захватчиков на Халхин-Голе. Советские люди никогда не забудут помощи братской Монголии, которую она оказала нашей стране в трудные годы Великой Отечественной войны. Советские и монгольские воины плечом к плечу сражались против Квантунской армии японских милитаристов в 1945 году. Мы вместе отстаивали народную власть, вместе строили и строим новую жизнь, вместе были и будем в любых испытаниях»³.

* * *

В ряде статей сборника («Курс на социализм и внешняя политика» — с. 551—563; «Социалистический интернационализм в действии» — с. 564—579; и др.) тов. Цеденбал дает исчерпывающую характеристику внешней политики МНР, основанной на принципах пролетарского интернационализма, на верности учению великого Ленина. «В своей внешнеполитической деятельности,— отмечает тов. Цеденбал,— наша партия твердо и последовательно выступала и выступает за всемерное укрепление союза, дружбы и сотрудничества МНР с Советским Союзом и другими социалистическими государствами, с коммунистическими и рабочими партиями этих стран, за упрочение международных позиций и единства действий стран социалистического содружества. Этот незыблемый курс нашей внешней политики полностью отвечает коренным интересам МНР и пользуется единодушной поддержкой всего монгольского народа» (с. 575).

Монгольская народно-революционная партия во главе с Ю. Цеденбалом демонстрирует высокую коммунистическую принципиальность в

³ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 1, М., 1973, с. 255.

борьбе со всякого рода оппортунистическими течениями в международном коммунистическом и рабочем движении, с антикоммунизмом империалистических идеологов и их политической практикой. Вместе с КПСС и другими коммунистическими партиями она решительно выступила против раскольнической и подрывной деятельности Мао Цзэ-дуна и его последователей, бескомпромиссно разоблачает антима르크систскую сущность маоизма, его альянс с империалистическими и реакционными кругами в борьбе против социализма. В своих выступлениях тов. Цеденбал обращает внимание мировой прогрессивной общественности, народов мира на опасность великоханьского экспансионизма, прежде всего для соседних с Китаем стран, в первую очередь для МНР. «Факты свидетельствуют — говорит тов. Цеденбал, — что движимое гегемонистскими, эгоистичными устремлениями, китайское руководство не останавливается ни перед какими сделками с империалистическими, милитаристскими и реваншистскими силами...» (с. 615). «Китайские лидеры упорно противодействуют укреплению мира и стабильности в Азии...» (с. 616). Тов. Цеденбал отмечает, что «характерным выражением открыто экспансионистского, антисоциалистического курса маоистского руководства Китая на международной арене является его политика в отношении суверенной, независимой Монгольской Народной Республики. Следует подчеркнуть, что антимонольская политика китайских руководителей — наиболее циничная; она проникнута глубокой ненавистью к монгольскому народу, к его свободному и независимому развитию, к его самому светлому завоеванию — нерушимой братской дружбе с Советским Союзом» (с. 619).

О намерениях ликвидировать государственную независимость МНР и аннексировать ее пекинские лидеры открыто заявляли уже неоднократно. Для сопредельных с Китаем стран его гегемонистские устремления представляют собой особую опасность. «Можно утверждать, — пишет тов. Цеденбал, — что действие антинародной, национал-шовинистической политики китайского руководства в той или иной мере испытывают на себе все без исключения государства Азии, которые находятся по соседству с КНР.

Продолжая в современных условиях старую, реакционную империалистическую политику превращения соседей в вассалов, пекинские лидеры ставят целью захват и оккупацию соседних азиатских стран, а также обширной территории Советского Дальнего Востока для превращения Китая в маоистскую суперимперию, способную диктовать свою волю другим государствам».

Китайские правители всегда рассматривали районы Дальнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии как основную зону своего влияния, где, по словам Мао Цзэ-дуна, Китай «в течение многих веков осуществлял руководящую роль». События последних лет свидетельствуют, что, пытаясь усилить китайское проникновение в эти страны, маоисты открыто и грубо вмешиваются в их внутренние дела, нарушают их суверенитет, оказывают политическое и экономическое давление, часто прибегают к угрозе вооруженной силой» (с. 617—618).

В основе политики и практики маоистского руководства в отношении соседних стран Азии прежде всего лежат великодержавные колониалистские притязания, унаследованные от китайских милитаристов и чанкайшистов. Тов. Цеденбал напоминает ряд фактов, подтверждающих это. Не секрет, что еще в 1936 г. Мао Цзэ-дун в беседе с американским журналистом Эдгаром Сноу заявил, что с победой китайской революции МНР автоматически станет частью китайской федерации. В свое время, вынашивая планы аннексии МНР, Мао и его приближен-

ные, пишет автор, считали, что можно решать судьбу монгольского народа, судьбу его государственности за спиной монгольского народа и его правительства. Китайская сторона неоднократно обращалась к советским руководителям с запросами относительно возможности присоединения МНР к Китаю, на что получала недвусмысленный ответ, что ей следует обращаться непосредственно к монгольскому народу, к правительству МНР, что судьба МНР решается в Улан-Баторе, а не в Пекине и не в Москве, что Монголия является независимой страной, которая даже при старом режиме не входила в состав Китая.

Одержимые великоханьским шовинизмом, китайские правители проводят в отношении населяющих КНР не китайских национальностей, в том числе и проживающих во Внутренней Монголии, губительную, антигуманную политику, которая обрекает национальные меньшинства Китая на безмерные лишения, издевательства и несправедливости.

Тов. Цеденбал отмечает, что Монголия, руководствуясь целями укрепления дружбы и сотрудничества с КНР, в 1956 г. упразднила свои пограничные войска, оставив только ряд контрольно-пропускных пунктов. Тогда МНР считала, что граница с КНР, так же как граница с СССР, является границей мира и социализма. Однако в связи с изменением обстановки на границах вследствие гегемонистской и шовинистической политики руководства КНР социалистическая Монголия была вынуждена восстановить и укрепить свои погранвойска, а также значительно увеличить личный состав армии перед лицом непрекращающихся провокаций со стороны КНР. Все это, естественно, отвлекает значительные средства от народнохозяйственного строительства, а также рабочую силу от сферы материального производства. В статье тов. Цеденбала «К социалистическому общественному строю, минуя капитализм» (с. 591—627) приводятся многочисленные факты вторжения китайских военнослужащих на территорию МНР, осуществления Пекином различных провокаций и диверсионных актов против Монголии, демонстрации военной силы с целью запугать монгольский народ. Маоистское руководство, однако, вынуждено было убедиться, что МНР не поддается шантажу, не страшится китайских угроз. Монгольский народ не одинок. На его стороне, как всегда, стоит Советский Союз, страны социалистического содружества, миролюбивые народы мира. Мы с удовлетворением отмечаем — пишет тов. Цеденбал, — что монголо-советские отношения вступили в качественно новый этап своего развития с подписанием Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между МНР и СССР в 1966 году во время официального дружественного визита в МНР советской партийно-правительственной делегации во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым (с. 610).

Борьбу с великоханьским экспансионизмом Пекина МНРП подчиняет единой цели — укреплению мировых позиций социализма, обеспечению мира и безопасности народов для создания условий, обеспечивающих их успешное продвижение к социализму, к коммунизму. «Наша партия, — пишет тов. Цеденбал, — видит свой долг в том, чтобы свято оберегать нерушимую монголо-советскую дружбу, неустанно крепить узы братства и сотрудничества с другими странами социализма... Монгольская Народная Республика будет и дальше стремиться активно способствовать укреплению мира и безопасности в Азии, углублению происходящего ныне процесса разрядки международной напряженности» (с. 612).

Внешняя политика МНР высоко оценивается коммунистическими партиями мира, свободолюбивыми народами всех континентов. «Нас,

советских людей,— говорил Л. И. Брежнев на митинге в Улан-Баторе, — глубоко радуется рост международного авторитета Монгольской Народной Республики. Потерпели провал попытки врагов народной Монголии помешать ее международному признанию. Все шире и прочнее становятся ее связи с различными странами мира. Голос монгольского народа сегодня слышен на мировой арене — в Организации Объединенных Наций, на афро-азиатских форумах, на различных международных совещаниях и встречах. Мы высоко ценим вклад Монгольской Народной Республики в борьбу за мир, против агрессивной политики империализма»⁴.

* * *

За исторически короткий срок неузнаваемо изменился облик Монголии. Она превратилась в динамично развивающееся социалистическое государство с современной промышленностью, социалистическим сельским хозяйством, высоким уровнем культуры. Обеспечена победа социалистических производственных отношений во всей экономике. Стремительно развиваются новые производительные силы. Возникли и быстро растут топливно-энергетическая, горнорудная, металлообрабатывающая, лесная и деревообрабатывающая, полиграфическая, легкая и пищевая промышленность, промышленность стройматериалов. Книга заканчивается 1974 г. Уже к этому году новые отрасли материального производства давали за полтора месяца столько продукции, сколько республика получила за весь 1940 г. Доля промышленности, строительства, транспорта и связи в производстве совокупного общественного продукта составляла около 60%, в производстве национального дохода — 40%. Ведущей силой стал рабочий класс, сформировавшийся в ходе строительства социалистической Монголии. Коренные социально-экономические преобразования произошли на селе. В конце 50-х годов завершилось добровольное кооперирование индивидуальных аратских хозяйств. Теперь в МНР сельскохозяйственные объединения и госхозы, которых насчитывается свыше 300, производят в пять раз больше продукции, чем дореволюционная Монголия. поголовье скота увеличилось в 2,4 раза.

Осуществлена гигантская работа в области культурного строительства, ежегодно расширяется сеть учебных заведений и культурно-просветительных учреждений. Духовная жизнь общества обновлена на основе социалистической идеологии.

Таким образом, со времени победы народно-демократической революции 1921 г. в МНР произошли коренные социально-экономические изменения, в результате которых утвердился новый общественный строй.

Экономическую основу его составляет социалистическая собственность на средства производства в двух формах — государственной и кооперативной, а политической основой нового строя является союз рабочего класса и кооперированного аратства. Осуществляя пятилетние планы, МНР последовательно решает задачи социально-экономического развития страны. Валовая продукция промышленности неуклонно растет: в 1960 г. по сравнению с 1940 г. она выросла в 5,4 раза, а в 1975 г. по сравнению с 1960 г. — почти в 4 раза.

Объем производства совокупного общественного продукта за пятилетку (1971—1975 гг.) возрос на 44,5%, национальный доход — на 38% и общий объем промышленной продукции — на 55,2%. В период 1975—

⁴ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 1, с. 264.

1980 гг. намечается увеличение промышленной продукции на 60—65%.

Сельское хозяйство Монголии ныне широко оснащено техникой: в среднем на один госхоз приходится 240 тракторов (в 15-сильном исчислении), 45 комбайнов, 33 автомашины, а на сельхозобъединение — 28 тракторов, 13 автомашин и другой техники. Планами предусматривается дальнейшее техническое вооружение сельского хозяйства. По итогам за 1977 г.⁵, объем основных фондов народного хозяйства МНР увеличился на 7,4%, в том числе производственных — на 7,8%. Численность работающих в сфере материального производства выросла на 2%. Объем валовой промышленной продукции составил более 3 млрд. тугр. и увеличился по сравнению с 1976 г. почти на 4%. В 1977 г. в животноводстве выращено 7,2 млн. голов молодняка. Растет жизненный уровень монгольского народа. В целях расширения жилищного строительства в 1977 г. введен в эксплуатацию Дарханский домостроительный комбинат.

Высокие темпы, которыми развивается экономика МНР, как отмечает автор, страна не могла бы обеспечить в одиночку, не развивая братских отношений дружбы, всестороннего сотрудничества и взаимопомощи с социалистическими странами.

«Углубление и расширение братского сотрудничества и взаимопомощи с другими социалистическими странами на многосторонней основе, — подчеркивает тов. Цеденбал, — дает возможность нашей стране наиболее полно использовать преимущества социалистического хозяйства, в частности создать в дальнейшем наиболее целесообразный комплекс экономики и ее рациональную структуру с учетом наличия всех благоприятных условий страны, добиваться наибольшей экономии в затратах труда и средств при расширении производства, наиболее эффективно использовать финансовые, материальные и трудовые ресурсы страны» (с. 265).

Тов. Цеденбал на основе обширного материала и научного анализа убедительно доказывает важность и объективную необходимость сотрудничества социалистических стран.

Опыт строительства социализма в МНР, минуя стадию капитализма, свидетельствует о том, что для любой страны, избравшей некапиталистический путь развития, обязательны, по крайней мере, два условия: во-первых, постоянный контакт в политической, экономической и культурной областях и тесное сотрудничество с мировой социалистической системой, и, во-вторых, наличие в стране сознательного авангарда — политической партии, руководствующейся марксизмом-ленинизмом и способной решительно вести страну по некапиталистическому пути.

Выход сборника тов. Цеденбала «Исторический путь развития социалистической Монголии», обобщающего ценнейший исторический опыт монгольского народа, который превратил свою некогда отсталую, пастушескую страну в процветающее социалистическое государство, имеет весьма важное, поучительное значение для всех стран, встающих на путь социалистического развития. Тов. Цеденбал, видный деятель мирового коммунистического движения, основываясь на огромном личном опыте партийного и государственного руководителя, дал детальный научный анализ общественного развития МНР на отдельных исторических этапах. Его теоретические выводы и обобщения являются важным вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма.

⁵ «Новости Монголии», 17.I.1978, — «О предварительных итогах выполнения государственного плана развития народного хозяйства и культуры МНР в 1977 году», Сообщение ЦСУ МНР.

Идейное банкротство пекинских лжеисториков

*В. С. Мясников,
кандидат исторических наук*

Как свидетельствуют события, нынешнее китайское руководство не отказалось от одного из наиболее опасных элементов маоистского внешнеполитического курса — пограничной политики, рассчитанной на оказание различных форм нажима на соседние страны и реализацию далеко идущих планов территориальной экспансии. Действия вооруженных «рыбаков», требовавших у японских властей очистить «государственную территорию Китая — острова Сэнкаку», поощрение и поддержка агрессивных акций Кампучии на границе с Вьетнамом, наконец, провокации самих китайских властей на китайско-вьетнамской границе — это все продолжение маоистских приемов воздействия на сопредельные государства.

Эта политика шантажа, кровавых провокаций, нагнетания напряженности в отношениях с соседними государствами проводится уже на протяжении более двух десятилетий. Дала ли она что-либо китайскому народу? Ничего, кроме массовых пропагандистских кампаний, нацеленных на разжигание шовинизма, кроме нужд и лишений, связанных с проводимой под шум этих кампаний милитаризацией страны.

Что касается вопроса о границе КНР, то на сегодняшний день итогом маоистской пограничной политики, проводимой теми, кто унаследовал власть в Пекине, является неутешительная картина. Границы КНР с СССР и Индией, составляющие по протяженности почти половину сухопутных рубежей страны, остаются (по терминологии пекинской дипломатии) «неурегулированными». В зоне морских рубежей китайскими лидерами заявлены притязания на ряд островных территорий в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, что само по себе чревато конфликтами в будущем. Напряженность остается главным фактором ситуации на границах КНР.

Пекинское руководство, стремясь к реализации своих великодержавных гегемонистских планов, отказалось от марксистско-ленинского принципа самоопределения наций при решении судеб территорий, населенных неханьскими народами, входящими в состав КНР. В тех же целях китайские руководители отказываются и от принципа соблюдения пограничных договоров, определяющих обширные участки границ КНР, объявляют эти договоры «исторически несправедливыми», «неравноправными». Все это существенно ослабило государственную и международно-правовую основу границ КНР. Будучи по форме крайне воинственной, ставя националистические, гегемонистские цели, маоистская пограничная политика наносит вред национальным интересам Китая, идет вразрез с коренными интересами широких масс трудящихся.

Именно в погранично-территориальных вопросах маоизм с наибольшей полнотой обнаруживает захватнические, гегемонистские устремле-

ния той относительно немногочисленной группы, которая составляет верхушку военно-бюрократического режима, созданного Мао и его последователями. Внутри Китая эти устремления направлены на захват и удержание власти в стране, во внешней политике — на установление гегемонии КНР сначала среди определенной группы стран, а затем и захват лидерства среди ведущих мировых держав.

Эти узкоэгоистические устремления противоречат коренным интересам китайского народа, миролюбивых народов всего мира. Пекинские руководители их тщательно маскируют. Маоизм не может существовать вне беззастенчивого извращения основных тенденций развития современного мира, перекройки и перелицовывания культуры, фальсификаций истории. Пропаганда антинаучных антимарксистских взглядов на историю является составной частью пограничной политики, проводимой пекинскими лидерами.

Особые усилия пекинские идеологи прилагают к тому, чтобы представить в искаженном виде историю нашей страны и главным образом историю ее внешней политики. При этом преследуется двойная цель: с помощью «исторических» примеров закрепить в сознании китайского народа маоистский тезис, будто «северный сосед» всегда был и остается «главным врагом» Китая и одновременно путем подтасовки исторического материала «обосновать» территориальные притязания к СССР.

Маоистские авторы заимствовали у империалистической пропаганды «идею» преемственности советской внешней политики к действиям на международной арене царской России. Развитие этой «идеи» на пекинский лад предопределило огульное охаивание и искажение всего исторического прошлого нашего народа. Рост и становление Московского государства, формирование Русского государства как многонационального, присоединение Сибири и Дальнего Востока, внешняя политика Петра I, формирование русско-китайской границы, политика России на Балканах — вот лишь небольшая перечень тем, которые не сходят со страниц пекинских изданий.

Последними образчиками писаний пекинских интерпретаторов истории являются выпуски четырехтомной «Истории агрессии царской России в Китае»¹, сборники статей «Мировая гегемония — неизменная цель царской России»² и «Ложь советских ревизионистов и историческая реальность»³.

Ознакомление с этими «трудами» делает очевидным, что все они преследуют общую провокационную цель — поддерживать в Китае обстановку антисоветского и антирусского психоза, вызвать недобрые чувства к СССР у народов других стран.

«История отношений Китая с Россией, — заявляется на страницах пекинских изданий, — на деле есть злодейская история агрессии царской России в Китае, она также является историей борьбы китайского народа против агрессии царской России»⁴. Цель предпринятого издания — внушить читателю мысль, будто «покорение Китая было важнейшей частью экспансии царской России»⁵. Освоение русскими землепроходцами Забайкалья и Приамурья в середине XVII в. китайские авторы преподносят как вооруженные вторжения на «китайскую» территорию.

¹ Юй Шэн-у и др. История агрессии царской России в Китае. Пекин, 1978 (на кит. яз.).

² Мировая гегемония — неизменная цель царской России. Пекин, 1978 (на кит. яз.).

³ Ложь советских ревизионистов и историческая реальность. Пекин, 1978 (на кит. яз.).

⁴ Юй Шэн-у и др. История агрессии царской России в Китае, с. 1.

⁵ Там же, с. 2.

Полностью отказавшись от сколько-нибудь объективного подхода к освящению исторического процесса, Юй Шэн-у и др. пытаются утверждать, что якобы Нерчинский договор был равноправным договором, заключенным на основе равноправных переговоров⁶, а в первой четверти XVIII в. «китайско-русская граница на восточном и центральном участках была точно определена»⁷.

Начало формирования Цинской империи, завоевательные походы Нурхаца и Абахая, захват маньчжурами Китая — все эти события пекинские авторы интерпретируют... как эпизоды борьбы внутри китайского государства. Эти антиисторические построения потребовались им для того, чтобы уверить читателя, что Приамурье и Приморье — это места обитания предков «китайской нации»⁸. Зачисляя в «прокитайцы» тунгусоязычное население Восточной Азии, нынешние китайские авторы перечеркивают историю целых народов, сыгравших немалую роль в развитии цивилизации на Дальнем Востоке, создававших могущественные государства, которые не только выступали как равные партнеры Китая в международных отношениях (государство Бохай), но и нередко наносили ему серьезные военно-политические поражения, подчиняли его частично (чжурчженская империя Айсинь) или полностью (маньчжурская империя Цин).

Пекинские лженсторики отрицают сам факт русских географических открытий на Дальнем Востоке. С их точки зрения, русским там нечего было открывать, так как все эти земли принадлежали Китаю. «Русские жили на Восточно-Европейской равнине и никогда не слышали о внутренней реке Китая — Амуре» — по собственным рецептам добавляют немного географии в историю Юй Шэн-у и др.⁹. Китайские авторы договариваются даже до того, что «район озера Байкал находится внутри монгольских земель, он с древности являлся государственной территорией Китая»¹⁰.

Переиначивая историю в своекорыстных целях, пекинские авторы в то же время заявляют претензии на то, чтобы их писания рассматривались в качестве «первого опыта» исследования русско-китайских отношений с позиций... марксистско-ленинской исторической науки. Что касается марксистских исследований по истории Китая и международным отношениям, то от них публикации китайских псевдоисториков находятся на дистанции огромного размера.

Действительно, что общего с марксизмом имеет попытка пекинских идеологов «опрокинуть» империалистическую политику царизма в Китае на всю историю русско-китайских отношений. Никто не отрицает, что в истории был период, когда вслед за европейскими державами, США и Японией царская Россия начала проводить в Китае империалистическую политику. Именно эта политика была гневно осуждена всеми лучшими людьми России, партией большевиков, В. И. Лениным. Результаты политики были сброшены со счетов истории Великой Октябрьской социалистической революции.

Но этой политике предшествовал другой период, и немалый, насчитывавший более двух столетий, на протяжении которого обе страны поддерживали дружественные добрососедские отношения. Именно этот характер отношений между двумя странами подчеркивал в 1857 г. К. Маркс, когда писал: «У России совершенно особые отношения с Ки-

⁶ Там же, с. 3.

⁷ Там же, с. 4.

⁸ Там же, с. 69—70.

⁹ Там же, с. 89.

¹⁰ Там же, с. 221—222.

тайской империей... Поскольку русские не вели морской торговли с Китаем, они никогда не были заинтересованы в спорах по этому вопросу, никогда не вмешивались в них в прошлом и не вмешиваются теперь; на русских не распространяется поэтому та антипатия, с какой китайцы с незапамятных времен относились ко всем иностранцам, вторгавшимся в их страну с моря... русские ведут специфическую для них внутреннюю сухопутную торговлю...»¹¹.

Нетрудно убедиться в том, что публикуемые китайскими издательствами опусы относятся к той категории сочинений, при чтении которых «неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится «субъективная» стряпня для оправдания, может быть, грязного дела. Это ведь бывает... чаще, чем кажется»¹².

Каковы же идейные истоки сегодняшних антимарксистских, антиисторических публикаций, которые в Пекине пытаются выдать за «научные» издания, щедро снабжая их ссылками на императорские хроники, поддельными картами-схемами и другими атрибутами.

В интерпретации истории соседних стран, в частности Советского Союза, идейными наставниками пекинских фальсификаторов истории явились махровые антисоветчики из империалистического лагеря, у которых прилежные пекинские ученики «позаимствовали» давно уже обанкротившиеся «идейки» о «правопреемстве» внешней политики СССР политике царской России, о мнимой «угрозе», исходящей от СССР, о реализации в наши дни «завещания Петра I» и т. п.

Что касается истории самого Китая, истории его внешних связей и формирования границ китайского государства, то в этих областях маоистские фальсификации явились прямым продолжением феодальной историографии и великоханьских схем буржуазно-националистических гоминьдановских идеологов.

В силу специфических условий в Китае «вплоть до XX в. историческая литература оставалась по сути дела феодальной, базировавшейся в основном на конфуцианских постулатах и идее незыблемости императорской власти. В этой литературе, особенно ее официальной части, господствовали традиционные формы и приемы отбора материалов, скрывавшие свободное ее развитие»¹³. К этой характеристике следует добавить, что в Цинском Китае свирепствовала жесточайшая цензура, осуществлялись уничтожения книг, а зачастую и авторов, не разделявших официальную маньчжурскую концепцию истории Китая в XVII — начале XX вв. Подлинные документы были доступны лишь узкому кругу высших чиновников империи, широкое распространение получила прямая фальсификация текстов: «В книги вписывались целые абзацы, восхвалявшие маньчжуров; даже в древние произведения привносился дух покорности чужеземным поработителям»¹⁴.

«История может писаться специально назначенными чиновниками, — утверждал, например, цинский император Сюань Е, — но только император, в правление которого написана история, несет окончательную ответственность, и именно он будет обвинен впоследствии, если будут иметь

¹¹ К. Маркс. Русская торговля с Китаем. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 12, с. 157—158.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 351.

¹³ Р. В. Вяткин. Историческая наука в КНР. — Историческая наука в КНР. М., 1971, с. 3—4.

¹⁴ О. Л. Фишман. О политике Цинов в области идеологии. — Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966, с. 180.

место искажения и ошибки, как это было в «Сун-ши» и «Юань-ши»¹⁵. Беря на себя ответственность за интерпретацию фактов и событий, император активно вмешивался в творчество ученых, заставляя их принимать его концепции. «Я читал в черновиках каждую биографию и хронологический раздел, как только они составлялись,—признавался Сюань Е,—и предостерегал редакторов, чтобы они не критиковали слишком мягко правителей прошлого: будучи сам правителем, я хотел знать их сильные стороны и недостатки. И я предупреждал их, чтобы они не чувствовали себя как писатели выше критики, так как нет слова или фразы, которые не могли бы быть исправлены, невзирая на то, что диктует им гордость ученых академии Ханьлин»¹⁶. Тех же, кто не внимал предостережениям императора, ожидала прискорбная участь. Когда Дай Мин-ши, известный историк и литератор, член академии Ханьлин, попытался воссоздать историю последних Минов, обвинив Цинов в захвате Китая, он был казнен¹⁷.

На феодальную китайскую историографию постоянно влияла «крайняя живучесть архаичной политической идеологии», в которой «китаецентризм стал высшей маркой всех ценностей»¹⁸. История внешних связей Китая излагалась на основе ряда официально утвержденных концепций и идей. Во-первых, и в документах, и в авторских сочинениях трактовка взаимоотношений Китая со всеми странами и народами производилась исходя из китаецентристского догмата внешней политики, по схеме «сюзерен» — «вассалы». В связи с этим значительный круг земель, сопредельных с китайской периферией, и народов, вступавших в контакты с империей, независимо от их реального состояния зачислялись традиционной историографией в «даннические».

Это в свою очередь давало императору «право» вмешиваться в качестве верховного арбитра в дела соседних народов и произвольно распорядиться их территорией. Для обоснования принципа династийного правопреемства проблема отношения с конкретным государственным образованием рассматривалась в свете традиционной китайской историографии, современные события обуславливались всей историей взаимосвязей Китая с тем или иным регионом за сотни и тысячи лет.

Во-вторых, «право» вмешательства в дела соседних государств не должно было восприниматься механически. Так его не истолковывали даже идеологи цинской монархии. В каждом конкретном случае повод для войны и предлог для территориального захвата обуславливался особо. «Усмиряли» соседние народы, либо приписав им чрезмерную опасность для границ империи, либо из «гуманных» соображений, в связи с феодальными распрями, ослабившими соседнее государство, либо ссылаясь на «традиционные» «даннические» отношения, которые вдруг осмелелось нарушить соседнее государство. Если цинский император Сюань Е посылал свои войска в поход на Приамурье или в Монголию, прикрываясь декларациями о стремлении к миру с соседями и «спокойствию в Поднебесной», то его внук Хун Ли при захвате Джунгарии и Восточного Туркестана объявлял, что он-де «исполняет волю предков». Следует отметить, что в период вторжения иностранных капиталистических держав в Китай во второй половине XIX в. официальная исто-

¹⁵ Spence J. D. Emperor of China. Self-portrait of K'ang-hsi. N. Y., 1974, p. 86.

¹⁶ Ibid., p. 88.

¹⁷ Ibid., p. 85—86.

¹⁸ О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков. Советско-китайские отношения. М., 1977, с. 105.

риография тщательно камуфлировала те уступки, которые маньчжурское правительство вынуждено было делать иностранцам¹⁹.

И, в-третьих, документы весьма произвольно препарировались при их публикации. Так, например, из текста Нерчинского договора (1698) с Русским государством маньчжуры произвольно выбрасывали ту его часть, в которой говорилось об оставлении неразграниченными земель к югу от реки Уди, и пытались включить эти территории в сферу своего господства²⁰.

Вместе с тем, следуя китайской традиции, цинские историографы коллекционировали и обобщали огромный документальный материал, относившийся к делопроизводству высших государственных органов империи — Государственной канцелярии, Государственного совета, министерств и других учреждений. Эта документация была положена в основу одного из главных трудов по интересующей нас теме: «Да Цин личао шилу» («Хроники великой династии Цин»), публикация которого была осуществлена в Токио в 1937—1938 гг. При всей несомненной ценности этого источника, пользуясь им, следует иметь в виду, что для утверждения официальной версии событий, особенно при захвате земель соседних стран и народов, в документы сознательно закладывалась широкая дезинформация. Именно поэтому зачастую факты, установленные с достаточной достоверностью по другим источникам, противоречат трактовке событий, содержащейся в «Шилу». Такого рода противоречия нередки и в самой хронике.

Многие же важные документы, раскрывающие деятельность цинской дипломатии, но не устраивавшие авторов цинской версии событий, в «Шилу» просто не включались. Сравнение материалов «Шилу» с русскими и другими европейскими документами дает основание подтвердить оценку американского исследователя отношений Цинского Китая с Голландией Дж. Уиллса, писавшего: «Китайские официальные записи совершенно неудовлетворительны; существует целый ряд важных имперских эдиктов, которые я имел в полном голландском переводе, но которых и следа не нашел в «Шилу» («Правдивых записях») и других компиляциях»²¹.

Таким образом, к началу XX в. маньчжуро-китайская феодальная историография создала картину внешних связей Цинской империи, искаженную в трех направлениях: а) концептуальном, б) в плане интерпретации отдельных событий, в) прямой фальсификацией документальных источников. Это выдвигало перед исследователями на первый план проблему критического переосмысления наследия феодальной эпохи.

XX век принес Китаю освобождение от маньчжурского ига — было сброшено господство маньчжурской Цинской династии; в ходе длительной борьбы, поддерживаемая международным коммунистическим и рабочим движением, силами социализма во главе с Советским Союзом, китайская революция создала возможность положить конец империалистической агрессии в Китае и вывести страну и ее народ на путь социального прогресса. В этих условиях произошло ожесточенное столкновение буржуазно-националистической, великоханьской идеологии с идеями социализма и пролетарского интернационализма, носителями

¹⁹ При этом одним из главных принципов традиционной внешней политики было требование «восстановления всякой территориальной потери». (См. Е. Д. Костиков. Великодержавные амбиции и пограничная политика пекинского руководства. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 1, с. 56).

²⁰ Русско-китайские отношения в XVII в. Т. II, М., 1972, с. 43.

²¹ Цит. по: The Chinese World Order. Cambr. Mass., 1968, p. 226.

которых становятся трудящиеся Китая, руководимые Коммунистической партией.

Буржуазно-националистическая гоминьдановская историография по проблемам формирования нынешних границ Китая не старалась, да и в силу своей великодержавной националистической сущности и не могла всерьез пересмотреть обветшалые феодальные концепции. Она постаралась их лишь подновить и взять на вооружение.

Но при этом основной акцент буржуазно-националистическая историография сделала на события XIX в. Пытаясь использовать в своекорыстных целях революционный потенциал национально-освободительного движения китайского народа, идеологи правого крыла национальной буржуазии, спекулируя на периоде национального унижения Китая западными державами, выдвигают реваншистский тезис о необходимости «возвращения» китайской ирриденцы, то есть территорий, утраченных Цинской империей в пору ее кризиса.

Одной из первых работ такого плана была книга Су Янь-цуня «Общая тенденция изменения границ Китая»²², вышедшая вскоре после Синьхайской революции. Вслед за ней широкое распространение получила работа Хуа Ци-юня «Границы Китая»²³. Автор был, пожалуй, крупнейшим гоминьдановским специалистом в этой области. Книга была завершена весной 1930 г., вскоре после провокаций гоминьдановцев на КВЖД, налетов на территорию СССР и разрыва советско-китайских отношений. Концепция Хуа Ци-юня, отражавшая официальные настроения правых кругов гоминьдана, была основана на великоханьском шовинизме, соединенном с антикоммунистическими и антисоветскими установками.

Во главу угла позиции автора была положена идея необходимости «возвращения» Китаю «утраченных» им земель. «Старые границы Китая» заключали в себе, по утверждению автора, огромные территории, пролежавшие между Камчаткой и Сингапуром, озером Балхаш и Филиппинами. Корея, Бирма, Вьетнам, Непал и Бутан рассматривались как «уступленные» «даннические государства», находившиеся в пределах «старых границ». Значительные участки советских дальневосточных земель с островом Сахалин, часть Казахстана и среднеазиатских республик СССР, участки афганской и индийской территорий, архипелаг Рюкю также включались в «потери» Китая. Монгольская Народная Республика вообще игнорировалась как суверенное государство и помещалась в современных границах Китая. Морские рубежи страны простирались за сотни и тысячи миль от материка, охватывая острова Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей. Специальная карта в главе «Пересмотр границ и утраченные территории» иллюстрировала эту намечаемую программу территориальной экспансии²⁴.

В книге рассматривалась система политических, экономических и культурных мероприятий, направленных на быстрейшую китаизацию неханьских народов в пограничных районах Китая. Уходящие в средневековье и древность исторические связи Кореи, Сибири, Средней Азии, Афганистана, Индии и Вьетнама с Китаем анализировались в свете попыток автора доказать «исторические права» Китая на соответствующие территории в зоне его границ. Хуа Ци-юнь ставил под сомнение многие договорные акты, определявшие прохождение рубежей страны, обосновывал притязания гоминьдановского правительства на советско-китайской, китайско-бирманской и китайско-индийской границах.

²² Су Янь-цун. Общая тенденция изменения границ Китая. Шанхай, 1916 (на кит. яз.).

²³ Хуа Ци-юнь. Границы Китая. Шанхай, 1932 (на кит. яз.).

²⁴ Хуа Ци-юнь. Границы Китая, с. 50.

Методология Хуа Ци-юня была взята на вооружение его последователями, которые стремились дополнить его «аргументацию» и постоянно подогревать реваншистские настроения в связи с взаимоотношениями Китая с соседями по вопросам границ.

Особое значение гоминьдановские авторы в 30—40-е годы придавали подрыву национально-освободительного движения некитайских народов, населяющих значительные территории в пограничных районах страны. Фактически отрицалось право этих народов на самостоятельное историческое развитие, их исторические связи с Китаем преподносились как некое стремление приобщиться к высшей цивилизации, которая в свою очередь являлась мессией для «варваров». Под лозунгом создания «единой государственной нации» проповедовалась идея законности ассимиляции неханьских народов, а все рассуждения об улучшении административной системы, экономики, транспорта, образования на окраинах Китая были направлены лишь на оправдание правительственных мер по китаизации пограничной зоны.

Следует отметить, что еще в годы гоминьдановского господства в Китае коммунистами-интернационалистами была сформулирована принципиальная программа революционных сил страны по национально-территориальному вопросу. В противоположность гоминьдановским лозунгам «равенства наций» и «республики пяти наций» на Первом Всекитайском съезде советов, проходившем осенью 1931 г. в Жуйцзине, было заявлено, что «Китайская советская республика категорически и безусловно признает право всех наций на самоопределение»²⁵.

Методология Хуа Ци-юня была взята на вооружение его последователями, которые стремились дополнить его «аргументацию» и постоянно подогревать реваншистские настроения в связи с взаимоотношениями Китая с соседями по вопросам границ.

Но даже гоминьдановское правительство считалось с международными актами, определявшими прохождение границ Китая. В официальных дипломатических документах оно не решалось ставить вопрос о «пересмотре» рубежей страны. Правда, в неофициальном порядке уже в середине 20-х годов был выработан метод так называемой «картографической агрессии», применяя который на издававшихся картах в состав Китая включали значительные районы сопредельных стран²⁶.

Как отмечалось выше, еще в годы гоминьдановского господства в Китае коммунистами-интернационалистами была сформулирована принципиальная программа революционных сил страны по национально-территориальному вопросу. В противоположность гоминьдановским лозунгам «единой государственной нации», «равенства наций» и «республики пяти наций» на Первом Всекитайском съезде советов, проходившем осенью 1931 г. в Жуйцзине, было заявлено, что «Китайская советская республика категорически и безусловно признает право всех наций на самоопределение»²⁷.

«Это значит,— подчеркивалось в резолюции съезда по национальному вопросу,— что в таких районах, как Монголия, Тибет, Синьцзян, Юньнань, Гуйчжоу и др., в которых большинство населения принадлежит к иной, не китайской национальности, трудящиеся массы этих национальностей имеют право сами определять: желают ли они выйти из Китайской советской республики и создать свое независимое государст-

²⁵ Советы в Китае. М., 1933, с. 440.

²⁶ См. Е. Д. Костиков. Политическая картография на службе великодержавного национализма. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 4, с. 86.

²⁷ Советы в Китае. М., 1933, с. 440.

во, или же они желают войти в Союз советских республик, или образовать автономную область в Китайской советской республике. Китайская советская республика будет всемерно помогать и содействовать всякой борьбе малых народов против империализма, китайских милитаристов, помещиков, чиновников и торгово-ростовщического капитала. Китайская советская республика будет поддерживать также национально-революционное движение и борьбу национальностей, уже добившихся независимости, как например Внешняя Монгольская народная республика, против наступления и угроз империалистов и гоминьдановских милитаристов»²⁸.

Таким образом, великоханьские концепции националистически настроенных авторов буквально с самого начала выпуска ими официальной литературы получили отпор со стороны прогрессивных революционных сил Китая.

* * *

После победы народной революции и создания КНР история формирования границ Китая продолжает оставаться одним из наиболее острых участков борьбы интернационалистической и националистической идеологии. Причем, если для пересмотра и критики гоминьдановских концепций историческая наука КНР делает первые и довольно робкие шаги, касаясь истории отношений Китая с царской Россией и Советским Союзом, то протаскивание националистических «вариантов» территориального становления китайского государства происходит весьма активно. В то же время в борьбе против революционных завоеваний китайского народа и неханьских народов, населяющих КНР, против идей интернационализма и дружбы с соседними странами, в первую очередь с СССР, гоминьдановцы применяют постоянные целенаправленные наскоки, в которых великоханьский шовинизм выдается за «истинный патриотизм», а размеры территориальных воцелений служат своеобразным мериллом «величия национального духа». Так, выпускаются книги вроде пресловутого «Исследования о Сибири — китайской территории обитания сяньби» некоего Ван Су²⁹, многочисленных «историй агрессии» России в Китае, среди которых, вероятно, первое место занимает пасквиль У Сян-сяна, выдержавший с 1954 по 1973 гг. семь изданий и рекомендованный в качестве пособия для чанкайшистских учебных заведений³⁰.

В КНР предпринимаются первые попытки «подражать» такого рода «историческим исследованиям». Весьма примечательным явился выход в свет книги Лю Пэй-хуа «Краткая история современного Китая»³¹. Подобно Хуа Ци-юню автор воспроизводил карту «утраченных Китаем территорий», куда включал либо полностью многие соседние государства, либо значительные участки их территории. Эта публикация вызвала протесты общественности граничащих с КНР стран.

О том, что выпуск такого рода литературы в КНР не был случайным явлением свидетельствовало то, что руководство КПК оставило без ответа в период борьбы с буржуазными правыми элементами в

²⁸ Там же, с. 440.

²⁹ Ван Су. Исследование о Сибири — китайской территории обитания сяньби, Яньмин, 1954 (на кит. яз.).

³⁰ У Сян-сян. История агрессии русского империализма в Китае, Тайбэй, 1973, 7-е изд. (на кит. яз.).

³¹ Лю Пэй-хуа. Краткая история современного Китая. Пекин, 1953, 2-е изд., 1954.

1957 г. их заявления о наличии нерешенных территориальных и пограничных вопросов между Китаем и Советским Союзом³².

Открытый отход руководства КПК от марксизма-ленинизма, закрепление у власти в ходе так называемой «культурной революции» маоистской группировки и создание ею режима военно-бюрократической диктатуры привели в идеологии к резкому сдвигу вправо. Это сказалось и на разработке истории формирования границ Китая. Интерпретация как истории собственно китайского государства, так и истории его соседей, истории международных отношений на Дальнем Востоке, в Центральной и Юго-Восточной Азии, истории географических открытий, данных этнографии и топонимики, археологии и литературоведения в КНР подчиняются оправданию великодержавного гегемонистского курса пекинских руководителей³³. Это приводит к практически полному смыканию маоистских интерпретаторов истории формирования границ Китая с гоминьдановскими идеологами и историками.

В основе построений и тех и других лежит великоханьский националистический подход к территориям сопредельных с Китаем государств как к «утраченным» китайским землям. «Исторический реестр» территориальных требований Китая, предъявляемых к соседним государствам, заимствован маоистами у гоминьдановцев. Цели и методы этой политики ирредентизма фактически совпадают, хотя на Тайване упрекают Пекин в некоторой «нерешительности» в осуществлении экспансионистских программ. Пекинские власти реагируют на эти упреки нагнетанием напряженности на границах. В КНР ни разу не подвергалась критике гоминьдановская территориально-пограничная политическая программа.

Тот же великоханьский националистический подход характерен и для маоистской интерпретации истории формирования границ Китая. Сущность его была официально сформулирована МИД КНР в документе от 8 октября 1969 г.³⁴. Она состоит в следующем: «Еще более двух тысяч лет тому назад Китай стал единым многонациональным государством. И Китай всегда как многонациональное государство существовал в мире независимо от того, как сменялись одна за другой феодальные династии и какая национальность была правящей в стране».

Не трудно увидеть, что этот постулат является отражением выдвинутой в свое время гоминьдановскими идеологами теории «единой государственной нации», под прикрытием которой проводилась насильственная ассимиляция неханьских народов, населяющих свыше 60% территории Китая. Спекулируя на том, что неханьские народы порою подвергались нашествию китайских армий, а в иные эпохи эти народы порою сами, вторгаясь в Китай, лишали его политической самостоятельности и образовывали на его базе великие империи прошлого, в издаваемых в КНР публикациях, и в частности в упомянутой «Истории агрессии царской России в Китае», Юй Шэн-у и др. пытаются свести историю чжурчжэней, монголов, тюрков и целого ряда других народов к истории «единого и неделимого» китайского государства. Это перечеркивает право на самостоятельное историческое развитие неханьских народов, на протяжении тысячелетий вступавших в культурные, поли-

³² О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков. Советско-китайские отношения, с. 265.

³³ С. Л. Тихвинский. Великоханьский гегемонизм и публикации на исторические темы в КНР. — «Вопросы истории», 1975, № 11, с. 64—96.

³⁴ «Жэньминь жибао», 9.X.1969. В начале 1974 г. этот документ был вновь издан в виде отдельной брошюры.

тические и экономические контакты с Китаем, создавших свою государственность и культуру, внесших свой вклад в мировую историю.

Как же конкретно используется этот тезис о «едином многонациональном» китайском государстве в «исторических» сочинениях, публикуемых в Пекине? Нынешние китайские авторы утверждают, что посылал ли Китай при династиях Хань и Тан свои армии далеко за пределы страны, создавали ли на базе Китая и сопредельных стран свои империи кидани (Ляо), чжурчжэни (Цзинь), монголы (Юань) и маньчжуры (Цин), вторгалась ли Цинская империя в русское Приамурье или захватывала монгольские земли — все это были события внутри китайского государства, а подавление борьбы некитайских народов за свою самостоятельность преподносится на страницах пекинских изданий как «усмирение» тех, кто «выступал за раскол Родины».

Обращаясь, например, к истории Джунгарского ханства и его борьбы с цинской экспансией, в Пекине объявили ойротов «ветвью одного из народов нашей страны — монголов». Отсюда, по «логике» пекинских псевдоисториков, история Джунгарского ханства развивалась следующим образом: «В 1677 г. вождь джунгарских монголов-ойротов Галдан провозгласил себя ханом и стал самостийничать. После этого джунгарские вожди то покорялись цинскому правительству, то непрерывно занимались расколом родины. В 1755 г. династия Цин усмирила мятеж в Джунгарии. Это было внутреннее дело Китая, а вовсе не завоевание одного государства другим»³⁵. Это не что иное, как буквальное повторение версии захвата Цинами Джунгарии, которая была выработана еще имперскими историографами в XVIII—XIX вв.³⁶. Несостоятельность этой версии давно доказана на большом документальном материале³⁷. Но для ее «доказательства» даже терминологию пекинские псевдоисторики не постеснялись позаимствовать из хроник и сочинений времен императорского Китая. Что касается исторических реальностей, представим себе, что кто-либо попытался бы европейскую историю интерпретировать как события, скажем, в рамках «единого французского государства», независимо от того, шли ли наполеоновские армии покорять германцев, итальянцев и славян или войска союзников вступали в Париж. Очевидно, такая затея была бы квалифицирована хуже, чем шарлатанство...

Как для гоминьдановской, так и для маоистской концепции «пограничных проблем» Китая характерен воинствующий экспансионизм, прикрываемый рассуждениями о значении границ для национальной обороны страны. При этом, если стратегия национальной обороны с точки зрения характеристик границ страны рассматривалась гоминьдановскими авторами в основном в период реальной японской экспансии на континенте, то нынешние китайские авторы, пренебрегая качественно иным характером границ КНР (ее соседями на материке ныне являются лишь социалистические и развивающиеся государства), выдумывают в пропагандистских целях мифы об «окружении Китая» враждебными государствами, об «угрозе с Севера». Маоистские установки на подготовку

³⁵ «Лиши яньцзю», 1974, № 1, с. 120.

³⁶ См.: Высочайше утвержденные стратегические планы усмирения джунгар. Б. м., 1772; Хэ Цю-тао. Об усмирении Чжунгарии в XVIII в. — Шофан бэйчэн, т. 2, цзюань 4.

³⁷ См.: Л. И. Думан. Аграрная политика цинского правительства в Синьцзяне в конце XVIII века. М.—Л., 1936; И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964; Б. П. Гуревич. Великоханьский шовинизм и некоторые вопросы истории народов Центральной Азии в XVIII—XIX вв. — «Вопросы истории», 1974, № 9; В. А. Моисеев. К вопросу об историческом статусе «Джунгарского ханства». — Тезисы и доклады 6-й научной конференции «Общество и государство в Китае». Т. 1, М., 1975.

к войне в пропаганде чаще всего освещаются на материале пограничных районов.

И наконец, пекинской концепции не в меньшей мере, чем гоминьдановской, присущ злобный антисоветизм. Китайскому читателю вновь стремятся доказать, что между КНР и Советским Союзом якобы существует «оставленный историей сегодняшний вопрос о китайско-советской границе».

Таким образом, исторической науке КНР не только не удалось преодолеть националистические построения феодальной и гоминьдановской историографии, дать отпор идеологическому наступлению тайваньской пропаганды в области истории формирования и нынешнего положения границ КНР, но и, более того, маоистами были в зародыше подавлены попытки критического переосмысления исторического материала в этой области. Пережив глубокий кризис, а затем и полный запрет в годы «культурной революции», современная китайская историография превратилась ныне в сумму официозных пропагандистских материалов, обслуживающих потребности экспансионистского, антисоциалистического внешнеполитического курса маоистской группировки. На этом пути ее линия развития практически совпала с курсом буржуазно-националистической пропаганды гоминьдановцев.

Историческая наука КНР, переживая пагубное воздействие маоизма, в вопросах истории и нынешнего состояния границ Китая скатилась на великодержавные, националистические позиции и фактически оказалась в одном русле с феодальной и гоминьдановской историографией. Буржуазная синология и империалистическая пропаганда под маской объективизма пытаются подыгрывать маоистским фальсификаторам исторического процесса, рассчитывая на обострение политических взаимоотношений государств рассматриваемого региона.

Марксистско-ленинское китаеведение* и востоковедение изучают объективные процессы и вытекающие из них закономерности складывания многонационального государства, каким является КНР. В настоящее время перед исследователями стоят большие задачи в области создания конкретно-исторических и комплексных трудов, дающих реальную картину формирования государственной территории и границ КНР. Существенную роль в этом должна сыграть разработка теоретических и методологических проблем данной отрасли китаеведения, а также синтезирование достижений национальных исторических школ.

Борьба против великоханьского гегемонизма и экспансионизма пекинских лидеров в их подходе к границам с соседними государствами выходит за рамки чисто научной проблемы, так как здесь вопросы истории теснейшим образом связаны с выработкой практической политики. Это налагает на историков особую ответственность в выполнении их миссии. Ведь пограничная политика нынешних руководителей Китая является важной частью их общего внешнеполитического курса, сущность которого с глубочайшей научной точностью была вскрыта на XXV съезде КПСС. «Большую опасность для всех миролюбивых народов,— подчеркнул в Отчетном докладе ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев,—представляют лихорадочные попытки Пекина сорвать разрядку, не допустить разоружения, сеять недоверие и вражду между государствами, его стремление спровоцировать мировую войну, а самому погреть на этом руки. Такая политика Пекина глубоко противоречит интересам всех народов»³⁸.

³⁸ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 10—11.

Маоистские фальсификаторы «поправляют» историю

*М. Д. Дальнев,
профессор*

В Китае развернута широкая кампания фальсификации исторической науки. Бесцеремонно искажаются основные исторические факты, события, относящиеся не только к всемирной, но и к национальной китайской истории. Обращает на себя внимание тот факт, что для «исправления» истории, чтобы придать этой кампании широкий национальный характер, наряду с отдельными научными организациями, привлекаются различные «группы», не имеющие отношения к науке, и, естественно, не несущие ответственность за достоверность своих публикаций, причем им отводится направляющая роль. Так, на ниве «исправления» истории ныне подвизаются «коллектив котельного цеха завода «Хунци», город Дальний, «теоретическая группа воинской части № 37032 НОАК», «теоретическая группа роты управления войсковой части № 52950» и другие столь же компетентные в этой области науки «коллективы»¹.

Нетрудно заметить, что сообразуясь со своими великоханьскими замыслами, эти «исследователи» в первую очередь стараются фальсифицировать историю СССР — русскую историю, историю русско-китайских и советско-китайских отношений. «Исследователей» не смущает, что им приходится грубо исказить национальную историю Китая, отказываться от принципиальных оценок, принятых в фундаментальных трудах виднейших китайских историков, в документах КПК. Уже с первых страниц «исторического труда» проясняются цели и задачи, поставленные перед «исследователями» их дирижерами — маоистскими руководителями. Они должны затушевать всю борьбу китайского народа против основных колониальных держав, прежде всего Англии, положившей начало иностранному вторжению в Китай, чтобы у китайской общественности не оставалось антиимпериалистической «предвзятости», и тем самым устранить моральные препятствия на пути к союзу Китая с империалистическими государствами «второго мира». В то же время «исследователи» обязаны в соответствии с общим антисоветским курсом маоистского руководства «доказать» якобы извечно существовавшую вражду между русским и китайским народами и «обосновать», что врагом № 1 для Китая является Советский Союз.

Выполняя поставленные задачи, «ротные исследователи» перечеркивают основные исторические факты, снимают главные обвинения, выдвигавшиеся китайскими историками против английских колонизаторов за их грабительские войны, и умалчивают о том, что и до сего времени Китай не восстановил своего суверенитета над всей национальной террито-

¹ Критика исторических воззрений советских ревизионистов. Сборник статей. Пекин, 1977 (на кит. яз.).

рией. Кому не известно, что история превращения Китая в полукOLONиальное государство началась с «опиумной войны», развязанной Англией в эпоху «блистательного одиночества» (1840—1842)? Именно в результате трех «опиумных войн» Англии с участием Франции (1856—1860) была навязана Китаю унижительная система экстерриториальности иностранцев, отторгнуты концессии, захвачена китайская территория, на которой до сего времени остается британская колония Гонконг.

Но маоисты о всех этих фактах умалчивают. Зато «историки» из «теоретической группы роты управления войсковой части № 52950 НОАК» пишут, что «история Китая начиная с 1840 г. (с первой «опиумной войны». — М. Д.) есть кровавая история агрессии и экспансии старых царей (русских. — М. Д.) на китайской территории. Если описывать вопиющие преступления старых царей против китайского народа, то на изведенные кисти не хватит всего бамбука, собранного с гор Наньшань, а на разведение туши не хватит всех вод реки «Черного дракона» (Амура. — М. Д.)»². Достаточно, однако, сопоставить подобные измышления со свидетельством известнейшего китайского историка Фань Вэнь-ланя, чтобы их ложность стала вполне очевидной. В «Новой истории Китая» Фань Вэнь-лань писал: «Английские агрессоры — убийцы — и правители Китая — самоубийцы — установили сотрудничество, изо всех сил стараясь расширить торговлю опиумом, которая к периоду правления Даогуана (1821—1850 гг.) превратилась в страшную разрушительную силу китайского общества»³, и его «центральной проблемой, вокруг которой велась борьба двух государств — Китая и Англии, проблемой, приобретшей особое общественное значение в середине XIX в., был опиум, этот зловонный товар»⁴.

Фань Вэнь-лань следующим образом характеризует позицию России в период «опиумных» войн: «Царская Россия географически соприкасалась с Маньчжурией и Монголией, ее торговля с Китаем, ведущаяся по сухопутью, имела двухсотлетнюю историю. Во время второй «опиумной войны» царское правительство, играя роль беспристрастного судьи, взяло на себя обязанности посредника при заключении Пекинского договора»⁵.

С какой же целью маоисты прибегают ко столь беспардонной фальсификации? Ответ ясен. Они не хотят раздражать мадам Маргариту Тэтчер и английских экспортеров оружия, с помощью которых они надеются максимально использовать научно-технический потенциал Великобритании для создания «могучего» милитаристского Китая. Фальсифицируя историю, изображая Россию «главным врагом Китая», маоисты хотят опорочить русско-китайские отношения с тем, чтобы перечеркнуть все договоры, регулирующие отношения между Россией и Китаем, в первую очередь русско-китайские договоры 50—60-х годов XIX в. о русско-китайской границе.

Какими же в действительности были русско-китайские отношения в тот период?

К середине XIX в. на Дальнем Востоке сложилась обстановка, когда Россия и Китай, поддерживавшие между собой добрососедские отношения, но не связанные какими-либо союзными оборонительными договорами, оказались перед лицом общих врагов — Англии и Франции.

Отношения между Россией и противостоящими ей союзными Англией и Францией к середине XIX в. крайне обострились. Связи с дальневосточ-

² Критика исторических воззрений..., с. 41.

³ Фань Вэнь-лань. Новая история Китая (русс. пер.), М., 1955, с. 31.

⁴ Там же, с. 108.

⁵ Там же, с. 260.

ными владениями России, которые поддерживались лишь морским путем (экспедиции через Якутск были крайне ограничены), могли быть легко прерваны более сильным неприятельским флотом. Положение особенно осложнилось после того, как Англия в результате первой «опиумной войны» с Китаем (1840—1842) по условиям Нанкинского договора 1842 г. вынудила Китай предоставить ей односторонние преимущества и привилегии и «открыть» для торговли пять важнейших портов: Кантон (Гуанчжоу), Шанхай, Нинбо, Амой и Фучжоу. С этого времени английский флот стал хозяином на обширных просторах Тихого океана, и морские коммуникации между европейскими портами России и русскими владениями — Камчаткой, Охотским побережьем и факториями на Аляске — оказались под английским контролем.

В этих условиях проблема навигации по реке Амур, которая до этих пор не представляла особой важности для русских властей — отчасти в результате неправильных выводов ряда морских экспедиций, — вновь привлекла их внимание.

Этот же период был весьма критическим и для Китая. Последний пережил три «опиумных войны», начатые Англией (первая) и продолженные в союзе с Францией (вторая и третья).

Решение проблемы Амура было ускорено начавшейся в 1853 г. Крымской войной между Россией и Англией и ее союзницей Францией. С началом войны англо-французский флот появился у русского побережья Охотского моря. В 1854 г. русским судам пришлось укрыться в устье Амура от преследований неприятельского флота, в том же году здесь был создан первый русский морской пост — Николаевский. Малочисленный гарнизон не мог, однако, рассчитывать на оказание длительного сопротивления англо-французским силам. Необходимо было незамедлительное подкрепление войсками из Восточной Сибири. Россия при участии китайских властей правобережья Амура (они предоставляли русским продовольствие, фураж, материалы) приступила к укреплению своих позиций на Амуре.

Меры по укреплению обороны дальневосточных владений дали возможность русским гарнизонам на побережье отразить нападение превосходящих сил англо-французского флота, что помогло закончить войну без территориальных потерь на Дальнем Востоке.

Международная обстановка на Дальнем Востоке, таким образом, оказалась благоприятной для развития добрососедских русско-китайских отношений. В то время как Англия и другие западные державы насильственно навязывали Китаю неравноправные условия торговли, учреждали в портах сеттльменты на условиях экстерриториальности и т. д., правительство России продолжало неизменно придерживаться дружественной политики в отношении Китая, невмешательства в его внутренние дела.

Маоисты в своих «исторических творениях» часто прибегают к цитированию классиков марксизма, выбирая отдельные высказывания, не относящиеся к рассматриваемым событиям. Как же в действительности К. Маркс оценивал состояние русско-китайских отношений середины XIX в.?

В 1857 г. К. Маркс писал: «У России совершенно особые отношения с Китайской империей. В то время как англичане и мы сами лишены привилегии непосредственной связи даже с наместником Кантона... русские пользуются преимуществом держать посольство в Пекине (К. Маркс имел в виду Российскую духовную миссию. — М. Д.)... Поскольку русские не вели морской торговли с Китаем, они никогда не были заинтересованы в спорах по этому вопросу, никогда не вмешивались в них в прошлом

и не вмешиваются теперь; на русских не распространяется поэтому та антипатия, с какой китайцы с незапамятных времен относились ко всем иностранцам, вторгавшимся в их страну с моря... Русские ведут специфическую для них внутреннюю сухопутную торговлю...»

В этих условиях и были заключены русско-китайские договоры [Айгуньский (1858), Тяньцзиньский и Пекинский (1860), Чугучакский Протокол (1864)].

Свыше 100 лет государственная граница между двумя соседними государствами — в прошлом Россией и Китаем, а ныне Советским Союзом и Китайской Народной Республикой — являлась границей добрососедских отношений между ними и никаких споров не вызывала. Можно отметить, что в прошлом, в течение всего новейшего периода истории Китая (после октября 1917 г.) до образования КНР, китайские правительства, представлявшие различные социальные слои и партии Китая, не выдвигали перед правительством СССР каких-либо территориальных притязаний (Советско-китайское соглашение 1924 г.; Советско-китайский торговый договор 1939 г.; советско-китайский договор от 14 августа 1945 г.). Не было также никаких территориальных вопросов между СССР и КНР при заключении Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР в 1950 г., при подписании торгового договора между СССР и КНР в 1958 г.

Провозгласив «особый» курс, рассчитанный на отход от сотрудничества с социалистическими странами, маоцзедуновское руководство КНР заявило о своих территориальных притязаниях к соседним странам, в частности к Советскому Союзу. Известно, что территориальные претензии маоистское руководство предъявляет ко всем соседним странам. Оно это поглотить всю территорию Монгольской Народной Республики; в 1956 г. объявило о своих притязаниях примерно на 70 тыс. км² территории Бирмы, в 1959—1962 гг. оккупировало около 130 тыс. км² индийской территории. Без каких-либо оснований оно претендует на многие острова, принадлежащие соседним странам.

Дирижируя «группами исторических исследователей», маоистское руководство умалчивает и о другой, более важной, поистине трагической стороне истории. И китайскому народу, и мировой общественности хорошо известно, что Китай на протяжении последней тысячи лет своей истории оставался независимым и управлялся национальными династиями лишь в течение около 200 лет, а в остальные примерно 800 лет китайский престол находился в руках чужеземных завоевателей. Так, с 916 г. по 1254 г. северо-западную часть Китая, включая Пекин, занимали маньчжуро-тунгусские и монгольские завоеватели; с 1280 г. по 1367 г. весь Китай находился под господством монгольских ханов (династия Юань), а в период с 1644 г. по 1911 г. Китай пребывал под властью маньчжурской династии Цин.

«Историки» из китайской «роты № 52950» в подтверждение маоистских притязаний на советскую Среднюю Азию ссылаются на походы богдыханов ханьской династии в первом веке до н. э., когда в борьбе с гуннами китайские войска прорывались в Среднюю Азию. Но после этих эпизодических вторжений ханьская династия рассыпалась и утратила не только чужие, но и свои владения во всей северо-западной части страны. Можно ли всерьез принимать эти далекие и случайные исторические эпизоды, особенно если учесть, что после этого Китай многие столетия сам находился под властью чужеземных династий? В самом деле, если бы маоистская концепция передела мира восторжествовала, то по ее логике Китай вообще должен был бы сойти с исторической арены. Именно к таким нелепым выводам подводят труды «ротных историков».

Нельзя в связи с этим не напомнить, что, например, бывший премьер Китая Чжоу Энь-лай явно не считал полезными для своей страны «исторические обоснования», подобные тем, которые приводятся «ротными историками». В беседе с американским журналистом Эдгаром Сноу в октябре 1960 г. Чжоу Энь-лай говорил: «Если бы все стали сводить счеты, восходящие к далеким историческим временам, то в мире возник бы хаос... Соединенные Штаты пришлось бы тогда снова подчинить английскому государству, поскольку они стали независимыми менее 200 лет назад»⁶.

Видимо, к таким очевидным выводам, поразмыслив, могут прийти и многие другие китайцы, все здравомыслящие люди. Тем не менее маоистская пропаганда продолжает наводнять китайский книжный рынок потоком «новых» и «самых новейших» исторических «исследований», стараясь одурманить сознание китайского народа.

Для маоистских руководителей не столь уж важно признание мировой общественностью их «исторических прав» на чужие территории. Они обращаются к истории лишь для того, чтобы поднять великоханьский дух в китайском народе, разжечь в нем ненависть к соседним народам, подготовить его для военных авантур.

Советская наука, следуя ленинскому учению, всегда сурово осуждала агрессивную политику царской России в период империализма, когда царское правительство, игнорируя традиционные добрососедские отношения между Россией и Китаем в течение более 200 лет (до 90-х годов XIX в.), включилось в общий фронт империалистических государств и участвовало в агрессии против Китая. Таким же образом поступали и китайские историки-марксисты при оценке экспансионистской политики китайских богдыханов.

Делая экскурсии в прошлое, игнорируя известные исторические факты, документы, договоры, маоисты ставят задачу обелить экспансионизм китайских богдыханов, придать их захватам и уничтожениям государственности соседних государств «естественный» характер, исходя из того, что Китай — «Чжунго» — является центром вселенной. Им в связи с этим приходится перечеркивать или замалчивать интерпретацию и выводы китайских историков. Излагая последнюю историю завоевания Восточного Туркестана (названного китайцами провинцией Синьцзян) Фань Вэнь-лань пишет: «В 1876 году армия Цзо Цзун-тана (китайский военачальник цинской династии) выступила за пределы «внутреннего Китая», развернула наступление в северном направлении, а затем повернула на юг, всюду одерживая победы... Цзо Цзун-тан ведь был реакционером и палачом, истребившим бесчисленное число повстанцев-китайцев и мусульман. Вступив в Синьцзян, он зверски расправился с населением Южного Синьцзяна, совершал те же жестокости, что и во внутреннем Китае. В 1878 г. Цзо Цзун-тан завершил «усмирение» южного и северного Синьцзяна»⁷. После такого «усмирения» происшедшее размежевание русско-китайской границы (договор 1886 г., Протокол 1886 г.) объявляют неправомерным потому, что русско-китайская комиссия, определившая линии границы, «находилась в руках России»⁸. Можно было бы не обращать внимания на исследования группы «роты № 52950», если бы такие пасквили не распространялись официальными пекинскими властями в качестве документов «научного обоснования» маоистских территориальных притязаний.

⁶ См. Edgar Snow. The Other Side of the River. Red China Today. Washington, 1963, p. 763.

⁷ Фань Вэнь-лань. Указ. соч., с. 331—332.

⁸ Критика исторических воззрений..., с. 40.

* * *

Главные цели пропаганды маоистского руководства состоят в том, чтобы удерживать китайский народ в темноте и невежестве, отучить его от самостоятельного мышления и заставить слепо верить всему тому, что ему внушают сверху. За двадцать минувших лет на китайской политической сцене происходила нескончаемая смена правительственных декораций, меняются роли действующих руководящих актеров — им приходится либо рядиться в тогу ближайших соратников «вождя», либо оказываться на положении его самых заклятых врагов. Всякие объявления политических метаморфоз китайский народ должен воспринимать без рассуждений и безропотно их повторять. Такой же метод оглуления народа внутри страны маоистская пропаганда пытается применить и по отношению к мировой общественности. Превращенных в фальсификаторов истории «ротных исследователей» заставляют перечеркивать Великую Октябрьскую социалистическую революцию и все изменения и достижения, происшедшие на Родине Ленина, и распространять по миру «научные выводы» об унаследовании Советским Союзом внешней политики царской России, а сам Советский Союз изображать «социал-империалистическим государством», ставшим для Китая врагом № 1. Следуя такому наказу, узаконенному также решениями XI съезда КПК (август 1977 г.) и Первой сессией ВСНП 5-го созыва (февраль — март 1978 г.), «группа исследователей» пишет, что «новые цари (советское правительство. — М. Д.) советских ревизионистов всецело унаследовали регалии агрессии старых царей». Помощь Советского Союза борющимся за свободу и независимость угнетенным народам (что, как хорошо знает китайский народ, относилось и к Китаю), высоко оцениваемую всем прогрессивным человечеством, маоистские исследователи стараются изобразить как «советскую экспансию». «Новые цари страдают еще большим аппетитом, чем тот, что наблюдался у старых царей, — клеветают «исследователи», — и руки они протягивают дальше старых царей»⁹.

Может ли поверить такой клевете даже мало-мальски осведомленный китаец? Конечно, нет. В решениях же самих китайских коммунистов на VIII съезде КПК (1956 г.) дана истинная, высокоблагодарная оценка помощи Советского Союза, и с ней связывалась вся перспектива выполнения генеральной линии КПК в переходный к социализму период (1949—1967 гг.). В резолюции VIII съезда КПК, на котором присутствовали и многие нынешние руководители КНР (Дэн Сяо-пин, Е Цзянь-ин, Ли Сянь-нянь и др.), говорилось: «Курс нашей страны в международных делах должен заключаться в следующем: 1. Продолжать укреплять и усиливать вечную и нерушимую братскую дружбу с великим Советским Союзом и всеми странами народной демократии»¹⁰.

Нам нет нужды вступать в полемику с оголтелыми антисоветчиками. Мир знает правду о характере советского государства и о его ленинской внешней политике. Нам жалко китайский народ, с которым так цинично обращаются маоистские руководители, так беспардонно стараются одурманить его.

В расчетах «образовать широчайший международный единый фронт против» Советского Союза (называемого социал-империализмом) первостепенное место маоистское руководство отводит подрыву и расколу социалистического содружества. Выступления в последнее время албан-

⁹ Критика исторических воззрений..., с. 12.

¹⁰ Материалы VIII Всекитайского съезда КПК, т. 1, документы: II, 1956, с. 131.

ского руководства с разоблачением провокаторской деятельности правительства КНР на Балканах вскрыли его истинное антисоциалистическое лицо, ложь и лицемерие маоистских политиков. Бросив на произвол судьбы «дружественную» Албанию, пекинские руководители принимают новые попытки вмешаться в дела социалистических стран на Балканах, внести раздор и ослабить позиции социализма в этом регионе. Этому, как известно, был посвящен вояж Хуа Го-фэна в Румынию и Югославию.

Не касаясь существа этого вояжа, оценка которому уже дана в советской и мировой печати, следует отметить, что маоистская политика раскола социалистического содружества, в том числе на Балканах, не ограничивается отдельными эпизодами, лишь конъюнктурными соображениями. Она закладывается на долгие годы и будет проявляться в самых разнообразных формах. Немаловажное место отводится и «исследователям» по фальсификации мировой истории, прежде всего истории Балканских государств.

В цитируемом нами сборнике содержится статья «группы теоретических исследований рабочих пекинского автозавода и группы факультета русского языка Пекинского университета»¹¹. Основная цель этой статьи сводится к тому, чтобы опорочить освободительную миссию России на Балканах и «доказать», что царская Россия была более реакционна, чем Османская Турция. «Победы царской России, — пишут исследователи группы, — в ходе русско-турецких войн приносили балканским народам отнюдь не какое-то «освобождение» и «независимость», а лишь безраздельное господство царской монархии». Авторы, разумеется, не смогли привести хоть каких-либо доказательств в оправдание своих «исследований». Они преднамеренно уклонились от анализа угнетенного положения балканских народов, «не заметили»¹² патриотического движения болгар, сербов, совместных действий русских и румынских армий и т. д. «Исследователи» прибегают к многочисленным ссылкам на труды В. И. Ленина, К. Маркса, явно искажая смысл суждений классиков марксизма. В. И. Ленин, как известно, сурово осуждал царизм, раскрывал империалистические замыслы русской буржуазии, но он никогда не обелял деспотию Османской империи, не порицал героизм русских солдат, принесших освобождение балканским народам. Ленин не выражал сожаления поражению Османской империи, как и всех других деспотий. Он называл Турцию «хилой»¹³ державой и судьбу балканских народов связывал не с сохранением турецкого господства, а с победой «федеративной республики на Балканах наряду с победой республики в России...»¹⁴. Вот в чем состояли думы В. И. Ленина. Он пророчески предвидел достижение полного освобождения и народов Балкан и России при завоевании социальной свободы и создании республик в этих странах. Ленинские предсказания сбылись. Октябрьская революция принесла победу русскому народу и открыла новую эру освобождения от эксплуататорского гнета народов и других стран. Между СССР и балканскими социалистическими странами установились братские отношения. Казалось бы, судьба народов этого региона полностью решена в их интересах на основе ленинских идей. По-другому, однако, думают маоистские «исследователи» истории и их дирижеры. Фанатический угар, нагнетаемый ими у себя в стране, дурманит их разум.

¹¹ См. Критика исторических воззрений..., с. 47—59.

¹² Там же, с. 49.

¹³ В. И. Ленин, ПСС., т. 8, с. 170.

¹⁴ В. И. Ленин, ПСС., т. 22, с. 138.

Их не останавливают ни безрассудность пропагандируемых исследований, ни возмущение народов, которым они приписывают исторические правонарушения, ни, наконец, явное нарушение исторических представлений самих китайцев, дезавуирование выводов китайской исторической науки. Всю пропаганду они подчиняют одной цели — задержать поступательное движение мирового социализма, подорвать социалистическую солидарность и, таким образом, расчистить дорогу великоханьскому гегемонизму. Оценивая нынешнюю обстановку на Балканах, маоистские исследователи пишут: «На протяжении последних лет советские ревизионисты усилили проникновение и экспансию в районе Балкан, они не только сумеют легко установить контроль над Средиземным морем, устремиться на Средний Восток, охватить с севера и юга Западную Европу и сделать решающий шаг в установлении господства над Европой, но и получить выгодную позицию для развертывания глобальной контрреволюционной стратегии»¹⁵. Нетрудно заметить, что великоханьские фанатики не могут мыслить иначе, как категориями «экспансионизма», «глобальной стратегии», явно приписывая другим свои представления, свой взгляд на мир. Их интересует лишь устранение преград для собственного гегемонизма, для утверждения истинного смысла китайских иероглифов «Чжунго» (Китай) — государство центра мира.

* * *

Нет необходимости вступать с маоистскими «исследователями» в научные споры, дискуссии. Их аргументация основывается не на науке, не на исторически известных миру фактах. Все это их не интересует — их задача разжечь в китайском народе ненависть к русскому народу, к Родине Ленина, к современному Советскому Союзу, чтобы как-то оправдать свои утверждения, что для Китая извечно враг № 1 Россия — Советский Союз.

Советская наука дала миру исчерпывающий исторический анализ развития общества дореволюционной России и Советского Союза на основе исторического материализма. Советские ученые и сейчас продолжают углублять свои изучения истории нашей Родины, Китая и стран мира. В объективной науке маоистские фальсификаторы не найдут для себя нужной им аргументации.

¹⁵ Критика исторических воззрений..., с. 58.

Социалистические преобразования на Юге Вьетнама

*И. А. Осотов,
М. М. Петров*

Историческое значение IV съезда Коммунистической партии Вьетнама состоит в том, что он, подведя итоги целого периода в истории вьетнамской революции, определил долгосрочный курс социалистических преобразований и социалистического строительства в воссоединенном Вьетнаме. Этот курс основан на реальной обстановке, на том своеобразном положении, которое существует сейчас в Социалистической Республике Вьетнам. Свообразие, о котором идет речь, касается прежде всего экономической структуры страны, социального состава ее общества. Оно обусловлено всей историей развития вьетнамской революции после 1954 г. Вьетнамскому народу пришлось в течение двух десятилетий решать двуединую задачу — строить социализм на Севере и бороться за завершение национальной народно-демократической революции на Юге.

За эти годы на Севере страны были проведены социалистические преобразования, сложились и прочно утвердились социалистические производственные отношения в промышленности и сельском хозяйстве. К 1975 г. в сфере материального производства 99,7% основных фондов принадлежали социалистическому сектору; этот сектор давал преобладающую часть национального дохода, равно как и промышленной и сельскохозяйственной продукции. К 1975 г. основные фонды в сфере материального производства в Северном Вьетнаме увеличились в 5,1 раза по сравнению с 1960 г.; промышленных предприятий стало в 16,5 раза больше, чем в 1955 г.¹ «В целом за 20 лет преобразований и созидания в Северном Вьетнаме удалось положить начало строительству социалистической общественно-экономической формации с соответствующими социалистическими производственными отношениями и первоосновой материально-технической базы социализма, с укрепляющимся государством диктатуры пролетариата, с социалистической идеологией и культурой, которые имеют прочный фундамент», — говорил на IV съезде КПВ Генеральный секретарь ЦК КПВ Ле Зуан².

Именно это, по оценке вьетнамских товарищей, является принципиально важным обстоятельством, позволившим сделать вывод о том, что в условиях воссоединенного Вьетнама социализм является преобладающей силой во всей стране. Опираясь на эту силу, используя 20-летний опыт социалистического строительства на Севере, а также опыт братских социалистических стран, Коммунистическая партия Вьетнама приступила к осуществлению социалистических преобразований в южной части страны.

¹ IV съезд Коммунистической партии Вьетнама. М., 1977, с. 22, 23.

² Там же, с. 24.

Характеризуя экономическую структуру Вьетнама на современном этапе, уровень развития производительных сил в стране, товарищ Ле Зуан отмечал, что вся страна «все еще находится в процессе прямого перехода от общества, в экономике которого преобладающим является мелкое производство, к социализму, минуя стадию капиталистического развития»³. Эта характеристика полностью относится и к южным районам страны, где до освобождения, хотя и имело место определенное развитие капитализма, в основном все же сохранялось преобладание мелкого производства.

Исходя из задач социалистического строительства и перехода от мелкого производства к крупному социалистическому производству в масштабе всей страны, намеченный IV съездом КПВ, вьетнамские коммунисты уделяют самое серьезное внимание осуществлению социалистических преобразований на Юге как важнейшей составной части процесса создания единой социалистической экономики во всей стране.

Принципиальная линия Коммунистической партии Вьетнама в этом вопросе была сформулирована в политическом отчете ЦК КПВ IV съезду партии, в котором указывалось, что «в южных провинциях преобразование производственных отношений... является исключительно сложной и трудной задачей. Следует последовательно вести линию на ликвидацию феодальной собственности на землю и остатков феодальной эксплуатации. Необходимо национализировать промышленно-торговые предприятия compradorской буржуазии, предателей Родины и капиталистов, бежавших за границу; предстоит осуществить социалистические преобразования в отношении частного капитала в сельском хозяйстве, ремесленной и кустарной промышленности, а также в сфере мелкой торговли». ЦК КПВ подчеркивал далее в своем Политическом отчете: «Политика социалистических преобразований в отношении этих секторов состоит в следующем: использовать, ограничивать и преобразовывать частнокапиталистическую промышленность, главным образом через создание смешанных государственно-частных предприятий. Кооперирование крестьянства должно идти параллельно с укреплением уездного звена, переводом сельского хозяйства на рельсы крупного социалистического производства. Преобразование кустарной промышленности и ремесел должно идти в основном через создание кооперативов, а также и в других формах. Преобразование мелкой торговли должно протекать в основном в форме постепенного вовлечения мелких торговцев в производство. Необходимо увязывать осуществление революции в производственных отношениях с научно-технической революцией и революцией в области идеологии и культуры»⁴.

В соответствии с выдвинутой IV съездом КПВ линией на продвижение Юга Вьетнама по пути социалистического строительства и объединения хозяйств обеих частей страны на основе крупного социалистического производства в южновьетнамских провинциях осуществляются многоплановые социально-экономические преобразования, которые идут параллельно со значительной по своим масштабам политико-воспитательной работой, направленной на ликвидацию последствий неокolonизма в сознании населения. Учитывая исключительную сложность и многогранность задач осуществления социалистических преобразований на Юге, КПВ стремится соразмерить последовательность и темпы их решения с существующими возможностями, опираясь в этом

³ IV съезд Коммунистической партии Вьетнама, с. 34.

⁴ Там же, с. 81.

на органы народной власти, массовые общественные организации, поддержку подавляющего большинства кхонговьетнамского населения.

В результате этих усилий на Юге Вьетнама происходили глубокие социально-экономические перемены. Особенно значительным успехом в деле восстановления производства, решения такой острой социальной проблемы, как обеспечение занятости городского населения, усилении позиций социалистического государства в экономике Юга, и прежде всего в деле быстрого укрепления позиций государственного сектора в промышленности и торговле. Так, в крупнейшем промышленном центре Юга — городе Хошимине — насчитывается ныне 415 государственных предприятий (350 центрального и 65 местного подчинения), которые выпускают основную часть промышленной продукции города⁵.

Достигнут существенный прогресс и в деле создания смешанных государственно-капиталистических предприятий, которые рассматриваются вьетнамскими экономистами в качестве высшей формы госкапитализма и на которых государство сохраняет командные высоты и обеспечивает основные права рабочих и служащих⁶. Линия на образование смешанных государственно-капиталистических предприятий была сформулирована в Заявлении Правительства СРВ от 15 сентября 1976 г. о политике в отношении частнокапиталистической промышленности и торговли. В Заявлении указывалось, что в интересах укрепления экономики необходимо и далее делать главный упор на укрепление позиций государственного и вместе с тем использовать позитивные стороны частнокапиталистического сектора в интересах развития производства на Юге. В начале 1976 г. на Юге было образовано несколько десятков смешанных государственно-капиталистических предприятий. Наряду с созданием смешанных предприятий на Юге временно в ряде отраслей сохраняется частное предпринимательство, однако частные предприятия работают под контролем государства, обязаны ориентироваться главным образом на местное сырье и лишены права действовать в сферах, объявленных государственной монополией, в частности в железнодорожном, морском и воздушном транспорте.

Ряд положений Заявления Правительства СРВ от 25 сентября 1976 г. нашел свое развитие и конкретизацию в Постановлении об обязанностях и правах рабочих и предпринимателей на частнокапиталистических и торговых предприятиях Юга, которое было обнародовано в марте 1977 г. Данное Постановление ставило своей целью поощрение частных предпринимателей на более активное участие в восстановлении и развитии производства в интересах всего народа.

В настоящее время произошел значительный прогресс в деле проведения социалистических преобразований в промышленности Юга, прежде всего в деле укрепления государственного сектора, к которому относятся все крупные промышленные предприятия⁷. К маю 1978 г. на Юге имелось 634 государственных и смешанных частнокапиталистических предприятия, в том числе 201 предприятие центрального подчинения и 433 — местного подчинения. Валовая стоимость промышленной продукции, производимой на Юге, в 1977 г. в 1,3 раза превысила уровень 1975 г., в том числе предприятия группы «А» — в 1,5 раза. Деятельность ряда предприятий машиностроения и химической промышленности ныне частично удовлетворяет нужды страны в оборудовании и запасных частях, которые ранее импортировались из-за рубежа. Так,

⁵ «Сайгон зайфонт», 22.VII.1977.

⁶ «Док лап», 13.IV.1977.

⁷ «Тапхи конган», № 5, 1978, с. 55.

машиностроение на Юге страны в 1977 г. стало выпускать более 20 новых видов продукции, в 5 раз по сравнению с 1975 г. возросло производство ядохимикатов и т. д.

Достигнуты успехи в развитии мелкой и кустарной промышленности — в частности, существует значительный прогресс в производственной кооперации кустарей. Так, в начале 1978 г. в городе Хошимине до 50% кустарей было объединено в кооперативы и бригады, которые работают во взаимодействии с государственными предприятиями. В 1977 г. стоимость валовой продукции, произведенной мелкой и кустарной промышленностью города Хошимина, составила 384 млн. донгов, то есть вдвое возросла по сравнению с 1976 г.⁸

На юге страны организовано более 500 кооперативов и 5 тыс. производственных бригад мелкой и кустарной промышленности.

Важной составной частью мероприятий по проведению социалистических преобразований на Юге Вьетнама стала начавшаяся 23 марта 1978 г. в городе Хошимине и всех южновьетнамских провинциях кампания по ликвидации торговой буржуазии, которая затрагивала более 30 тыс. семей буржуа⁹.

Как неоднократно указывалось в публикациях вьетнамской печати, в течение трех лет, прошедших после освобождения Юга, крупные торговцы пытались систематически дезорганизовывать внутренний рынок, произвольно повышая розничные цены, что вело к ухудшению материального положения трудящихся. Так, в городе Хошимине из 550 тыс. семей, проживающих в городе, около 360 тыс. семей жили за счет доходов от торговли, то есть никогда не участвовали в производительном труде¹⁰. Фактически, таким образом, сложилось положение, при котором производство стало в основном социалистическим, а распределение осуществлялось по законам капитализма; через сферу распределения продолжала осуществляться эксплуатация трудящихся. В прессе СРВ указывалось, что «капиталистическая эксплуатация, осуществляемая через торговлю, наносит самый большой ущерб. Она проявляется через мошеннические приемы закупок и продажи, спекулятивные накопления, вздувание цен, фактическое ограбление рабочих, крестьян, других трудящихся. Это эксплуатация всех занимающихся производительным трудом и всех потребителей. Такая торговля не оказывает стимулирующего воздействия на производство, а, наоборот, сдерживает его развитие. Торговая буржуазия, самая реакционная часть буржуазии, была политической, экономической и социальной опорой иностранных агрессоров»¹¹.

Политический смысл этой кампании был раскрыт в газете «Нян Зан», которая указывала, что «на данном этапе, когда вся страна продвигается по пути социализма, ликвидация капиталистической экономики, преобразование единоличного хозяйства, строительство социалистического народного хозяйства стали объективной необходимостью... После осуществления социалистической революции в политическом плане... и создания надстройки социализма необходимо немедленно, без всяких колебаний приступить к осуществлению социалистической революции в экономике, ликвидировать капиталистические производственные отношения, строить и укреплять базис социализма»¹².

Существовавшие в отношении частных торговцев мероприятия было определено в постановлении Правительственного Совета СРВ

⁸ «Нян Зан», 19.II.1978.

⁹ Там же, 24.III.1978.

¹⁰ Там же, 27.III.1978.

¹¹ Там же, 31.III.1978.

¹² Там же, 1.IV.1978.

«О политике в области перевода капиталов торговой буржуазии в производственную сферу» от 31 марта 1978 г. В постановлении указывалось, что, принимая решение о ликвидации торговой буржуазии, государство разработало комплекс мер в целях стимулирования перевода капиталов частных торговцев в сферу производства. Частникам разрешается вкладывать свои капиталы в сельское хозяйство, промышленность, в том числе мелкую и кустарную, лесное и рыбное хозяйство и создавать в этих отраслях госкапиталистические предприятия. Государство предусматривает выплату определенной доли прибыли, а также известное снижение налогов тем лицам, которые будут вкладывать свои капиталы на цели хозяйственного развития страны. Государство гарантирует членам семей бывших торговцев одинаковые права с другими гражданами, готово оказывать им помощь в приобретении профессии и повышении профессиональной квалификации, позволит детям буржуа продолжать учебу, активно участвовать в производстве и общественной жизни¹³.

23 марта 1978 г. специальные группы с участием ответственных работников государственных органов приступили к инвентаризации транспортных средств, торгового оборудования, а также товаров, сырья в магазинах и складах, принадлежащих крупным частным торговцам, которым было запрещено заниматься коммерческой деятельностью¹⁴. Суммы, начисленные на счета капиталистов после инвентаризации их имущества, которая проводилась на основе цен, установленных государством, разрешается использовать для участия в смешанных государственно-капиталистических и кооперативных предприятиях. Проводимые мероприятия позволили прекратить деятельность буржуазии в сфере торговли, перевести ее капиталы в производство в интересах укрепления социалистического сектора в торговле. Органы массовой информации СРВ подчеркивали, что «в целом кампания социалистического преобразования торговли проходит хорошо, цены на рынке существенно не изменились. Трудящиеся массы активно участвовали в кампании»¹⁵.

Наряду с кампанией по ликвидации крупной и средней торговой буржуазии вьетнамские товарищи приступили к преобразованиям в отношении многочисленных мелких торговцев. В начале апреля 1978 г. было опубликовано решение Правительственного Совета СРВ о переводе большей части мелких торговцев в сферу производства. В решении подчеркивалось, что государство поощряет переход большей части трудящихся занятых в мелкой торговле, в сферу производства и оказывает им в этом помощь. Осуществление этой линии рассматривается в качестве важной составной части мероприятий по «реорганизации и новому разделению труда, с тем чтобы эффективно использовать трудовые ресурсы общества, соответствующим образом улучшить условия жизни всех трудящихся, создать условия для того, чтобы каждый вносил вклад в дело экономического строительства во Вьетнаме»¹⁶.

Мероприятия по преобразованию частнокапиталистической торговли и переводу мелких торговцев в сферу производства осуществляются на Юге Вьетнама в интересах большинства населения южной части страны. Первые итоги проведения кампании по ликвидации торгового капитала на Юге и по переводу частных торговцев в сферу материального производства свидетельствуют о том, что осуществленные мероприятия способствовали стабилизации внутреннего рынка, притоку товаров, прежде

¹³ «Нян Зан», 5.IV.1978.

¹⁴ Там же, 25.III.1978.

¹⁵ Там же, 31.III.1978.

¹⁶ Там же, 8.IV.1978.

всего продовольствия, в систему государственной и кооперативной торговли, укреплению сети государственных и кооперативных магазинов.

В комплексе мероприятий народной власти по проведению социалистических преобразований на Юге особое место занимают вопросы преобразования сельского хозяйства в южновьетнамских провинциях.

ЦК КПВ и правительство СРВ уделяют постоянное внимание вопросам развития сельскохозяйственного производства на Юге. Важное значение имело решение II Пленума ЦК КПВ (июнь — июль 1977 г.) по вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства в южновьетнамских провинциях. Пленум указал, в частности, что «преобразования в сельском хозяйстве Юга необходимо сочетать с осуществлением преобразований частнокапиталистической торговли». II Пленум ЦК КПВ выдвинул задачу «в основном завершить установление социалистических производственных отношений в южновьетнамской деревне к началу 80-х годов»¹⁷.

Согласно решениям II Пленума ЦК, главное внимание на нынешнем этапе уделяется активному вовлечению крестьян в низшие формы коллективного ведения хозяйства. При этом народная власть строго соблюдает ленинские принципы постепенности, добровольности, перехода от низших форм к высшим; обеспечивается руководство и соответствующая помощь со стороны государства. В настоящее время на Юге активно используются следующие начальные формы организации коллективного труда: группы «производственной солидарности», группы трудовой взаимопомощи, группы совместного пользования сельхозтехникой и производственные бригады, которые фактически являются переходной ступенью к созданию сельскохозяйственных кооперативов¹⁸.

На Юге низшими формами коллективного ведения хозяйства охвачено более 1 млн. крестьянских семей, что составляет более трети сельского населения южных провинций¹⁹.

В последнее время в печати СРВ выдвигается вопрос о необходимости ускорения подготовки условий к производственному кооперированию сельского хозяйства Юга. Ныне ставится задача к концу 1978 г. вовлечь в низшие формы коллективного труда большинство крестьян Юга. На Юге уже в настоящее время успешно действует более 100 экспериментальных кооперативов, притягательная сила которых для крестьян-единоличников непрерывно возрастает.

Большое значение для подъема сельского хозяйства Юга имело и то, что за период после освобождения из городов в деревню и в новые экономические районы переселилось более 1,5 млн. человек.

Наряду с постепенной социально-экономической перестройкой южновьетнамской деревни в сельском хозяйстве южных провинций осуществляются серьезные мероприятия, направленные на интенсификацию сельскохозяйственного производства, увеличение кратности урожаев, повышение эффективности ирригационных работ и т. д.

За три года, прошедшие после освобождения, в результате целого комплекса мероприятий значительно увеличилась площадь пахотных земель. За этот период, в частности, поднята целина на площади 180 тыс. га, освоено более 450 тыс. га ранее пустовавших земель. На территории страны было обезврежено более 10 млн. бомб и снарядов, что позволило дополнительно освоить до 100 тыс. га земель.

Имеются немалые сдвиги и в развитии животноводства. Так, в 1977 г. поголовье свиней увеличилось по сравнению с 1975 г. на 35,8%, буйво-

¹⁷ «Нян Зан», 26.VIII.1977.

¹⁸ «Куан дой нян зан», 30.XI.1977.

¹⁹ «Нян Зан», 11.I.1978.

лов — на 24%, коров — на 19%. На Юге создан ряд крупных животноводческих хозяйств и современных птицефабрик.

Социалистические преобразования на Юге в социально-экономической области осуществляются одновременно с комплексом мероприятий партийных, государственных органов и общественных организаций в культурно-идеологической области. Самое серьезное внимание уделяется при этом усилиям в деле развития здравоохранения, народного образования, культуры в южновьетнамских провинциях, где одновременно народной власти приходится решать сложные задачи борьбы с пережитками буржуазной идеологии и культуры.

Во главу угла этой работы ставится задача создания нового человека, новой социалистической культуры, по марксистско-ленинскому воспитанию трудящихся. Важнейшим достижением народной власти стала полная ликвидация в начале 1978 г. неграмотности среди населения Юга, 20% которого до освобождения было полностью неграмотно. На Юге ныне действует более 6 тыс. общеобразовательных школ, в которых обучается около 5 млн. школьников. В 1977—1978 гг. в 18 вузов Юга было принято около 50 тыс. студентов. Важный вклад в создание квалифицированного отряда рабочих вносит деятельность свыше 90 профтехучилищ.

Значительно расширилась на Юге страны сеть медицинских учреждений. В настоящее время уже около 90% сельских общин располагают собственными медпунктами. Самое серьезное внимание уделяется работе по профилактике и предупреждению заболеваний.

Огромное политическое воздействие на процесс социально-экономических преобразований на Юге страны оказало введение в 1977 г. бесплатного образования и бесплатного медицинского обслуживания по всей стране. За три прошедших после освобождения года на Юге открылось 130 новых библиотек и читален; значительно возрос культурный и общеобразовательный уровень южан.

Подлинным торжеством политики КПВ в проведении преобразований в культурно-идеологической области стало всенародное празднование на Юге 60-летия Великого Октября. В дни месячника советско-вьетнамской дружбы, посвященного 60-летию Октябрьской революции, советские фильмы посмотрели миллионы южан; жители Юга проявили огромный интерес к советской литературе, искусству, музыке.

Говоря о социалистических преобразованиях на юге Вьетнама, в частности о кампании по ликвидации торгового капитала и переводу торговцев в сферу материального производства, нельзя пройти мимо того факта, что пекинские лидеры в своих великодержавных целях грубо вмешиваются во внутренние дела Вьетнама и осуществляют ожесточенную антивьетнамскую пропагандистскую кампанию. Они стремятся очернить характер социалистических преобразований, клеветнически изображают закономерный процесс социалистической перестройки на Юге как «преследование лиц китайской национальности во Вьетнаме» и т. д.

Отвергая провокационные измышления пекинской пропаганды, представитель Министерства иностранных дел СРВ заявил 27 мая 1978 г.: «Социалистическое преобразование частнокапиталистической промышленности и торговли — это правильная позиция, соответствующая законам социалистической революции. Это политика, которая осуществлялась и самим Китаем, как и другими социалистическими странами. Многочисленные массы трудящихся в Южном Вьетнаме, в том числе и вьетнамцы китайского происхождения, активно участвуют в этой кампании»²⁰.

²⁰ «Нян Зан», 27.V.1978.

Разоблачая националистический, неклассовый характер позиции, занятой китайским руководством, намеренно фальсифицирующим суть происходящих в СРВ преобразований, газета «Нян Зан» писала: «Разве социалистические преобразования частнокапиталистической торговли и промышленности не являются общей закономерностью социалистической революции, осуществленной и в самом Китае? Но когда дело доходит до социалистического Вьетнама, то выходит, что он должен воздерживаться от экспроприации имущества капиталистов лишь на том основании, что они являются вьетнамцами китайского происхождения (так же как и капиталистов-вьетнамцев), несмотря на то что это имущество незаконно нажито на поте и слезах рабочего класса и трудящихся Вьетнама, в том числе и широких масс китайской национальности... Почему же китайская сторона так внимательно следит за вьетнамскими капиталистами китайского происхождения, которые переведены в сферу производительного труда, и замалчивает то, что известно всему миру: что сотни тысяч трудящихся китайских эмигрантов, которые вместе с семьями открыто подвергаются террору, убийствам и изгнанию со стороны правящих кругов Кампучии, бегут в Южный Вьетнам, где встречают заботу со стороны вьетнамского населения?»²¹.

Совершенно ясны великодержавные, гегемонистские цели, которые преследуют китайские руководители, пытаясь вмешаться во внутренние дела Вьетнама под надуманным лозунгом «защиты» лиц китайского происхождения в СРВ. Эти действия Пекина имеют и антисоциалистическую направленность. Как отмечалось в ноте Правительства СРВ, адресованной правительству КНР 17 июня 1978 г., «китайская сторона сейчас проводит антивьетнамскую политику, чинит трудности и препятствия делу мирного строительства вьетнамского народа, подрывает традиции дружбы и солидарности между народами двух стран. Ответственность за нынешнее серьезное ухудшение отношений полностью ложится на китайскую сторону»²².

Несмотря на целый ряд трудностей объективного и субъективного характера, в том числе провокации Пекина и подстрекаемых им кампучийских властей, совместно добивающихся дестабилизации внутривнутриполитической и экономической обстановки во Вьетнаме, КПВ и правительство СРВ продолжают успешно руководить работой по проведению последовательных социалистических преобразований на Юге страны. Качественные перемены, происшедшие в социально-экономической жизни Юга за три года, прошедших после освобождения, а также полная поддержка подавляющего большинства населения курса КПВ являются залогом успеха дальнейших шагов народной власти по социалистическому переустройству в южновьетнамских провинциях, по созданию единого хозяйственного организма в масштабах всего Вьетнама на основе крупного социалистического производства.

²¹ «Нян Зан», 29.V.1978.

²² Там же, 19.VI.1978.

О третьей конституции КНР

Л. М. Гудошников,
доктор юридических наук

К. А. Егоров,
кандидат юридических наук

Говоря о сущности Основного закона государства, В. И. Ленин подчеркивал: «Фиктивна конституция, когда закон и действительность расходятся; не фиктивна, когда они сходятся»¹. Именно полное соответствии Основного закона реальной действительности характерно для Конституции СССР, принятой 7 октября 1977 года. Как отмечал Л. И. Брежнев в докладе на сессии Верховного Совета СССР, в ней «шире, яснее и полнее, чем где-либо и когда-либо, зафиксированы социально-экономические и политические права и свободы граждан и конкретные гарантии осуществления этих прав»².

Главное направление того нового, что содержит Конституция СССР — это расширение и углубление социалистической демократии. Каждая ее статья свидетельствует о полном торжестве ленинских принципов народовластия. Дальнейшее усиление роли Советов, составляющих политическую основу СССР, закрепление широкого участия общественных организаций и трудовых коллективов в управлении делами общества и государства, многие другие конституционные положения свидетельствуют о значительных шагах в развитии общественных отношений на внутренне присущих социализму демократических началах.

В Основном законе Советского государства получили всестороннее отражение великие завоевания советского народа, крупные перемены, затронувшие все стороны жизни общества, вступившего в развитой социализм. В настоящее время, по существу, нет ни одного сколько-нибудь важного вопроса, касающегося политической, экономической, социальной или культурной жизни общества, который бы решался без самого активного участия народных масс. Свое яркое выражение демократизм общества находит в многогранной деятельности Советов народных депутатов.

Именно в Советах В. И. Ленин видел те органы, которые способны привлечь все население к управлению государственными делами. «Без представительных учреждений, — писал он, — мы не можем себе представить демократии, даже и пролетарской демократии...»³. Он также подчеркивал, что «народное представительство есть *нуль*, если оно не полновластно»⁴. В Конституции СССР 1977 г. эти ленинские принципы получили не только свое воплощение, но и глубокое развитие. Через Основной закон проходит идея полновластности Советов, усиления демократического контроля за деятельностью исполнительно-распорядительных органов, всего аппарата государственного управления. Согласно Конституции, Советы не только принимают важнейшие решения, но и

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, с. 345.

² «Правда», 5.X.1977.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 48.

⁴ Там же, т. 13, с. 311.

осуществляют контроль за их проведением в жизнь, обеспечивают их исполнение.

Отводя Коммунистической партии главенствующее место в политической системе Советского Союза, Основной закон СССР указывает: «Все партийные организации действуют в рамках Конституции СССР». Это положение полностью соответствует ленинским нормам, закрепленным еще в 1919 году в резолюции VIII съезда РКП (б), отмечавшего, что «свои решения партия должна проводить через советские органы, в рамках Советской Конституции. Партия старается руководить деятельностью Советов, но не заменять их»⁵. Как подчеркивал Л. И. Брежнев, партия «считает одной из своих важнейших задач всемерно укреплять и совершенствовать власть Советов, заботиться о дальнейшем развитии социалистической демократии»⁶.

Определяя всевластие органов советской власти, Конституция СССР закрепила их роль как самых массовых народных организаций. Более двух миллионов трудящихся являются депутатами Советов, почти 30 млн. граждан составляют их актив, участвуют в государственном управлении. Развертывание и углубление социалистической демократии проявляется также через деятельность массовых общественных организаций. Конституция СССР не только закрепляет право советских граждан объединяться в общественные организации, но и гарантирует условия для успешного выполнения ими своих уставных задач. Общественным организациям в лице их общесоюзных центральных органов предоставляется право вносить законопроекты в высший орган государственной власти СССР, то есть участвовать в государственной деятельности.

Новый Основной закон СССР значительно обогатил содержание прав и свобод советских граждан, зафиксировал их новые права, такие, как право на жилище, на охрану здоровья, на свободу творчества, судебную защиту, на охрану семьи и т. д. В Конституции значительно усилены материальные, политические и юридические гарантии реализации всех социально-экономических, политических, личных прав и свобод граждан. Свои отношения с личностью государство, согласно Конституции, строит на основе социалистической законности, советским гражданам, в частности, предоставляется право обжаловать действия должностных лиц, государственных и общественных органов не только в административном, но и в судебном порядке. Уважение личности, охрана прав и свобод граждан вменяются в обязанность всем государственным органам, общественным организациям и должностным лицам. Все это служит надежной охране достоинства и чести советского человека, его прав и личных свобод.

В конституционный принцип возведена и ленинская внешняя политика первого социалистического государства на Земле — политика мира, укрепления позиций мирового социализма, поддержки борьбы народов за национальное освобождение и социальный прогресс. Именно таким представлял себе Основной закон социалистического государства В. И. Ленин, который говорил о первой советской конституции 1918 г.: «Вот наша политика, и вы ее найдете в нашей Конституции»⁷. На принципиально иных основах построена конституция КНР 1978 г., призванная, по замыслу ее составителей, завуалировать неприглядные цели политики нынешнего китайского руководства.

⁵ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 2. М., 1970, с. 77.

⁶ «Правда», 5.X.1977.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 307.

Первая сессия Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) пятого созыва, заседавшая с 26 февраля по 5 марта 1978 г., утвердила 5 марта 1978 г. новую конституцию КНР, заменившую прежнюю конституцию, принятую первой и единственной сессией ВСНП четвертого созыва 17 января 1975 г. Проект новой конституции не был опубликован для всенародного ознакомления и обсуждения, а рассылался только в центральные ведомства, большие военные округа и в руководящие органы провинциального уровня.

Конституция КНР 1978 г. состоит из 60 статей, что в два раза больше, чем в конституции 1975 г., в которой было только 30 статей, но меньше чем в Конституции КНР 1954 г., содержавшей 106 статей. Новая конституция, отражая позиции нынешнего китайского руководства, декларирует верность маоизму и стремление проводить прежний великодержавный шовинистический курс более тонкими средствами, с использованием рациональных установок и методов, с маскировкой подлинной сущности этого курса. Утверждая в законодательной форме свою политическую линию, пекинские лидеры используют основной закон для создания более эффективного аппарата управления государством, а также для того, чтобы украсить фасад режима в глазах населения страны и мирового общественного мнения. В преамбуле конституции отдается должное «культурной революции», а в качестве «генеральной задачи» выдвигается проведение «четырех модернизаций», то есть превращение Китая к концу столетия в мощное государство с современным сельским хозяйством, современной промышленностью, современной обороной, современной наукой и техникой⁸.

Программа «четырех модернизаций» на деле отражает курс на строительство военно-промышленной державы, способной претендовать на господство в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке, а в дальнейшем — и на мировую гегемонию. Именно для достижения этой цели послемаоцзэдуновским руководством поставлена задача «привести в движение все активные факторы внутри и вне партии, внутри и вне страны», «сплачивать все силы, какие только можно сплотить»⁹.

Прежде всего следует отметить два «активных фактора», получивших непосредственное закрепление в преамбуле новой конституции. Это так называемые «два единых фронта» — националистический блок внутри страны, именуемый «революционным единым фронтом», и «международный единый фронт», выступающий якобы «против гегемонизма сверхдержав». Первый из них пришел на смену народно-демократическому единому фронту. В нем немалую роль играют не только буржуазия и буржуазная интеллигенция внутри страны, но и представители китайской зарубежной буржуазии. Формально в этот фронт включены и «тайваньские соотечественники» из числа тайваньцев, проживающих на материке. «Революционный единый фронт» должен, согласно конституции, сплотить указанные группы лиц китайской национальности, «широкие массы интеллигенции и других трудящихся»¹⁰.

Второй из указанных факторов, по мысли авторов конституции, должен быть международным объединением антисоветского характера, в которое, согласно маоистской «теории трех миров», также зафиксированной в конституции, должны под эгидой китайского руководства войти все способные к сотрудничеству с ним силы, включая крайнюю реакцию, лишь бы они выступали против СССР и мирового социализма.

⁸ I сессия Всекитайского собрания народных представителей Китайской Народной Республики пятого созыва (Документы). Пекин, 1978, с. 151 (на рус. яз.).

⁹ Там же, с. 112.

¹⁰ Там же, с. 151.

Принимая на себя роль организатора международного антисоветского и антисоциалистического фронта, маонизм выступает в качестве активного пособника империализма. Поэтому независимо от содержащихся в тексте конституции псевдодемократических деклараций, она представляет собой документ, фиксирующий дальнейший сдвиг вправо в политике китайского руководства.

Одним из «активных факторов», согласно конституции, является новая политика нынешнего руководства в отношении интеллигенции. В конституции подчеркивается важность всемерного развития науки и технического творчества (ст. 12), ставится задача всемерного развития дела просвещения и повышения культурного уровня всего народа (ст. 13). В ней зафиксирован также курс «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» (ст. 14), о провокационном характере которого в маонистских кампаниях 1956—1957 гг. сейчас в Китае стараются не вспоминать.

Были восстановлены исключенные в 1975 г. положения Конституции КНР 1954 г. о свободе научно-исследовательской деятельности, литературно-художественного творчества и другой культурной деятельности, а также о поощрении государством творческой работы граждан (ст. 52).

Авторы новой конституции позаботились о том, чтобы исключить из основного закона наиболее одиозные маонистские постулаты. Например, в ней не говорится, как это было в конституции 1975 г., о необходимости «подготовки к войне» и даже упоминается о необходимости борьбы «против новой мировой войны». Однако в действительности прежний маонистский лозунг, направленный на разжигание войны, вовсе не снят. Так Хуа Го-фэн в докладе на сессии ВСНП призвал «не бояться» войны и повторил лозунг Мао Цзэ-дуна о необходимости подготовки к ней. Вся нынешняя внешнеполитическая деятельность китайского руководства свидетельствует о его стремлении сорвать наметившийся процесс разрядки международной напряженности и разжечь войну, объединив против Советского Союза и мирового социализма все самые реакционные силы современности.

Из текста конституции исключено положение ее предшественницы о «всесторонней диктатуре над буржуазией в области надстройки», которое якобы наиболее активно использовалось сторонниками свергнутой «четверки». Однако конституция требует, чтобы «во всех областях идеологии и культуры» государство отстаивало руководящую роль «идей Мао Цзэ-дуна» (ст. 14).

При составлении новой конституции были восстановлены некоторые формулировки первой Конституции КНР (1954) относительно положения национальных меньшинств и национальной автономии, прав граждан и статуса государственных органов.

В новой конституции несколько расширены по сравнению с конституцией 1975 г. те статьи, которые регулируют организацию органов самоуправления в районах национальной автономии. Восстановлено следующее положение первой конституции: «Запрещается дискриминация и гнет в отношении любой национальности, а также действия, направленные на подрыв сплочения национальностей... Все национальности пользуются свободой... сохранения или изменения своих нравов и обычаев». В разделе IV было восстановлено положение о праве органов самоуправления разрабатывать положения об автономии и отдельно действующие положения (то есть местные законы). При этом, однако, не было восстановлено важное положение конституции 1954 г. о праве определения формы органов самоуправления районов национальной автономии «в соответствии с волеизъявлением большинства населения той на-

циональности, которая осуществляет районную автономию» (ст. 67 конституции КНР 1954 г.). Теперь, как и в 1975 г., формы национального самоуправления предопределяются в виде собраний народных представителей и ревкомов. Ныне районы национальной автономии не имеют ранее предусматривавшегося в конституции права формирования отрядов общественной безопасности и особых финансовых прав (ст. 70 Конституции КНР 1954 г.).

Новая конституция вменяет в обязанность вышестоящим по отношению к районам национальной автономии органам «всемерно готовить национальные кадры» (ст. 40). Это установление отражает начатую еще в начале 70-х годов политику широкой подготовки маоистского актива из некитайских национальностей. Следует также отметить, что при формировании сессии ВСНП Государственного совета (правительства) был восстановлен Государственный комитет по делам национальностей. Постоянная комиссия национальностей ВСНП восстановлена не была как, впрочем, и другие его постоянные комиссии.

Особенному расширению подверглась глава III конституции — «Основные права и обязанности граждан», — где были восстановлены исключенные в 1975 г. указания на материальные гарантии осуществления прав граждан. Эти гарантии декларированы в новой конституции в виде программы положений, не являющихся реальными для современного Китая.

Во-первых, провозглашение «большой демократии» используется пекинским руководством для того, чтобы мобилизовать трудовую активность масс, побудить их к выполнению предначертанной свыше программы, в разработке которой сами трудящиеся не принимали никакого участия. В «Докладе о внесении изменений в конституцию» Е Цзянь-ин прямо связывал «развитие демократии» с необходимостью мобилизовать активность народа на «борьбу за осуществление генеральной задачи нового периода»¹¹. При этом он призывал насаждать «демократию» военного образца, сводя ее к свободе высказывания мнений¹².

Во-вторых, декларативные положения новой конституции вступают в противоречие с заявлениями и политическими установками пекинских лидеров, а потому гарантии их реализации становятся весьма иллюзорными. Например, право на труд, которое, согласно основному закону, должно обеспечиваться государством не только путем предоставления работы, но и за счет «постепенного повышения вознаграждения на труд, улучшения условий и охраны труда, а также расширения коллективного благосостояния на основе развития производства» (ст. 48).

Однако в докладе Хуа Го-фэна на сессии ВСНП говорилось, что «двумя красными знаменами» в области производственной деятельности являются опыт Дацина в промышленности и опыт Дачжая — в сельском хозяйстве. Как известно, опыт Дацина и Дачжая, по существу, означает организацию труда в духе «казарменного коммунизма», за который ратовал Мао Цзэ-дун.

В речи на всекитайском совещании по распространению опыта Дацина заместитель председателя ЦК КПК Е Цзянь-ин пояснил, что Дацин и Дачжай представляют собой направление в развитии общества, которое предполагает организовать все население страны в «огромную коммуно», образовать из нее «основную единицу» китайского общества, в которой «многомиллионная армия будет играть огромную роль», а на-

¹¹ I сессия Всекитайского собрания народных представителей Китайской Народной Республики пятого созыва (Документы), с. 200—201.

¹² Там же, с. 203.

род должен «учиться» у армии. На том же совещании Хуа Го-фэн подчеркивал важность организации труда по военному образцу и констатировал, что даинцы уже применили в промышленности «идеи и линию строительства армии», разработанные Мао Цзэ-дуном. Разъясняя суть маонистской программы, он указывал, что «дух даинцев» — означает «переносить грузы на плечах при отсутствии механизмов», не бояться смерти, не обращать внимания на условия труда и на продолжительность работы, не считаться с вознаграждением за труд, не ограничиваться кругом своих обязанностей и т. п.¹³ Вполне понятно, что подобные установки не имеют ничего общего с декларативными положениями конституции о «повышении вознаграждения» и «улучшения условий» труда.

В-третьих, декларируя «права» и «свободы», конституция не провозглашает принцип равенства граждан перед законом. Это служит уловкой для властей, которые лишают прав многие категории китайского населения. Реализация декларируемых в конституции прав в целом зависит от усмотрения центрального и местного китайского руководства.

Новая конституция провозглашает право на образование (ст. 51). Однако этого права лишаются при поступлении, например, в высшие учебные заведения многие граждане под предлогом того, что они якобы являются выходцами из семей «эксплуататорских классов», которые давно ликвидированы в КНР, или интеллигенции¹⁴.

В соответствии с антинаучной концепцией Мао Цзэ-дуна современные лидеры КПК продолжают делить китайское общество на «народ» — тех, кто поддерживает их, и «врагов» — кто выступает против или негоден властям. Закон, в том числе и конституция как основной закон, направлены против «врагов», которые не пользуются его защитой и лишены всех гражданских прав. Для облегчения расправ с противниками режима и лишения их прав конституция указывает самые неопределенные понятия «врагов», такие, как «контрреволюционеры», «вредные», «новые буржуазные» элементы и т. п.¹⁵

Вполне очевидно, что в одну из названных категорий может быть зачислен фактически любой гражданин, негодный властям. Расправы над действительными или мнимыми противниками режима облегчаются тем, что новая конституция закрепляет прежнюю практику внесудебных разбирательств по «важным делам» под «видом обсуждения и высказывания мнений насчет того, какой приговор следует вынести» (ст. 41). Китайская практика насчет такого «высказывания мнений» хорошо известна. Конституция этим положением в сущности подтвердила законодательное закрепление массовых судилищ периода «культурной революции» с расстрелами на стадионах.

Новая конституция закрепляет и другой инструментарий «культурной революции», при помощи которого маоисты осуществляли дискредитацию своих политических противников, проводили широкий террор. Так, в статье 45 значатся пресловутые права «широкого высказывания мнений, полного изложения взглядов, широкой дискуссии дацзыбао». В этой же статье в качестве права граждан упомянуто и право на проведение забастовок. Однако забастовки экономического характера в КНР при Мао Цзэ-дуне и без него всегда жестоко подавлялись. На этот счет в другой статье конституции содержится довольно четкое указание: «Государство запрещает любому лицу какими бы то ни было средствами нарушать экономический порядок общества» (ст. 8). Безнаказанными

¹³ «Жэньминь жибао», 13.V.1977.

¹⁴ Там же, 5.VII.1978.

¹⁵ I сессия Всекитайского собрания народных представителей Китайской Народной Республики пятого созыва (Документы), с. 162.

для участников были лишь забастовки цзаофаней времен «культурной революции», при помощи которых маоисты «свергали» неугодных им партийных и хозяйственных руководителей. Таким образом, и право забастовок в маоистском его понимании является частью инструментария «культурной революции», который может быть в нужное для китайского руководства время введен в действие.

Создавая видимость расширения объема прав китайских граждан за счет добавления названных прав, новая конституция вместе с тем увеличивает и число обязанностей. Новыми по сравнению с 1954 г. являются следующие обязанности: поддерживать руководство КПК, поддерживать «социалистический строй», то есть существующий режим; защищать «единство» Китая; защищать «сплоченность» всех национальностей; соблюдать государственную тайну.

На путях создания мощного милитаристского государства нынешнее китайское руководство стремится осуществить две главные задачи — добиться выполнения «программы четырех модернизаций» и «навести всеобщий порядок в стране». Для выполнения обеих задач важнейшее значение, по мнению пекинских лидеров, имеет повышение эффективности деятельности государственного аппарата. С этой целью новая конституция вернулась к более четкому определению статуса государственных органов, для чего были восстановлены многие положения первой конституции КНР 1954 г. Так, полномочия ВСНП теперь изложены почти так же, как они излагались в Конституции КНР 1954 г.

В новой конституции опущены такие функции, содержащиеся в первом основном законе КНР, как избрание Председателя КНР, его заместителя, утверждение состава Государственного комитета обороны, посылку названные институты по указанию Мао Цзэ-дуна были ликвидированы после «культурной революции». Изъято также важное полномочие ВСНП по принятию решений об амнистии, указанное в Конституции КНР 1954 г. Это связано с тем, что для современного Китая наиболее характерны акты политических репрессий, но отнюдь не амнистий. В Конституции 1978 г. отсутствует и содержавшееся в Основном законе 1954 г. важное положение о том, что ВСНП является «единственным органом, осуществляющим законодательную власть в стране» (ст. 22 Конституции КНР 1954 г.). В ней не упоминается о нормах представительства при избрании депутатов ВСНП, нет отсылки к Закону о выборах, не говорится об отдельном представительстве национальных меньшинств (о чем было сказано в ст. 23 Конституции КНР 1954 г.). Срок полномочий и периодичность созыва сессий ВСНП сохранены как в Основном законе 1975 г. — пять лет вместо четырех по конституции 1954 г.

Полномочия Постоянного комитета ВСНП — постоянно действующего органа ВСНП — также изложены в новой конституции близко к тексту первой конституции КНР, однако среди функций комитета уже нет права принятия решения о всеобщей или частичной мобилизации в стране и о введении военного положения во всей стране или на части ее территории. Вероятно, столь ответственные решения могут теперь приниматься административными органами или военным командованием, помимо высших органов государственной власти. Нет упоминания о выполнении международных договорных обязательств по совместной обороне от агрессии.

По новой конституции Постоянному комитету дано право толкования не только законов, как в 1954 г., но также и конституции (ст. 25), однако теперь не упоминается о ранее предоставлявшемся ему праве отмены постановлений и распоряжений Государственного совета, противоречащих конституции, законам и указам (ст. 31 конституции КНР 1954 г.),

что весьма затрудняет контроль за деятельностью Государственного совета, право которого предоставлено Постоянному комитету по конституции КНР (1978). В последней также не указано точно, какие лица могут быть смещены Постоянным комитетом в период между сессиями ВСНП.

В связи с ликвидацией поста Председателя КНР в новой конституции введена отдельная статья о полномочиях Председателя Постоянного комитета ВСНП (ст. 26), которому теперь передана часть функций, ранее выполнявшихся Председателем КНР: прием дипломатических представителей иностранных государств; опубликование законов и указов, принятых ВСНП, и его Постоянным комитетом; направление и отзыв (на основе решений ВСНП и его Постоянного комитета) полномочных представителей КНР в иностранных государствах; ратификация договоров, заключенных с иностранными государствами; присвоение государственных почетных званий (последние полномочия также выполняются на основе решений ВСНП и Постоянного комитета). В конституции указаны также функции заместителей Председателя Постоянного комитета.

В отличие от Конституции КНР 1954 г., которая регулирует правовое положение комиссий ВСНП, новый основной закон ограничивается указанием на возможность создания комиссий, которые он даже не называет. Несколько подробнее определяется в нем статус депутатов ВСНП. Однако в новой конституции отсутствует весьма важная статья (37) Основного закона 1954 г., предусматривающая депутатскую неприкосновенность. Вполне понятно, что отсутствие иммунитета ставит депутатов в зависимое положение от административного аппарата, облегчает маоистской верхушке проведение расправ над неугодными ей депутатами, проведение чисток в ВСНП.

Что касается Государственного совета (правительства) КНР, то его статус восстановлен в несколько ином, по сравнению с первой конституцией, виде. В новом основном законе не только восстановлено право законодательной инициативы этого органа, но он даже поставлен в этом отношении в несколько привилегированное положение, так как ни для каких иных государственных органов или лиц такое право конституцией прямо не предусмотрено. Вместе с тем опущено указание первой конституции о том, что Госсовет правомочен изменять или отменять нецелесообразные приказы и распоряжения министров, председателей комитетов и комиссий, а также нецелесообразные постановления и распоряжения местных государственных административных органов (ст. 49 Конституции КНР 1954 г.). В новой конституции также отсутствует статья 57 первой конституции, регулирующая статус министров, председателей комитетов и комиссий. По сравнению с Конституцией КНР 1954 г., в новом основном законе сокращен объем полномочий Госсовета — в основном за счет устранения из их перечня конкретных отраслей административного руководства (например, вопросы внутренней и внешней торговли, дела национальностей, строительство вооруженных сил и т. п.).

Последнее обстоятельство связано, по-видимому, с проведением в жизнь закрепленного в конституции (ст. 15) маоцзедуновского принципа «компактности и оперативности» государственного аппарата, в силу которого организационная структура управленческого аппарата оказывается подверженной постоянным изменениям в сторону сокращения числа ее звеньев. До «культурной революции» в Госсовет входило 49 министерств и государственных комитетов, с принятием конституции 1975 г. их стало 29, а по новому основному закону — 37.

Относительное увеличение числа структурных подразделений Госсовета по сравнению с 1975 г., при соблюдении принципа «компактности»,

связано с нуждами курса на экономическую и военную модернизацию Китая. В силу двух указанных факторов (проведение курса «модернизации» и соблюдение принципа «компактности») было произведено объединение некоторых министерств (например, существовавших ранее раздельно министерств сельского и лесного хозяйства) или их разделение (например, раньше вместо отдельных министерств химической и нефтяной промышленности существовало единое министерство, ведавшее этими отраслями). В состав Госсовета, сформированного первой сессией ВСНП пятого созыва, были впервые в истории этого органа включены Народный банк Китая и Всекитайская федерация снабженческо-сбытовых кооперативов, занимавшие ранее статус центральных ведомств. В его состав также вошло министерство гражданской администрации, заменившее созданное в 1954 г. министерство внутренних дел, занимавшееся вопросами социального обеспечения. Одно из ранее существовавших (до «культурной революции») подразделений Госсовета — комитет по делам китайцев, проживающих за рубежом, — было понижено в ранге до уровня канцелярии при Госсовете, глава которой не является членом правительства¹⁶.

Новой конституцией внесено важное изменение и в статус местных органов государственного управления — ревкомов. По конституции 1975 г. ревкомы были «постоянно действующими органами местных собраний народных представителей и вместе с тем местными народными правительствами» (ст. 22 конституции 1975 г.). Последнее название за ними сохранено и теперь, однако они, как и Народные комитеты по Конституции КНР 1954 г., являются «исполнительными органами местных собраний народных представителей, государственными административными органами на местах (ст. 37). Иначе говоря, ревкомы не имеют теперь статуса органов государственной власти, располагающих такими же полномочиями, как собрания народных представителей (ст. 23 конституции КНР 1975 г.).

Обращает на себя внимание, что в новый основной закон впервые в конституционной практике КНР внесено установление о делегированных органах провинциальных ревкомов — административных управлениях в округах. Такие управления, называвшиеся в прошлом окружными (особых районов) управлениями особоуполномоченных, были в период «культурной революции» заменены окружными ревкомами. Теперь произошло возвращение к прежней системе управления. Из доклада Е Цзянь-ина «об изменениях» в конституции следует, что делегированные органы могут также создаваться в районах ниже уезда. О судьбе еще одной категории делегированных органов — квартальных (в городах) в докладе не упоминалось. Там тоже со времен «культурной революции» функционировали ревкомы. Сейчас они заменяются другими органами. Ими, как и в прежние годы, вероятно, будут квартальные канцелярии.

Ревкомы, судя по докладу Хуа Го-фэна на сессии, останутся лишь в тех административно-территориальных единицах, где по конституции должны созываться собрания народных представителей (в провинциях, городах центрального подчинения, уездах, городах, городских районах, народных коммунах и поселках; соответствующие органы в автономных районах, автономных округах и автономных уездах именуется «органами самоуправления»).

В низовых хозяйственных, учебных, лечебных и других единицах си-

¹⁶ I сессия Всекитайского собрания народных представителей Китайской Народной Республики пятого созыва (Документы), с. 146—150.

стема ревкомов ликвидируется и восстанавливается система личной ответственности директоров, заведующих и других руководителей, то есть система единоначалия. В докладе Хуа Го-фэна оговаривается исключение из этого правила для тех «промышленных предприятий, где органы власти слиты с правлением». По некоторым данным, имеются в виду предприятия дацинского типа. Но эта оговорка не означает, что на предприятиях этого типа будут продолжать функционировать ревкомы. Например, на Аньшаньском металлургическом комбинате (предприятии дацинского типа) еще задолго до сессии ВСНП ревком был фактически заменен производственным штабом во главе с первым секретарем парткома комбината (он же первый секретарь Аньшаньского горкома).

Судя по политической практике современного периода, и в дальнейшем в КНР будет широко применяться совмещение партийных и административных постов. Сессии собраний народных представителей провинциального уровня повсеместно избрали председателями соответствующих ревкомов первых секретарей партийных комитетов, они же в большинстве случаев заняли посты председателей провинциальных комитетов Народного политического консультативного совета Китая, то есть единого фронта. Эти же лица занимают и военные посты в местных военных округах.

Новая конституция КНР вновь включила в число государственных институтов прокуратуру, упраздненную в период «культурной революции». При этом, однако, прокуратура восстанавливается в отношении организационного подчинения не в том виде, как она функционировала по первой конституции КНР 1954 г. Теперь местные прокуратуры подчиняются не только вышестоящим прокуратурам, но также и местным органам власти. Это значит, что введена именно такая организация прокуратуры, против которой возражал В. И. Ленин в известном письме «О «двойном» подчинении и законности»¹⁷. Следует отметить также, что хотя по тексту конституции прокуратура является органом надзора за соблюдением конституции и законов, однако в докладе Е Цзянь-ина ее функциям дано более широкое толкование: в ее задачи включена и борьба с нарушениями дисциплины. Таким образом, прокуратура будет выполнять и некоторые функции государственного контроля — так и было после упразднения в 1959 г. министерства контроля и передачи его функций прокуратуре по ликвидации самой прокуратуры во время «культурной революции».

Новая конституция более широко, чем ее непосредственная предшественница, регулирует организацию судов. В ней восстановлены положения конституции 1954 г. о гласности суда и праве на защиту, упоминаются и народные заседатели, называемые в отличие от первой конституции КНР «представителями масс». Их статус никак не определяется. Отсутствует содержавшееся в конституции КНР 1954 г. положение о независимости судов и подчинении их только закону. Не включено и положение первой конституции о национальном языке судопроизводства, обеспечении перевода для сторон в процессе, не владеющих языками и письменностью, распространенными в данной местности. Вместе с тем в тексте новой конституции сохранено и даже расширено положение конституции 1975 г. о «линии масс» в судебной работе, поощряющее отступление от конституционных принципов организации и деятельности судов (ст. 41).

Существенным изменениям подвергалось конституционное регулирование положения вооруженных сил КНР. По Конституции КНР 1954 г.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 197.

вооруженные силы возглавлял Председатель Китайской Народной Республики (ст. 42). Новый основной закон, как и конституция 1975 г., указывает, что их возглавляет председатель ЦК КПК (ст. 19). А это значит, что вооруженные силы выводятся из сферы государственного подчинения, ставятся над государством. Не случайно статья дополнена положением о том, что армия является «опорой диктатуры пролетариата», как демагогически именуется существующий в Китае режим военно-бюрократической диктатуры.

Из нового основного закона исключено положение конституции 1975 г. о том, что армия является «боевым отрядом, а также рабочим и производственным отрядом». В статье о вооруженных силах теперь говорится, что государство усиливает строительство армии «по линии ее революционизирования и модернизации». Армия, таким образом, недвусмысленно ориентируется на усиление боевой подготовки, что, разумеется, ни в коей мере не отражается на ее роли как основе режима.

Таким образом, в новой конституции была законодательно оформлена политика послемаоцзэдуновского руководства страны, в основе которой лежит проведение прежних маоистских установок более утонченными методами и приемами. Неотъемлемой частью этой политики является антисоветизм. В новой конституции «социал-империализм», как в современной пекинской пропаганде именуется Советский Союз, при всех его упоминаниях поставлен на первое место перед империализмом в качестве «главного врага». Хуа Го-фэн в правительственном отчете на сессии пошел еще дальше, объявив первое социалистическое государство «самым опасным очагом новой мировой войны»¹⁸.

Проведение подобных установок несовместимо с курсом социалистического развития, о котором пекинские руководители продолжают говорить. Исторический опыт свидетельствует о том, что процесс строительства социализма в Китае лишь тогда развивался нормально, когда КПК шла в одном строю со всеми странами социализма, широко использовала их опыт и братскую помощь. Игнорирование опыта мирового социализма, выход из содружества социалистических стран привели китайский народ к тяжелым жертвам, замедлению темпов экономического развития, деформации государственного и общественного строя КНР.

Тем не менее нынешние китайские руководители продолжают бесперспективную маоистскую политику сохранения напряженности в отношениях с Советским Союзом, отвергая любые позитивные шаги СССР, направленные на улучшение межгосударственных отношений. Стремлением восстановить добрые отношения между СССР и КНР было проникнуто обращение Президиума Верховного Совета СССР к Постоянному комитету ВСНП, переданное китайской стороне накануне сессии ВСНП, принявшей новую конституцию.

Как известно, этот акт доброй воли не нашел положительного отклика с китайской стороны. Обветшалое антисоветское знамя, под которым выступают сейчас китайские руководители, не поможет им разрешить серьезные проблемы, стоящие перед страной. Дальнейшее следование под этим знаменем способно лишь ухудшить положение китайского народа, увести страну в сторону от социалистического пути развития.

¹⁸ I сессия Всекитайского собрания народных представителей Китайской Народной Республики пятого созыва (Документы), с. 118.

Провал американских планов интервенции в Китае и отторжения Маньчжурии

А. М. Ледовский

В последние годы в буржуазной и маонистской историографии все чаще делаются попытки фальсифицировать историю китайской революции, и особенно последний, наиболее ответственный ее этап — период 1945—1949 гг. В частности, принижается роль Советского Союза в освобождении Китая от диктатуры гоминьдана, а также роль советской дипломатии в борьбе против американских планов военной интервенции в Китае, отторжения Маньчжурии и других районов страны.

Представляется в этой связи необходимым вновь коснуться некоторых вопросов истории, имеющих отношение к рассматриваемому периоду.

По мере того как Чан Кай-ши терпел все большие поражения в Маньчжурии, а затем и на других фронтах гражданской войны, в правящих кругах США, по признанию Г. Трумэна, раздавались требования «оказать всю необходимую помощь Чан Кай-ши»¹. Разделяя эти настроения, американское командование подготовило и представило на рассмотрение правительства конкретные планы, в которых, по существу, намечалось развертывание прямой и широкой военной интервенции. Основное содержание этих планов было изложено в докладе А. Ведемейера Г. Трумэну от 19 сентября 1947 г. Так, предлагалось значительно расширить финансово-экономическую и военную помощь Чан Кай-ши, увеличить до 10 тыс. человек военную «советническую» группу и расширить ее полномочия по контролю за действиями гоминьдановской армии и руководству ею и т. п.

Были предприняты агрессивные шаги по захвату отдельных территорий Китая и расчленению страны. Одним из объектов агрессивных устремлений США явился Тайвань, где они обосновались сразу же после капитуляции Японии, создали здесь свои военные базы, захватили в свои руки все ключевые позиции в экономике и перед бегством туда чанкайшистских властей развернули через свою агентуру кампанию за отделение Тайваня от Китая. Указывая на огромные богатства этого острова, А. Ведемейер в докладе правительству США предложил захватить его под видом установления «опеки». Он заявил, что «формозцы благоприятно относятся к опекунству Соединенных Штатов и опеке ООН»².

Американские представители на Тайване, прибегая к открытым подстрекательствам, заявляли, что «если формозцы пожелают освободить»

¹ Н. Труман. *Memoirs*, Vol. II, N. Y., 1956, p. 81.

² Лю Да-нянь. *История американской агрессии в Китае*, М., 1953, с. 305.

ся от правления Китая, то Соединенные Штаты будут готовы им помочь»³.

После образования КНР Вашингтон принял все меры к тому, чтобы воспрепятствовать освобождению Тайваня и установлению над ним контроля Китайской Народной Республики⁴.

Особое значение в планах американского командования придавалось Маньчжурии. Оно, по существу, предлагало Вашингтону прибрать Маньчжурию к рукам под предлогом установления над ней «опеки великих держав на период, пока китайское правительство станет достаточно сильным и стабильным, чтобы принять на себя ответственность за полный контроль над страной»⁵. В докладе А. Ведемейера подчеркивалось, что это «единственный путь, чтобы спасти Маньчжурию от коммунистов»⁶.

На случай неудачи с опекой предлагалось, чтобы правительство США само взяло на себя осуществление всех необходимых мер по спасению чанкайшистского режима. Причем рекомендовалось сделать так, чтобы это было прикрито флагом ООН. «Не важно, — заявлял А. Ведемейер в американском сенате, — является Чан Кай-ши деспотом или демократом, а важно то, что он в течение всей своей жизни боролся с коммунизмом»⁷.

Указанный план был направлен на заключение государственного департамента, а также военного и военно-морского министерств США. В своих рекомендациях американскому правительству указанные военные ведомства высказались за усиление помощи режиму Чан Кай-ши. В качестве наиболее ярого сторонника плана «спасения» режима Чан Кай-ши выступил военно-морской министр Дж. Форрестол.

В госдепартаменте к плану А. Ведемейера отнеслись более сдержанно, а предложение относительно установления над Маньчжурией международной опеки или протектората было полностью отклонено как неосуществимое.

Эксперты госдепартаamenta тщательно изучили предложение, выдвинутое А. Ведемейером, в результате чего 13 октября 1947 г. директору Дальневосточного управления (Уилтону) Баттерворту был представлен меморандум директора Управления по специальным политическим вопросам (Дина) Раска⁸.

В этом документе были исследованы все возможные варианты и подходы к решению поставленной А. Ведемейером задачи. Рассмотрены возможности установления международного контроля над Маньчжурией под флагом ООН и вне ООН, в том числе установление администрации: а) в составе пяти держав — Китая, США, Англии, Франции, Советского Союза; б) в составе четырех держав — без Советского Союза; в) осуществление управления Маньчжурией непосредственно самой Организацией Объединенных Наций; г) установление над Маньчжурией протектората великих держав «по договоренности между ними» вне рамок ООН. Наконец, был исследован последний вариант: как добить-

³ «Жэньминь жибао», 30.XI.1950.

⁴ Подробно об этом см.: Лю Д а н я н ь. История американской агрессии в Китае, сс. 301—315.

⁵ United States Relations with China: with special reference to the period 1944—1949 (The China White Paper). W., 1949, p. 132.

⁶ J. W. P r a t t. History of United States Foreign Policy. N. Y., 1955, p. 736.

⁷ В. К. П о л о в. Провал агрессии США в Китае после второй мировой войны. М., 1955, с. 149.

⁸ Foreign Relations of the United States (Diplomatic Papers), Far East, China, 1947, vol. VII. W., 1972, p. 320—324.

ся «согласия ООН» на то, чтобы китайское правительство декларировало предоставление Маньчжурии «независимости»⁹.

В своих выводах и заключении авторы меморандума заявили, что ни один из рассмотренных вариантов и подходов непримемлем, так как осуществить любой из них практически невозможно. В качестве одного из аргументов они сослались на то, что правительство Чан Кай-ши «неохотно» пойдет на это. Но главным и непреодолимым препятствием они считали Советский Союз. В этом документе было отмечено, что решение вопроса через Совет Безопасности ООН обречено на провал ввиду существующего порядка единогласия (авторы документа понимали, что СССР наложит вето); для решения указанного вопроса через Генеральную Ассамблею ООН требовалось собрать не менее 2/3 голосов. В документе подчеркивалось, что СССР «вряд ли добровольно позволит США, Великобритании и Франции утвердиться в сердце Северной Азии в форме международного контроля над Маньчжурией», что он решительно выступит в ООН против таких предложений. «При оппозиции со стороны СССР,— указывалось в документе госдепартамента,— следует ожидать также активных выступлений... широких слоев населения Маньчжурии»¹⁰. Все это чревато созданием такой обстановки, подчеркивалось далее в документе, «которая может повести к военным столкновениям с Советским Союзом»¹¹.

Указанный документ был доложен госсекретарю Дж. Маршаллу, который внимательно ознакомился с его содержанием и выводами, и, как показали последующие события, правительство США вынуждено было положить предложения А. Ведемейера под сукно. Взяло верх понимание того, что, опираясь на поддержку Советского Союза, китайский народ не позволит империалистическим державам оторгнуть Маньчжурию и установить там свое господство под флагом или без флага ООН.

За прямую и широкую интервенцию в поддержку предложений А. Ведемейера выступали такие авантюристически настроенные представители военщины, как генерал К. Ченнолт, командующий 7-м флотом ВМС США адмирал Ч. Кук, и другие. Их поддерживал военноморской министр Дж. Форрестол. Вместе с военщиной выступали многие «ястребы» из политических кругов США, в особенности такие, как известный дипломат и разведчик У. Буллит, активные деятели «китайского лобби» в конгрессе У. Джадд, Л. Кларк, и другие.

Специальная подкомиссия при Комиссии по иностранным делам осенью 1948 г. опубликовала доклад «Коммунизм в Китае». В нем содержалось требование увеличить помощь Чан Кай-ши, включая прямую военную поддержку. Это требование мотивировалось тем, что Китай является «решающим районом борьбы между Советским Союзом и Западом»¹².

Сенатор С. Бриджес, председатель Комиссии по ассигнованиям и объединенной комиссии конгресса по осуществлению плана Маршалла, 13 ноября 1948 г. обратился к Г. Трумэну с требованием создать специальную сессию конгресса для рассмотрения вопроса о «помощи Китаю». Он рекомендовал назначить генерала Макартура главнокомандующим и как бы диктатором Китая. Кроме того, чанкайшистский генерал Ян Си-шань (губернатор провинции Шаньси) требовал, чтобы Ма-

⁹ Ibid.

¹⁰ Foreign Relations of the United States (Diplomatic Papers), Far East, China, 1947, vol. VII. W., 1972, p. 320—324.

¹¹ Ibid.

¹² В. Я. А в а р и н. Борьба за Тихий океан. М.—Л., 1952, с. 340.

картур направил в Китай 100-тысячную японскую армию и 200 американских военных самолетов¹³.

У. Буллит, посланный в 1947 г. в Китай вместе с «миссией» А. Ведемейера в качестве «специалиста по борьбе с коммунизмом», представил на рассмотрение Вашингтона программу из 18 пунктов «уничтожения китайских коммунистов в течение трех лет». Он рекомендовал наряду с увеличением финансовой помощи Чан Кай-ши до 1350 млн. долл. немедленно оказать военную помощь гоминьдановским войскам, в особенности в Маньчжурии, послать дополнительно тысячи американских военных советников, передать в руки американского командования фактически все руководство гоминьдановскими вооруженными силами, поставить над ними в качестве главнокомандующего генерала Макарура¹⁴.

Другой ярый сторонник Чан Кай-ши, генерал К. Ченнолт вплоть до последнего момента продолжал настаивать перед правительством США на решительных военных акциях против КПК. В январе 1949 г., когда войска Народно-освободительной армии подошли к Янцзы, К. Ченнолт предложил под видом «добровольцев» бросить на помощь Чан Кай-ши «тщательно подобранную военную силу», чтобы остановить наступление войск НОА, не дать им форсировать Янцзы и «защитить долину нижнего течения Янцзы и Шанхай». К. Ченнолт заявлял: «Если США не предпримут быстройдействующую военную акцию, то мы потеряем наши шансы навсегда»¹⁵. К. Ченнолт осуждал американскую дипломатию за то, что она сосредоточила «все внимание» на европейских делах в тот момент, когда «рушится азиатская плотина»¹⁶.

К. Ченнолт выразил готовность возглавить «крестовый поход» за спасение гоминьдановского режима, вернуть в Китай своих «мальчиков» из 14-го авиасоединения, которым он ранее командовал. Он начал в США кампанию записи «добровольцев», которые должны были приступить к бомбардировке городов и районов, занятых войсками КПК. К. Ченнолт заверял американское правительство и чанкайшистов, что сумеет остановить «китайских коммунистов».

Конгрессмен У. Джадд, выступая за военную интервенцию, подчеркивал стратегическое значение Китая, являющегося «ключом к бассейну Тихого океана», «втулкой в колесе Азии и имеющего общую границу с Сибирью»¹⁷.

Сенатор Мэлон заявлял, что «США давно рассматривали Китай, в том числе Маньчжурию и провинцию Жэхэ, как район, в котором США имеют первостепенные интересы»¹⁸.

Правящие круги гоминьдана обращались к США с призывами создать и возглавить антикоммунистический блок в составе Англии, Франции, Японии, а также Южной Кореи, Филиппин и других «демократических» стран Южной и Юго-Восточной Азии. Газета «Хэпин жибао» писала 6 декабря 1948 г., что первоочередной задачей этого блока должна быть военная интервенция в Китае¹⁹.

1 декабря 1948 г. в США прибыла жена Чан Кай-ши со специальной миссией поднять кампанию за немедленную организацию широкой

¹³ См. там же, с. 340.

¹⁴ См. Станислав Павляк. Политика США по отношению к Китаю (1941—1955). М., 1976, с. 232.

¹⁵ См.: Claire Lee Chennault. Way of a Fighter. N. Y., 1949, p. XII.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Congressional Records, 80th Congress. N. Y., vol. 94, p. 3329.

¹⁸ «Stars and Stripes» (Tokyo), 20.XI.1948.

¹⁹ См. «Хэпин жибао», 6.XII.1948.

военной интервенции. Ей поручалось добиться согласия правительства США наряду с расширением финансово-экономической и военной помощи направить в Китай генерала Д. Макатура, который возглавил бы, по существу, руководство вооруженными силами гоминьдана.

С аналогичной просьбой обратился Сунь Фо, занявший в декабре 1948 г. пост премьер-министра. В первый же день вступления на этот пост Сунь Фо заявил на пресс-конференции, что он готов предоставить США и другим иностранным государствам любые привилегии, включая снятие всяких ограничений на торгово-промышленную, финансовую и другую деятельность, лишь бы они помогли гоминьдану разбить вооруженные силы КПК.

Более трезвомыслящие представители правящих кругов США предложили американскому правительству воздержаться от прямой и широкой интервенции. Отражая настроения сторонников такого курса, «Вашингтон пост» писала в начале декабря 1948 г.: «Только слепой не может видеть, что американская политика помощи Чан Кай-ши... полностью обанкротилась... Надо окончательно порвать с прошлым»²⁰. Касаясь просьбы Чан Кай-ши к США прислать «высокопоставленного и наиболее авторитетного генерала», которому была бы предоставлена полная свобода действий и вся полнота власти, «Вашингтон пост» указывала, что США все это уже испробовали. Газета призывала «не поддаваться панике» и не кричать о помощи Нанкину «по греческому образцу».

Аналогичное мнение о нецелесообразности более широкого военного вмешательства США в Китае высказывал упоминавшийся выше американский историк Дж. Пратт. Он писал: «Не может ли американская помощь Китаю (т. е. гоминьдановскому режиму. — А. Л.) встретить эквивалентную русскую помощь коммунистам»²¹.

То же самое Г. Трумэн отмечал в своих мемуарах. Он подчеркивал в связи с этим: «Телеграммы Маршалла из Китая показывают, что он отдавал себе полный отчет в том, что китайские коммунисты могут рассчитывать на русскую поддержку»²².

Другими словами, в своих действиях в Китае правящим кругам США постоянно приходилось оглядываться на Советский Союз, служивший мощным тылом, на который опирались революционно-демократические силы в Маньчжурии. Кроме того, руки американского и мирового империализма были связаны Советским Союзом и объединившимися вокруг него народами стран Восточной Европы, вступившими на путь социалистического развития. Как признает в своих мемуарах Г. Трумэн, США и Англия безуспешно пытались помешать переходу стран Восточной Европы в «коммунистический лагерь» и стремились «заставить» Советский Союз проводить такую европейскую политику, которая бы устраивала Вашингтон и Лондон. «Но мы ничего не могли сделать»²³, — сожалеет он. «В США поднимались голоса, — пишет Г. Трумэн, — призывавшие порвать с русскими. Эти люди не понимали, что мы могли выбирать только между переговорами и войной. Третьего пути не было»²⁴.

Правящие круги США пытались запугать СССР атомным оружием и стремились всеми средствами сохранить собственную монополию в этой области. «Во всех моих взаимоотношениях с комиссией по атом-

²⁰ «North China Daily News», Dec. 5, 1948, Shanghai.

²¹ J. W. Pratt. History of the United States Foreign Policy. N. Y., 1955, p. 737.

²² H. Truman. Memoirs, vol. II, p. 91.

²³ Ibid, p. 101.

²⁴ Ibid, p. 128.

ной энергии, — пишет Г. Трумэн, — я взял за практику заканчивать каждое совещание призывом к тому, чтобы мы продолжали идти вперед. Но наша монополия, — с досадой и разочарованием заявил президент, — закончилась раньше, чем предсказывали эксперты. В августе 1949 года был произведен атомный взрыв в России»²⁵.

Рекомендуя не ввязываться глубже в китайские дела, «Вашингтон пост» указывала в упомянутой статье в качестве главного аргумента на «конфронтацию» западных держав с Советским Союзом в Европе. Газета подчеркивала, что, если бы был взят курс на прямую и широкую военную интервенцию в Китае, «США и лишились бы безопасности, и израсходовали бы свои ресурсы... Стратегия, связанная с конфликтом Запада с Россией, навязывает творцам нашей политики курс невмешательства в дела Китая... Эта стратегия вылетит в окно, если мы позволим втянуть себя в антикоммунистический крестовый поход»²⁶.

Отвечая на предложение посла США в Китае Дж. Л. Стюарта, изложенное в докладе от 22 октября 1948 г., о том, чтобы активизировать меры по спасению режима Чан Кай-ши, Дж. Маршалл указывал, что принятие предлагаемого курса «непосредственно втянуло бы Соединенные Штаты в гражданскую войну в Китае» и взвалило бы на них такие расходы, «которые трудно было бы подсчитать», причем в такой период, подчеркивал Дж. Маршалл, когда США «имеют серьезные обязательства в других районах мира»²⁷.

Во время упомянутого выше визита в США жены Чан Кай-ши президент Г. Трумэн вынужден был ограничиться заверениями выполнить уже принятые ранее конгрессом США программы помощи и уклониться от того, чтобы предоставить Китаю еще три миллиарда долларов, взять в руки американцев командование гоминьдановскими армиями и т. п.

На такое решение американского правительства не могло не повлиять то обстоятельство, что указанный визит жены Чан Кай-ши состоялся в разгар так называемого «берлинского кризиса», вызванного провокационной политикой западных держав, пытавшихся включить оккупированные ими секторы Берлина в состав Западной Германии и подорвать ГДР. Контрмеры, принятые Советским правительством, нанесли ощутимый удар по их позициям в Европе и поставили западные державы в весьма трудное положение. В своих мемуарах Г. Трумэн подчеркивает, что «блокада Берлина была контратакой мирового коммунизма»²⁸.

Китайские историки отмечали, что одним из главных факторов, содействовавших плану американской интервенции в Китае, явились быстрые победы НОА, стремительное продвижение Объединенной Демократической Армии (так назывались в то время вооруженные силы КПК в Маньчжурии) из Маньчжурии в Северный Китай, а отсюда вместе с другими армиями КПК бросок ОДА к Янцзы и на юг. Такая быстрота, стремительность, лишавшие гоминьдановцев и американцев возможности маневрирования и сколачивания новых сил, в немалой степени объяснялись хорошо налаженной работой железных дорог в Маньчжурии, откуда шли главные переброски людских и материальных резервов.

²⁵ Ibid, p. 306.

²⁶ «North China Daily News», Dec. 5, 1948.

²⁷ United States Relations with China, The China White Paper. W., 1949, p. 284—285.

²⁸ H. T r u m a n. Memoirs, vol. II, p. 123.

С каждым шагом продвижения войск КПК от главной маньчжурской базы на юг Китая проблема коммуникаций, бесперебойной переброски подкреплений, оружия и боеприпасов приобретала все большее значение. Трудности усугублялись тем, что, отступая, гоминьдановские войска выводили из строя железные дороги, мосты, угоняли или уничтожали подвижной состав. Целью гоминьдановцев и американцев было максимально затруднить продвижение войск НОА, выиграть время и лишить подвоза в освобождаемые районы Китая, и особенно в крупные города (Шанхай, Нанкин, Ухань), продовольствия, топлива, сырья и тем самым вызвать экономический хаос.

В телеграмме в Вашингтон от 22 октября 1948 г. Дж. Стюарт предлагал заблокировать Китай, прекратить подвоз муки, риса, нефтепродуктов, хлопка и других товаров, вызвать голод в стране, чтобы таким путем помешать победе народно-революционных сил. «Мы обладаем,— подчеркивал он,— политико-экономическим рычагом первостепенной важности. Не только отказом, но даже угрозой отказа в импорте по программе экономической помощи (ЕАС) можно будет задержать, если не предотвратить, создание в Нанкине коалиционного правительства, где бы преобладали коммунисты... Такой курс действий отвечает лучшим интересам Соединенных Штатов»²⁹.

В КНР впоследствии отмечалось, что и с этими сложными проблемами, связанными как с обеспечением быстрых военных побед над гоминьдановцами, так и укреплением отвоеванных у них позиций, а также в борьбе с чанкайшистско-американской блокадой китайского побережья, народно-революционные силы сумели справиться благодаря СССР, оказавшему огромную и разностороннюю поддержку главной революционной базе Китая — Маньчжурии.

Наряду с другими формами помощи очень важное значение имела посылка в Маньчжурию, а затем и в другие районы Китая советских специалистов, в частности железнодорожников. Эти специалисты, как отмечалось в книге Ци Юя, «проявляли великий дух интернационализма и самоотверженности»³⁰.

В осуществлении ленинской политики КПСС в отношении Китая Советскому правительству приходилось учитывать крайнюю сложность внутренней обстановки, внимательно следить за политическим маневрированием, которое развернула американская дипломатия под флагом посреднической миссии П. Хэрли, а затем Дж. Маршалла. Цель этих маневров состояла в том, чтобы путем некоторых буржуазных реформ и реорганизации правительства Чан Кай-ши, по существу, укрепить гоминьдановский режим, ослабить КПК, ликвидировать революционные армии и пресечь таким путем дальнейшее развитие революционного процесса в Китае. И когда эти расчеты не оправдались, США, как уже отмечалось выше, перешли от политического маневрирования к поддержке Чан Кай-ши в гражданской войне и угрозе широкой военной интервенцией. Предпринимая политические шаги в отношении КПК, американская дипломатия учитывала националистические, антимарксистские взгляды Мао Цзэ-дуна и пыталась этим воспользоваться. Попытки американцев заигрывать с Мао Цзэ-дуном встретили заинтересованность с его стороны. Мао Цзэ-дун установил с генералом Маршаллом личный контакт и стал было строить большие иллюзии в отношении его миссии.

²⁹ Foreign Relations of the United States (Diplomatic Papers), Far East, China, 1948, vol. VII, p. 506—508.

³⁰ Ци Юй. Синьчжунго-ды тедао цзяньшэ, 1953, с. 7—16, 46—50.

В послании американскому генералу в конце января 1946 г. Мао Цзэ-дун писал: «Я высоко ценю Вашу справедливую и бескорыстную позицию в ходе переговоров и в осуществлении соглашения о прекращении огня. От имени ЦК КПК я хотел бы выразить Вам самую глубокую благодарность»³¹.

Мао подчеркивал, что КПК рассчитывает воспользоваться его «беспристрастной помощью для решения многих проблем как общенационального, так и местного характера, которые стоят перед всем китайским народом»³².

Мао Цзэ-дун выразил согласие распространить «миссию» Дж. Маршалла на Маньчжурию. Действуя с его одобрения, Чжоу Энь-лай обратился к Дж. Маршаллу за помощью в решении «всех спорных вопросов», «как военных, так и политических». При этом Чжоу Энь-лай заявил Дж. Маршаллу, что КПК питает к нему «полное доверие». «Мы полностью уверены в том, — подчеркивал он, — что участие США в этом деле стабилизирует обстановку на Северо-Востоке, а следовательно, и во всем Китае...»³³. Мы приветствуем помощь наших американских друзей в решении этих проблем»³⁴.

Выступая 8 октября 1949 г. в госдепартаменте на дискуссии за «круглым столом», Дж. Маршалл, касаясь своих переговоров и встреч с Чжоу Энь-лаем (а их, по его словам, было около 600), заявил, в частности, следующее: «Он (Чжоу Энь-лай) несколько раз привозил мне послания от Мао Цзэ-дуна, в которых указывалось... что Китай должен сначала пройти через стадию американской демократии». Дж. Маршалл при этом отметил, что он (Чжоу Энь-лай) «говорил это так часто, что мне было видно, что это было заучено им наизусть». В высказываниях Дж. Маршалла фактически признается, что в этих своих заигрываниях с американцами Чжоу Энь-лай, действуя от имени Мао, зашел слишком далеко. Дж. Маршалл заявил: «Дело дошло до того, что мне пришлось вступить за него и ходатайствовать перед Мао Цзэ-дуном, потому что одно время казалось, что они уберут его. Они считали, что он слишком себя скомпрометировал». Дж. Маршалл заметил при этом, что «Чжоу Энь-лай... пошел на многие другие компромиссы»³⁵ (выполняя, по существу, волю Мао Цзэ-дуна, с которым он был тесно связан. — А. Л.).

С прибытием в Китай генерала Дж. Маршалла Мао Цзэ-дун повел переговоры о создании американцами военных школ для подготовки и переподготовки командного состава войск КПК, включая командиров дивизий. Согласно достигнутой предварительной договоренности, было решено создать два таких военных училища — в Яньани и Калгане. Военных инструкторов и преподавателей, как и все техническое оснащение, должна была выделить ставка генерала Д. Макартура. Осуществление этой идеи было затруднено требованием Чан Кай-ши относительно подчинения войск КПК гоминьдановскому верховному командованию и было окончательно сорвано развернувшейся затем гражданской войной³⁶.

Флиртуя с США, Мао Цзэ-дун и выполнявшие его волю деятели нередко пытались играть на антисоветских настроениях. Так, в политиче-

³¹ Foreign Relations of the United States, vol. IX, The Far East, China, 1946, p. 152.

³² Ibid, p. 152.

³³ Ibid, p. 536.

³⁴ Foreign Relations of the United States, vol. IX, The Far East, China, 1946, p. 537.

³⁵ American Policy Toward China, Round Table Discussion, US, Dept. of State, W., Oct. 6, 7, 8, 1949, p. 23—24.

³⁶ См.: Foreign Relations of the United States, Far East, China, vol. IX, p. 335—336; :341, 955—956, 963, 1133, 1484. 258—259, 262—264.

ски острый момент, когда чанкайшистская и американская пропаганда развернула злобную антисоветскую кампанию вокруг вопроса о задержке вывода советских войск из Маньчжурии, Чжоу Энь-лай выступил перед группой американских корреспондентов с интервью провокационного характера. «Я им откровенно заявил, — сказал Чжоу Энь-лай Дж. Маршаллу, — что если бы это касалось только наших интересов, то мы считаем, что, чем скорее советские войска будут выведены, тем лучше»³⁷. Чжоу Энь-лай сетовал при этом на то, что интервью не получило широкого освещения на Западе, а гоминьдановская пресса о нем вообще умолчала³⁸.

Он жаловался генералу Дж. Маршаллу также по поводу того, что гоминьдановские власти связывают с КПК «все, что относится к Советской России». Указав на учиненные в феврале 1946 г. в ряде городов Китая антикоммунистические демонстрации и погромы, Чжоу Энь-лай заявил, что «эти подлые элементы не предприняли никаких акций против советского посольства и консульств...». «Вместо них, — сказал Чжоу Энь-лай, — они избрали нас своей единственной мишенью»³⁹.

Чжоу Энь-лай прибег в данном случае к извращению фактов. В действительности гоминьдановские власти не жалели сил в осуществлении враждебных акций в отношении СССР и советских людей, находившихся в Китае. Многие советские работники стали жертвами их грубого произвола. Но, подвергаясь актам мести за помощь Советского Союза, оказываемую КПК, советские люди никогда не противопоставляли себя Компартии Китая. Подчеркивая принципиальную позицию СССР о невмешательстве во внутренние китайские дела, советские люди не скрывали при этом своих симпатий в отношении справедливой борьбы КПК за национальные интересы китайского народа. Они решительно осуждали репрессии против коммунистов и всех китайских патриотов.

Одобрив на словах проводимую КПСС политику невмешательства в китайские дела как единственно правильную, лучше всего отвечающую интересам китайского народа, Мао Цзэ-дун на деле пытался вовлечь СССР в борьбу между КПК и гоминьданом. Он, как и Чан Кай-ши, фактически стремился к тому, чтобы столкнуть США и СССР по известному в Китае принципу «с горы наблюдать за схваткой тигров».

Говоря об указанных попытках игры на советско-американских противоречиях, следует отметить также и такой факт, приведенный в донесении посла США в Китае Дж. Стюарта госсекретарю США от 6 января 1947 г. В этом донесении Дж. Стюарт писал, что при встрече с Дж. Маршаллом Чжоу Энь-лай заявил, что своей политикой поддержки гоминьдановского правительства, наносящей ущерб интересам КПК, «США толкают коммунистов в руки русских и подрывают их большие симпатии к Соединенным Штатам». Стюарт при этом отметил, что, «возможно, Чжоу Энь-лай сказал правду, может быть, для красного словца, а возможно, в этом заявлении есть то и другое»⁴⁰.

Во всяком случае, Дж. Стюарт считал необходимым обратить внимание правительства США на указанное высказывание Чжоу Энь-лая, касающееся Советского Союза.

Идя на переговоры с гоминьданом при участии американцев, Мао Цзэ-дун и некоторые другие деятели в КПК, выполняя волю Мао Цзэ-

³⁷ Ibid, p. 534.

³⁸ Ibid, p. 535.

³⁹ Ibid, p. 532.

⁴⁰ Foreign Relations of the United States (Diplomatic Papers), 1947; Far East, China, vol. VII, p. 6—7.

дуна, действовали таким образом, что это нельзя было расценить иначе, как попытку втянуть СССР в эти переговоры, а следовательно, в острую внутривосточную борьбу в Китае и в маневры, предпринятые США. Такие попытки предпринимались, в частности, со стороны делегации КПК в Чунцине. Посольству СССР в Китае в этой связи пришлось разъяснить принципиальную позицию Советского Союза. Было подчеркнуто, что существующие внутривосточные проблемы в Китае должны, по мнению Советского правительства, решаться самим китайским народом, без постороннего вмешательства и что решение их лежит на пути объединения всех прогрессивных, демократических сил страны исходя из общих интересов китайского народа.

Однако, несмотря на указанные разъяснения, делегация КПК не оставила своих попыток. На заседании Комитета трех⁴¹ 7 января 1946 г. при обсуждении вопросов, связанных с конфликтом между КПК и гоминьданом в Маньчжурии, Чжоу Энь-лай заявил, что эти вопросы «должны быть рассмотрены с участием Советской России».

Представитель гоминьдановской стороны выступил против, он заявил, что вопросы, касающиеся «реоккупации» Маньчжурии, предусмотрены советско-китайским договором и относятся к компетенции двух стран — Китая и СССР, поэтому нет необходимости в обсуждении этих вопросов с Советским Союзом в Комитете трех⁴².

На заседании Комитета, состоявшемся 8 января 1946 года, Чжоу Энь-лай снова поднял этот вопрос. «Я думаю, что было бы необходимым,— заявил он,— чтобы были приглашены военные представители от Советской России, которые бы дали нам разъяснения относительно истинного положения»⁴³ в вопросах, касающихся отвода советских войск из Маньчжурии и передачи территории Центральному правительству.

На указанном и последующих заседаниях Комитета развернулись острые споры между КПК и гоминьданом из-за Толуна и Чифэна, в провинции Чахар⁴⁴. Чжоу Энь-лай предлагал, чтобы представители СССР приняли участие в обсуждении этой острой конфликтной ситуации⁴⁵.

Выступая против предложения КПК и ссылаясь на советско-китайский договор, чанкайшисты, разумеется, менее всего заботились о соблюдении этого договора. Они преследовали иные политические цели. Но дискуссия, которую затевал Чжоу Энь-лай в Комитете трех, поднимая вопрос об участии Советского Союза в решении внутривосточных проблем в Китае, шла вразрез с четкой и принципиальной позицией Советского правительства.

После неудач с приглашением представителей СССР в Комитет трех Чжоу Энь-лай стал настойчиво добиваться, чтобы Дж. Маршалл вместе с ним отправился в Маньчжурiju, мотивируя это необходимостью на месте разобраться в обстановке. Дж. Маршалл, по согласованию с президентом Г. Трумэнem, занял отрицательную позицию, опасаясь, как он заявил, что приезд специального представителя президента США в Маньчжурiju может вызвать подозрение и отрицательную реакцию в Советском Союзе. В телеграмме Г. Трумэну от 26 февраля 1946 г. Маршалл писал: «Чжоу Энь-лай предлагает, чтобы мы посетили Мук-

⁴¹ Этот комитет был создан (по приезду Дж. Маршалла в Китай) в составе представителей гоминьдана, КПК и США.

⁴² См., *Foreign Relations of the United States, Far East, China, 1946*, vol. IX, p. 45—47.

⁴³ *Ibid.*, p. 73.

⁴⁴ *Ibid.*

⁴⁵ *Ibid.*

ден и Чанчунь. Я не соглашусь поехать в Мукден, если там находятся русские, потому что уверен, что они припишут моему появлению там что угодно, кроме действительной цели, что может создать более затруднительную, чем полезную, обстановку»⁴⁶.

В беседе с представителями Чан Кай-ши в Комитете трех 20 февраля 1946 г. Дж. Маршалл заявил, что Чжоу Энь-лай добивается поездки членов Комитета трех в Маньчжурию, но что он, Маршалл, хочет воздержаться от этого, так как «не желает давать русским повода для пропаганды, которая может повредить его миссии». Дж. Маршалл сказал, что, возможно, он решится на такую поездку в Мукден, «когда оттуда уйдут русские войска»⁴⁷. И действительно, Чжоу Энь-лаю удалось уговорить представителя США отправиться в Мукден после ухода оттуда советских войск.

В телеграмме от 18 марта 1946 г. из Вашингтона, где он находился в то время, Дж. Маршалл писал своему заместителю в Комитете трех генералу А. Гиллему, что если гоминьдановские войска взяли Мукден, то он не видит более оснований откладывать поездку генерала в Мукден. В то же время, когда американский генерал Г. Байроуд из так называемого «Исполнительного штаба» в Пекине собирался из Мукдена отправиться в Чанчунь для встречи с маршалом Р. Я. Малиновским, чтобы под предлогом информирования представителей советского командования о работе указанного штаба «прощупать» связи советского командования с КПК⁴⁸, ему было указано посольством США в Китае: «Ни в коем случае Байроуду не следует ехать в Чанчунь или в любой другой район, занятый русскими, без получения специальных полномочий Комитета трех или разрешения генерала Маршалла»⁴⁹.

2 апреля 1946 г. генерал Дж. Маршалл телеграммой из Вашингтона подтвердил указание американского посольства и одновременно предложил, чтобы инспекционные группы, направляющиеся в Маньчжурию, не вступали на территорию той ее части, «которая занята русскими»⁵⁰.

Таким образом, США стремились держаться в стороне от прямых контактов с советским командованием в Маньчжурии, избегали прямой конфронтации там с СССР. Они предпочитали действовать через правительство Чан Кай-ши, добиваться осуществления своих целей в Китае руками гоминьдановцев.

В одном из рассекреченных документов, опубликованных Конгрессом США в 1973 г., содержится специальный раздел, который называется «коммунистические увертюры и переговоры Дж. Стюарта — Хуан Хуа»⁵¹. В нем указывается, что заигрывания между маоцзэдуновской группировкой и американцами продолжались до и в течение 1949 г. и были прерваны по инициативе США. В упомянутом документе говорится, что после занятия столицы гоминьдановского Китая Нанкина войсками Народно-освободительной армии продолжавший оставаться там американский посол Дж. Стюарт в течение нескольких месяцев имел серию переговоров с начальником Отдела по иностранным делам при нанкинском Военно-административном Комитете Хуан Хуа — нынешним

⁴⁶ Foreign Relations of the United States, Far East, China, vol. IX, p. 445.

⁴⁷ Ibid, p. 262.

⁴⁸ Ibid, p. 718.

⁴⁹ Ibid, p. 718. «Исполнительный штаб» наблюдал за выполнением соглашений по прекращению гражданской войны в Китае.

⁵⁰ Foreign Relations of the United States, Far East, China, vol. IX, p. 725.

⁵¹ The United States and Communist China in 1949—1950; The Question of Approachment and Recognition. Committee of Foreign Relations, United States Senate. W., 1973.

министром иностранных дел КНР. Сначала эти контакты и переговоры осуществлялись через доверенное лицо Дж. Стюарта — Филиппа Фуга, а 13 мая 1949 г. Хуан Хуа вышел на прямую связь с послом США. Он первым нанес ему визит и провел с ним почти двухчасовые переговоры. В своем донесении в Вашингтон об этой встрече Дж. Стюарт указал, что Хуан Хуа «выразил большую заинтересованность в признании коммунистического Китая Соединенными Штатами Америки»⁵². На это Дж. Стюарт ответил и разъяснил это при последующих встречах, что США не собираются признавать новую власть в Китае и порывать с режимом Чан Кай-ши, который «все еще продолжает сохранять контроль над обширными территориями»⁵³.

В донесении в Вашингтон 30 июня 1949 г. Дж. Стюарт доложил, что накануне Хуан Хуа нанес ему визит и передал от Мао Цзэ-дуна и Чжоу Энь-лая приглашение приехать в Пекин под формальным предлогом посещения ранее возглавляемого им Яньцзинского университета. Выражая свои «впечатления» от разговора с Хуан Хуа, Дж. Стюарт указывал в своем сообщении: «Мао, Чжоу и Хуан, какие бы ни были их мотивы, возлагают большие надежды на то, что я совершу эту поездку»⁵⁴. Дж. Стюарт указывал в своих последующих донесениях, что Мао Цзэ-дун готов оказать ему любезный прием и воспользоваться его «как бы частным визитом» для проведения с ним переговоров⁵⁵.

На эти донесения Дж. Стюарта из Вашингтона 1 июля 1949 г. последовали указания о том, что ему не следует ехать в Пекин «ни при каких обстоятельствах»⁵⁶.

За четыре дня до того, как Хуан Хуа передал Дж. Стюарту приглашение от Мао и Чжоу, группа сенаторов направила письмо президенту Г. Трумэну с требованием не признавать «китайских коммунистов». Но Г. Трумэна не пришлось убеждать. Он сам был сторонником «жесткого курса» и дал указание Госдепартаменту «не проявлять в отношении коммунистов никакого смягчения»⁵⁷. 1 июля 1949 г. Госсекретарь США Д. Ачесон направил письмо председателю сенатской комиссии по иностранным делам Т. Конналу о том, чтобы он «наложил вето на поездку Стюарта в Пекин» и что без консультаций с указанной Комиссией Госдепартамент не предпримет никаких шагов по вопросу о признании нового режима в Китае, если такой вопрос возникнет⁵⁸.

Указанная реакция Вашингтона расстроила планы маоцзэдуновской группировки. В своем донесении от 14 июля 1949 г. Дж. Стюарт докладывал в Вашингтон, что отказ от принятия приглашения в Пекин нанес удар по престижу «китайского руководства», которое в результате этого «потеряло лицо»⁵⁹.

На этом закончился один из очередных этапов заигрывания Мао Цзэ-дуна и его группировки с правящими кругами США. 2 августа 1949 г. американский посол вынужден был покинуть Нанкин и возвратиться в США⁶⁰.

Секретные контакты между Мао и маонстами и США в указанный период получили подтверждение в публикациях агентства ЮПИ, которое, ссылаясь на некоторые рассекреченные документы архивов госде-

⁵² Ibid, p. 8.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Ibid, p. 10.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Ibid, p. 11.

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ Ibid, p. 12.

⁶⁰ Ibid.

партамента США, сообщило в середине августа 1978 г., что в 1949 г. Чжоу Энь-лай в секретном порядке обратился к США с просьбой помочь Китаю проводить курс, «независимый от Запада и Советского Союза».

Согласно сообщению ЮПИ, «Чжоу Энь-лай установил контакт с американскими официальными представителями в Пекине и попросил, чтобы его соответствующее послание было в совершенно секретном порядке передано самым высокопоставленным американским официальным лицам». При этом, по словам агентства, он потребовал сохранить дело в строгой тайне, ни в коем случае не упоминать его имени, предупредив, что в противном случае «он откажется от этого послания самым решительным образом»⁶¹.

Согласно документам, Чжоу Энь-лай потребовал от США «оказать помощь Китаю, рекомендуя им исходить при этом из того, что «Китай еще не является коммунистической страной, и если политика Мао Цзэ-дуна будет проводиться в жизнь правильно, то не станет коммунистической страной еще долгое время»; «Китай мог бы в этом случае выполнять в международной жизни роль посредника между западными капиталистическими державами и СССР. Возникновение хаоса в Китае при любом установленном там режиме создало бы угрозу миру в Азии и во всем мире».

По сведениям ЮПИ, предложение Чжоу Энь-лая вызвало полемику в государственном департаменте США и «в конечном итоге было отвергнуто»⁶².

Приведенные выше, как и многие другие, факты раскрывают подлинное лицо Мао Цзэ-дуна, Чжоу Энь-лая и других националистических эрережденцев в руководстве КПК, которые в разгар напряженной борьбы китайского народа и Советского Союза против американской экспансии в Китае пытались плести за их спиной паутину сговора с американским империализмом. Эти их тайные попытки вовсе не означали искреннего стремления к тому, чтобы Китай жил в мире и дружбе с США. Мао и его сторонники преследовали свои корыстные гегемонистские, великодержавные цели, как они преследуются и нынешними преемниками Мао. Для Мао были характерны политические шарашания, проявления непоследовательности и беспринципности. От похвал в адрес США и услужничества перед ними он переходил к заявлениям, содержащим подлинную оценку США как душителей национальной независимости Китая и других стран Азии.

Такие оценки содержатся в его многочисленных работах, опубликованных до «культурной революции».

Власть Чан Кай-ши, как и его предшественников — правителей Китая из числа феодалов-милитаристов, всегда держалась на том, что он натравливал одни влиятельные группировки в правящих кругах страны против других. Те же методы борьбы за власть усвоил Мао Цзэ-дун, который шел по трупам к захвату руководства в партии. Этим путем идут преемники Мао. Те же методы Мао маоисты перенесли в сферу международных отношений — методы натравливания одних стран против других для осуществления своих авантюристических внешнеполитических планов.

Что касается США, то им не удалось реализовать свои планы в Маньчжурии ни методами прямого военного вмешательства, ни сговором с чанкайшистами, ни попытками налаживания контактов с Мао Цзэ-дуном. Главным препятствием для США явился Советский Союз,

⁶¹ «Правда», 15.VIII.1978.

⁶² Там же.

который, твердо стоя на позициях невмешательства во внутренние дела Китая, вел решительную борьбу за прекращение вмешательства США, против интервенции, за вывод американских войск из Китая. США вынуждены были воздержаться от слишком авантюристических действий в Китае, поскольку под воздействием Советского Союза, роста его политического влияния и укрепления оборонной мощи для империализма складывалась крайне неблагоприятная международная обстановка.

При поддержке Советского Союза в Восточной Европе складывались и укреплялись страны народной демократии. Пытаясь помешать этому, действуя с «позиции силы» в Европе, ведущие капиталистические державы во главе с США стремились не сокращать, а, напротив, наращивать свои вооруженные силы. Все более разваливалась колониальная система империализма на Востоке, что заставляло западные державы, и прежде всего США, бросать свои войска сразу во многие страны и континенты. Все это ограничивало их военные возможности в Китае.

В книге «Краткая история освободительной войны китайского народа» китайский историк Ляо Гай-лун указывал, что американским планам «захвата Маньчжурии и порабощения всего Китая» не суждено было осуществиться благодаря существованию могучего антиимпериалистического лагеря во главе с СССР, который не позволил американскому империализму «сконцентрировать свои силы, чтобы подавить китайскую революцию»⁶³. Ляо Гай-лун отмечал также, что разгромом милитаристской Японии Советский Союз «свалил с наших плеч огромные камни, давившие Китай, «значительно облегчил трудности, стоявшие перед китайской революцией...»⁶⁴.

В печати, в выступлениях руководителей КПК и представителей китайской общественности указывалось при этом, что агрессивным планам США «противостояла мощь Советского Союза»⁶⁵. В октябре 1945 г. Мао Цзэ-дун признавал, что для КПК наибольшую опасность представлял не столько гоминьдан, сколько американская военная интервенция. В беседе с советским послом в Китае 10 октября 1945 г. Мао Цзэ-дун заявил, что КПК сумеет справиться с наступлениями гоминьдановских войск, «лишь бы не вмешались американцы. Это единственное, чего мы опасаемся»⁶⁶.

Мао Цзэ-дун подчеркивал впоследствии, что «Советский Союз — оплот мира во всем мире, могучий фактор, препятствующий установлению мирового господства американской реакции. Существование Советского Союза делает притязания американской и мировой реакции совершенно неосуществимыми»⁶⁷.

В докладе на совещании в ЦК КПК, состоявшемся 25—28 декабря 1947 г., Мао Цзэ-дун говорил: «Преимущество на нашей стороне... Социалистический Советский Союз... пользующийся любовью и поддержкой широких народных масс во всем мире, по своей мощи теперь уже превосходит империалистические Соединенные Штаты Америки...»⁶⁸.

В статье «Прошайте, Лэйтон Стюарт!», опубликованной 18 августа 1949 г. в связи с выходом американской «Белой книги», Мао Цзэ-дун отмечал: «Слушайте же те из китайцев, которые полагают, что победа

⁶³ Ляо Гай-лун. Чжунго жэньминь цзефан чжаньчжэн цзянь-ши. Пекин, 1953, с. 80.

⁶⁴ Там же, с. 128—129.

⁶⁵ «Жэньминь жибао», 8.XI.1950.

⁶⁶ Очерки международных отношений в Южной, Юго-Восточной Азии, с. 102.

⁶⁷ Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. IV. Пекин, 1969, с. 117.

⁶⁸ Там же, с. 209—210.

возможна и без международной помощи. Ачесон дает вам урок! Ачесон — хороший учитель, он... не утаивая, преподносит всю правду. США не выставили большого количества войск для наступления на Китай не потому, что правительство США не хотело этого, а потому, что у него были свои опасения»⁶⁹. Отмечая главные из них, Мао Цзэ-дун заявил: «Правительство США опасалось, что народы Советского Союза, Европы и всего мира выступят против него, опасалось всеобщего осуждения». Мао Цзэ-дун заметил при этом, что Д. Ачесону не хочется говорить об этом, так как «он боится ударить лицом в грязь перед Советским Союзом, боится, что европейский план Маршалла... потерпит полный и жестокий крах»⁷⁰.

Политика Советского Союза была столь значительным фактором в судьбах китайской революции, что это вынуждены были признавать перед лицом всей мировой общественности даже такие люди, как Мао Цзэ-дун, который выступил впоследствии с попытками внушить китайскому народу, будто СССР является для КНР «врагом № 1».

События и факты, характеризующие историю освободительного движения Китая в сложный и ответственный период конца 40-х годов, роль, которую играли в этих событиях СССР и США, выбивают почву из-под ног тех, кто, стремясь «навести мосты» между Пекином и Вашингтоном, старается оправдать политику вражды в отношении Советского Союза, помешать восстановлению советско-китайской дружбы.

Факты показывают, что, следуя ленинской внешней политике в отношении Китая, Советский Союз оказывал огромную поддержку КПК и возглавляемым ею народно-революционным силам в их борьбе против американской интервенции в Китае. Этим целям служила советская дипломатия, которая умело использовала в качестве средства воздействия на правящие круги США и гоминьдана международный авторитет Советского Союза, его положение в ООН, пребывание советских войск в Маньчжурии, советско-китайский договор и соглашение от 14 августа 1945 г.

Не поддаваясь давлению со стороны гоминьдановско-американского блока и не позволяя ни одной из борющихся в Китае сторон втянуть себя во внутренний конфликт в стране, Советское правительство твердо и последовательно стояло на позициях решительной борьбы за интересы китайского народа и сделало все, чтобы лучшим образом содействовать его победе, завершившейся образованием Китайской Народной Республики.

⁶⁹ Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. IV, с. 533.

⁷⁰ Там же, с. 534.

Советско-корейское сотрудничество

*Н. М. Ашуров,
В. И. Алексеев*

Долгие годы на корейской земле хозяйничали японские колонизаторы, и все это время свободолюбивый корейский народ вел мужественную, героическую борьбу со своим злейшим и коварным врагом. Решающее влияние на освободительную борьбу корейского народа против иноземных поработителей, а также местных феодалов и компрадорской буржуазии оказала Великая Октябрьская социалистическая революция. Победа Великого Октября, коренным образом изменившая международные условия революционной борьбы угнетенных и эксплуатируемых всего мира, создание в Советской России первого в мире социалистического государства, ставшего идейной и материальной базой международного освободительного движения, внесли новое качественное содержание в интернациональные связи корейских революционных сил, в содержание и направленность их освободительной борьбы. «Зарницы октябрьской грозы, — отмечал товарищ Л. И. Брежнев в докладе «Великий Октябрь и прогресс человечества», — осветили путь в будущее народам многих стран»¹. Эти слова в полной мере относятся к корейскому народу, к его длительной победоносной борьбе.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в корейском национально-освободительном движении начинается новый этап, главной отличительной чертой которого явилось распространение и рост влияния марксистско-ленинской идеологии и постепенное соединение идей социализма с массовым движением. «Решающее влияние на освободительную борьбу нашего народа, — писал Генеральный секретарь ЦК Трудовой партии Кореи, Президент КНДР Ким Ир Сен, — оказала Великая Октябрьская социалистическая революция. Ее победа способствовала быстрому проникновению и распространению в нашей стране великих революционных идей марксизма-ленинизма. Многие корейские патриоты уже в то время стали изучать труды Ленина. Ленинские указания служили для них вдохновляющей силой и путеводной звездой в справедливой борьбе за освобождение своего народа»².

Под влиянием идей Октября национально-освободительное движение корейского народа с каждым годом приобретало все более организованный характер и с начала 30-х годов переросло в открытое вооруженное сопротивление японским захватчикам. В 1932 г. на территории Маньчжурии был создан партизанский отряд, возглавляемый тов. Ким Ир Сеном. В эти же годы корейские коммунисты организовали ряд других

¹ Л. И. Брежнев, Великий Октябрь и прогресс человечества. М., 1977, с. 17.

² История Кореи. М., 1974, т. 2, с. 61.

партизанских отрядов, которые в 1934 г. были объединены в Народно-революционную армию под командованием тов. Ким Ир Сена.

Корейские патриоты наносили ощутимые удары по врагу. Но силы были неравные. Мужественным борцам за свободу противостояла хорошо отлаженная военная машина японского империализма. Свободу и независимость корейскому народу принесла Советская Армия, разгромив гитлеровскую Германию и милитаристскую Японию. Выступая на торжественном собрании, посвященном 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, товарищ Л. И. Брежнев отмечал: «Разгром фашизма оставил глубокий след в жизни многих народов, изменил лицо мира.

Десятки стран были освобождены от фашистского ига, восстановили свою независимость.

Народы Польши, Чехословакии, Югославии, Болгарии и Венгрии, Румынии и Албании, Германской Демократической Республики, народы Китая, Вьетнама и Северной Кореи получили возможность избрать путь социалистического развития»³.

15 августа 1945 г. под мощными ударами советских вооруженных сил японские войска в Корее капитулировали, и с тех пор день 15 августа отмечается в КНДР как национальный праздник — День освобождения страны.

С чувством искренней благодарности и дружбы встречал корейский народ советских воинов-освободителей. «Сорок лет корейский народ не видел солнца, — писали в благодарственном письме Советскому правительству жители Кореи, — крошечная ночь стояла над нашей родиной и, казалось, что ей не будет конца... Не раз за всю многовековую историю Корея видела у себя чужеземные войска. От их мечей умирали наши патриоты, гибло мирное население. Они жгли наши города и села, превращали их в развалины и груды пепла. И только советские войска пришли к нам не как завоеватели, а как освободители»⁴.

Тов. Ким Ир Сен, высоко оценивая историческое значение освобождения Кореи Советской Армией, подчеркивал: «Если бы Советская Армия не освободила Корею, то не существовала бы Корейская Народно-Демократическая Республика. И не было бы такого победоносного шествия нашего национально-освободительного движения»⁵.

Таким образом, в результате разгрома Советской Армией японского милитаризма и вступления на территорию Северной Кореи советских воинов были созданы благоприятные условия для свободного волеизъявления корейского народа и установления подлинно демократических порядков на всей территории Кореи. Однако уже после капитуляции Японии и окончания второй мировой войны 8 сентября 1945 г. американские войска высадились в Южной Корее. В соответствии с союзническими соглашениями, подписанными в Ялте (февраль 1945 г.) и Потсдаме (июль — август 1945 г.) территория Кореи была разграничена на две зоны ответственности: к Северу от 38-й параллели — Советской Армии и к югу от 38-й параллели — американских войск. Это разграничение носило временный характер и имело целью принятие капитуляции японских войск и содействие демократическим силам в создании суверенного демократического государства корейского народа.

Американская военная администрация грубо нарушила эти соглашения. Официально объявив Южную Корею оккупационной зоной, она

³ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 5, М., 1976, с. 286.

⁴ «Правда», 16.II.1949.

⁵ Ким Ир Сен. За укрепление партии. Пхеньян, 1951, с. 342 (на кор. яз.).

своими практическими шагами чинила всяческие препятствия широко развернувшемуся на Юге народному движению за независимость и демократическое развитие. На местах был сохранен японский колониальный аппарат, из тюрем были освобождены японские военные преступники, в том числе бывший японский генерал-губернатор в Корее Абэ Нобуюки. Оккупация войсками США Юга Кореи положила начало расколу страны, длящемуся и по сегодняшний день.

В то же время Советская Армия, с честью выполнив свою освободительную миссию на Севере Кореи, создала народным массам благоприятные условия для преобразования общества в соответствии с их стремлениями и интересами. В первые же дни была полностью ликвидирована японская колониальная администрация. Советские войска взяли под охрану фабрики, заводы, шахты, железные дороги, средства связи и другое имущество японской и крупной корейской буржуазии и национальных предателей, которое в дальнейшем было передано Временному народному комитету Северной Кореи — первому органу народной власти. Советские военнослужащие рука об руку со своими братьями по классу участвовали в восстановлении разрушенных японцами и их пособниками народнохозяйственных предприятий, делились своим опытом мирного строительства, помогали готовить национальные кадры.

С целью нормализации и обеспечения необходимых условий для налаживания новой жизни Советский Союз оказывал корейскому народу широкую материальную поддержку, предоставляя безвозмездно продовольствие, товары народного потребления, автотранспорт, топливо и т. д. И это несмотря на то, что советские люди в то время сами испытывали неимоверные тяготы и лишения, восстанавливая разрушенное гитлеровскими захватчиками народное хозяйство.

Благодаря пребыванию на территории Северной Кореи Советской Армии внутренняя и внешняя реакция не могла оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления становлению народной власти, которое осуществлялось в целом мирным, бескровным путем.

Менее чем за два года после освобождения Кореи от японского колониального господства, то есть к началу 1947 г., на Севере была завершена антиимпериалистическая, антифеодалная, демократическая революция и страна вступила на путь постепенного перехода к социализму.

Направляющей и организующей силой трудящихся Северной Кореи явились коммунисты, которые шли в авангарде революционной борьбы и революционных преобразований. Под руководством коммунистов были созданы и действовали массовые демократические организации: Союз демократической молодежи, профессиональные союзы, Крестьянский союз, Союз демократических женщин и другие. Коммунистическая партия, Новая народная партия, Демократическая партия и партия «Ченудан» («Партия молодых друзей»), а также массовые демократические организации объединились в Единый демократический национальный фронт Северной Кореи. Демократические национальные силы Севера и Юга вели последовательную борьбу за развитие революционных процессов в масштабе всей страны, за создание единого демократического государства. Совещание 56 политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи, состоявшееся в апреле 1948 г., обратилось к правительствам США и СССР с просьбой вывести войска из Кореи, с тем чтобы предоставить возможность самим корейцам создать единое независимое государство. Несмотря на то, что эта законная просьба была отвергнута американскими империалистами, правительство СССР в

одностороннем порядке эвакуировало советские войска с территории Северной Кореи до конца 1948 г.

Американская военная администрация вместо этого повела дело к юридическому закреплению раздела Кореи. В мае 1948 г. американская военщина, поддерживая реакционные круги Юга, провела в обстановке жесточайшего террора сепаратные «выборы», в результате которых к Югу от 38-й параллели была создана так называемая Корейская республика. Во главе марионеточного правительства был поставлен антинародный проамериканский режим во главе с Ли Сын Маном.

Проведение сепаратных выборов на Юге не могло, подавить стремление корейского народа жить единой семьей. В августе 1948 г. волей народа Северной и Южной Кореи были проведены выборы во всекорейский верховный орган власти — Верховное народное собрание (ВНС). 9 сентября 1948 г. первая сессия ВНС провозгласила создание Корейской Народно-Демократической Республики, приняла конституцию КНДР и сформировала правительство во главе с товарищем Ким Ир Сенем.

Провозглашение КНДР и принятие первой конституции республики явились результатом самоотверженной борьбы трудящихся масс Кореи, возглавляемых коммунистами и опиравшихся на интернациональную помощь Советского Союза, других социалистических стран и всех международных революционных сил. Вместе с тем образование КНДР имело огромное интернациональное значение, так как укрепляло силы мирового социализма. Советский Союз первым признал правительство КНДР, установив 12 октября 1948 г. дипломатические отношения с республикой. Эта акция СССР положила начало широкому международному признанию молодого корейского государства. «С созданием Корейской Народно-Демократической Республики, — указывал тов. Ким Ир Сен, — корейский народ обрел еще более могучее оружие для последовательного осуществления великого дела социализма и коммунизма в Корее»⁶.

* * *

30 лет, прошедшие со дня провозглашения КНДР, — это годы всестороннего сотрудничества корейского народа с народами социалистических стран, и прежде всего Советского Союза, во всех областях политики, экономики и культуры. Это годы упорного труда корейских трудящихся за построение социалистического общества, годы непрерывающейся борьбы с провокационными и военными происками южнокорейской реакции, борьбы за мирное объединение страны на демократической основе.

Суровым испытанием для Корейской Народно-Демократической Республики явилась война, развязанная в июне 1950 г. южнокорейской реакцией при поддержке американского империализма. Под угрозу были поставлены демократические завоевания корейского народа, само существование молодого народно-демократического государства.

Отражение вооруженной агрессии потребовало огромного напряжения всех сил страны. По призыву Трудовой партии Кореи трудящиеся поднялись на отечественную освободительную войну, проявляя массовый героизм и стойкость. В своей борьбе они опирались на мощную поддержку народов Советского Союза, других братских социалистических стран. Верный своему интернациональному долгу, Советский Со-

⁶ Ким Ир Сен. Избр. произв., т. 5, Пхеньян, 1972, с. 157.

юз вместе с другими социалистическими странами последовательно разоблачал и решительно осуждал агрессоров перед лицом мирового общественного мнения, требуя прекратить интервенцию. Неутомимая борьба Советского Союза и других братских стран на международной арене за восстановление мира в Корее явилась наряду с мужественной борьбой корейского народа на фронте и в тылу фактором первостепенной важности в поражении интервентов. Наряду с морально-политической поддержкой советский народ оказывал братской Корее и большую материальную помощь оружием, боеприпасами, транспортными средствами, промышленным оборудованием, строительными материалами, медикаментами, продовольствием, одеждой и другими товарами первой необходимости. В распоряжение Корейской народной армии был предоставлен богатый боевой опыт наших вооруженных сил, накопленный в годы Великой Отечественной войны. В частях КНА находились советские военные специалисты, в тылу были развернуты советские госпитали для раненых военнослужащих и пострадавшего мирного населения. Тыл корейских воинов и частей китайских народных добровольцев надежно прикрывали советские авиационные подразделения, дислоцировавшиеся в Маньчжурии.

Активная помощь СССР и других социалистических стран, интернациональная поддержка мировой прогрессивной общественности помогли выстоять мужественному корейскому народу. Отразив вооруженное вторжение врагов, корейский народ отстоял свободу и независимость своей родины, защитил революционные завоевания и вынудил агрессоров подписать в июле 1953 г. соглашение о перемирии в Корее.

В годы послевоенного восстановления и индустриализации Советский Союз вновь оказал корейскому народу большую экономическую помощь, предоставив безвозмездно 292,5 млн. руб. и выделив значительные долгосрочные кредиты. При помощи СССР в этот период были реконструированы и построены вновь десятки крупных промышленных предприятий и объектов, имеющих первостепенное значение для развития народного хозяйства КНДР. Все социалистические страны, включая СССР, выделили КНДР безвозмездно 750 млн. рублей⁷. Братская помощь Советского Союза и других социалистических стран дала возможность корейскому народу не только успешно разрешить актуальные проблемы экономики в послевоенный период, но также разработать и шаг за шагом реализовать последующие планы развития народного хозяйства КНДР.

Высоко оценивая эту помощь и поддержку со стороны СССР и других социалистических стран, тов. Ким Ир Сен отмечал: «Каждый раз, когда корейский народ оказывался в трудном положении, народы Советского Союза и стран социалистического лагеря оказывали ему моральную поддержку и бескорыстную экономическую и техническую помощь. Интернациональная солидарность и сотрудничество с социалистическими странами, возглавляемыми Советским Союзом, явились не только прочным залогом национальной независимости корейского народа, но и важным фактором, облегчающим построение социализма в нашей стране, ускоряющим ее общественное развитие и обеспечивающим победоносное движение нашей революции вперед»⁸.

Большие успехи корейского народа в области хозяйственного и культурного строительства в значительной степени способствуют непрерывному росту авторитета социалистической Кореи на международной арене.

⁷ «Коммунист», № 15, 1975, с. 95.

⁸ Ким Ир Сен. Избранные статьи и речи. М., 1962, с. 331.

не. Героическими усилиями корейского народа, руководимого Трудовой партией, ее Центральным Комитетом во главе с товарищем Ким Ир Сенем, КНДР за 30 лет превращена в одну из развитых индустриальных стран Азии. Пройдя 30-летний путь социалистического обновления, КНДР сегодня предстает перед всем миром как процветающее, миролюбивое социалистическое государство, обладающее мощной экономикой, развитой культурой, искусством. Она занимает достойное место в системе международных отношений, пользуется уважением и авторитетом у народов мира.

В своей внешней политике КНДР ставит задачу сплочения со странами социализма — этой главной силы современности, ибо все успехи КНДР неотделимы от углубления сотрудничества с другими социалистическими странами, от развития всего социалистического содружества, живущего и продвигающегося вперед под знаменем пролетарского, социалистического интернационализма. Другим аспектом деятельности КНДР на международной арене является всемерное укрепление и расширение связей с народами развивающихся и неприсоединившихся стран, со всеми прогрессивными силами нашей планеты.

Характеризуя внешнеполитическую линию Трудовой партии Кореи и правительства КНДР, тов. Ким Ир Сен указывал: «Мы и впредь, как и в прошлом, высоко неся знамя марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, революционное знамя антиимпериалистической борьбы, будем спланиваться с народами социалистических стран, с международным рабочим классом, с борющимися народами Азии, Африки и Латинской Америки, спланиваться с прогрессивными народами Европы, со всеми миролюбивыми народами мира, а также будем продолжать порную борьбу против империализма и колониализма, за мир и демократию, национальную независимость и торжество великого дела социализма»⁹.

С каждым годом расширяет свои международные связи Корейская Народно-Демократическая Республика. Давно уже прошли те времена, когда капиталистические государства пытались игнорировать существование молодой независимой республики. Под влиянием позитивных сдвигов в международных отношениях в связи с осуществляемой Советским Союзом и другими социалистическими странами политикой разрядки в 70-е годы с КНДР установили дипломатические отношения на уровне посольств более 50 государств.

Успехи корейского народа, достигнутые внутри страны и на международной арене, сегодняшняя социалистическая действительность КНДР являются подтверждением того, что в условиях интернациональной поддержки со стороны других социалистических стран каждый народ — большой или малый, — ставший полновластным хозяином своей земли, способен построить новую, счастливую жизнь для всех людей своей отчизны, заслужить признание всех народов мира.

В условиях роста международного авторитета и признания КНДР, все более широкой поддержки КНДР со стороны многих государств и прогрессивных организаций особую остроту приобретает одна из главных проблем корейской нации — воссоединение расчлененной родины. Прошло 33 года после освобождения страны, а корейская нация по-прежнему остается разделенной, что наносит колоссальный ущерб развитию общенациональной экономики, культуры, науки, чревато серьезными осложнениями делу мира и обеспечения безопасности на Корейском полуострове и на Дальнем Востоке.

⁹ «Корея сегодня», Пхеньян, 1978, № 1, с. 34.

Выражая волю всего корейского народа, Трудовая партия Кореи и правительство КНДР последовательно и неуклонно продолжают добиваться мирного объединения страны на демократической основе, без какого-либо вмешательства извне. С этой целью была выдвинута реалистическая конструктивная программа, существом которой сводится к немедленному выводу из Южной Кореи всех иностранных войск, проведению свободных демократических выборов на Севере и Юге страны и созданию на этой основе единого правительства во главе единого корейского государства. В качестве переходной меры в целях создания атмосферы взаимного доверия КНДР не исключает и создание конфедерации Севера и Юга.

Под давлением общественного мнения внутри страны и за рубежом сеульские власти были вынуждены пойти навстречу инициативе КНДР и подписать в июле 1972 г. Совместное заявление Севера и Юга, в котором были определены согласованные сторонами основные принципы объединения страны и конкретные меры по смягчению напряженности на Корейском полуострове. Был создан постоянный консультативный политический орган — Координационный комитет во главе с сопредседателями от КНДР и Южной Кореи; установлена прямая телефонная связь между Пхеньяном и Сеулом.

Однако в ходе переговоров по линии Координационного комитета стало очевидным, что истинные намерения сеульских властей далеки от поисков путей мирного демократического объединения. Вопреки духу и букве Совместного заявления в Южной Корее продолжалась оголтелая антикоммунистическая кампания, направленная в первую очередь на то, чтобы дискредитировать ТПК и правительство КНДР, всю внутреннюю и внешнюю политику республики, извратить позицию КНДР по объединению. Сразу же после подписания Совместного заявления, выступая в национальном собрании 17 июля 1972 г., Пак Чжон Хи заявил о том, что его правительство не намерено отменять антикоммунистический закон и так называемый закон о национальной безопасности, позволяющие без суда и следствия бросать в тюрьмы всех неугодных режиму патриотов, выступающих за объединение страны. Вследствие такой позиции режима Пак Чжон Хи переговоры по линии Координационного комитета в начале 1975 г. зашли в тупик.

Игнорируя волю корейского народа и придерживаясь курса, идущего вразрез с интересами мира и безопасности в Азии, правящие круги Южной Кореи не только не пошли навстречу инициативам КНДР, но и постоянно создавали трудности и тем самым вели дело к срыву переговоров. Прикрываясь измышлениями о якобы существующей мифической «угрозе с Севера», сеульский режим при поддержке милитаристских кругов США продолжает наращивание своих вооруженных сил, сохраняет напряженность на демаркационной линии, разделяющей Север и Юг.

Важным препятствием на пути мирного объединения страны на демократической основе является пребывание на территории Южной Кореи американских войск, которые служат основной опорой режиму Пак Чжон Хи. Численность американской оккупационной армии составляет 42 тыс. человек¹⁰. Она оснащена современной боевой техникой, всеми видами новейшего оружия, в том числе атомным оружием. В ходе предвыборной кампании президент США Дж. Картер обещал вывести из Южной Кореи в течение 4—5 лет все сухопутные воинские части США. Однако предвыборные обещания остались на бумаге. Не без оснований

¹⁰ См. «Правда», 23.IV.1978.

обеспокоенные тем, что без американских солдат режим Пак Чжон Хи ждет неминуемый крах, империалистические круги США свели дело лишь к эвакуации незначительного количества сухопутных войск.

Борьба корейского народа за объединение страны является составной частью борьбы всех народов за мир, безопасность, социальный прогресс. Она способствует ликвидации опаснейшего очага военной угрозы, оставшегося со времен «холодной войны», служит делу обеспечения безопасности всех стран Азии. КПСС, Советское правительство и весь советский народ активно поддерживают борьбу корейского народа за мирное демократическое объединение Кореи. В Советском Союзе находят понимание все конструктивные предложения ЦК ТПК и правительства КНДР по этому вопросу. Советские люди вместе с народами других социалистических стран выступают против попыток южнокорейских властей и их империалистических покровителей увековечить раскол Кореи, настаивают на незамедлительном выводе из Южной Кореи всех иностранных войск. Отвечая на вопросы главного редактора газеты «Асахи» в июне 1977 г., тов. Л. И. Брежнев подчеркивал: «Мы поддерживаем предложения Корейской Народно-Демократической Республики о выводе всех иностранных войск из Южной Кореи и создании благоприятных условий для объединения страны на мирных демократических началах без какого-либо вмешательства извне»¹¹.

К сожалению, нынешний внешнеполитический курс Пекина, молчаливое согласие китайских лидеров с сохранением военного присутствия США в Азии, в том числе и в Южной Корее, осложняют положение КНДР, создают дополнительные препятствия для справедливого урегулирования в Корее. Вместе с тем эти действия Пекина направлены и против всех социалистических стран, они препятствуют борьбе народов за независимость и общественный прогресс, угрожают всеобщему миру, жизненным интересам всего человечества.

* * *

Практика 30-летнего строительства новой жизни в КНДР является подтверждением важнейшей закономерности общественной жизни на современном этапе, состоящей в том, что необходимым условием ускоренного продвижения каждой страны по пути социализма являются нерушимое единство, дружба и тесное сотрудничество на принципах пролетарского интернационализма всех социалистических стран. Характеризуя отношения между социалистическими странами, тов. Л. И. Брежнев отмечал: «Мы идем вместе, помогая друг другу, объединяя усилия, знания, ресурсы для быстреего движения вперед»¹².

С непосредственной помощью и поддержкой Страны Советов связано освобождение Кореи от ига японского империализма, вступление корейского народа на социалистический путь развития и претворение в жизнь сложнейших задач социалистического строительства, его победоносная борьба в трудные годы отражения американо-лисымановской агрессии и замечательные трудовые успехи в период послевоенного восстановления и строительства.

Советско-корейская дружба, зародившаяся в совместной борьбе против японского милитаризма в суровые августовские дни 1945 г., стала животворной основой всего развития КНДР. Уже через несколько

¹¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 6, с. 413.

¹² Л. И. Брежнев. Великий Октябрь и прогресс человечества. С. 19—20.

месяцев после провозглашения КНДР, в марте 1949 г., между нашими странами было заключено Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве, которое явилось первым в истории корейского народа равноправным соглашением с иностранным государством. Оно положило начало широкому сотрудничеству наших стран в экономической, научно-технической, культурной и других областях, основанному на принципах полного равноправия, обоюдной выгоды и взаимной помощи.

Важным этапом в укреплении братского сотрудничества между нашими странами стал подписанный в июле 1961 г. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНДР. Договор явился закономерным следствием всего предшествующего этапа развития дружественных отношений между нашими странами и народами. Он предусматривает большие возможности для широкого использования положительного опыта друг друга в деле строительства социализма и коммунизма, всестороннее развитие экономического и научно-технического сотрудничества, неуклонное расширение обмена в области науки и культуры. Этот основополагающий документ юридически скрепил братский союз двух народов. Основанный на принципах полного равенства, взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела друг друга, Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи явился мощным стимулом дальнейшего совершенствования и укрепления традиционной советско-корейской дружбы и сотрудничества, мощным гарантом социалистических завоеваний корейского народа, важным инструментом обеспечения мира и безопасности на Корейском полуострове и Дальнем Востоке в целом.

Подчеркивая непреходящее историческое значение советско-корейского Договора для развития дружбы и сотрудничества советского и корейского народов, тов. Ким Ир Сен говорил: «Корейский народ всегда считает своим священным интернациональным долгом поддерживать Советский Союз, укреплять дружбу и сплоченность с советским народом; он безгранично дорожит корейско-советской дружбой. Корейский народ и впредь будет прилагать все свои усилия для дальнейшего укрепления дружбы и сплоченности с советским народом и останется до конца верным священным обязательствам, вытекающим из Договора. Испытанная историей и еще крепче связанная узами Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи корейско-советская дружба вечна и нерушима»¹³.

В соответствии с Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, а также другими договорами и соглашениями, подписанными в его развитие, между нашими странами продолжают развиваться и углубляться экономические, политические и культурные связи.

В комплексе советско-корейских отношений важное место занимает торгово-экономическое и научно-техническое сотрудничество. Советский Союз является основным торговым партнером КНДР, на его долю приходится около одной трети всего внешнеторгового оборота страны. СССР поставляет в КНДР комплектное оборудование для фабрик и заводов, металлорежущие станки, энергетическое и электротехническое оборудование, приборы и инструменты, оборудование для металлургической промышленности, сельскохозяйственные машины, железнодорожный подвижной состав, нефть, кокс и коксующийся уголь, хлопок и другие промышленные изделия и сырье.

В свою очередь СССР импортирует из КНДР такие традиционные

¹³ Приложение к журналу «Новая Корея», 1961, № 15, с. 13.

товары корейского экспорта, как минеральное сырье, черные и цветные металлы, цемент, магнезитовый клинкер, продукция химической промышленности, станки, товары народного потребления, сельскохозяйственную продукцию.

Советский Союз продолжает оказывать КНДР техническое содействие в строительстве и реконструкции промышленных предприятий. За годы народной власти при техническом содействии нашей страны в КНДР были возведены и продолжают строиться 70 крупных народнохозяйственных объектов, из которых 55 предприятий сданы в эксплуатацию полностью, 7 — частично и остальные находятся в стадии строительства. Все предприятия спроектированы с учетом последних достижений науки и техники и оснащаются новейшими образцами советского оборудования. Глубоко символическим свидетельством высокой оценки правительства КНДР работы советских специалистов на сооружении народнохозяйственных объектов в стране является награждение орденами и медалями более 240 советских строителей Чхончжинского металлургического комбината им. Ким Чака по случаю 60-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Советский Союз участвует в реализации программы развития транспорта КНДР. Он поставил в КНДР мощные тепловозы, оказал содействие в проектировании и техническом оснащении Пхеньянского метро, переоборудовании порта Раджин для приема и переработки советских внешнеторговых грузов, включая реконструкцию железной дороги от пограничной станции Туманган до Раджина. С каждым годом расширяются объемы сотрудничества в заготовке леса силами корейских рабочих для нужд народного хозяйства КНДР в районах Восточной Сибири. На территории Хабаровского края и Амурской области действуют несколько лесозаготовительных хозяйств КНДР и осуществляется частичная переработка древесины на долевом участии. Успешно развивается советско-корейское сотрудничество в области рыболовства.

Исключительно важное значение имеет научно-техническое сотрудничество между нашими странами. Эта форма связей позволяет КНДР с наименьшими затратами и в максимально короткие сроки осваивать производство новой продукции, сложных современных машин и оборудования. Взаимный обмен научно-техническими достижениями осуществляется на безвозмездной основе, оплачиваются только расходы, связанные с изготовлением и доставкой копий документации. Советский Союз передал КНДР 2,7 тыс. комплектов различной технической документации в области геологии, тракторостроения, станкостроения, автомобилестроения, металлургической, химической, пищевой, рыбной промышленности, энергетического и сельскохозяйственного машиностроения и других отраслей народного хозяйства. Кроме того, советские организации передали КНДР 5,3 тыс. различных стандартов для использования советского опыта при создании и развитии национальной службы стандартизации. По советской технической документации был налажен выпуск многих видов промышленной продукции.

КНДР в свою очередь передала советским организациям различную техническую документацию, касающуюся производства поливинилового спирта, методов интенсификации прудового хозяйства, приемов лова рыбы, переработки продукции морского промысла, методов возделывания некоторых сельскохозяйственных культур и лекарственных растений¹⁴.

¹⁴ «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 1, с. 7.

Возросший объем и углубление экономических связей между СССР и КНДР обусловили необходимость создания в 1967 г. межправительственной советско-корейской консультативной комиссии по экономическим и научно-техническим вопросам, которая занимается разработкой рекомендаций, направленных на развитие и совершенствование взаимовыгодного сотрудничества, координацией и контролем над их практическим осуществлением соответствующими национальными хозяйственными организациями, учреждениями и ведомствами. В 1977 г. в Пхеньяне состоялось XIV заседание Комиссии, рассмотревшее вопросы развития торговли и оказания КНДР технического содействия в строительстве некоторых предприятий с помощью Советского Союза.

Новый импульс получило в последние годы советско-корейское сотрудничество в политической и культурной областях. Между руководящими деятелями наших партий и государств имеют место постоянные контакты и обмен мнениями по широкому кругу вопросов дальнейшего углубления и совершенствования братской дружбы и солидарности между партиями, государствами и народами, по международным проблемам, представляющим взаимный интерес. Налажены связи между КПСС и ТПК по взаимному изучению опыта коммунистического и социалистического строительства в СССР и КНДР. В январе 1977 г. в Советском Союзе с официальным дружественным визитом в СССР находился член Политического комитета ЦК ТПК, премьер Административного совета КНДР Пак Сен Чер. Товарищ Пак Сен Чер был принят и имел плодотворные беседы с товарищами Л. И. Брежневым и А. Н. Косыгиным. На праздновании 60-летия Великого Октября в Москве находилась партийно-правительственная делегация КНДР во главе с членом Политического комитета ЦК ТПК, секретарем Центрального народного комитета КНДР Лим Чун Чу. Корейские гости вместе с представителями других стран присутствовали на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, приняли участие в других праздничных мероприятиях.

В свою очередь в январе этого года по приглашению корейской стороны КНДР с официальным дружеским визитом посетила советская партийно-правительственная делегация, возглавляемая членом Политбюро ЦК КПСС, членом Президиума Верховного Совета СССР, первым секретарем ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаевым. В Пхеньяне делегация имела встречу с тов. Ким Ир Сенем, в ходе которой ему было передано личное послание Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР тов. Л. И. Брежнева. По поручению Президиума Верховного Совета СССР Д. А. Кунаев вручил тов. Ким Ир Сену орден Ленина.

Советские коммунисты, все советские люди высоко ценят дружбу с братским корейским народом. Имеющая глубокие исторические корни и скрепленная кровью лучших сынов России и Кореи в совместной борьбе против общих врагов, эта дружба цементируется Коммунистической партией Советского Союза и Трудовой партией Кореи. Наши партии и народы связаны единством цели и идеалов, их роднят традиции совместной борьбы против империализма, за построение социализма и коммунизма. Советский народ будет стремиться и впредь приумножать славные традиции советско-корейской дружбы.

Китайская община Вьетнама — политическое орудие в руках Пекина

*Т. М. Котова,
кандидат исторических наук*

С начала 1978 г. из Пекина стали звучать призывы к созданию «патриотического единого фронта зарубежных китайцев», в который должны войти не только граждане КНР, но и лица без гражданства, а также иностранцы китайского происхождения¹. Лидеры КНР не делали тайны из того, в каких целях они намерены использовать этот фронт. По их планам, он должен «служить потребностям внешнеполитической линии Китая»² и острием своим быть направлен на борьбу с «гегемонизмом», «советским социал-империализмом», то есть с СССР, всем мировым социализмом. Идея подобного единого фронта не есть изобретение современного руководства Китая, как не новы и цели союза с зарубежными китайцами, которые и во времена прежних режимов использовались в политических интересах. Новое состоит в том, что в этот единый фронт втягивают даже самых реакционных представителей зарубежной китайской буржуазии, включая бывших идеологических и политических врагов народной революции в Китае. Единственным условием является проявление чувства «патриотизма», что в данном случае означает согласие отправиться вместе с Пекином в новый «крестовый поход» против социализма и коммунизма.

Весной текущего года новый политический курс нашел практическое применение в действиях Китая против Социалистической Республики Вьетнам, которая только три года назад, в результате длительной и самоотверженной борьбы, поддержанной странами социалистического сотрудничества, добилась исторической победы над американским империализмом. Укрепив за это время свой международный авторитет, став полноправным членом ООН, новый Вьетнам, проводящий последовательную миролюбивую и независимую политику, превратился в надежный форпост социализма в ЮВА. Внутри страны все усилия вьетнамского народа были направлены на восстановление народного хозяйства и проведение социалистических преобразований на юге страны, на выполнение задач, выдвинутых IV съездом Коммунистической Партии Вьетнама.

Однако укрепление международных позиций, миролюбивая политика и внутренняя стабилизация экономики СРВ не устраивают Пекин, который видит во Вьетнаме основное препятствие на пути своих гегемонистских устремлений в Юго-Восточной Азии. В 1977 г. китайские лидеры сделали все возможное, чтобы подтолкнуть Кампучию на пограничные столкновения с Вьетнамом и затруднить вьетнамскому народу процесс восстановления экономики страны. Почти одновременно среди китай-

¹ «Жэньминь жибао», 4.I.1978.

² Там же, 16.II.1978.

ской общины Вьетнама Пекин стал распространять слухи о близкой большой войне Вьетнама с Китаем, в результате которой пострадают вьетнамские китайцы. Пекинские подстрекатели, запугивая и угрожая, требовали, чтобы лица китайской национальности бежали в Китай, в противном случае тот, кто не вернется на родину, будет считаться предателем³. Оставалось найти формальный предлог для открытого вмешательства во внутренние дела суверенного государства.

Этим предлогом стала начавшаяся в марте 1978 г. в южной части страны кампания за социалистические преобразования капиталистической торговли и промышленности и перевод торгового капитала в область промышленности. Решение начать социалистические преобразования с торговли диктовались необходимостью навести порядок в деле управления рынком. «С помощью спекуляций, черного рынка, создания незаконных запасов товаров и денежных средств капиталистические коммерсанты наносят ущерб экономике и рынку, поднимают продажные цены, мешают закупочным операциям государства и нарушают работу рынка с целью личного обогащения»⁴. Вслед за этим по всей стране была введена единая денежная единица. В ходе обмена денег сумма денег, ранее выпущенная государственным банком, обменивалась по курсу один старый донг на один новый на севере Вьетнама и 0,8 донга на донг — на юге. В интервью радиостанции «Голос Вьетнама» генеральный директор Государственного банка Вьетнама Чан Зьонг объяснил, что изъятие из обращения старых денег и их обмен на новые производится в интересах трудящихся и не затрагивает накоплений, приобретенных честным трудом. Что же касается спекулянтов и других элементов, занимающихся противозаконными операциями, то их необходимо взять под контроль, чтобы они не могли больше использовать деньги для ущемления интересов народа. Проводимая на юге кампания соединяла в себе ряд экономических, воспитательных, административных и законодательных мер, направленных на постепенную ликвидацию различий между югом и севером страны, создание экономики, не зависимой от иностранных государств, ликвидацию незаконных занятий и неравноправия в обществе⁵. Преобразования проводились путем создания смешанных государственно-частных предприятий, где государство сохраняло право на руководство и защищало законные интересы частных акционеров. Как заявил в своей речи на митинге в Ханое 1 сентября 1978 г. премьер-министр СРВ Фам Ван Донг, в ходе кампании был принят ряд «справедливых и разумных мер». Использовались средства убеждения, проводилась разъяснительная работа, оказывалась помощь. Государство не прибегало к методам конфискации и принуждения, а выкупало средства производства у частного капитала. Как известно, правительство республики уже имело богатый опыт проведения социалистических преобразований, опыт длительного сосуществования в народном хозяйстве ДРВ социалистического и капиталистического секторов, костья последнего, кстати, составляли лица китайской национальности. При таком подходе были все основания полагать, что ход преобразований пойдет в основном мирно. Это подтверждалось и сообщениями вьетнамской прессы⁶.

Вполне естественно, что социалистические преобразования торговли коснулись и китайцев, которые традиционно были заняты в этой сфере

³ «Нян зан», 5.V.1978.

⁴ Там же, 25, 26.III.1978.

⁵ Там же, 3.XI.1976.

⁶ Там же, 30, 31.III., 6, 18.IV.1978.

хозяйства Южного Вьетнама. Однако, даже по признанию западной прессы, кампания не носила расового характера, наряду с торговцами-китайцами преобразования коснулись и торговцев-вьетнамцев.

Китай не замедлил воспользоваться удобным поводом и начал активную пропагандистскую кампанию среди лиц китайской национальности. На юге лицами китайской национальности из торговцев были предприняты неоднократные попытки дезорганизовать экономику, создать хаос. В Хошимине они устраивали беспорядки, демонстрации протеста, во время которых демонстранты несли портреты Мао Цзэдуна⁷. Началось массовое бегство китайцев из Вьетнама. На севере лица китайской национальности как по команде стали бросать работу, распродавать имущество, покупать ценные вещи, закрывать предприятия и без разрешения вьетнамских властей нелегально бежать в Китай.

Первое «предупреждение» Вьетнаму было сделано заместителем председателя Постоянного комитета ВСНП Ляо Чэн-чжи⁸, который одновременно является главой вновь созданной Канцелярии по делам зарубежных китайцев при Госсовете КНР. Выступая на первом майском митинге в Пекине, где присутствовали представители зарубежных китайцев, он заявил, что Китай «встревожен» неожиданным бегством большого числа китайцев из Вьетнама на родину и «внимательно следит за развитием событий». Истинная же причина происходящих событий была изложена секретарем ЦК КПВ, членом Президиума ЦК Отечественного фронта Вьетнама Суан Тхюи. В интервью, данном представителю агентства ВИА, он раскрыл замыслы пекинского руководства, провокационную деятельность пропекинских подстрекателей из числа лиц китайской национальности. Вьетнамская сторона уведомила китайское правительство о массовых нелегальных пересечениях границы китайцами, живущими во Вьетнаме, и просила его рекомендовать им впредь воздерживаться от подобных действий, заявив, что желающим выехать в Китай стоит «только открыто обратиться в соответствующие органы, которые помогут им быстро пройти все формальности и выехать через пограничные пункты»⁹.

Справедливые действия СРВ вызвали резкое раздражение у Пекина и события стали разворачиваться с нарастающим накалом. 24 мая Китай открыто обрушился на Вьетнам, обвиняя его в «дискриминации, ограблении и изгнании» китайцев. Ответственные руководители КНР заявляли, что правительство СРВ должно, «как желает китайское правительство, гарантировать законные права и интересы китайцев, проживающих во Вьетнаме»¹⁰. Для раздувания антивьетнамской кампании был мобилизован весь огромный пропагандистский аппарат КНР. Телевидение, радио, печатные издания наполнились рассказами об «арестах, убийствах, ограблениях» лиц китайской национальности, которые якобы правительством Вьетнама «лишены средств к существованию и изгнаны». В унисон с Пекином выступали пропекинские газеты Гонконга, распространявшие лживые слухи о том, будто социалистические преобразования были направлены на «ограбление китайского имущества». В одностороннем порядке Пекином было принято решение о посылке судов в порты Хайфон и Хошимин, а перед правительством СРВ поставлено условие, что китайские суда пробудут в портах страны неопределенно долго, заберут только «пострадавших» и что китайская

⁷ «Times of India», 11.V.1978.

⁸ «Жэньминь жибао», 1.V.1978.

⁹ «Нян зан», 5.V.1978.

¹⁰ «Жэньминь жибао», 28.V.1978.

сторона сама будет составлять списки и выдавать разрешения на выезд¹¹. Естественно, что, дав принципиальное согласие на прибытие китайских судов в вышеназванные порты страны, вьетнамская сторона не могла пойти на принятие таких ультимативных требований, ущемляющих суверенные права СРВ. Когда фарс с «посылкой кораблей за пострадавшими» был разоблачен, Пекин бросил все силы на создание напряженного положения на границе и в приграничных районах. Одним из таких мест стала вьетнамская провинция Каоланг, где проживало около 140 тыс. лиц китайской национальности. Китайскими властями были предприняты провокационные акты с целью нагнетания беспокойства и военного психоза. По свидетельству китайцев, вернувшихся из Китая во Вьетнам, они видели карты, на которых эта провинция была обозначена как китайская территория и всем районам, населенным пунктам, рекам присвоены китайские названия. 12 июля Китай неожиданно закрыл границу¹², что привело к скоплению большого числа беженцев на вьетнамской стороне. Власти пограничных районов СРВ помогали этим людям в размещении и питании, проводили разъяснительную работу, уговаривая их спокойно вернуться на прежние места жительства. К августу на границе находилось уже более 3,5 тыс. лиц китайской национальности. Пекинские власти решили использовать существующую ситуацию для нагнетания обстановки и 1 августа, послав на вьетнамскую сторону своих агентов, спровоцировали кровавые беспорядки среди китайских беженцев. В июле — августе обычным явлением стали нарушения китайскими самолетами воздушного пространства Вьетнама и постоянно обостряющиеся пограничные столкновения.

Наряду с военными провокациями, к «непокорному» Вьетнаму были применены экономические санкции — прекращена экономическая помощь, отозваны китайские специалисты, что создало определенные трудности в осуществлении строительства ряда объектов в стране. Внесли свой «вклад» в создание экономических трудностей и китайцы, проживающие во Вьетнаме. Они демонстративно покидали рабочие места на заводах, фабриках и в кооперативах. Так, согласно заявлению Хоанг Тхао, члена комитета по репатриации китайцев, сделанному 3 июня, две трети китайцев, зарегистрированных как постоянные жители Хайфона и его окрестностей, выехали в Китай. Общее количество покинувших СРВ в августе составило 160 тыс. человек. Прекращая Вьетнаму экономическую помощь, Китай мотивировал это решение тем, что ему нужны дополнительные средства для устройства такого большого количества беженцев. Однако последующие события показали, что Пекин совсем не собирался держать «изгнанных» у себя. В августе китайская сторона потребовала от Вьетнама принять, разместить и обеспечить работой даже тех китайцев, которые официально имеют паспорт КНР.

В Пекине учитывали, что за их конфликтом с Вьетнамом пристально наблюдают мировая общественность и многочисленные зарубежные китайцы, права которых пекинские лидеры обещали «защищать». С этой целью представители Китая приняли участие в целой серии китайско-вьетнамских переговоров, которые сначала велись между посольством КНР в СРВ и МИД СРВ, а затем между правительственными делегациями на уровне заместителей министров иностранных дел. Пространные выступления китайских делегатов на переговорах по вопросу о судьбе лиц китайской национальности сплошь и рядом состоя-

¹¹ «Нян зан», 6.VI.1978.

¹² «Жэньминь жибао», 13.VII.1978.

ли из голословных обвинений, требований прекратить несуществующую «дискриминацию, ограбление, изгнание» китайцев, ультиматумов. Отвергались все позитивные предложения вьетнамской стороны. Становилось совершенно очевидно, что Пекин не стремится к успешному завершению переговоров. «Сущность его действий, — верно определила газета «Нян Зан», — заключается в том, чтобы использовать переговоры для продолжения клеветы на Вьетнам, дальнейшего отравления атмосферы и ухудшения отношений между двумя странами»¹³.

Позиция правительства СРВ в отношении лиц китайской национальности основана на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Она полностью соответствует соглашению, достигнутому сторонами в 1955 г., и отвечает долгосрочным интересам китайцев, проживающих во Вьетнаме. Неизменной целью СРВ является создание благоприятных условий для мирного урегулирования разногласий. Принципы СРВ, сформулированные на основе международного права, соблюдение которых является обязательным для каждой стороны, гласят:

1. Правительство Вьетнама призывает лиц китайской национальности оставаться во Вьетнаме, чтобы спокойно жить и трудиться. Китайская сторона должна прекратить использовать их для вмешательства во внутренние дела Вьетнама.

2. Лица китайской национальности, которые хотят покинуть Вьетнам и выехать в Китай, получают на это разрешение компетентных органов Вьетнама после совершения выездных процедур. Вьетнамская сторона готова обсудить с китайской стороной конкретные вопросы, связанные с желанием лиц китайской национальности выехать в Китай.

3. Что касается лиц китайской национальности, проживающих на юге Вьетнама и выражающих желание вернуться в Китай, то вьетнамская сторона готова создать все благоприятные условия для их выезда.

4. Лицам, которые недавно покинули Вьетнам для выезда в Китай, не разрешается возвращаться во Вьетнам, за исключением особых случаев, когда имеется веская причина для их возвращения, которая будет рассмотрена правительством Вьетнама. Китайская сторона не должна по своему усмотрению незаконно отправлять этих людей во Вьетнам¹⁴.

Факты показывают, что вопрос о лицах китайской национальности является лишь поводом для открытого вмешательства Пекина в дела Вьетнама, а сама община используется как политическое орудие Пекина. Проследим, на какие элементы в общине делают ставку китайские политики, какие вопросы и почему поднимались на переговорах в пропаганде.

1. Использование антисоциалистических настроений буржуазной части китайской общины.

«Почему небольшой кучке буржуа во Вьетнаме из числа лиц китайской национальности, — пишет газета «Нян Зан», — китайская сторона уделяет такое большое внимание..? Разве непреложный закон социалистической революции о преобразованиях частного капиталистического сектора в промышленности и торговле не должен применяться по отношению к некоторым буржуа только из-за того, что они являются китайцами, хотя имущество их было нажито потом и кровью рабочего класса, всего трудящегося народа Вьетнама?»¹⁵

Китайская община на Юге Вьетнама насчитывает около 1,5 млн. человек, половина которых живет в 5-ом и 6-ом районах города Хошимин-

¹³ «Нян зан», 16.IX.1978.

¹⁴ Там же, 9.IX.1978.

¹⁵ Там же, 29.V.1978.

на (в бывшем Шолоне). Рабочий класс составляет всего 15% и в значительной части занят на предприятиях, владельцами которых являются китайцы. Основным занятием подавляющего большинства китайских эмигрантов является торговля. Накануне освобождения китайцы держали в своих руках значительную часть розничной и оптовой торговли. Китайские бизнесмены из Шолона контролировали 50% южновьетнамского импорта, большую часть торговли страны со странами Азии. Им принадлежало 70—80% акций компаний, занятых во внешнеторговых операциях¹⁶. Долгое время китайцы имели монополию на торговлю рисом — важнейшей продовольственной культурой Южного Вьетнама. Ими была создана «хорошо организованная, простая и надежная система, которая включала все стадии от скупки до экспорта риса и которая целиком находилась в руках китайцев»¹⁷. Крупные китайские торговцы диктовали цены на рис, через их руки рис шел в Гонконг, Японию, Францию, Индонезию и Сингапур. Даже перевозка собранного на местах риса в Шолон, производилась на судах, построенных специально для этой цели на судоверфях, принадлежащих китайцам¹⁸. Ряд законодательных мер, принятых южновьетнамским правительством, несколько потеснил китайский капитал, однако они по-прежнему оставались самой значительной силой в рисоторговле. В годы войны именно китайские купцы помогали властям скупать рис в районах, где действовали отряды НФОЮВ, в частности в провинции Бакльеу, которая давала около 220 тыс. тонн риса¹⁹.

Позиции китайцев были сильны и в транспорте Южного Вьетнама. Они владели заводами по переработке сахарного тростника, фабриками по производству кокосового и арахисового масла, ткацкими фабриками и предприятиями, производившими товары широкого потребления. Значительная часть этих предприятий находилась в Шолоне. Здесь же действовали китайские банки, тесно связанные с Гонконгом, Тайбэем и Сингапуром («Бэнк оф Чайна», «Бэнк оф Коммуникейшн», «Ист Эйша Бэнк») ²⁰. В руках китайцев находились почти все запасы иностранной валюты²¹, большое количество золота.

Приток американского капитала и товаров в период с 1954 по 1975 г. способствовал росту экономического и финансового влияния крупных капиталистов-китайцев. Они действовали в тесном союзе с представителями южновьетнамских властей и делили с ними баснословные прибыли, участвуя в спекуляциях и торговле опиумом. Огромные барыши приносили и различного рода увеселительные заведения, магазины сувениров, рестораны и отели.

Китайская буржуазия, тесно связанная семейными и земляческими узами, враждебно реагировала на любые попытки южновьетнамских властей ущемить ее интересы. В сентябре 1956 г., после издания правительственного декрета, запрещавшего китайцам-иностранцам участвовать в 11 сферах хозяйственной деятельности, в результате ответных акций китайской общины за короткий срок была приведена в состояние хаоса рисоторговля, девальвировался южновьетнамский пиастр и значительно нарушилась розничная и оптовая торговля в стране. На помощь южновьетнамским бизнесменам китайской национальности пришли их собратья из Гонконга и Сингапура, организовавшие бойкот

¹⁶ «Тса Гэппо», № 220, 1974.

¹⁷ «Tap Chi Cua Hoi Viet-Mu», vol. XVII, № 1, June, 1972, p. 27.

¹⁸ «Viet-Mu», Saigon, vol. V, № 3, autumn, 1960, p. 12.

¹⁹ «Tap Chi Cua Hoi Viet-Mu», p. 30.

²⁰ «Viet-Mu», Saigon, vol. V, № 5, autumn, 1960, p. 12.

²¹ «Vietnam Perspectives», New York, vol. 2, № 4, May, 1967, p. 15.

риса, шедшего из Вьетнама. Экономическая программа правительства практически не дала никаких результатов вследствие «гражданского неповиновения» китайской общины. Попытки режима Тхиеу в 1966 г. ввести в Шолон «экономическую полицию» также натолкнулись на организованное сопротивление — большинство предприятий и лавок закрылось на несколько недель, что немедленно нарушило торговлю во всем Сайгоне²². «Экономическая сила китайцев в Южном Вьетнаме, — отмечал американский журнал «Вьетнам перспективс», — настолько велика, что слишком сильное давление со стороны сайгонского правительства может привести буквально к молниеносной парализации экономики всей страны»²³.

Тем не менее китайская буржуазия в годы войны активно поддерживала южновьетнамское правительство. Только в начале 1968 г. режиму Тхиеу было передано 127 млн. пиастров, собранных китайской общиной. «Жертвам войны» они оказывали помощь продовольствием²⁴. Китайские добровольцы сражались в рядах марионеточных войск, в частности в батальоне «морские ласточки», действовавшем в дельте реки Меконг. По словам американской печати, во время войны многие из «самых преуспевающих китайцев надеялись, что Северный Вьетнам и Вьетконг будут разгромлены»²⁵. «Понятно, почему вьетнамские и китайские капиталисты-компрადоры горько оплакивали уход американцев и крах неокOLONиального режима», — говорится в обзоре вьетнамского агентства ВИА, переданном 18 июня 1978 г.

С первых дней после победы вьетнамского народа реакционные силы при прямом подстрекательстве тайных агентов Пекина делали все, чтобы не допустить восстановления мирной жизни и порядка на юге страны. Искусственно создавался дефицит товаров первой необходимости, росла спекуляция, расцветал черный рынок. За три года цены на рис возросли в 10 раз. Не случайно наибольший хаос царил в сферах, где традиционно доминировали китайцы.

Делая ставку на антисоциалистические и антикоммунистические настроения части общины и на «опыт» китайской буржуазии в борьбе за сохранение своих экономических позиций, Пекин выступал не только как поборник сохранения «монополистических позиций китайской буржуазии в экономике Вьетнама»²⁶, но и мешал социалистическим преобразованиям и восстановлению порядка на юге страны. Одновременно эти действия были призваны продемонстрировать перед всеми зарубежными китайцами твердое намерение китайских лидеров «защищать» их права и интересы.

Не вызывает сомнения факт, что Китай глубоко «волнует» судьба капиталистов и капиталов зарубежной китайской буржуазии. Но если он так трогательно заботится о всех лицах китайской национальности, то почему хранит упорное молчание относительно судьбы китайцев, проживающих в Кампучии? Ведь не в столь далеком прошлом были слышны протесты, несущиеся из Пекина в адрес режима Лон Нола, «преследующего китайских торговцев». Подобные заявления делались и тогда, когда во главе Кампучии стоял Народом Спанук. В то время даже такие события, как газетные статьи, критикующие школы и прессу зарубежных китайцев, вызывали болезненную реакцию Китая. Посол КНР, выступивший с открытым письмом в защиту китайской об-

²² «Vietnam Perspectives», New York, vol. 2, № 4, May, 1967, p. 18.

²³ Ibid.

²⁴ «Vietnam Magazine», Saigon, vol. 1, № 2, 1968, p. 2.

²⁵ «New York Times», 6.VII.1978.

²⁶ «Нян зан», 8.IX.1978.

щины Кампучии, писал, что «зарубежные китайцы любят свою социалистическую родину, уважают ее вождей, читают китайские книги и журналы, носят флаги КНР и портреты Мао Цзэ-дуна. Все это — священное право каждого китайца». Далее звучала неприкрытая угроза: «только такие патриотические китайцы способны серьезно содействовать дружбе китайского правительства с Камбоджей»²⁷.

Почему же сейчас в Пекине забыли о тех, кто «способствовал дружбе», не протестуют против политики геноцида, проводящейся властями Кампучии против 400-тысячной китайской общины, не принимают у себя пострадавших соотечественников? В КНР не отвечают на эти вопросы, как не ответили на открытое письмо группы кампучийских китайцев-беженцев, опубликованное на страницах гонконгского журнала «Минбао». Обращаясь непосредственно к Ляо Чэн-чжи, эти люди писали о том, что их «угнетает» то, что в Пекине не было сказано ни одного слова о бесчеловечных жестокостях, совершенных новыми кхмерскими властями против соотечественников, и указывали, что политика Китая в отношении зарубежных китайцев вызывает у них подозрение в том, что она определяется лишь политическими соображениями КНР. Вместе с тем тысячи китайцев, бежавших из Кампучии, нашли приют в Южном Вьетнаме. Именно вьетнамский народ позаботился о них, оказал им помощь и «поделился средствами к существованию»²⁸.

2. Утверждение о «преследовании, дискриминации и изгнании» лиц китайской национальности является лейтмотивом заявлений китайских представителей на переговорах и основной идеей публикаций китайской прессы, хотя, как писала 14 августа газета «Нян зан», о дружбе и благожелательном отношении Вьетнама к лицам китайской национальности, проживающим в стране, хорошо известно не только правительству Китая и зарубежным китайцам во Вьетнаме, но и самому китайскому народу. Известно настолько хорошо, что даже глава китайской делегации на открытии вьетнамо-китайских переговоров в Ханое 8 августа не смог отрицать этого.

Китайская община во Вьетнаме имеет длительную историю. На протяжении не менее двух тысячелетий, после смены династий, стихийных бедствий, крестьянских восстаний, китайские беженцы в значительных количествах уходили на юг и находили приют на территории современного Северного Вьетнама. Резкое увеличение количества переселенцев произошло в период минской династии, после семи экспедиций Хо Чэна в страны южных морей, а первые поселения в южной части Вьетнама возникли в 1698 г., когда после свержения Минов, большой группе политических изгнанников было разрешено поселиться в районе нынешнего Хошимина. Следующая группа политических противников цинской династии прибыла в Южный Вьетнам в 1714 г. и стала основой современной китайской колонии в провинции Хатуен. Однако основная масса прибыла в конце XIX и XX вв.

Доброжелательное отношение вьетнамских властей к китайским переселенцам, многочисленные смешанные браки, приводили к постепенной интеграции и ассимиляции целых групп китайцев. В XVIII в. в деревне Мин-сян (Минь Хыонг) уже проживала целая община потомков от смешанных браков, образ жизни и статус которых отличался от китайского. Впоследствии такие общины возникали и в других местах, а название Минь Хыонг стало нарицательным. Французское завоевание Вьетнама прервало процесс интеграции. Колониальная администрация

²⁷ «Far Eastern Economic Review», vol. LXI, № 11, June 15, 1967, p. 624—625.

²⁸ «Нян зан», 27.V.1978.

проводя политику «разделяй и властвуй», предоставила китайскому населению особый экономический и политический статус. Конечно, особые привилегии распространялись только на зажиточную часть общины и лишь усиливали гнет, которому подвергались труженики — китайцы. Не удивительно, что многие из зарубежных китайцев участвовали в войне сопротивления, направленной против французского господства. В 1948 г. в Бангкоке был издан сборник «Дружба китайцев и Вьетнама», где были собраны материалы, свидетельствующие о том, как морально и материально помогал вьетнамский народ зарубежным китайцам, пострадавшим в годы войны, и благодарственные письма, написанные руководителями местных китайских организаций президенту Хо Ши Мину. В письмах содержалось обещание в будущем оказывать всяческую поддержку народу Вьетнама²⁹. После освобождения и создания ДРВ зарубежные китайцы приняли активное участие в восстановлении своей родины и строительстве социализма в северной части Вьетнама. Учитывая столь благоприятные условия, в 1955 г. ЦК КПК и ЦК ПТВ достигли принципиального соглашения, по которому все лица китайской национальности переходили под юрисдикцию правительства Вьетнама, с тем чтобы постепенно все стали гражданами Вьетнама. В течение 20 лет вьетнамская сторона неизменно соблюдала и выполняла условия соглашения. Согласно вьетнамским законам, лица китайской национальности, проживающие в стране, имели равные с вьетнамцами права и обязанности. Представители китайцев избирались в Национальное собрание, работали в государственных учреждениях. Многие из них, получив образование, стали учителями, инженерами, врачами, высококвалифицированными рабочими. В 1972 г. были закрыты китайские школы. Однако по всей стране в школах, где учатся дети китайцев, специально предусмотрен курс китайского языка, разработанный китайскими преподавателями совместно с представителями министерства просвещения³⁰. В то же время правительство Вьетнама не препятствовало выезду китайской молодежи на обучение в КНР, а также многочисленным поездкам лиц китайской национальности к родственникам, проживающим в Китае. Зарубежные китайцы помогали средствами и непосредственным участием бороться с американскими агрессорами.

Во Вьетнаме действовали многочисленные китайские организации. Основной среди них является Ассоциация вьетнамских китайцев, имеющая отделения в Хайфоне, Намдине и некоторых других провинциальных центрах. С 1955 г. она стала издавать газету на китайском языке «Синьюэ хуабao» тиражом в 30 тыс. экземпляров. В августе 1976 г. на заседании Ассоциации было решено создать комиссию для консультаций с китайскими организациями на юге³¹. После консультаций все китайцы, проживающие на территории СРВ, были объединены в Единую ассоциацию лиц китайской национальности. Было принято решение об издании этой организацией зарубежных китайцев журнала в Ханое (на китайском и вьетнамском языках) и газеты в Хошимине.

Вся работа вьетнамского правительства с китайской общиной велась через и в тесном сотрудничестве с Ассоциацией вьетнамских китайцев. Именно она была инициатором кампаний, проводившихся в 60—70-х годах, за принятие вьетнамского гражданства и за изучение вьетнамского языка. После освобождения юга страны, точно такая же политика

²⁹ Chinese and Vietnam Friendship. Published by Le Hi Director of Vietnam News Service, Bangkok. 1948.

³⁰ «Нян зан», 5.VI.1978.

³¹ «Синьюэ хуабao», 30.VIII.1976.

стала проводиться и в отношении китайской общины Южного Вьетнама. Несмотря на ряд враждебных действий, правительство СРВ и административные власти Хошимина проявляли терпение и спокойствие, надеясь, что им удастся мирным путем вовлечь капиталистические элементы в русло новой жизни. Работа с общиной велась через китайский Комитет по связи и информации. Представители деловой части китайской общины были избраны в состав городского комитета Хошимина. Правительство СРВ не препятствует выезду лиц китайской национальности и создало специальное бюро по репатриации, принимающее заявки от желающих. Нет ограничений для выезда лиц китайской национальности, имеющих гражданство Гонконга, Тайваня, Малайзии, Таиланда. Одновременно было принято решение строго, в соответствии с законом наказывать лиц, ведущих враждебную пропаганду и принуждающих зарубежных китайцев покидать Южный Вьетнам.

Политика в отношении зарубежных китайцев всегда находилась в центре внимания правительства, Коммунистической партии Вьетнама и Отечественного фронта. В период массового бегства китайцев ни на минуту не прекращалась разъяснительная работа. Китайцев уговаривали остаться и спокойно работать. Основной задачей СРВ в настоящий момент остается забота о лицах китайской национальности, помощь в стабилизации духовной и материальной жизни при твердом решении «срывать все планы и меры, призванные использовать проблему лиц китайской национальности, живущих во Вьетнаме, для подрыва политической безопасности и общественного порядка», — говорится в резолюции третьего пленума ЦК Отечественного фронта Вьетнама, принятой 28—30 августа 1978 г.

Несмотря на достигнутую договоренность, Пекин не собирался оставлять в покое китайскую общину Вьетнама. Представители китайского посольства регулярно посещали собрания зарубежных китайцев, устраивали для них дни «открытых дверей». Через лиц, близких к посольству, в общине распространялись всевозможного рода слухи, порождая политическую напряженность. С начала 1978 г. посольство КНР в СРВ стало регулярно собирать зарубежных китайцев для разъяснения им своей «новой политики» в отношении СРВ.

В пропагандистской работе участвовали китайские специалисты, работавшие во Вьетнаме. Они снабжали общину антивьетнамскими материалами. Идеологической обработке подвергались вьетнамские китайцы, которые приезжали на учебу или в гости к родственникам в Китай.

Среди зарубежных китайцев была создана сеть «активистов», работавших в тесном контакте с посольством. Они проникали в массовые и культурные организации, пытались захватить там руководящие посты³², скомпрометировать руководителей Ассоциации вьетнамских китайцев и свести на нет кампанию за изучение вьетнамского языка и принятие вьетнамского гражданства. Тем, кто уже принял гражданство Вьетнама, давалось понять, что и в этом случае их верховным патроном остается Пекин, и что принятие гражданства — это потеря «лишь формальной поддержки консульских учреждений КНР»³³.

Цель, которая стояла перед помощниками Китая, состояла в том, чтобы, используя благоприятные моменты, создавать в стране беспорядки и панику. Так, во время войны с американскими империалистами они предприняли попытки организовать «восстания на местах» для проведе-

³² «Нян зан», 8.IX.1978.

³³ «Синьюэ хуабao», 2.IX.1976.

ния «культурной революции» в ДРВ. Не кажется странным, что спекулянты из лиц китайской национальности подняли голову именно в 1974 г., когда Китай предпринял серию вооруженных провокаций в районе Парассельских островов. События последнего времени лишний раз подтверждают подобную взаимосвязь: кампания за массовый выезд китайцев началась почти одновременно с вооруженными столкновениями на кампучийско-вьетнамской границе.

На юге еще до полного освобождения при прямом участии Китая была создана Ассоциация зарубежных китайцев «за мир». Ее курс, определенный пекинскими лидерами, состоял в следующем — жить мирно, накапливать силы, ждать удобного случая, мобилизовать буржуазию и интеллигенцию, отправлять переводы и технические кадры для строительства в КНР. После освобождения, пытаясь создать базу для деятельности Китая, ассоциация приняла участие в создании беспорядков, прибегая к прямым бандитским акциям — попыткам ограбить здание бывшего тайваньского посольства и ряд других организаций. Для ведения диверсионной и шпионской деятельности был создан целый ряд организаций, состоящих из лиц китайской национальности. Среди китайцев распространялись листовки, запугивающие опасностью скорой войны, агитирующие молодежь уклоняться от службы в армии, призывающие бежать в Китай, откуда они свободно «смогут впоследствии переселиться в Гонконг или другие страны».

Поддерживая «преследуемых» китайцев, печать КНР начала сообщать «ужасающие подробности» об «арестах, убийствах и изгнании», хотя западные наблюдатели и даже сами беженцы отрицали это³⁴.

В начале сентября глава китайской делегации на переговорах в Ханое Чжун Си-дун сделал существенное добавление в китайскую позицию по вопросу о судьбе китайцев, проживающих в Южном Вьетнаме. Оказывается, по несуществующей договоренности с ЦК ПТВ именно на китайскую сторону якобы была возложена обязанность проводить работу с китайской общиной на юге³⁵. Это «существенное» дополнение похоже на открытое признание того, что уже давно стало явным — ситуация на юге Вьетнама создана руками Пекина, а затем использована для вмешательства во внутренние дела суверенного государства под предлогом защиты китайцев.

Принуждая китайцев к массовому бегству в Китай, пекинские лидеры не принимают во внимание судьбы тысяч лиц, которые были сорваны с родных мест, где жили многие поколения их предков, и заброшены в страну, в которой многие из них до этого не бывали и языка которой не знают. Беженцам пришлось привыкать и к новому для них виду деятельности — сельскому хозяйству. Дело в том, что на родине большинство работало на предприятиях, в государственных учреждениях, массовых организациях. Став послушной игрушкой в руках китайских политиков, они потеряли возможность вернуться обратно, где остались их многочисленные родственники и друзья, и оказались ненужными в КНР, когда сыграли отведенную им роль.

3. Большое место в заявлениях китайской стороны отводилось вопросу о статусе зарубежных китайцев и обвинениям в том, что вьетнамское правительство будто бы принуждает их принимать гражданство СРВ.

Как уже говорилось выше, в 1955 г. этот вопрос был поводом для встреч, в результате которых достигнуто соглашение, целиком передающее китайцев в ведение вьетнамского правительства, с тем чтобы посте-

³⁴ «Нян зан», 8.IX.1978.

³⁵ «New York Times», 30.V.1978; «New York Times News Service», 15.VIII.1978.

ленно они приняли вьетнамское гражданство. В 1961 г. МИД ДРВ принял предложение китайского посольства о прекращении выдачи паспортов лицам китайской национальности, проживающим во Вьетнаме³⁶. Однако сейчас в ходе переговоров китайская сторона не желает считаться с этой договоренностью. По свидетельству индийской прессы, паспорта КНР выдаются посольством Китая в Ханое уже по крайней мере 2—3 года³⁷. Только в апреле—мае этого года выдано не менее 3 тыс. паспортов лицам китайской национальности³⁸.

Странно выглядит позиция Пекина и по вопросу о гражданстве лиц китайской национальности на Юге Вьетнама.

В августе 1956 года южновьетнамские власти приняли закон, согласно которому все китайцы, родившиеся на территории Южного Вьетнама, автоматически становились вьетнамскими гражданами. Это значило, что гражданство автоматически получал 51% китайской общины³⁹. К 1961 г. в Южном Вьетнаме было лишь 2 тыс. лиц, имеющих китайское гражданство⁴⁰. В 1976 г. во время переписи населения, проведенной правительством Вьетнама, подавляющее большинство китайцев, проживающих на юге страны, зарегистрировались в качестве вьетнамских граждан. Таким образом, «принятие вьетнамского гражданства китайцами, живущими в Южном Вьетнаме, и превращение их во вьетнамцев китайского происхождения за последние 20 лет являются реальностью, оставленной нам историей», — говорится в заявлении МИД СРВ⁴¹.

Это положение не устраивает китайскую сторону. Ссылаясь на то, что соглашение якобы предусматривало обсуждение вопроса о китайцах, проживающих на юге, после освобождения этой части страны, они обвиняют Вьетнам в нарушении соглашения и требуют проведения новых переговоров.

В действительности в 1955 г. стороны достигли договоренности о принципиальной политике в отношении лиц китайской национальности, что и предопределило проведение правительством СРВ единой линии в отношении этой категории лиц, независимо от того, живут ли они на севере или на юге страны. Постановка вопроса о лицах китайской национальности, проживающих на юге, в качестве самостоятельной проблемы, уже в самой сути своей содержит идею неравноправного отношения к лицам одной национальности, зависимость его от места проживания. Социалистическое государство обязано учитывать в своей политике национальные особенности меньшинств и проводить четко выраженную классовую политику, но не ставить ее в зависимость от места жительства.

В 1956 г. принятие закона о гражданстве в Южном Вьетнаме не вызвало в Пекине такого бурного протеста, как пытается изобразить это сегодня китайская сторона. Западные наблюдатели отмечали сугубо формальный характер китайского заявления, который последовал, кстати, только в 1957 году. В 1974 г. Китай не выразил никакого протеста по поводу высылки властями Гонконга в Южный Вьетнам бежавшей туда от службы в армии южновьетнамского режима группы юношей китайского происхождения. Тогда эта позиция Пекина была расценена как положительное явление, свидетельствующее об уважении Китаем

³⁶ «Нян зан», 27.V.1978.

³⁷ «Times of India», 11.V.1978.

³⁸ «Indian Express», 6.V.1978.

³⁹ Mutual Security Act of 1958, US Government Printing Office, Wash., 1958, p. 350.

⁴⁰ «Far Eastern Economic Review», № 1, June, 1961, p. 148.

⁴¹ «Нян зан», 27.V.1978.

законов других стран. В настоящее время КНР не только демагогически использует в своих целях вопрос о статусе китайцев, но «разжигая психоз единнокровия», поднимает движение за принятие гражданства Китая, что «со всей очевидностью направлено на создание трудностей и беспорядков на юге во всех областях политической, экономической и общественной жизни»⁴².

* * *

Волна дипломатических признаний КНР странами Юго-Восточной Азии, прокатившаяся по региону в начале 70-х годов, породила кое у кого иллюзии о том, что отныне отношения с Китаем будут основываться на принципах мирного сосуществования, невмешательства в суверенные права, что будет создана почва для взаимного сотрудничества. Но уже в то время раздавались голоса, предупреждающие, что внешнее миролюбие Пекина — это всего лишь тактический ход. «Китай может позволить себе выждать перед тем, как сам расширит свою деятельность, перейдет... к усилению своего собственного влияния»⁴³. Действительно, резкое усиление политической активности Пекина сопровождается все увеличивающимися экспансионистскими устремлениями. Уже стало почти обычным, что многочисленные визиты ответственных китайских деятелей «совпадают» с серией пограничных столкновений и резким обострением борьбы антиправительственных сил внутри стран. Роль основной ударной силы Пекина в ЮВА играет Кампучия, провоцирующая пограничные инциденты с Вьетнамом и Таиландом. В Бирме нарушают внутренний порядок мятежники, прошедшие подготовку в Китае и снабженные китайским оружием. Тень КНР стоит за контрреволюционными бандами, действующими в населенных национальными меньшинствами районах Лаоса. Весной Китай открыто вмешался в дела Социалистической Республики Вьетнам, организуя провокации на вьетнамской границе: китайские самолеты нарушают воздушное пространство Вьетнама, а китайские корабли вторгаются в территориальные воды республики. СРВ стала объектом открытого вмешательства, так как явилась главным препятствием на пути гегемонистских устремлений Пекина в ЮВА.

События во Вьетнаме вызвали тревогу и настороженность в странах ЮВА, где проживает 90% зарубежных китайцев. Народы и правительства стран ЮВА понимают, что Пекин может использовать десятки миллионов китайских эмигрантов в качестве орудия для вмешательства, для создания хаоса и беспорядков внутри стран ЮВА.

Анализируя события, происходящие в настоящее время во Вьетнаме, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, Пекин никогда не прекращал работы с зарубежными китайцами. Идя на нарушение существующей договоренности, при содействии китайских официальных представительств во Вьетнаме в общине постоянно подогревалось чувство национализма, разжигались антивьетнамские настроения.

В настоящее время Пекин, пользуясь наличием в большинстве стран дипломатических представительств КНР, имеет широкие возможности для активизации работы с зарубежными китайцами. Китайские лидеры, навещающие страны региона, неизменно встречаются с представителями местных китайцев, которые нередко сопровождают их в «ознакоми-

⁴² «Нян зан», 8.IX.1978.

⁴³ «Straits Times», 1.VI.1974.

тельных» поездках по своим странам. Участвовавшие визиты в Китай представителей деловых кругов зарубежных китайцев, китайских туристов, китайцев-ученых — все это дает дополнительную возможность для проведения соответствующей идеологической обработки общин. По сообщению бангкокской газеты, в Пекине уже выработана целая программа использования лиц китайской национальности для проведения внешней политики. КНР «рассчитывает внушить зарубежным китайцам представление об их превосходстве над другими народами, и в первую очередь над народами стран ЮВА, — представление, проникнутое духом «великодержавного шовинизма»⁴⁴.

Во-вторых, основная цель Пекина в настоящее время состоит в укреплении союза с зарубежной китайской буржуазией. Китай рассчитывает использовать деловые и финансовые связи и возможности китайской буржуазии, привлечь ее к выполнению программы «модернизации» экономики. Не последнюю роль играют и денежные переводы, количество которых в Пекине планируют довести до 1 млрд. долл.⁴⁵. Деньги китайской буржуазии, которые получены за счет эксплуатации населения стран ЮВА, планируют бросить на милитаризацию экономики.

Опыт событий во Вьетнаме показал, что отсутствие у Китая построенной на классовом принципе программы действий в отношении зарубежных китайцев позволяет Пекину делать этот вопрос предметом демагогических и политических спекуляций. Основной гарантией от вмешательства КНР в дела местных общин страны ЮВА считают решение вопроса о гражданстве. С этой целью они стремятся облегчить возможность получения местного гражданства, предпринимаются попытки получить в Пекине некие «гарантии невмешательства». Это одна из целей предстоящего визита в КНР министра иностранных дел Малайзии А. Ритхауддина⁴⁶. Подобные гарантии намеревались получить в Таиланде в ходе визита туда Дэн Сяо-пина⁴⁷. Но ведь ничто не помешало китайским посольствам выдавать новые паспорта китайцам, проживающим в СРВ и Лаосе, использовать их в своих политических целях.

События во Вьетнаме привели к неожиданному перемещению огромного количества китайского населения. Большинство вьетнамских китайцев из северной части страны пересекли границу Китая. Остальные осели в Гонконге и странах ЮВА, заполняя собой лагеря для беженцев в Таиланде и Малайзии. Помимо многих социальных вопросов, беженцы создают и некоторые специфические проблемы. Например, в Малайзии испытывают беспокойство по поводу возможного нарушения «расового баланса». Уже сейчас в лагерях скопилось около 10 тыс. «подочных людей» китайской национальности. В будущем планируется расселить беженцев в других странах, в частности в США, которые увеличили ежегодную квоту для иммигрантов, особенно тех, кто связан с Америкой «специальными семейными или политическими узлами». Многие из китайцев, бежавших из стран Индокитая, имеют паспорта КНР, но предпочитают поселиться где-нибудь в Австралии, Северной Америке или Европе. В какой-то мере это положение устраивает пекинские власти. Они, может быть, довольны возможностью пополнить китайские колонии в других странах и на других континентах. Рано или поздно китайские эмигранты могут понадобиться Пекину для провокаций и в других районах мира.

⁴⁴ «Мердека». Цит. по: «За рубежом» № 31, 1978, 28.VII, 3.VIII.

⁴⁵ «Far Eastern Economic Review», vol. 100, № 24, June, 16.1978, p. 18.

⁴⁶ «New Nation», 12.IX.1978.

⁴⁷ «Bangkok Post», 5.VIII.1978.

Социально-экономический статус и движение потребителей в Японии

*В. Б. Рамзес,
доктор экономических наук*

Одним из важных последствий экономического кризиса, который недавно потряс Японию и еще далеко не преодолен, является заметная активизация «консюмеризма», то есть движения потребителей. Движение это само по себе, конечно, не ново. Оно успело стать привычным элементом общественной жизни страны. Однако, неуклонно расширяясь на протяжении послевоенных лет в количественном отношении, совершенствуясь в отношении организационном, добиваясь вполне определенных успехов, потребительское движение не превращалось в сколько-нибудь серьезный фактор внутривнутриполитической борьбы.

На фоне фундаментальных проблем развития Японии, представлявших собой объекты острой конфронтации консервативных и прогрессивных сил, требования потребителей, которые носили преимущественно частный, местный характер, до поры до времени не привлекали к себе пристального внимания. К тому же условия длительного подъема экономики способствовали созданию разнообразных иллюзий, касающихся статуса потребителя внутри «индустриального общества», смягчению и приглушению его недовольства. Только в последние годы, в особенности в обстановке кризиса, они вышли на поверхность явлений.

Роль кризиса в данном случае проявилась в том, что он с беспощадной откровенностью показал японским потребителям как их социально-экономическую приниженность, так и хроническую правовую ущемленность. Вызванный этим шок был весьма болезненным прежде всего для того относительно широкого контингента потребителей, который сложился за годы быстрого экономического роста, когда высокая степень насыщенности рынка товарами и услугами обратилась в неприменную норму повседневного быта, когда девизом мощной и небезуспешной пропаганды монополистических фирм оставался лозунг «Потребитель — король!». Именно эти лица сильнее других были охвачены чувствами благодушия и самоуверенности, сформировавшими общую линию потребительского поведения со второй половины 50-х годов, и тем большее разочарование им пришлось испытать. Впрочем, грубое обнажение подлинного места потребителей в структуре монополистического капитализма явилось неожиданностью и для их более пожилых групп, перенесших тяготы военных и первых послевоенных лет, но в конце концов тоже поддавшихся всеобщей беспечности.

Между тем кризис не вскрыл ничего такого, чего не существовало ранее, он лишь драматически подчеркнул старые истины, восприятие которых сильно притупилось в атмосфере приобретательской эйфории. Речь идет о некоторых основных сторонах в сущности неизменного при капитализме облика потребителя. Этот облик предстает в виде стабиль-

ного синтеза черт деятельности потребителя как одного из участников акта купли-продажи товаров и услуг. Поскольку черты такой деятельности во многом обусловлены чисто человеческими, личностными свойствами потребителя, акты купли-продажи, в которых он противостоит юридическому лицу — производителю или сбытовому, коренным образом отличаются от актов купли-продажи, возникающих между юридическими лицами. Отличие заключается в совершенно несопоставимой по тяжести зависимости потребителя от своего контрагента.

Потребитель почти всегда вступает в сделку по приобретению товара или услуги не на абсолютно добровольных началах — он вынуждается к этому неумолимой силой неконтролируемых обстоятельств, так как ему необходимо поддерживать биологическое существование, удовлетворять духовные запросы. Мотивы извлечения прибыли, которыми руководствуются его партнеры по сделке, не имеют для него никакого значения. Прекращение каким-либо отдельным потребителем закупок товаров и услуг зримо не отразится на производителях или торговцах, но может быть губительным для него самого.

В условиях капиталистической системы производители и торговцы произвольно манипулируют волей потребителей. Многообещающие возможности в этом отношении создает крайне недостаточный объем знаний, зачастую полнейшая неосведомленность потребителей об окружающих их товарах и услугах. В обстановке стремительно расширяющегося и усложняющегося под влиянием технического прогресса товарного ассортимента потребители, разумеется, не располагают шансами на то, чтобы самим детально разобраться в его составе. Японский ученый А. Сёда отмечает: «Термин «мудрый потребитель» используется очень часто, но если термин этот обозначает потребителя, наделенного способностями точно различать и оценивать товары, то в реальной действительности такого не существует. Инциденты с добавлением к говядине конины, со смешиванием отечественных и импортных сортов мяса, с ошибочными указаниями названий рыб выявляют исключительно жалкие потенции «ветеранов потребительской жизни» в том, что касается суждений даже об элементарных продуктах питания»¹.

Производители же и торговцы были бы не в состоянии преуспеть в предпринимательской деятельности без овладения специальными знаниями о производимых и сбываемых ими товарах и услугах. Следовательно, акт купли-продажи предмета потребления есть сделка между любителем и профессионалом, и невежество первого предопределяет для него необходимость целиком полагаться на исходящие от второго информационные сведения. Нет ничего удивительного в том, что это сплошь и рядом используется капиталистами в целях искусственного стимулирования потребительского спроса.

Зависимость потребителя как участника актов купли-продажи от произвола предпринимателей и торговцев автоматически выдвигает на авансцену проблему попранья его прав, на которой, собственно, основывается аргументация идеологов потребительского движения. В обширной японской литературе, посвященной этой проблеме, формулируются десятки прав потребителей. Но реальность их существования в системе «свободного предпринимательства» и засилья монополий ведет к тому, что эти «права» остаются практически воплощенными лишь на бумаге, хотя они официально оформлены в серии законодательных актов, принятых в Японии за послевоенный период под напором массовых выступлений народа. «Закон о санитарной охране продуктов питания»,

¹ А. Сёда. Сёхися-но кэйри (Потребительские права). Токио, 1972, с. 11—12.

«Закон о дорожных транспортных средствах», «Закон о контроле над электротоварами» формально призваны воспрепятствовать поступлению опасных для здоровья и жизни товаров в распоряжение потребителя. «Закон о неправомерных премиях и неправомерной информации о товарах» и «Закон о стандартизации сельскохозяйственной продукции и совершенствовании информации о ее качестве» направлены главным образом на то, чтобы предотвратить введение потребителя в заблуждение относительно качественных свойств товаров с помощью их недобросовестной рекламы.

Право на участие в определении условий сделок, касающихся приобретаемых товаров, базируется на «Законе о запрещении частных монополий и обеспечении честных и справедливых сделок». Закон этот ставит задачу «форсировать наряду с обеспечением прав рядовых потребителей здоровое и демократическое развитие национальной экономики» (статья I) и налагает запрет на «несправедливые ограничения сделок» (статья III) ².

В Японии действует также «Основной закон о защите интересов потребителей», провозглашенная цель которого заключается в том, чтобы «очертить границы ответственности, лежащей на государстве, местных органах и предпринимателях в области охраны и умножения выгод потребителей, а также установить роль самих потребителей в этом деле» ³. Статьи закона возлагают на государство обязанность не допускать нанесения урона здоровью потребителей недоброкачественными товарами, совершенствовать метрологическую систему, промышленные и сельскохозяйственные стандарты, товарную информацию, обучение потребителей, развешивать сеть учреждений по рассмотрению их претензий, содействовать развитию их организаций, гарантировать свободную рыночную конкуренцию и т. д.

С первого взгляда нелегко понять, как при наличии столь, казалось бы, солидного юридического фундамента в Японии может вообще существовать проблема несоблюдения потребительских прав. Лишь более подробное изучение реального положения дел устраняет возможные недоумения, обнаруживая во многом формальный характер перечисленных законов. Как пишет М. Судзуки, «само по себе японское законодательство, связанное с охраной интересов потребителей, находится в международном плане на высоком уровне, но что касается конкретного применения соответствующих законов, то Япония отстает». «Как будто,— продолжает автор,— перед вами расставлен целый сервиз, но на тарелках лежит жалкое угощение» ⁴.

Крайне низкая действенность весьма обстоятельных (если иметь в виду их текст) законов, трактующих потребительские права и намечающих пути их охраны, представляет собой одну из наиболее ярких иллюстраций противоречивости капиталистической системы, в которой интересы достижения достойных условий жизни находятся в постоянном столкновении с интересами эффективного, прибыльного функционирования частного государственного хозяйства.

Органы буржуазного государства, на которых лежит обязанность претворять на практике «потребительское» законодательство, непрерывно испытывают воздействие двух непримиримых сил. С одной стороны, демократическое движение оказывает на них неустанный давление с

² Цит. по: Докусэн кинсико (сми комментарий) [Антимонополистическое законодательство (новый комментарий)], Токно, 1975, с. 84.

³ Цит. по: «Кэйдай сэмина», 1974, № 8, с. 5.

⁴ «Кэйдай хёрон», 1974, № 8, с. 101.

целью заставить при применении указанного законодательства строить защиту потребителей на основе от начала до конца объективного, не отягощенного привходящими моментами признания их неотъемлемых прав как суверенных индивидов. С другой стороны, предпринимательские круги настаивают, чтобы применение «потребительского» законодательства базировалось на отношении к потребителям только как к покупателям товаров и услуг, то есть как к необходимым агентам процесса реализации, определенная поддержка которых целесообразна с точки зрения дополнительного роста предпринимательских прибылей.

В результате опыт практического использования названных выше законов пестрит примерами эклектического сочетания защиты потребителей и «с позиций потребителей», и с «позиций предпринимателей», причем чаще всего превалирует последний тип защиты. Официальная пропаганда преподносит тяготение правительственных органов к столь своеобразному толкованию «потребительского» законодательства как доказательство надклассовости буржуазного государства, его роли нейтрального, беспристрастного арбитра, вынужденного ради всеобщей гармонии идти на компромиссы. Глубоко символично, однако, что этот усиленно рекламируемый нейтрализм раз за разом оказывается на поверку искусным средством замаскированного давления на массы потребителей, средством принуждения их к фактическому отказу от реализации зафиксированных в законодательстве прав во имя высших, общенациональных соображений.

В 1969—1970 гг. достоянием общественности стали факты чреватых тяжелыми последствиями нарушений предпринимателями положений ряда «потребительских» законов. Речь шла, в частности, об использовании вредного для человеческого организма канцерогенного натриевого цикломата в качестве подслащающего препарата для некоторых продуктов питания, о массовых случаях выхода из строя тормозов и просачивании в двигатели бензина на автомобилях различных марок, о вредном воздействии на здоровье людей электронных кухонных плит нескольких типов при открывании их дверок. Во всех этих случаях, когда явной опасности подвергались здоровье и жизнь потребителей, правительственные органы неизменно придерживались «нейтралистского» курса.

Запретив дальнейшее применение натриевого цикломата, они растянули на целых семь месяцев срок изъятия компаниями из торговой сети и со складов предприятий содержащих его продуктов⁵. Потребовав от компаний «Тоёта» и «Ниссан» удаления с рынка автомобилей с дефектными частями, они санкционировали проведение этой операции без каких бы то ни было сообщений в прессе⁶. Объявив о вредном воздействии электромагнитных волн из электронных плит на здоровье и рекомендував выключать плиты перед открыванием дверок, они отказались опубликовать названия фирм — производителей дефектной продукции и список типов этой продукции⁷. Оправданием при этом служил один и тот же аргумент — необходимость не допустить, чтобы затронутые скандалами компании понесли экономический ущерб ввиду безвозвратной потери значительных объемов производственных товаров, раскрытия коммерческой тайны или помещения в заведомо невыгодные условия по сравнению с остальными компаниями.

В этом отношении представители правительства всегда были удивительно откровенны. Обосновывая необходимость растянуть срок изъ-

⁵ «Санкэй симбун», 10.I.1970.

⁶ «Майнити симбун», 28.V.1969; «Нихон кэйдай симбун», 17.VI.1969.

⁷ «Майнити симбун», 21.II.1970, «Асахи симбун», 21.II.1970.

тия из обращения пищевых продуктов, содержащих натриевый цикломат, заведующий отделом министерства здравоохранения подчеркнул в беседе с журналистами, что в противном случае производителям грозило бы банкротство. И это в обстановке, патетически продолжал он, когда канцерогенность натриевого цикломата доказана только опытами на животных, так что вывод о его вредности для человеческого организма носит неподтвержденный характер⁸. В отдельном заявлении тот же чиновник отмечал: «Если мы запретим все сомнительные с точки зрения влияния на здоровье препараты, добавляемые в продукты питания, национальная диета будет в корне подорвана»⁹. Высокопоставленный работник министерства транспорта объяснял решение не предавать гласности меры по снятию с продажи дефектных экземпляров автомобилей марки «Корона» и «Блю бёрд» с помощью следующих циничных ремарок: «Мы имеем перед собой весьма деликатную проблему. Нельзя огульно утверждать, что секретность всегда непристойна»¹⁰.

Все это означает, что отправными пунктами для принятия мер в защиту потребителей избираются не нарушения их прав, как таковые, а скорее соображения, связанные с сохранением авторитета компаний, с возможностями уклонения предпринимателей, преступивших закон, от ответственности, с перспективами сбыта товаров.

Подобного же рода «беспристрастность», уравнивающая значение человеческого здоровья и жизни со значением деловых мотивов, проявляется и в области регулирования информационно-рекламной практики фирм на рынке потребительских товаров и услуг. Закон не только запрещает форсировать сбыт с помощью распространения ложных сведений о товаре, но и обязывает снабжать товар разъяснениями, достаточными для точной идентификации его потребителем. Однако, если не считать случаев неприкрытого обмана, административные органы во имя поддержания все того же фирменного реноме с легкостью мирятся с многочисленными отступлениями предпринимателей от духа предписаний закона при формальном соблюдении его буквы.

Из наиболее часто встречающихся отступлений такого рода можно упомянуть о нарочитой туманности выражений, в которых составляются сопровождающие товары разъяснения. Может ли, например, средний потребитель постичь истинный смысл следующего, помещенного на бутылке с фруктовым напитком разъяснения — «Напиток подкрашен синтетическим красителем»? В действительности, оказывается, это означает, что доля натурального фруктового сока в напитке не превышает 5% и что, таким образом, он вряд ли может именоваться фруктовым напитком. Точно так же средний потребитель не в состоянии уяснить, что в продукт, который определяется прилагаемым разъяснением как «прессованная ветчина», может быть в отличие от обычной ветчины добавлено до 15% рыбьего мяса¹¹. Никаких предусмотренных законом санкций данные разъяснения не навлекают, ибо с точки зрения административных органов в них содержится необходимая потребителю информация, предупреждающая о качествах и свойствах товара.

Да и при обнаружении ложности товарной информации эти органы, вынужденные применять карающие статьи закона, всячески стараются не придавать своим мерам широкую огласку, хотя именно оповещение потребителей о недобросовестной рекламе является важным залогом

⁸ «Санкэй симбун», 10.I.1970.

⁹ Там же, 19.I.1970.

¹⁰ «Асахи симбун», I.VI.1969.

¹¹ А. С ё д а. Сёхися-но кэнри, с. 62, 71.

охраны их прав. Официально сообщается только о строгих предупреждениях фирмам, дающим противоречащую истине рекламу. Официально публикуются также распоряжения о прекращении сбыта того или иного товара. Как правило, число таких предупреждений и распоряжений не превышает десятка за год. Между тем лишь государственная «Комиссия по обеспечению справедливых и честных сделок» делает 700—1000 предупреждений. Кроме того, административные органы на местах выносят в год до 5000 предупреждений¹². Одно из таких «тайных» предупреждений было, в частности, сделано компании, которая заявляла в рекламе, что выпускаемые ею комнатные кондиционеры обслуживают своих хозяев «в любое время года». Но проверка показала, что уже при -3° (дни с такой температурой зимой не редкость даже в Токио) в комнатах, оборудованных кондиционерами этой компании, необходим дополнительный обогревательный прибор¹³.

Таким образом, и здесь в рамках обращенной к потребителям государственной политики курс на укрепление в их глазах предпринимательского авторитета, то есть в конечном итоге курс на постоянное стимулирование их к покупкам, заслоняет их правовую защиту, извращает ее суть.

Но особенно неприглядные формы «нейтрализм» буржуазного государства обретает в области применения антимонополистического законодательства, теоретически стоящего, как указывалось выше, на страже права потребителей участвовать в определении условий сделок с покупаемыми ими товарами и услугами. Дело в том, что в современной Японии разнообразные проявления монополистического засилья в области производства и сбыта достигли беспрецедентных масштабов, а антимонополистическое законодательство не только не направлено на борьбу с ними, но, напротив, широко используется в качестве их основы.

В самом «Законе о запрещении частных монополий и обеспечении справедливых и честных сделок» содержатся оговорки, допускающие создание картелей, а также заключение соглашений о так называемой поддержке продажных цен (в соответствии с системой поддержки продажных цен производитель — почти исключительно крупный — определяет для оптового и розничного звеньев либо точную величину цены на свою продукцию, либо вилку цен и строго следит за выполнением этого условия, применяя карательные меры, вплоть до прекращения товарных поставок, против «отступников»; электротехническая компания «Маусита», например, запрещала своим оптовикам сбывать изделия розничным предприятиям, «торгующим по низким ценам», и даже помечала эти изделия симпатическими чернилами с целью выяснить, не попадают ли они к этим предприятиям)¹⁴.

Антимонополистический закон также не препятствует высшим правительственным инстанциям предпринимать, так сказать, в рабочем порядке специальные административные мероприятия (например, рекомендации отдельным предприятиям о сокращении масштабов производства), которые не могут быть расценены иначе как противоречащие самому этому закону.

Правительственные органы, надзирающие за применением антимонополистического законодательства, в первую очередь Комиссия по обеспечению справедливых и честных сделок, мирятся с большинством

¹² «Тоё кэйдзай», 25.X.1975, с. 90.

¹³ Там же.

¹⁴ Т. Исомура. Нихон-но букка кодзо (Структура цен в Японии), Токио, 1972, с. 65.

лучше или хуже скрываемых нарушений его частным сектором, а именно с порабощением мелких и средних предприятий крупными, главным образом посредством финансирования, с подпольным картелированием, со слияниями компаний, осуществляемыми в целях создания трестов и т. п.

Нежелание и неспособность правительства эффективно применять антимонополистическое законодательство день ото дня увеличивают в стране список товаров и услуг, сбываемых по жестко контролируемым ценам. почти полностью парализуют потребительский выбор как фактор воздействия на уровень цен. Трудно не согласиться с А. Сёда, который пишет, что «...поскольку потребители — конечные получатели товаров, поскольку все товары прямо или косвенно являются предметами потребления, установление монополистического господства на любом отдельно взятом участке движения этих товаров означает одностороннее навязывание потребителям условий сделок»¹⁵.

* * *

Хотя основная цель потребительского движения заключается в утверждении и защите потребительских прав, ни в коем случае нельзя представлять себе дело таким образом, будто формирование организаций потребителей, интенсификация их выступлений являются только ответной реакцией на попрание упомянутых прав, когда факты такого попрания осознаются достаточно крупными группами населения. Побудительные мотивы потребительского движения многочисленны и разнообразны, они редко бывают однозначными, носят одновременно экономические, политические, социологические и психологические оттенки. Это, естественно, затрудняет поиск конкретных источников каждого данного потребительского выступления, но зато определенно указывает на его необычайно широкую основу.

При контактах потребителя с современной капиталистической рыночной организацией в его сознании постоянно возникает чувство неуверенности, он теряется перед лицом колоссального набора различных товаров, ощущает неспособность использовать накопленный в прошлом опыт из-за быстрого обновления этого набора и беспокойство по поводу безопасности того или иного товара для его здоровья.

Так, на вопрос, волнует ли их проблема охраны собственного здоровья во время покупок, утвердительно ответили 55% приобретавших одежду, 91% приобретавших продукты питания, прошедшие фабричную переработку, и 76% приобретавших бытовую электроаппаратуру. А на вопрос, серьезно ли влияет на их семейные бюджеты повышение цен, утвердительно ответили соответственно 93%, 91 и 85%¹⁶.

Факты сегодняшней японской действительности, бесспорно, позволяют сделать вывод о том, что все большее число потребителей проявляет интерес к «консюмеризму», у них пробуждается интерес к нему сначала в качестве сторонних наблюдателей, а в последующем — с обращением к индивидуальным и коллективным действиям.

Многие побудительные мотивы потребительского движения можно рассматривать как следствие перемен в общественном сознании японского народа за послевоенные годы. Исследование этих сдвигов, превосходящих по широте охвата и глубине проникновения любые аналогич-

¹⁵ А. Сёда, *Кэйдайхо-но сэйкаку то тэнкай* (Характер и эволюция экономического законодательства). Токио, 1972, с. 46.

¹⁶ «Нихон кэйдай кэнкю сэнта кайхо». № 263—264, с. 14.

ные явления в других странах развитого капитализма. показывает, что, хотя развитие их осуществляется временами в завуалированной форме, с периодическими компромиссами, медленно и постепенно, общий курс происходящего очевиден и необратим: идет прогрессирующее размывание в общественном сознании элементов местной специфики, вплетение их в черты интернационального капиталистического стереотипа. Этот курс стал обозначаться с небывалой явственностью к началу 70-х годов, и кризис 1974—1975 гг. сыграл роль эффективного катализатора.

Потребительское движение в Японии характеризуется антикоммерческой направленностью, столь чуждой атмосфере коррупции, ознаменовавшей собой годы быстрого экономического роста, своей близостью насущным чаяниям «человека с улицы», столь выгодно заметной на фоне малопонятных и несбыточных посулов, кочующих по программным манифестам истеблишмента. Участники «консюмеризма» вдохновляются не только относительно узкими целями совершенствования потребительской жизни. Рядовые люди, горизонты сознательности которых не всегда позволяют им сразу отыскать подлинно классовую позицию во внутривнутриполитической борьбе, склонны видеть в потребительском движении легкодоступный, удобный, довольно безопасный способ компенсировать крушение своих надежд на других участках социального существования и выразить недовольство сложившимся порядком вещей. Это умножает ряды участников потребительского движения¹⁷, возводит его в ранг политической силы, с которой придется считаться в недалеком будущем, во всяком случае раньше, чем это кажется большинству представителей административных, деловых и парламентских кругов в Японии. Все чаще наблюдаемые в последние годы факты «аполитичности» народа, отказа от поддержки избирателями политических партий, уклонения от участия в парламентских выборах, утраты интереса к профсоюзному движению делают этот вопрос весьма злободневным.

Конечно, за этими явлениями скрывается выпадение какой-то части населения в политический пассив. Но для подавляющего большинства придерживающихся указанной «аполитичной» линии поведения она представляет собой итог совершенно определенного политического решения, с помощью которого выражается неудовлетворение организациями, взявшими на себя обязательство выступать от имени народа. Корни этого неудовлетворения и в неравномерном распределении плодов быстрого экономического роста, и в затянувшихся, как признают сами представители прогрессивных сил, попытках создать единый антимонополистический фронт, и в сохранении пофирменного принципа построения профсоюзов, ставящего их в зависимость от положения предприятия и ослабляющего их боевитость.

Избегая традиционных каналов приобщения к политике, массы вместе с тем проявляют решимость самостоятельно, посредством «прямых действий» добиваться тех целей, заботу о которых они прежде передоверяли различным организациям. Разительные изменения потребительского движения, сделавшиеся такими заметными накануне и в ходе экономического кризиса, показывают, что именно в его ряды вливается основной поток якобы охваченных политической «апатией», но на деле начинающих проникаться новыми для японцев идеями «гражданственности», начинающих превращаться в носителей новой «политической культуры».

¹⁷ В рамках потребительского движения действуют, по оценкам, примерно 2 млн. активистов и не менее 10 млн. рядовых членов («Рюцу кэйдзай-но тэбикки 1974», Токио, 1974, с. 275; «Тоё кэйдзай», 6.111.1976, с. 37).

В последнее время происходит четко направленная перегруппировка организаций потребителей. Такие совсем еще недавно признанные лидеры «консьюмеризма», как Японская ассоциация потребителей и Информационный центр по проблемам улучшения условий существования — учреждения общенационального калибра, с многомиллионными, постоянно увеличивающимися бюджетами, — утрачивают передовые позиции, отодвигаются на второй план, подвергаются все более острой критике со стороны рядовых участников движения. Объясняется это двумя причинами.

Во-первых, и Ассоциация, и Центр имеют сомнительные, с точки зрения нынешнего потребителя, финансовые и организационные контакты. Значительная часть доходов Ассоциации складывается из субсидий министерства внешней торговли и промышленности и частной Федерации профессиональных велогонок, а Центр, помимо получения государственных средств, направляется во всей своей деятельности Управлением экономического планирования. Это, как и следовало ожидать, ставит под вопрос меру самостоятельности Ассоциации и Центра, их возможности бескомпромиссного служения потребителям.

Из всеяпонских потребительских организаций, пожалуй, лишь Ассоциация домохозяек сохраняет былой престиж благодаря своей пионерской роли в движении (она была создана в 1948 г.), а также своей очевидной для общественности финансовой независимости — попадающие к ней государственные субсидии настолько малы, что от развала Ассоциацию домохозяек спасает лишь «преданность руководства своему делу»¹⁸. Но при всех положительных сторонах Ассоциация домохозяек, которая провела ряд широких кампаний в защиту прав потребителей, все-таки принадлежит к той же категории, что и Японская ассоциация потребителей и Информационный центр по проблемам улучшения условий существования, как организация оповещающе-рекомендующего типа. Поэтому она на текущем этапе не задает тон в потребительском движении.

Инициатива находится в руках многочисленных низовых организаций на местах, которые чаще всего создаются в порядке реакции на возникновение конкретной проблемы и исчезают после ее решения, чтобы в скором времени появиться вновь по иному поводу. Они отличаются высокой динамичностью, иммунитетом перед опасностью обюрокративания и, самое главное — новым пониманием целей «консьюмеризма». Не будучи удовлетворенными просветительским уклоном общенациональных объединений потребителей, который, по их мнению, обрекает движение главным образом на инертную оборонительную борьбу, местные низовые организации усматривают миссию «консьюмеризма» в непосредственной атаке на деловой мир как на первоисточник социального зла, как на основную помеху улучшению качества жизни и придают решающее значение требованиям о крутых переменах в социальном поведении корпораций и всего истеблишмента.

Стремительно увеличившаяся в условиях экономического кризиса популярность местных низовых организаций, которые не стесняются своих членов суровыми регламентациями и выставляют далеко идущие требования, указывает на то, что потускнение прежних моральных ценностей не тождественно концентрации на тесном индивидуальном мире, а может сопровождаться совместной озабоченностью судьбами страны в целом. По всей видимости, в недрах потребительского движе-

¹⁸ «The Japan Economic Journal», 14.X.1975.

ния оформляется еще одно важное вспомогательное звено антимонополистического фронта.

Если новый подход к целям «консюмеризма» является вторым из его разительных изменений, о которых упоминалось выше, то третье такое изменение — радикализация средств борьбы. Сами предприниматели, видимо, невольно способствовали этому изменению в тактике потребительских организаций своими узкокорыстными мерами в первые месяцы кризиса. Используя в виде предлога удорожание нефти, производители и торговцы стали наперегонки взвинчивать товарные цены сверх всяких разумных пределов, искусственно создавать дефицит многих ходовых товаров, пренебрегать элементарными нормами качественного обслуживания. Смена ситуации «рынок покупателя» ситуацией «рынок продавца» была настолько неожиданной и быстрой, что вначале потребители, которые ударились было в панику и принялись скупать все попадавшееся под руку, ограничивались направлением в общенациональные организации довольно-таки смиренных жалоб на нарушение «джентльменских» правил торговли. В большинстве этих жалоб лишь регистрировались, без всякой оценки, факты произвольного повышения цен, навязывания ненужных товаров для обретения права на покупку товаров необходимых, дискриминации покупателей, не относящихся к постоянной клиентуре.

Однако очень скоро возмущение отдельных потребителей, подхваченное местными низовыми организациями, вылилось в кампании по бойкоту предприятий сферы сбыта, в марши, демонстрации и даже судебные преследования фирм-производителей. На всю страну прозвучали и четкие оценки потрясших народ событий. Важно отметить, что участники этих акций, в массе своей работающие у тех самых хозяев, против которых применяются такие острые формы воздействия, высоко оценивают право на собственное мнение, право быть выслушанным, сознают не только материальные цели ведущейся борьбы. Это подтверждается, к примеру, успешным бойкотом торговцев в префектуре Сидзуока, вынудившим их отменить надбавку к цене на свои товары, и судебными исками к нефтеперерабатывающим фирмам в префектуре Ямагата. В том и другом случаях взаимосвязь между применявшимися радикальными средствами борьбы с промышленными и торговыми компаниями и ростом сознательности потребителей проявилась с большой наглядностью.

Аналогичная взаимосвязь прослеживается и в фактах выступлений потребителей против отдельных сторон деятельности частных банков, в которых они видят партнеров монополистических фирм по обману, по грабежу «человека с улицы». Так, одна из потребительских организаций — «Группа давления на банки» — опубликовала программу, в которой выдвигались, в частности, требования к банкам оказывать помощь беднейшим слоям общества, ограничить займы фирмам, известным своими «антисоциальными поступками», прекратить так называемые «политические взносы» в кассы консервативных партий. Параллельно с этим члены группы провели настоящую осаду нескольких банков. Они устраивали там очереди, открывая текущие счета на 1 иену каждый и срывая тем самым нормальную работу этих финансовых учреждений¹⁹.

Появление в арсенале потребителей методов, создающих несравненно более грозную, чем раньше, опасность для авторитета и кармана компаний, заставляет последние задумываться о неизбежности пересмотра своих прежних, пронизанных высокомерием и пренебрежением

¹⁹ «The Japan Economic Journal», 21.X.1975.

взглядов на «консьюмеризм». «Надоедливая пустяковина» — такова характеристика потребительского движения, долго бывшая на устах у многих высших фирменных администраторов и еще не изжитая до сих пор. Отраженная в этой характеристике политическая близорукость вообще-то труднообъяснима, ибо японские компании известны умелой эксплуатацией разветвленного и хорошо отлаженного аппарата идеологической обработки, гармонизации так называемых «общественных отношений».

Спохватившись, предприниматели разворачивают наступление с целью вытравить антимонополистические ростки внутри «консьюмеризма», приручить его. Именно к этому в конечном счете настойчиво призывают многие буржуазные ученые и лидеры деловых кругов, глубоко обеспокоенные наметившимися в потребительском движении тенденциями. Например, доцент университета «Кобэ» М. Тамура пишет: «Организация долговременной защиты делового мира и, допуская известное преувеличение, защиты всего капиталистического строя (ни больше ни меньше! — В. Р.) требует создания системы по возможности быстрого удовлетворения потребительских претензий»²⁰. Один из менеджеров фирмы «Адзиното» С. Янагида без обиняков заявляет: «Для того чтобы справиться с новыми нуждами в условиях замедлившегося экономического роста, и корпорациям, и потребительскому движению следовало бы изменить образ мышления. Корпорации должны покончить с необоснованным недоверием по отношению к потребителям, а потребители должны воздерживаться от критики корпораций ради критики как таковой. Тем и другим надо сотрудничать с целью создания общей основы для более обширных и свободных связей и понимания»²¹.

Борьба за то или иное идейное содержание потребительского движения, за тот или иной его курс обещает быть крайне острой. Ближайшим союзником монополистического капитала при этом должна будет выступить Либерально-демократическая партия, руководители которой отдают себе отчет в том, что «консьюмеризм» объективно раздвигает границы оппозиционного лагеря в Японии, что сближение потребительских организаций с профсоюзами, с левооппозиционными партиями означало бы катастрофический, возможно непоправимый, распад и без того сузившейся базы, опираясь на которую консерваторы удерживают господствующие позиции. Реакция будет, несомненно, апеллировать ко все еще сохраняющимся в сознании масс пережиткам традиционного преклонения перед властями, восторженного уважения к «нашедшим дорогу к успеху» фирмам.

Однако будущее развитие «консьюмеризма» будет определяться не только относительно низкой степенью политической сознательности широких масс потребителей, но и многими другими обстоятельствами, в частности способностями прогрессивных сил организовать сопротивление планам выхолащивания потребительского движения, найти взаимоприемлемые основы для координированных действий с ним, помочь ему теснее сплотить всех участников. И хотя «консьюмеризм» никогда не был и не будет главной формой борьбы против монополистического господства, он, несомненно, способен придать ей новые стимулы, стать ее важным подспорьем.

²⁰ «Нихон кэйдзай кэнкю сэнта кайхо», 1976, № 263/264, с. 17.

²¹ «The Japan Economic Journal», 28.X.1975.

ИДЕОЛОГИЯ

Марксистско-ленинское учение и рабочее движение Японии

*Б. В. Поспелов,
кандидат филологических наук*

Великая Октябрьская социалистическая революция способствовала распространению марксизма по всем странам и континентам, она донесла до всех народов земного шара идеи ленинизма. Масштабы и степень распространения этих идей, характер восприятия марксистско-ленинского учения были различными, в зависимости от уровня развития классовой борьбы и общественно-политической мысли в каждой из стран.

Всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции наглядно проявилось в ее влиянии на определение судеб народов Дальнего Востока. Эта революция оказала, в частности, огромное воздействие на развитие общественно-политической и идеологической ситуации в Японии. События, происходившие в идейно-политической жизни этой страны вслед за победой социалистической революции в России, свидетельствуют о том, что процессы, вызванные Октябрьской революцией в Японии, затронули самые глубинные пласты японского общества.

В японской марксистской литературе вопрос о влиянии Великого Октября на развитие освободительной борьбы японских трудящихся получил глубокое освещение. Этот вопрос освещен также в исследованиях советских ученых. Опираясь на данные, содержащиеся в японской и советской исторической литературе, значение Великой Октябрьской социалистической революции для освободительной борьбы японского народа можно сформулировать следующим образом. Так же, как и в других капиталистических странах, в Японии под воздействием Великой Октябрьской социалистической революции начался новый, более высокий этап развития рабочего и прогрессивного движения, ставящего целью преобразование общественного строя.

История Японии до 1917 г. ознаменована рядом выступлений народных масс против гнета абсолютистской монархии. Народное движение 70-х годов XIX в., известное под названием «движение за свободу и права народа», выступления трудящихся в 1905—1906 гг. в рамках так называемого «движения простых людей» явились важными вехами в развитии освободительной борьбы японского народа. Но только после 1917 г. эта борьба приняла общенациональные масштабы. В 1918 г., когда сведения о революции в России распространились по стране, в Японии вспыхнули так называемые «рисовые бунты», в которых приняли участие миллионы трудящихся. Непосредственно в антиправительственных выступлениях участвовало до 700 тыс. человек, всего же волнениями было охвачено 10 млн. человек. «Рисовые бунты» вспыхнули стихийно, их участникам не хватало организованности. Однако в них нашли закономерное отражение глубинные процессы, развившиеся в

недрах японского буржуазного общества, — они явились выражением протеста, охватившего народные массы Японии в связи с усилением капиталистической эксплуатации в условиях, порожденных империалистической войной и агрессивней японского империализма против молодой Советской республики. Говоря о политическом содержании и причинах этих выступлений, Сэн Катаяма писал:

«Непосредственным поводом к этому крупнейшему после революции Мэйдзи движению в социальной жизни Японии было внезапное повышение цен на рис — основную пищу японских масс, — вызванное вторжением в Сибирь. Но, несомненно, движение это было также вызвано растущим недовольством и возмущением трудящихся масс против эксплуатации и гнета. Условия труда и быта в Японии становились все тяжелее, героическая же борьба революционных масс в России и победа рабочего класса оказали большое влияние на трудящиеся массы в Японии и способствовали развязыванию их движения»¹. Возникшие под непосредственным воздействием Октябрьской революции массовые выступления японских трудящихся в 1918 г. стали исходным пунктом всей борьбы трудящихся масс Японии против гнета монополий, ширящейся с каждым годом.

Октябрьская революция в России способствовала качественному изменению освободительной борьбы японского народа. Она усилила политическую активность японского рабочего класса, содействовала укреплению его положения как ведущей силы японского демократического движения. Борьба рабочего класса против эксплуатации начинается одновременно с зарождением и формированием этого класса. Так было в истории мирового революционного движения. То же самое мы наблюдаем в Японии. До 1917 г. в этой стране не раз возникали стачки и забастовки. Но подлинно общенационального масштаба забастовочное движение достигло в 1917—1918 гг. Рабочий класс Японии выступил в качестве ведущей силы «рисовых бунтов». Возникшие в их ходе массовые выступления трудящихся сопровождалась стачками, перераставшими в восстания. Так, в 1918 г. вспыхнули восстания фабрично-заводских рабочих на ряде крупных предприятий судостроительной промышленности, восстания на шахтах, охватившие всю страну. Волна забастовочного движения, возникшего во время «рисовых бунтов», продолжалась и в последующие годы. Эти и многие другие события политической жизни Японии послеоктябрьского периода свидетельствовали о наступлении нового этапа японского рабочего движения, о неразрывной связи, существовавшей между победой социалистической революции в России и подъемом освободительной борьбы японского рабочего класса.

Вызванные Великой Октябрьской социалистической революцией волна «рисовых бунтов», массовое забастовочное движение способствовали консолидации и организационному укреплению рабочего класса Японии, появлению в стране организаций, ставивших своей задачей защиту интересов трудящихся. Касаясь уроков «рисовых бунтов», Сэн Катаяма отмечал: «Рисовые бунты дали огромной силы толчок рабочему движению Японии, заставив его выйти на широкий революционный путь. Опыт рисовых бунтов и огромной стачечной волны показал, что стихийное массовое выступление пролетариата не может быть победоносным. Ключ к революционной борьбе — в организации. Вот урок, который извлек японский пролетариат из этой борьбы»².

Произошли заметные изменения в профсоюзном движении в сторо-

¹ Сэн Катаяма. Статьи и мемуары. М., 1959, с. 101.

² Сэн Катаяма. Статьи и мемуары. М., 1959, с. 139.

ну его полевления. Под влиянием мощной волны стачечного движения в 1919 г. был реорганизован реформистский профсоюз Юайкай — крупнейшая в Японии профсоюзная организация, созданная предпринимателями с целью обеспечения «классового сотрудничества» рабочих и предпринимателей. В его новой программе нашли более четкое отражение интересы рабочих. Возникли новые профсоюзы, другие организации рабочих.

Потянулось к организации и японское крестьянство. В 1922 г. впервые в стране был создан Японский крестьянский союз. Появились первые самостоятельные женские, студенческие и другие массовые организации, провозглашавшие своей целью защиту интересов трудящихся.

Великая Октябрьская социалистическая революция дала мощный стимул для подъема социалистического движения в Японии. Повсеместно создавались группы социалистов, развернувшие активную пропагандистскую деятельность, многие из этих групп имели свои печатные органы.

Организационное укрепление рядов участников освободительной борьбы японского народа явилось естественным следствием роста их политической активности, разбуженной Великой Октябрьской социалистической революцией.

Под влиянием Великого Октября и подъема освободительной борьбы японского народа, роста и консолидации рядов рабочего класса на базе вновь созданных объединений японских социалистов в Японии возникло коммунистическое движение. Летом 1922 г. была создана Коммунистическая партия Японии, ставшая одним из отрядов мирового коммунистического движения. Создание Компартии было важным завоеванием японского рабочего класса и всех трудящихся Японии. Ее зарождение явилось важнейшим результатом революционизирующего влияния Октябрьской революции на японское рабочее движение. Японские коммунисты неизменно шли в первых рядах освободительного движения японского народа. Преодолевая правый и левый уклоны в своих рядах, они стремились к осуществлению марксистско-ленинской линии в руководстве рабочим движением. Благодаря мужественной борьбе коммунистов японские трудящиеся уже в первом послеоктябрьском десятилетии добились определенных успехов, заставив господствующие классы пойти на ряд уступок, отвечающих интересам рабочего класса и всех трудящихся.

Таковы некоторые факты из истории революционной борьбы японского народа послеоктябрьского периода, свидетельствующие о том благотворном влиянии, которое оказала на нее победа Октябрьской революции в России. Эта революция явилась мощным ускорителем роста политической активности японского рабочего класса, способствовала зарождению в стране коммунистического движения — этой основной революционной силы и авангарда японских трудящихся.

* * *

Активизировавшаяся под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции борьба японских трудящихся развивалась на широкой интернационалистской основе. Это проявилось в позиции, занятой японским рабочим и демократическим движением по отношению к молодой Советской республике, в широких международных связях японских демократических организаций, и прежде всего Коммунистической партии, руководивших борьбой японского народа, в стремлении про-

агрессивных деятелей к творческому заимствованию и изучению опыта Великой Октябрьской социалистической революции и всего международного коммунистического движения, к овладению единым интернациональным учением мирового пролетариата — марксизмом-ленинизмом. Уже сами «рисовые бунты» возникли как протест против агрессии японского империализма в Советской России. Знаменательным явилось то, что это массовое движение японских трудящихся возникло буквально в те дни, когда японское правительство приняло решение об отправке войск в Советскую Сибирь. Господствующие классы Японии надеялись, что интервенция против Советской республики ослабит революционную борьбу японских трудящихся, приостановит волну антиправительственных выступлений. Однако тогдашние правители Японии просчитались. Вооруженное вмешательство японского империализма в дела молодой Советской республики вызвало мощную волну всенародного возмущения. Как писал в своем дневнике один из видных японских буржуазных деятелей Хара Кэй, эта мера «создала тяжелое положение в стране. Антивоенные настроения проникают в народ из-за границы, и если бы нашлись способные агитаторы, то в стране могло бы что-нибудь произойти»³. Среди лозунгов революционного движения в Японии в то время были «Признать рабоче-крестьянскую Россию!», «Вывести войска из России!». Летом 1922 г. рабочими и демократическими организациями Японии была создана Лига невмешательства в дела России, которая провела ряд массовых митингов протеста против японской агрессии в Советской республике. В значительной степени именно под влиянием требований массовых демократических организаций японское правительство было вынуждено изменить свою позицию по отношению к СССР и в 1925 г. пойти на установление дипломатических отношений с Советским Союзом.

Во главе движения за признание молодой Советской республики и оказание помощи народам России стояла Компартия Японии. Именно по ее инициативе была создана Лига невмешательства в дела России. Руководство движением протеста явилось одним из первых мероприятий, предпринятых КПЯ на начальном этапе ее деятельности.

Ярким проявлением интернационализма японских коммунистов, всех прогрессивных организаций японских трудящихся была борьба против войны, за мир в условиях расширения агрессии японского империализма; японские коммунисты возглавили народное движение против агрессии Японии в Китае. Следуя интернационалистскому курсу на поддержку национально-освободительной борьбы китайского народа, КПЯ использовала все доступные средства для разоблачения целей японской агрессии. ЦК КПЯ выпускал нелегальные листовки, осуждавшие вмешательство японских монополий в дела китайской революции. Большую работу по пропаганде интернационалистской дружбы между японским и китайским народами, в защиту интернационалистской политики мира проделала созданная по инициативе КПЯ легальная Рабоче-крестьянская партия. С осуждением агрессивной политики японского империализма, империалистических войн вообще выступила легальная коммунистическая пресса.

Важную роль в деле создания интернационалистских традиций КПЯ, установления и упрочения ее широких международных связей сыграла деятельность ее основателя Сэн Катаяма.

Японское рабочее и социалистическое движение с момента своего зарождения характеризовалось широкими интернациональными связями

³ Очерки по истории рабочего движения в Японии. М., 1955, с. 72.

ми. Благодаря усилиям Катаяма уже в конце 90-х годов XIX в. созданное им Общество по организации рабочих профсоюзов установило тесные контакты с социалистами США, Англии, Франции и других стран. Издаваемый обществом журнал «Родо сэкай» («Рабочий мир»), редактором которого был Катаяма, распространялся во многих странах мира. Образцом интернационалистского понимания задач рабочего класса явилось антивоенное выступление Сэн Катаяма на Амстердамском конгрессе II Интернационала в 1904 г., в разгар русско-японской войны.

Выступление Сэн Катаяма вдохновило многих участников мирового рабочего и социалистического движения на борьбу в защиту принципа пролетарского интернационализма. Будучи вынужден в 1911 г. эмигрировать в США, Катаяма вел большую работу среди американских рабочих. После Великой Октябрьской революции интернационалистская деятельность Катаяма развернулась с новой силой. Он принял участие в создании компартий США, Канады и Мексики, повседневно руководил деятельностью Компартии Японии. Широко известна деятельность Сэн Катаяма в качестве одного из руководящих работников Коминтерна.

Одним из проявлений интернационалистских традиций японских коммунистов было присущее им стремление к творческому усвоению опыта русских большевиков, и в особенности опыта Великой Октябрьской социалистической революции, настойчивое желание овладеть ленинизмом как единым интернациональным учением рабочего класса.

* * *

Эти события в политической истории японского общества и освободительной борьбы японского рабочего класса и всех трудящихся сопровождались изменениями в сфере идеологической и были связаны с этими изменениями. Одним из главных результатов воздействия Великого Октября на японское общество было то, что под этим воздействием в стране стало распространяться марксистско-ленинское учение. В условиях господства буржуазной идеологии и засилья традиций, восходивших к периоду феодализма, в обстановке непрекращающихся попыток господствующих кругов распространить в рабочем классе социал-реформистские концепции проникновение в Японию марксистско-ленинской теории было равносильно крупному качественному скачку в общественном сознании. Марксизм-ленинизм стал тем живительным источником, из которого рабочее и коммунистическое движение в Японии черпали идеи, вооружавшие его участников знанием законов классовой борьбы, вливавшие в них уверенность в окончательном торжестве социализма.

До 1917 г. с идеями марксизма в Японии была знакома сравнительно небольшая группа людей, слабо связанных с практической революционной деятельностью. Основным источником знаний в области марксистско-ленинского учения в то время, как правило, были труды теоретиков II Интернационала, выходявшие из марксизма его революционный дух. После Октябрьской революции овладение марксистской наукой стало осуществляться в Японии на основе изучения работ В. И. Ленина, имя которого прочно укрепилось в сознании японцев как имя великого вождя революции. Большое влияние на идеологическую жизнь японского общества оказало создание Компартии Японии, стремившейся в своей деятельности к воплощению основного принципа марксизма-ленинизма, требующего единства революционной теории и

практики. Несмотря на исключительно трудные условия, в которых развертывалась деятельность КПЯ, она стала тем стержнем, вокруг которого развивалось движение за овладение марксистско-ленинской теорией.

Невозможно перечислить все труды В. И. Ленина, ставшие известными в Японии после Октябрьской революции. Интерес к ленинским работам был исключительно велик. Преодолевая цензурные рогатки, для их распространения использовали самые различные каналы: читали работы В. И. Ленина на английском и немецком языках, конспектировали его важнейшие труды и распространяли эти конспекты среди пропагандистов, партийных функционеров, несших ленинские идеи в широкую рабочую аудиторию. Появились первые переводы трудов В. И. Ленина на японский язык. Большую роль в ознакомлении японской демократической общественности с целями и задачами русской революции, с ленинским методом анализа важнейших политических проблем социалистической революции сыграли также его труды, как «Перспективы рабоче-крестьянской революции», «Очередные задачи советской власти», «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции», «Доклад на IV конгрессе коминтерна 13 ноября 1922 года», и другие, изданные в Японии в 1921—1923 гг. Распространению теоретических основ марксизма-ленинизма способствовали труды В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Аграрный вопрос в России к концу XIX века», изданные на японском языке в 1924 г. Особое значение для японской демократической общественности имела нелегально распространявшаяся работа В. И. Ленина «Государство и революция». В этом гениальном труде многие японские коммунисты нашли ответ на важнейшие вопросы теории классов и классовой борьбы, он помог многим японским прогрессивным деятелям стать на позиции марксизма-ленинизма. Спрос на ленинские работы был настолько велик, что в 1926 г. в Японии было издано собрание сочинений Ленина в 10 томах. Оно было первым на Востоке многотомным изданием трудов вождя мирового пролетариата.

Ленинские работы, издававшиеся вопреки цензурным ограничениям, сыграли большую роль в политическом просвещении японского рабочего класса, в распространении в его среде идей марксизма-ленинизма. Под влиянием идей Октября и трудов В. И. Ленина в Японии получила развитие марксистско-ленинская наука, служившая делу утверждения марксистско-ленинских идей. Был переведен ряд работ по марксизму-ленинизму, написанных советскими авторами. Появились исследования японских ученых в области марксистско-ленинской теории. Так, в 1927—1929 гг. под редакцией Икуо Ояма и Хадзимэ Кавакими была издана серия книг «Лекции по марксизму», излагавшая основы марксистско-ленинского учения. В ее написании приняли участие видные ученые, деятели КПЯ. Идеи марксизма-ленинизма стали оказывать все большее влияние на общественные науки в Японии. К овладению марксистской методологией начало стремиться все большее число японских прогрессивных историков, экономистов, создавших немало трудов, посвященных исследованиям японского капитализма.

Важной чертой идейной жизни Японии послеоктябрьского периода явилось создание ряда научных организаций, игравших роль центров распространения марксистско-ленинской теории и развития марксистско-ленинской науки. В 1924 г. в Токио, например, было создано научно-исследовательское бюро промышленности и труда, объединившее крупнейших прогрессивных ученых и политических деятелей. Эта орга-

низация осуществила ряд конкретных исследований в области экономики и политики на основе марксистско-ленинской теории.

Большую роль в распространении марксистско-ленинской науки сыграл созданный в 1929 г. Пролетарский научно-исследовательский институт. Целую эпоху в истории японской марксистско-ленинской мысли, в особенности марксистско-ленинской философии, составило созданное в 1932 г. Общество изучения материализма. В период обрушившихся на японское демократическое движение политических репрессий, когда многие демократические организации ученых перестали существовать, это общество явилось единственной легальной организацией, распространявшей в стране марксистско-ленинское учение. В работе общества активное участие принимали члены КПЯ, находившиеся на нелегальном положении.

Великая Октябрьская социалистическая революция, проникновение под ее воздействием идей ленинизма в Японию, подъем рабочего движения в самой Японии способствовали изменению идейно-политических убеждений ряда представителей японской общественно-политической мысли. От идеализма в области философии, от буржуазно-либеральных и мелкобуржуазных воззрений в области общественных наук лучшие представители японских кругов переходили на позиции марксизма-ленинизма. Пересмотрев свои взгляды, они посвящали себя распространению марксистско-ленинских идей, включались в освободительную борьбу трудящихся. Такую эволюцию проделал, например, Хадзимэ Каваками, крупный ученый, экономист, начавший свою научную и общественную деятельность как идеалист, последователь восточных религиозных учений. Под влиянием Великой Октябрьской революции и подъема освободительного движения японского народа Каваками пересмотрел свои взгляды, став убежденным сторонником марксизма-ленинизма. Каваками высоко оценивал Великую Октябрьскую социалистическую революцию, подчеркивал ее благотворное влияние на Японию. О значении Великого Октября он, в частности, писал: «Россия, занимающая одну шестую часть земного шара, вскоре будет развиваться в направлении коммунистического общества, она уже приступила к построению социалистического общества. Это невиданное, величайшее событие, которое когда-либо знала история человечества, оказало громадное духовное влияние на все страны мира, его волны достигли и идеологических кругов Японии. И люди, испытывавшие ранее сомнения в возможности осуществить на практике то, что они восприняли в теории, сразу же увидели светлые перспективы»⁴.

Осознавая великую преобразующую силу марксистско-ленинских идей, необходимость соединения марксистской теории с революционной практикой, Каваками вступил в Компартию и целиком посвятил себя ее деятельности.

По линии приближения к марксизму-ленинизму развивались воззрения крупного японского философа Дзюн Тосака. Сторонник идеалистического направления в философии, Тосака на первых порах своей деятельности отдал дань увлечению модным в начале 20-х годов XX в. в Японии неокантианством. Сближение с рабочим движением, Компартией, работа в руководимом КПЯ Обществе изучения материализма ознаменовали наступление нового этапа в жизни Тосака как ученого. Он знакомится с трудами Ленина и под их влиянием становится материалистом. Ленинским методом диалектического и исторического материализма пронизаны работы Тосака, посвященные вопросам идеоло-

⁴ Хадзимэ Каваками. Дзидзэдэн (Автобиография). Токио, 1955, с. 184—185.

гической борьбы в Японии. Большое значение имели труды Тосака, разработавшие буржуазно-националистические концепции идеологов японского империализма. Эти труды сыграли важную роль в идеологической борьбе против японского фашизма.

Под влиянием непосредственного участия в политической борьбе и знакомства с ленинскими работами от расплывчатых социал-демократических убеждений вплотную к марксизму подошел Икуо Ояма. Говоря о значении марксистской теории общественного развития, Ояма писал: «Лишь Маркс и Энгельс твердо установили законы развития общества, явившиеся основой всех социальных воззрений. Их великой заслугой в истории развития общественных наук является то, что ими создана стройная система, не утратившая своего научного значения и до настоящего времени»⁵.

На основе марксистско-ленинского учения о сущности государства Ояма своими работами внес определенный вклад в разработку теории государства, политической власти и политической организации общества в Японии.

Вызванная Великим Октябрем идейная эволюция ряда крупных японских ученых и общественных деятелей от идеализма и либерализма к марксизму-ленинизму имела большое идейно-политическое значение, демонстрируя непреодолимую силу ленинских идей.

Хадзимэ Каваками писал: «Поистине громадное влияние на идеологические круги всех стран оказали труды Ленина... В области философии — материалистическая диалектика, в области политической науки — теория государства, в области политэкономии — теория империализма и т. д. Вся систему теоретического наследия марксизма Ленин развил в своих работах, ни на йоту не отступая от марксизма, применил его к новой обстановке, возникшей в мире после смерти Маркса, и дал ему всестороннее, полное, убедительное объяснение на языке своей эпохи. Благодаря этим работам ленинизм как развитие марксизма, долгое время искажавшееся и извращавшееся руками лжемарксистов в Германии и других странах, подобно солнцу, осветил весь мир»⁶.

Марксизм-ленинизм, начало широкому распространению которого в Японии положила Великая Октябрьская социалистическая революция, утверждался в борьбе с левым ревизионизмом и правым оппортунизмом, с различными мелкобуржуазными и буржуазными концепциями общественно-исторического развития, лежавшими в основе реакционной идеологии.

Общий кризис капитализма, возникший после Великой Октябрьской социалистической революции, захватил и Японию. В начале 20-х годов японский капитализм вступил в полосу глубокой экономической депрессии, приведшей к обострению классовых противоречий в стране. В классовую борьбу все чаще начали включаться представители многочисленных мелкобуржуазных слоев японского населения, испытывавших на себе последствия экономического кризиса.

Включение в классовую борьбу непролетарских слоев населения способствовало распространению в Японии различных мелкобуржуазных теорий общественного развития. Одной из них стал ультралевый анархизм. Заимствовавший идеи западноевропейского анархизма японский анархизм впитал в себя понятия и представления, сложившиеся в японской мелкобуржуазной среде. На идейно-политические убеждения японских анархистов определенное влияние оказывало также мироощу-

⁵ Биография Икуо Ояма. М., 1958, с. 131.

⁶ Хадзимэ Каваками. Цит. соч., с. 185.

щение наиболее обездоленных групп японского населения, деклассированных элементов, различных промежуточных слоев, сформировавшихся еще в эпоху феодализма. Столетиями среди них накапливались идеи стихийного протеста, безысходности и отчаяния, вылившиеся в анархическое отрицание всякого общества и общественной организации.

Наиболее видным теоретиком анархизма в Японии был Саказэ Осуги. В числе его сторонников были Кэндзи Кондо, Нозэ Ито, Кодзо Каай. В условиях политического гнета императорской Японии распространявшиеся ими идеи бунта, протеста против насилия со стороны буржуазного государства имели определенный резонанс среди части интеллигенции, некоторых рабочих, учащейся молодежи. Анархо-синдикалистские воззрения проникали и в рабочее движение.

Толкуя общественно-исторический процесс с идеалистических позиций, японские теоретики анархизма не видели реальных путей переустройства общества, не понимали подлинного значения и роли рабочего класса. В связи с распространением марксизма-ленинизма и первыми серьезными успехами японских коммунистов в деле руководства рабочим движением в послеоктябрьский период Осуги и его сторонники развернули теоретическую полемику против марксистско-ленинского учения, и в особенности против ленинской тактики политической борьбы рабочего класса.

Без преодоления анархо-синдикалистских воззрений, без разоблачения теоретической несостоятельности взглядов анархистов невозможно было подвести рабочих, подпавших под влияние анархистских концепций, к пониманию марксистско-ленинского учения как единственно верной теории революционной борьбы рабочего класса. Руководствуясь этим, японские коммунисты развернули теоретическую борьбу против идеологии анархизма. Благодаря их усилиям был раскрыт антинаучный характер анархистских концепций, разоблачен тот вред, который наносят анархистские теоретики рабочему движению. В результате анархизм утратил свои позиции в идейно-политической жизни страны, уменьшилось его влияние на мелкобуржуазные слои, которые в наибольшей степени были подвержены воздействию анархистских воззрений.

Марксизм-ленинизм стал тем учением, которое выводило японскую общественно-политическую мысль из тупика социал-реформистских концепций, избавляло рабочее движение от социал-реформистских иллюзий, вооружая его участников подлинно революционной теорией классовой борьбы. Японский социал-реформизм следовал в основном концепциям западноевропейских социал-реформистских теоретиков. Социал-реформистские воззрения и социал-реформистскую тактику в рабочем движении провозглашали такие идеологи японской правой социал-демократии, как Комакити Мацуока, Суэхиро Нисно, Кацумаро Акамацу, Хисаси Асабу и др. Социал-реформистские теоретики стремились насадить в сознании рабочих социал-реформистские представления, ограничить борьбу рабочего класса требованием частичных реформ, изолировать рабочих от компартии, не дать им включиться в коммунистическое движение. Теоретической базой социал-реформизма в Японии были различные идеалистические концепции, авторы которых ставили перед собой задачу подменить классовое, сознательное рабочее движение, опирающееся на революционную марксистско-ленинскую теорию, морально-этическим движением, цели которого не затрагивали основ капиталистического строя. Именно такую направленность имели, например, философско-социологические концепции Дзиро Абэ, выступавшего в Японии в качестве одного из теоретиков социал-реформизма.

Борьба, которую вели японские коммунисты против социал-реформизма, была длительной и трудной. Распространение социал-реформизма в общественно-политической мысли и рабочем движении Японии было проявлением мелкобуржуазного влияния на рабочую среду, результатом распространения в ней мелкобуржуазных иллюзий и представлений. В насаждении социал-реформистских взглядов была заинтересована и японская монополистическая буржуазия, надеявшаяся таким путем создать преграду на пути распространения в Японии марксизма-ленинизма, лишить нараставшее рабочее движение боевой революционной теории. Существование постоянной социальной базы и политической тактики, питавших социал-реформизм, усложняло теоретическую борьбу против праворевизионистских концепций, становилось серьезным препятствием для консолидации всех отрядов трудящихся на марксистско-ленинской идейной основе.

Марксизм-ленинизм в Японии утверждался в борьбе с буржуазной идеологией. Его воздействие на идейную жизнь японского общества после Великой Октябрьской социалистической революции стало настолько заметным, что он в значительной степени начал определять поведение своих идейных врагов из буржуазного лагеря. До 1917 г. буржуазные идеологи пытались замолчать существование марксизма или относились к нему как к одному из многочисленных социалистических учений, проникавших в Японию с Запада. По мере распространения в стране марксизма-ленинизма их отношение к нему менялось. Основной задачей буржуазных теоретиков стала борьба с марксистско-ленинским учением, именно этому были подчинены все философские и общественно-политические теории идеологов японской буржуазии послеоктябрьского периода.

В области философии диалектическому и историческому материализму, составляющему теоретическую основу марксизма-ленинизма, идеологи японской буржуазии стремились противопоставить философские концепции идеалистического толка. Особое значение придавалось распространению различных идеалистических теорий общественного развития, призванных опровергнуть исторический материализм, доказать извечность буржуазных отношений. Путем критики теоретических основ марксизма-ленинизма буржуазные идеологи надеялись разрушить стройное здание марксистско-ленинского учения, посеять сомнения в истинности его теории исторического процесса, учения о классах и классовой борьбе.

Особенно яростным нападком со стороны буржуазных философов подвергался марксистский диалектический метод. Пытаясь истолковать диалектику в выгодном для господствующих классов свете, они искажали учение Маркса, стремились подменить материалистическую диалектику псевдодиалектическими теориями, сводившими диалектический метод к заурядным метафизическим концепциям. Именно этому служили сформулированные буржуазными теоретиками в Японии понятия «критическая диалектика», реалистическая диалектика, диалектика тождества и т. д., призванные опровергнуть марксистско-ленинское учение о диалектике.

В области политических учений буржуазные идеологи прилагали все усилия для противопоставления марксизму-ленинизму различного рода буржуазно-либеральных концепций. Широкое проникновение идей марксизма-ленинизма в Японию началось в годы, вошедшие в японскую буржуазную историческую литературу под названием «периода демократии Тайсё». Это было время ускоренного развития японского капитализма, роста рабочего и общедемократического движения. В та-

ных условиях в японских буржуазных кругах получили хождение различные политические теории, ставившие своей целью направить недовольство народных масс в русло движения за укрепление буржуазного государства. Эти теории были рассчитаны на укрепление монархического режима и сохранение всех основных институтов императорской власти. Таковой была теория демократии Сакудзо Ёсино. Выступая за так называемое «демократическое правление», Ёсино провозгласил принцип «народности», в который он вкладывал содержание, не имевшее ничего общего с действительным народовластием. Принцип «народности» у Ёсино был направлен на сглаживание антагонизмов между народными массами и монархической системой правления, его теория вменяла японским трудящимся в обязанность способствовать укреплению монархического режима. В одной из своих работ Ёсино писал: «Участие народа в управлении государством предполагает, что долг беспредельной преданности императорскому дому не считается исключительной привилегией так называемых столпов трона, а вменяется самым широким массам народа»⁷. Этого теоретика страшил рост революционного движения в стране, он осуждал выступления трудящихся масс, настаивал на том, чтобы участие народа в политической жизни регулировалось властями. Теория Ёсино свидетельствовала о полном крахе японского буржуазного либерализма, который господствующие классы пытались противопоставить марксизму-ленинизму.

Марксизм-ленинизм как интернациональное учение рабочего класса распространялся в Японии в ходе борьбы с националистической идеологией. Национализм и до 1917 г. был важной составной частью идеологии японской империалистической буржуазии. Опиравшийся на идеалистические философские концепции и традиционные верования реакционный буржуазный национализм представлял собой расистскую теорию об исключительности «расы Ямато» и японского «национального государственного строя». Он служил оправданием японской агрессии в Азии, защите и обоснованию различных антинаучных политических и социальных теорий.

В связи с ростом революционной борьбы японского рабочего класса, распространением марксистской идеологии и влиянием международного коммунистического движения на трудящиеся массы Японии национализм японской буржуазии в послеоктябрьский период получил ярко выраженную антикоммунистическую, антимарксистскую направленность. Националистически настроенные идеологи Сюмэй Окава, Иккю Кита, Тэцудзиро Иноуэ, Камэтаро Мицукава и другие стремились доказать неприменимость для Японии марксизма как якобы «западного» учения, неприменимость его положений к общественно-политическим структурам Японии и других стран Азии. Сюмэй Окава утверждал, что марксизм-ленинизм мешает проявлению «субъективности» восточных народов, уничтожает их «самобытность». Исходя из подобных реакционно-националистических установок, Окава настаивал на необходимости борьбы с марксистско-ленинским учением. Противопоставить марксизму-ленинизму «исконные» японские общественно-политические теории призывал Камэтаро Мицукава. «Наша страна должна создать свою подлинную экономическую философию, которая не будет ни философией Адама Смита, ни философией Маркса», — провозглашал этот теоретик⁸. На поверку оказывалось, что «подлинная экономическая

⁷ См. Современные японские мыслители. М., 1958, с. 214.

⁸ Камэтаро Мицукава. Тоёмондай дзюхати ко (18 лекций по Востоку). Токио, 1931, с. 15.

философия», за которую ратовал Мицукава, — это не что иное, как империалистическая идея «восьми углов под одной крышей», призванная обосновать претензии японского империализма на мировое господство.

Таким образом, марксизму-ленинизму в Японии противостояли различные антимарксистские теории: социал-реформистские, либерально-буржуазные и открыто монархические. Несмотря на полемику, которая велась между представителями этих идеологических течений по частным вопросам, всех их объединяло стремление опровергнуть марксистско-ленинское учение, выхолостить из него революционный дух, истолковать его как одну из многих социально-экономических теорий. В период подготовки и развязывания второй мировой войны между этими течениями сложился своего рода единый фронт борьбы против марксизма. И социал-реформистские критики японского капитализма, и либерально-буржуазная оппозиция абсолютистскому режиму выступили в поддержку основного идейного течения японской монополистической буржуазии и военно-феодаловых кругов — реакционного национализма.

Накануне и в годы второй мировой войны господствующим классам Японии в условиях тотальной милитаризации страны и полицейских репрессий удалось временно замедлить развитие рабочего движения. Идеологам японской буржуазии, глашатаям теории «национального государственного строя» казалось, что им удалось уничтожить марксизм-ленинизм, полностью искоренить его влияние на трудящиеся массы. Но это была величайшая ошибка, в которую не раз впадали идеологические защитники мировой буржуазии, тщившие себя надеждой опровергнуть марксистское учение. И в мрачные годы военно-фашистской диктатуры, стремившейся отравить сознание населения националистическими лозунгами, подспудно в недрах японского общества росло недовольство масс, шло накопление классовых сил пролетариата, происходило его идейное развитие.

Сформулированные марксизмом-ленинизмом законы классовой борьбы действовали неумолимо и в условиях военно-бюрократической диктатуры, подготавливая почву для нового подъема освободительной борьбы японского народа.

После краха японского империализма в 1945 г. идейно-политические процессы, развивавшиеся скрыто в глубинах японского общества, сразу же выступили наружу. В стране начался невиданный подъем борьбы трудящихся масс против гнета монополистического капитала, в авангарде которой стоит рабочий класс Японии. Неизмеримо выросли ряды участников коммунистического движения.

Марксизм-ленинизм стал одним из главных течений японской общественно-политической мысли. Идеологи рабочего движения, сторонники марксизма-ленинизма в Японии ведут теоретическую борьбу против ревизионистских извращений марксистско-ленинского учения, против буржуазной идеологии, насаждаемой в стране господствующими классами. Конечная причина наблюдающегося ныне мощного подъема революционной борьбы японских трудящихся заключена в том, что эта борьба осуществляется в рамках революционного процесса, развивающегося в недрах японского общества. Сам этот процесс обусловлен социально-экономическими и политическими условиями, существующими в Японии наших дней. Но его истоки восходят к тем выступлениям японских трудящихся, которые вспыхнули вслед за победой Октября в России, его питают идеи марксизма-ленинизма, которые прочно укоренились на японской земле после Великого Октября.

Историческое наследие в политике китайского руководства

Л. С. Переломов,
доктор исторических наук

Одной из характерных черт китайской политической жизни и культуры является тесная связь политики с историей. Это устойчивое взаимодействие и взаимовлияние уже давно превратилось в политическую традицию. История всегда использовалась политиками КНР, но в разном объеме и на различных уровнях. За годы КНР эта традиция не только не ослабла, но и стала одной из характерных особенностей маоизма. Анализ политической истории страны, особенно периода с конца 50-х годов, вскрыл весьма любопытную закономерность: в периоды относительной стабилизации власти или временной консолидации сил (различных группировок), компромисса сфера действия «истории» в политической традиции «политика—история» сужается и ограничивается, как правило, самым высшим слоем на уровне теоретических разработок в произведениях, выступлениях и т. п. руководителей партии и государства. В периоды кризиса власти, острых схваток на высшем уровне власти, распространяющихся затем на весь бюрократический аппарат, а потом и население страны, сфера действия «истории» резко и, главное, целенаправленно расширяется. В эти периоды «история» в институте «политика—история» заполняет всю «политику», как это было в период кампании «критика Линь Бяо и Конфуция». И в такие периоды истории страны, в данном случае середина 1973 — конец 1976 г., политическая традиция главенствует в общественно-политической, а зачастую и экономической жизни страны, оказывая влияние и на внешнюю политику. Поскольку в сферу влияния этой политической традиции вовлекаются миллионные массы населения страны, и не на один год, а на несколько лет, проблема выяснения причин такого явления требует специального анализа и является весьма актуальной.

В настоящий период начиная со смерти Мао и смещения «четверки» в КНР все еще продолжается период целенаправленного сужения сферы действия «истории» в институте «политика—история» до ее обычного уровня. Но поскольку на этапе полного слияния «истории» с «политикой» произошло вовлечение в этот политический процесс широких народных масс, которые были ориентированы на новую оценку «истории», то нужно какое-то время, чтобы поставить если не все, то многое на свои прежние места. Однако осуществить это оказалось не просто, ибо массы не были пассивны, не являлись сторонними наблюдателями полного слияния «политики» и «истории», а, наоборот, с помощью отрядов «народных теоретиков» и «рабочих групп по проведению критики Линь Бяо и Конфуция в НОАК» сами активно участвовали в этом процессе.

Для того чтобы прогнозировать развитие событий в КНР, хотя бы на фронте «политика—история», необходимо представить себе реальное, действенное положение истории в китайской культуре.

Одна из характерных национальных черт китайцев — относительно высокий уровень исторического самосознания, знания древней истории своей страны. Это объясняется не только влиянием конфуцианства с его поклонением древности, но и спецификой национальной культуры, ориентированной во многом на древность и историю. Веками простой неграмотный крестьянин от рассказчиков в семье и рассказчиков-профессионалов («шо шуды») узнавал исторические предания, знакомился с событиями и героями старины. Театрализованные произведения бродячих актеров на деревенских площадях и в городах, как и пьесы и оперы в театрах, в большинстве своем, как правило, писались на исторические сюжеты. «Четверокнижие», которое веками заучивала вся интеллигенция, и не только она одна (ибо иначе не сдать экзамены), буквально насыщено историческими примерами и образами. Не случайно такой тонкий знаток китайской культуры, как профессор В. С. Колоколов, назвал «Четверокнижие» «книгами для чтения», «учебниками». В этом смысле наблюдается сходство «Четверокнижия» с Библией.

Поэтому, когда политик в своих контактах с народом обращался к истории, используя исторический факт или концепцию древнего философа в качестве аргумента, он, как правило, встречал подготовленную аудиторию. Наиболее редкие или трудные цитаты из классиков обычно тут же комментировались издателями произведений руководителей государства. Так было всегда с выступлениями Мао. В частности, в 1977 г. издательство «Жэньминь чубань шэ» выпустило специальный словарь-указатель к пяти томам произведений Мао Цзэ-дуна, где популярно разъясняются все трудные для рядового читателя места пятитомника¹.

Точно определить время появления института «политика—история» довольно трудно. Политические традиции, как и сама политическая культура, обязаны своим происхождением государству. Они возникают вместе с государством, точнее, на том его этапе, когда происходит переход от военной демократии к классовому государству. В Китае первые крупные государственные образования с четким классовым делением появились в период Инь — Западное Чжоу (XVIII—VIII вв. до н. э.). Само же становление политической культуры, как и политических традиций, произошло несколько позднее — в период Чуньцю—Чжаньго—Цинь (VII—III вв. до н. э.). Это можно объяснить двумя причинами: во-первых, происходил и произошел качественный этап в развитии самого государства — господство наследственной аристократии сменялось возвышением богатых общинников — новых земельных собственников, нарождающейся бюрократии, зажиточных торговцев и ремесленников. Происходил и завершился процесс усиления личной власти верховного правителя страны (через усиление власти богдыханов в разных китайских государствах). Именно в этот же период развивается письменность. Сама необходимость построения новых институтов (а процесс шел в ожесточенной политической и идеологической борьбе) плюс относительно развитая письменность и привели к появлению именно в этот период так называемого золотого века китайской философии, который долгие века влиял на китайскую культуру и фактически определил параметры ее дальнейшего развития.

К этому времени, то есть к VI—III вв. до н. э., можно отнести зарождение и оформление института «политика—история». Можно даже с известной долей осторожности отыскать в политической терминологии того времени термин, адекватный этому понятию. Я бы остановил выбор на термине «гу» — «древность». Термин «гу» — понятие емкое и вполне устойчивое уже на этапе VI—III вв. до н. э., иногда он имел значение «традиция». Философы, идеологи, политики древнего Китая этого периода очень часто обращались к понятию «гу». Чаще всего термин «гу» использовался в этико-политических концепциях, теоретических спорах, дискуссиях при дворе по конкретным проблемам политического управления. Когда, скажем, шла речь о построении идеального общества или могущественного государства, то ни одна концепция не могла обойтись без «гу». К «древности» апеллировали уже Конфуций, Гуань Чжун, Мо Цзы, Лао Цзы, Шан Ян, Сунь цзы, Сюнь цзы, Хань Фэй-цзы и многие другие идеологи древнего Китая, используя мифических и подлинных исторических деятелей, исторические образы, а также «порядки древности» в своих теоретических построениях. В те времена «древность» еще не была поделена на сферы влияния (ее конфуцианизация произойдет позднее, когда конфуцианство станет официальной идеологией), поэтому каждая из школ черпала в «гу» аргументы для своих построений. Следует отметить, что уже в VI—III вв. до н. э. ссылка на «древность» считалась самым веским и неоспоримым аргументом. Все это способствовало расширению рамок «истории» внутри института «политика—история» и усилению авторитета самой истории в политической культуре страны того периода.

Рост авторитета истории, ее необходимость политике не могли не породить утилитарного, прагматического подхода к истории. Этот прагматизм, доходящий подчас до аккуратной подтасовки, а то и прямой фальсификации исторических событий и фактов, стал также одной из характерных черт политической культуры, которая, пройдя через тысячелетия, сама превратилась в традицию и сохранилась вплоть до наших дней.

Если для первых китайских мыслителей и Цинь Ши-хуана «древностью» были времена легендарных властителей Яо и Шуня, иньские и раннечжоуские правители, то уже для Дун Чжун-шу, Ван Фу, Цуй Ши и других ханьских мыслителей и политиков (включая таких императоров, как Вэнь Ди, У Ди и др.) «древностью» стали сам Конфуций и его современники. Для каждого последующего поколения китайцев расширялись не только временные рамки «древности», но и обогащалось содержание этого понятия. «Древность» («гу») прочно вошла в политическую культуру страны, и именно как институт (политическая традиция), в значении «политика—история». На протяжении истории императорского Китая (III в. до н. э. — 1911 г.) «древность» всегда играла активную роль в политической жизни и политической борьбе, особенно на уровне бюрократия — императорский двор. Как правило, борьба в среде бюрократии за

¹ Комментарий к пословицам и цитатам из классической литературы, встречающийся в «Избранных произведениях Мао Цзэ-дуна». Пекин, 1977.

сферы влияния на трон велась в масштабах переоценки «древности». Достаточно напомнить о концепции «фу гу» («возврата к древности») Хань Юя (768—824), реформаторском движении X—XI вв. (Фань Чжун-ян, Сыма Гуан, Вань Ань-ши). Начало так называемой эпохи Просвещения (XVI—XVII вв.) также было немислимо без переоценки «древности». Не случайно Ли Чжи (1527—1602) начал с отрицания неогрешимости Конфуция и возвеличивания Цинь Ши-хуана, которого называл «первым на тысячи лет императором». В конце XIX — начале XX в. «древность» нередко ассоциировалась с «конфуцианской традиционностью». Дальнейшее политическое развитие страны было немислимо без переоценки «древности». Особенно отчетливо это проявилось в движении за реформы, возглавляемом Кан Ю-взем, и в период антиконфуцианского движения 4 мая 1919 г.

Двадцатый век требовал новых решений, нового толкования «истории»: одни мыслители по-прежнему искали выхода в переосмыслении собственной «древности», иные обращали свои взоры на Запад, а кто и на Восток (Японию). Некоторые же, в частности Чэнь Цю, сочинение которого по вопросам политического управления вышло в 1893 г., предлагали свою модель общества и государства, построенную на модернизации китайской «древности», уже всему миру, трактуя ее как шаг на пути к будущему «Великому Единению всего мира». Произойдет ли это объединение под гегемонией Китая или стран Запада, писал Чэнь Цю, будет зависеть от того, «...кто лучше претворит в жизнь учение «Чжоу ли» и «Конфуция»².

Политическая жизнь Китая XX в. насыщена все той же «историей» — она выступает в самых разных ипостасях на всех уровнях политической деятельности.

Специалистами уже давно подсчитано, что в четырехтомнике произведений Мао Цзэ-дуна среди цитат около 70—80% занимали «история», «древность». Речь идет об открытых печатных работах. В закрытых выступлениях это соотношение, видимо, больше, с той лишь разницей, что в закрытых выступлениях Мао чаще и с явной симпатией использовал легистов. Это было характерно до кампании «критики Линь Бяо и Конфуция», когда еще не наступила пора массовой переоценки теоретического наследия легизма и деятельности Цинь Ши-хуана, поэтому «обкатка» шла на уровне кадровых работников.

Появление 5-го тома «Избранных произведений Мао Цзэ-дуна» позволило нам ознакомиться с новыми, неизвестными ранее оценками деятелей далекого прошлого, в частности Конфуция. Выступая на 27-м заседании Центрального Народного правительственного совета (оно происходило с 16 по 18 сентября 1953 г. в Пекине с участием находившихся в столице членов Всекитайского комитета НПКС), Мао обрушился с критикой на Лян Шу-мина. Поскольку Лян всю свою аргументацию строил на конфуцианских принципах, Мао необходимо было развенчать идейного вдохновителя Лян Шу-мина. «Недостаток Конфуция, — говорил в то время Мао, — на мой взгляд, состоит в отсутствии у него демократичности и самокритичности, чем он несколько напоминает господина Ляна. «С того дня, — говорит Конфуций, — как я обрел Цзы-лу, до моих дней перестала доноситься брань»; у Конфуция «аудитория трижды переполнялась трижды пустела», и он «во время трехмесячного пребывания у власти казнил Шаочэнь Мао». От всего этого сильно отдает деспотизмом и фашизмом. Я хотел бы, чтобы сыны, друзья, и особенно господин Лян, на радость всем не подражали Конфуцию»³.

Только человек, которому чуждо понимание гуманизма и уважение духовного наследия китайской нации, мог назвать Конфуция деятелем, чье поведение «...сильно отдает деспотизмом и фашизмом». Антигуманизм маоизма принуждал его творца к отрицанию всего гуманного в китайском культурном наследии: его теория, будто китайский народ — это «чистый лист бумаги», на котором можно начертать любые иероглифы, обязывала выступать против образованности и тяги к знанию результатов, накопленных в развитии предшествующей культурной истории страны. «Что такое знание?» — спрашивал Мао и отвечал: «С тех пор как существует классовое общество, на свете существуют только две области знаний: это знания в области производственной борьбы и знания в области классовой борьбы»⁴. Такой утилитарный подход к знаниям объясняет причину негативного отношения Мао не только к Конфуцию, но и к образованию в целом. За несколько лет до «культурной революции» и задолго до начала кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» Мао Цзэ-дун в 1964 г. выдвинул известную ныне многим концепцию — «гу вэй цзинь юн, ян вэй чжун юн» («ставить древность на службу современности, ставить иностранное на службу Китаю»)». В то время он не раскрыл основные положения этой концепции, методологию ее использования. По крайней мере нам это неизвестно. Однако из беседы Мао со студентами в

² Цит. по: Новая история Китая. М., 1972, с. 262.

³ См.: Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. V. Пекин, 1977, с. 146 (на рус. яз.).

⁴ Мао Цзэ-дун. За правильный стиль в работе партии. — Избр. произв., т. IV, 1953, с. 66.

⁵ Ван Цзюнь-и. Концепция «ставить древность на службу современности» и история, фальсифицированная «четверкой». — «Бэйцзин шифань дасюэ сюэ бао», 1977, № 6, с. 52.

феврале того же года можно составить мнение о подлинном отношении Мао к историческому и культурному наследию: «Курс наук можно срезать напополам... Если взять в истории людей, которые были отмечены научными знаниями, то среди них выдающихся деятелей не было... Прочтешь много книг — императором не станешь». В этой же беседе он призвал молодежь «... выгнать из городов оперных певцов, поэтов, драматургов, деятелей науки, литературы и искусства и всех их отправить в деревню»⁶.

Такого рода руководящие высказывания вдохновили часть китайской молодежи на вакханалии периода «культурной революции», когда поруганию подверглись мировые ценности духовной культуры и памятники национальной культуры. То же самое наблюдалось и во времена кампании «критики Линь Бяо и Конфуция», когда органы массовой информации призывали «бить Конфуция, как крысу, перебегающую улицу», когда безудержно восхвалялись все деяния императора Цинь Ши-хуана, особенно сожжение гуманитарной литературы, когда легизм был официально объявлен источником маоизма, а борьба конфуцианцев с легистами, шедшая в VI—III вв. до н. э., проводилась через всю историю страны и доводилась до середины 70-х годов XX в. как извечно присущая Китаю борьба «двух линий — революционной (легистской) и контрреволюционной (конфуцианской)».

Конкретная история общественно-политической жизни КНР 60—70-х годов показывает, что маоисты возрождали прежде всего реакционные традиции национальной политической борьбы — восхваляя ради оправдания эксцессов «культурной революции» факт сожжения Цинь Ши-хуаном гуманитарной литературы; закапывание в 212 г. до н. э. 460 конфуцианцев объявлялось героическим поступком; введение Шан Яном системы круговой поруки («бао цзя») также оценивалось как явление прогрессивное для всей истории страны и т. п.

И наоборот, такие прогрессивные традиции духовного наследия нации, как культ грамотности, образованности, всячески поносились. Негативное отношение маоистов к образованности сфокусировалось на Конфуции и Мэн-цзы как творцах этого культа. А поскольку противники Мао (У Хань, Пэн Дэ-хуай, Линь Бяо) в самой КПК обращались в своей политической борьбе все к тем же ранним конфуцианцам, то официальная критика Конфуция и Мэн-цзы должна была приобрести и приобрела общегосударственный масштаб.

Мао Цзэ-дун и его приспешники нарушили ленинский принцип историзма, когда проецировали политическую борьбу времен империи Цинь и становления династии (ань (III—II вв. до н. э.) на середину 70-х годов XX в. В образах Цинь Ши-хуана, Ли Сы, Ван Цзяна, Чжан Гао, Лю Бана, Сян Юя, Люй хоу и др. выступали Мао Цзэ-дун, Чжоу Энь-лай, Линь Бяо, Цзян Цин и другие высокопоставленные деятели КНР.

Итак, если анализировать методологию использования наследия страны, то можно констатировать полный отход от марксистско-ленинских принципов, ибо были нарушены их основы — преемственность, историзм, а главное, наследование и творческое развитие революционных традиций политической борьбы предшествующих поколений.

Националистически настроенные лидеры КНР, именуемые на Западе «прагматиками», такие, как Чжоу Энь-лай, Дэн Сяо-пин и др., по-видимому, уже тогда почувствовали всю опасность подобного курса — доносы на старших и родителей (именно в этом плане реализовывалась шанъяновская концепция круговой поруки), нигилистическое отношение к семье, культу старших, образованности и т. п. рушили те привычные, веками апробированные связи, которые регулировали не только отношения между различными классами и социальными слоями, но и цементировали человеческие отношения в обществе. Они не могли не замечать, что управление страной становится малоэффективным, рушится порядок. Выступая 14 июля 1975 г. на расширенном заседании Военного Совета, Дэн Сяо-пин заявил: «Отношение между вооруженными силами и правительством также стали напряженными. Славное единство и традиции, которые мы когда-то имели, исчезли... Товарищи, служащие в вооруженных силах, обычно уступали места в автобусах престарелым лицам и женщинам с детьми на руках. Сейчас находятся такие лица, которые не уступают места, даже когда слышат плач грудного ребенка, которого держит на руках женщина, стоящая перед ними. Один пожилой мужчина, который видел такую сцену, посетовал: «Куда же делся Лэй Фэн?»⁷.

Еще большую тревогу вызывало у них положение с интеллигенцией. За годы «культурной революции», кампании «критики Линь Бяо и Конфуция», когда в масштабах всей страны поносился культ знаний, у определенной части интеллигенции вырабаталась традиция — привычка боязни демонстрировать заинтересованность в углублении знаний, повышении профессионального мастерства. Тот же Дэн Сяо-пин, выступая 29 мая 1975 г. в Академии наук, отметил, что «ученые и исследователи не читают книг. Они покидают свои институты, отправляясь домой даже до окончания рабочего

⁶ «Хэйлуцзян жибао», 4.III.1967.

⁷ «Асахи ивнинг ньюс», 16.III.1976.

дня, и занимаются приготовлением пищи»⁸. Особенно это относилось к технической интеллигенции: «Многие технические специалисты не могут заниматься исследовательскими работами. Число тех, кто читает книги и работает со справочными материалами, крайне ограничено. Из 800 технических специалистов в Научно-исследовательском институте цветных металлов общее число тех, кто в течение полугода пользовался библиотекой, составило всего 300 человек. Это означает, что библиотекой пользовалось всего 4 человека в день. Это не лучший способ повышения технического уровня Китая до самого высокого в мире»⁹.

И хотя Дэн Сяо-пин выступал для сравнительно узкого круга людей, тем не менее его заявления вызвали резкое возмущение Мао и его ближайших единомышленников. В стране усилилась борьба против «внутрипартийных каппутистов» и «зачинщиков правоуклонистского поветрия». Поскольку открыто выступать против Чжоу Энь-лая и Дэн Сяо-пина было пока еще невозможно, то Мао и его группа вновь обратились к испытанной политической традиции: «использовать древность ради современности». Вновь на страницах массовой печати замелькали имена Конфуция и Мэн-цзы, критиковались такие высказывания, как «кто преуспевает в учебе, тому обеспечена служебная карьера» и «те, кто напрягает умственные силы, управляют людьми, а те, кто напрягает физические силы, находятся под их управлением» и т. п.

Под прикрытием такой критики Дэн Сяо-пин, не без санкции Мао, был снят со всех постов.

Свержение группировки Цзян Цин, Яо Вэнь-юаня, Ван Хун-вэня и Чжан Чунь-цзяо ознаменовалось началом новой массовой кампании переоценки культурного и исторического наследия, особенно той части, которая активно использовалась в политической борьбе группировок последних десяти-пятнадцати лет. Прагматики спешили намерстать упущенное, снять наиболее вопиющие факты насилия над историей и восстановить, хотя бы внешне, пошатнувшийся авторитет Мао Цзэ-дуна. Новое руководство страны, видимо, понимало, что маоизм в последние годы оторвался от исторического и культурного наследия, а это грозило его дискредитацией в глазах китайского народа. Их, как националистов, должен был тревожить этот отрыв, ибо дружной развития любого национализма является тесная связь с историческим наследием, активное использование его в политических целях. В этом кроется причина коренного пересмотра прежних оценок исторического и культурного наследия страны. Этим объясняется и та поспешность, с которой начали действовать новые руководители. Оставаясь маоистами, они спешили, пока не поздно, создать новую версию маоизма, а для этого надлежало стыковать национализм с традицией, культурным и историческим наследием страны, придать «новому маоизму» более респектабельную внешность. И «банда четырех» должна была сыграть в этой акции роль спасательного круга. Все издержки решено было списать на «банду четырех», как будто она могла действительно произвольно использовать всю «древность» (включая поношение конфуцианства и апологетику легизма), не получив санкции Мао.

Первый наиболее полный перечень обвинений в адрес «четверки», занимавшейся «извращением истории», появился 13 ноября 1976 г. в газете «Гуанмин жибао». В этой статье, представляющей запись выступлений пекинских рабочих и историков из партшколы, Пединститута, институтов АН КНР, впервые пересматривалась концепция Мао о борьбе конфуцианцев и легистов еще в VI—IV вв. до н. э. «Посмотрите, какую чушь они (то есть «четверка». — Л. П.) несли: — писала газета, — более чем двухтысячелетняя борьба конфуцианцев с легистами прямо влияет и на настоящее время, продолжается до настоящего времени, а также может влиять и впредь»¹⁰. Новое китайское руководство решило локализовать борьбу конфуцианцев и легистов эпохой древности. Начиная с конца 1976 г. и вплоть до середины 1978 г. появилась масса статей, авторы которых вполне аргументированно доказывали, что наиболее ожесточенная борьба между конфуцианцами и легистами происходила именно в VI—III вв. до н. э.¹¹

Одновременно началась массовая кампания по реабилитации Чжоу Энь-лая, организаторы которой пытались доказать непричастность Мао Цзэ-дуна к травле Конфуция, по которым подразумевался Чжоу Энь-лай. «Под предлогом исследования борьбы конфуцианцев с легистами, — писал журнал «Хунци», — «четверка» кричала о том, что «в нашей партии появилось немало конфуцианцев», необходимо «схватить главного конфуцианца в партии»¹². Более того, фальсифицируя историческую действительность КНР новое руководство стало выдавать за жертву «четверки» самого Мао Цзэ-дуна. «Подрывая критику Конфуция, клика Цзян Цин извращала борьбу конфу-

⁸ «Асахи шининг пьюс», 16.III.1976.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: «Гуанмин жибао», 13.XI.1976.

¹¹ См.: «Хунци», 1977, № 1, с. 108—109; «Гуанмин жибао», 5.I.1977, 24.III.1977; 3.I.III.1977; 30.VI.1977; «Хунци», 1978, № 1, с. 70.

¹² См.: «Хунци», 1976, № 12, с. 26, а также «Гуанмин жибао», 1976, 16.XII; 25.XII и др.

цианцев с легистами, что имело две реакционные политические цели: первая — ударить по председателю Мао, по председателю Хуа, ударить по премьеру Чжоу и другим ответственным товарищам из ЦК; вторая — узурпировать власть в партии и государстве, создать контрреволюционное общественное мнение»¹³. Народные массы уверяли, будто еще в период кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» «банда четырех» не только самовольно критиковала Чжоу Энь-лая, но и «всячески пыталась сорвать великий стратегический план председателя Мао»¹⁴.

Переоценка истории конфуцианства и легизма, использования этих учений в политической борьбе КНР 60—70-х годов неизбежно должна была коснуться и Цинь Ши-хуана — любимого героя Мао Цзэ-дуна. И снова вина за восхваления Цинь Ши-хуана была списана на счет «четверки». Сегодня в Китае не восхваляют жестокости Цинь Ши-хуана.

«Он (то есть Цинь Ши-хуан), — писал, например, Лю Цзэ-хуа, — не принимал во внимание реальную жизнь народа, неограниченно использовал силы народа, и в результате полностью обострил классовые противоречия. Он чересчур увлекался легистской теорией наказаний за совершенные преступления»¹⁵. Тема осуждения Цинь Ши-хуана за жестокие наказания проводится и в ряде других статей. Так, Ли Шу в статье «Извращение истории Китая «четверкой» отмечает, что «четверка» использовала «опыт» Цинь Ши-хуана для обоснования политики репрессий в отношении старых партийных и государственных кадров КНР¹⁶. Автор называет «крайне ошибочным и неправильным» такой метод использования «древности»¹⁷.

В 1977 г. наблюдается процесс медленного, осторожного изменения и в отношении к конфуцианству. Этот процесс шел вместе с переоценкой легизма. Исчезли такие одноплановые оценки, как «легисты — патриоты, конфуцианцы — предатели; легисты — способствовали объединению, конфуцианцы — расколу; конфуцианцы — идеалисты, легисты — материалисты» и т. д. Более того, подобные оценки осуждаются как антиисторические; утверждается, что обе школы в равной степени служили интересам господствующего класса¹⁸. Вместе с тем в нынешней «критической» литературе мы наблюдаем те же явления фальсификации истории, что и при жизни Мао Цзэ-дуна. Например, как отмечалось в начале статьи, Мао назвал Конфуция фашистом на основании факта казни Шао Чжэн-мао, известного из «Исторических записок» Сыма Цяня. Современные авторы пытаются доказать, будто такого события не происходило. Так, Янь Лин утверждает, что казнь Чжэн-мао — это не «подлинная» история, а «анекдот, рассказ»¹⁹. А раз такого события в жизни Конфуция не было, то и обвинение в «фашизме и отсутствии демократии» повисает в воздухе. Автор умышленно не связывает свои рассуждения с высказыванием Мао Цзэ-дуна. Однако цель его публикации, конечно же, состоит в том, чтобы обелить, оправдать Мао Цзэ-дуна: Мао Цзэ-дун, дескать, просто запечатлел сказать, что это не исторический факт, а анекдот, поэтому и к данной оценке Конфуция Мао Цзэ-дуном не следует относиться серьезно.

В ходе критики «четверки» выявляются новые подробности методов прагматического использования истории в политике в конце жизни Мао. В этом отношении весьма показательна статья Линь Гань-цюаня «Комментарий к иносказательной историографии, ставшей древнее на службу банде». Линь Гань-цюань — профессиональный историк, специалист по эпохе Чжань — Цинь — Хань, много писавший в период до «культурной революции». Как известно, во время кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» политическая жизнь страны сфокусировалась именно на этой эпохе, а «история» целиком оккупировала политику. Автор квалифицированно вскрывает фальсификации истории, проводившиеся в сугубо прагматических целях политической борьбы середины 70-х годов. При этом он показывает методы исторического обоснования политики.

«Иносказательная историография «банды четырех», потрясающе перекраивая историю, — пишет автор, — никогда не нуждалась в «поиске доказательств», не обращая внимания даже на то, что одни формулировки у них противоречат другим и что все их концепции буквально трещат по швам. Один из заправил в группе Ло Сы-дина в свое время говорил своему компаньону: «Писать исторические статьи нужно живо, можно, чтобы на семь частей правды приходилось три части вымысла», «это — вопрос литературной доработки, в результате получается правдиво». Эти слова как нельзя яснее обнажают антинаучный и контрреволюционный характер иносказательной ис-

¹³ «Гуанмин жибао», 13.XI.1976.

¹⁴ «Хунци», 1977, № 3.

¹⁵ Лю Цзэ-хуа. О Цинь Ши-хуане. — «Нанькай дасюэ сюэбао», 1977, № 5.

¹⁶ Ли Шу. Извращение истории Китая «четверкой». — «Жэньминь жибао», 13.VI.1977.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Цзинь Цзин-фа. О конфуцианцах и легистах. — «Лиши яньцзю», 1977, № 3.

¹⁹ Янь Лин. О том, как Конфуций казнил Шао Чжэн-мао. — «Лиши яньцзю», 1978, № 1.

гиографии, «ставившей древнее на службу банде» — заключает автор²⁰. Линь Гань-цюань далее говорит, что «банда четырех», контролировавшая средства массовой информации, забила своими реакционными концепциями газеты, журналы, брошюры, учебники, заполнила программы радиовещания и лекционные курсы. Она породила массу путаницы в политике, идеологии и в теории, широко распространила свой яд и нанесла колоссальный вред. Крайне серьезный ущерб она принесла и исторической науке в нашей стране»²¹. Все это действительно имело место и неоднократно отмечалось в марксистской печати. Однако, гневно обрушиваясь на тех, кто извращал историю в узких прагматических целях, Линь Гань-цюань, как и другие авторы, не упоминает главного организатора всех этих фальсификаций — Мао Цзэ-дуна.

Но дело, разумеется, не в личной позиции Линь Гань-цюаня. Ныне органы массовой пропаганды Китая всячески стремятся выгородить Мао, отсесть его от критики Конфуция и восхваления легизма. Между тем маоистская методология и прежде всего немарксистская концепция «ставить древность на службу современности» и сделала возможной такую массовую фальсификацию истории, какую наблюдал мир в 1973—1977 гг. Смена установки «ставить древнее на службу банде» на «ставить древнее на службу современности» не вносит ничего конструктивного. По-прежнему главенствует не марксистский, а сугубо прагматический подход к истории.

Следует специально остановиться на той реакции, которую вызвала новая переоценка исторического и культурного наследия за пределами КНР, прежде всего в США. Американские китаеведы-политологи, такие, как Виктор Зорза, Фокс Баттерфилд и другие, разрабатывают версию, будто в КНР идет процесс «демаоизации»²².

Основой таких суждений является, по их мнению, критика Цинь Ши-хуана и «реабилитация» Конфуция. Они также видят в этом усиление борьбы между Дэн Сяопином и Хуа Го-фэном, считая, что, по мнению Дэна, демаоизация является необходимым условием модернизации.

Выступления буржуазных специалистов преследуют несколько целей:

1. Тезис о «демаоизации» необходим для придания большей респектабельности нынешнему режиму и облегчению деловых и иных контактов с Западом.
2. Они как бы подсказывают режиму «выпустить немного пара из котла», чтобы снять недовольство народа. Их тревожит нестабильность нынешнего режима.
3. Они заинтересованы в скорейшей, но поверхностной «демаоизации», находящейся под контролем сил, враждебных СССР. Больше всего их тревожит, если «демаоизацию» будут проводить силы, настроенные хотя бы даже нейтрально к СССР. Они, видимо, понимают, что «демаоизация» — большой козырь в руках любой группировки.

Поэтому-то они и выдают переоценку императора Цинь Ши-хуана и философа Конфуция за доказательство процесса «демаоизации».

Действительно, неспециалисту может показаться, будто в КНР происходит развенчание культа Мао через критику отдельных сторон личности и политики Цинь Ши-хуана (чрезмерная жестокость, оглушение народа и т. п.) или позитивную оценку некоторых сторон деятельности Конфуция (особенно его культ образованности и образования). На самом же деле анализ материалов китайской прессы последнего времени показывает, что так называемая новая оценка Цинь Ши-хуана и Конфуция идет в общем русле переоценки культурного наследия и не имеет особой цели, связанной с развенчанием культа Мао. В области исторической и философской науки (имеется в виду древний период) происходит формально возврат на позиции периода до «культурной революции». По существу же осуществляется не демаоизация, а внедрение маоизма (слегка прилизанного) в китайскую национальную культуру. Чувствуя, что в последние годы жизни Мао, особенно в период кампании «критики Линь Бяо и Конфуция», маоизм во многом подрывал фундаментальные основы китайского национализма, нарушив псевдореволюционной фразеологией традиционный баланс национализма и политики, современное руководство спешит наверстать этот просчет. Надругательство над Конфуцием — святыней национальной и националистической культуры — мешало эффективному воздействию на широкие народные массы (прежде всего крестьян), а также отталкивало от КНР зарубежных китайцев.

Поэтому-то и идет процесс очищения маоизма от его наиболее грубых ошибок и извращений в оценке исторического прошлого китайского народа, «грехи» Мао списывают на «четверку».

Очищение маоизма от антиконфуцианских высказываний еще не демаоизация; оно необходимо новому руководству для создания новой версии маоизма ради укрепления национализма, придания ему большей устойчивости.

²⁰ «Хунци», 1978, № 1.

²¹ Там же, с. 71—72.

²² См.: Фокс Баттерфилд. Культ Мао в Китае постепенно принимает более сдержанные формы. — «Нью-Йорк таймс», 27.IV.1978; В и к т о р З о р з а. Начинает разрабатываться критика Мао. — «Крисчен сайенс монитор», 4.V.1978.

Поскольку режим не изменился, а «продолжение революции при диктатуре пролетариата» провозглашено на весь период так называемого «социализма», то не исключено новое обращение к историческому наследию, ибо никаких иных форм открытой борьбы с функционирующими противниками политическая традиция КНР пока еще не выработала. Можно согласиться с теми специалистами, которые в происходящей ныне переоценке Цинь Ши-хуана, Конфуция, появлении на сцене циньского полководца Ван Цзяна видят отражение борьбы или разногласий между Хуа и Дэном. Это как раз свидетельство компромисса и временной консолидации сил; когда же наступит кризис верхушечной власти, то буревестником станет более активное вовлечение истории в политику с обращением уже к широким массам.

Маоистская концепция «ставить древнее на службу современности» вошла в число основных мобилизационных концепций, принятых на XI съезде КПК и сессии ВСНП пятого созыва, поэтому институт «историческое наследие — политика» будет активно функционировать в течение ближайших десятилетий. Его тактическая задача — усиление маоизма, в стратегическом же плане он будет использоваться для создания более жизнеспособного национализма. Именно на этом пути нынешнее руководство КНР будет искать дополнительные импульсы для осуществления курса модернизации страны.

Некоторые вопросы взаимосвязи литературы и политики КНР

А. Н. Желоховцев,
кандидат филологических наук

В Китае получил распространение новый термин — «заговорщическая литература». Употребляемое в качестве политического ярлыка, это понятие укладывается, однако, в русле маоистских идей и в определенной мере имеет статус маоистской традиции. Еще в выступлениях на совещаниях по вопросам литературы и искусства в Яньани в 1942 г. Мао Цзэ-дун говорил об «агентурной литературе»¹. Для него «агентурная литература» стояла вровень с такими понятиями, как литература феодальная и литература буржуазная. Ненаучность подобного подхода очевидна и не требует опровержения. Впоследствии, в издании 1952 г., Мао Цзэ-дун сам отказался от этого термина и удалил его из текста своих выступлений. Исправление было сделано, вероятно, не из принципиальных, а чисто прагматических соображений.

В 1942 г. термин «агентурная литература» потребовался Мао Цзэ-дуну, чтобы терроризировать творческую общественность Яньани и пресечь критику в свой адрес: янский литератор, выразивший неудовольствие режимом, введенным Мао Цзэ-дуном в партии и Освобожденном районе, оказался под угрозой обвинения в причастности к «агентурной литературе». После выступления Мао Цзэ-дуна персональной критике был подвергнут переводчик марксистской литературы и публицист Ван Ши-вэй. Ему удалось сохранить жизнь, но он навсегда был удален с литературной сцены Яньани. После освобождения, в 1952 г. Мао Цзэ-дун в изменившихся обстоятельствах отказался от термина «агентурная литература» за ненадобностью, но его практиче-

ский опыт аналогичным образом был использован новым пекинским руководством: вместо «агентурной литературы» в Китае в 1977 г. обнаружили «заговорщическую литературу».

По своему происхождению «заговорщическая литература» — маоистский термин, и его функция в нынешней китайской культурной жизни вполне соответствует той, которую в Яньани выполнял термин «агентурная литература». Покровителями «заговорщической литературы» были объявлены свергнутые представители так называемой «четверки», причем одного из них, Чжан Чунь-цяо, прямо обвинили в том, что он в молодые годы был гоминьдановским агентом².

Понятие «заговорщическая литература», очевидно, потребовалось для того, чтобы категорически отвергнуть и вычеркнуть из идейной и общественной жизни страны произведения определенного периода. Очередной поворот маоистской политики снова, как не раз уже было прежде, отбрасывает результаты предыдущего этапа литературного процесса. Употребление понятия «заговорщическая литература» проливает свет и на то, как в Китае «теоретически» понимается природа взаимосвязи литературы, творчества и политики. Это понимание оказывается абсолютно чуждым марксистско-ленинскому подходу и к политике, и к литературному творчеству.

Марксистско-ленинская теория точно определяет характер взаимосвязи между социалистической литературой и политикой. В. И. Ленин в статье «Партийная организация и партийная литература», которая стала программным документом ленинизма, как известно, выдвинул понятие партийности литературы. В. И. Ленин писал: «...Для социалистического пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы лиц или групп, оно не может быть вообще индивидуальным делом, не зависящим от общего пролетарского дела... Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела, «колесником и винтиком» одного-единственного, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса. Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы»³. Классо-

¹ «Цзефан жибао», 19.X.1943; см. также: А. Н. Желоховцев. О яньаньских выступлениях Мао Цзэ-дуна. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 1.

² «Жэньминь жибао», 5.V.1977.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, с. 100—101.

вый смысл партийности литературы, по В. И. Ленину, — в ее служении общепролетарскому делу, в руководстве ею авангардом рабочего класса, а не в подчинении интересам и настроениям отдельных лиц и группировок.

Только ленинское понимание литературного творчества позволяет направить согласованные усилия мастеров слова на благо народа, на пользу социалистическому строительству и социальной организации общества, обеспечить литературному труду достойное место в общей созидательной деятельности всего общества.

В литературе современного Китая сложилась совершенно иная ситуация. Коренной причиной этого стал маоистский курс в отношении литературы. В Китае господствует иное понимание партийности, основанное на выступлениях Мао Цзэ-дуна в Яньани в мае 1942 г. Мао Цзэ-дун тогда сказал, что работа в области литературы и искусства должна быть «подчинена революционным задачам данного периода революции»⁴. Свою формулу о «конкретных задачах», трактуемых субъективистски, Мао Цзэ-дун сохранил и в отредактированном варианте выступлений, так что она превратилась в одну из официально провозглашенных маоистских догм. Ущерб общему делу от приоритета «конкретных задач» может быть полностью осознан и оценен только в том случае, если учитывать ту почву, на которой возникла эта «идея» Мао Цзэ-дуна.

Строго говоря, Мао Цзэ-дун не изобрел сам этой формулы, а лишь ввел в новый историко-культурный контекст традиционный конфуцианский подход к литературному творчеству. В Китае конфуцианцы всегда признавали связь между политикой и литературой и требовали от литераторов прямой проповеди своего учения. В истории китайской художественной литературы может быть найдено отражение политических междоусобиц и интриг своего времени; в ряде произведений изобилуют личные выпады, «обыгрываются» клеветнические слухи, а некоторые из этих произведений представляют собой прямой памфлет. Лу Синь писал, например, об одной из танских новелл: «Есть «Белая обезьяна» неизвестного автора о полководце династии Лян по имени Оуян Хэ, который поехал в Чжанло и углубился в горы. Его жена была похищена белой обезьяной и родила сына, похожего на обезьяну. Оуян Хэ был казнен первым императором династии Чэнь. Его сын Оуян Сюнь стал знаменит в начале династии Тан, но, поскольку внешне он выглядел как обезьяна, его враги сочинили эту историю. Видимо, даже в древние времена династии Тан литературные сочинения использовались для нападок»⁵.

⁴ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Пекин, т. III, 1969, с. 106.

⁵ Лу Синь. Полн. собр. соч. Пекин, 1958, т. 8, с. 325 (на кит. яз.).

В танских новеллах обнаруживается и более изощренный случай использования в целях политических интриг литературного произведения, связанный с соперничеством при императорском дворе знатных кланов Ли и Сю. Авторство новеллы «Путешествие в далекое прошлое», содержавшей разоблачение безправственности императорской особы, его матери и двора, было написано вельможе Сю Сэн-жу в расчете повести последнего под обвинение в оскорблении величества. Профессор Л. Д. Поппенева писала по этому поводу: «Танские памфлеты — род сатиры, уже представляли собой вид политической борьбы, придавшей художественному слову новую силу».

Спустя несколько столетий такие же примеры изобилуют и в жанре сунских новелл — известнейшие среди них «Упрямый министр» и «О том, как в башне над рекой Лю Юн за вином слагали стихи». Первая повесть является политическим памфлетом на сановника-реформатора Ван Ань-ши, а вторая — поэма поэта Лю Юна⁶.

Мотивы для появления подобных произведений были весьма конкретными, личными, так и общеполитическими, и современникам хорошо известными. Тем не менее, спустя тысячу лет, они, естественно, забылись и реконструируются историками литературы с той или иной степенью достоверности.

В старом Китае политическая «нагрузка» столь часто придавалась художественным произведениям, и притом не только в прямой, но и инносказательной форме, что к ней стали привыкать и рассматривать как необходимый компонент литературного сочинения известного рода. Читатель старался разгадать такое произведение, и разгадывающий ребус. В старом Китае даже начали приписывать эти качества тем литературным произведениям, которые были далеки от жанра памфлета. Известнейшей «жертвой» такого отношения является классический роман XVIII в. «Сон в красном тереме». Лу Синь подробно разобрал мысли его интерпретаторов и опроверг предвзятое истолкование, сужавшее общественную значимость романа. Примечательно, однако, тот факт, что на протяжении целого столетия образам романа надели прототипы из числа политических деятелей Китая самых различных эпох.⁷ Иными словами, политические спекуляции в литературе едва ли не сложились в политическую традицию старого Китая. Вместе с рядовыми читателями в политический наметки литературных произведений вернул китайский императорский двор. XVIII в. знаменит «письменными судилищами», когда за одну строку стихотворения мог бы

⁶ Литература Востока в средние века. 1970, ч. 1, с. 143.

⁷ Там же, с. 168—170.

⁸ См.: Лу Синь. Указ. соч., т. 8, с. 196—198.

казнен его автор со всеми родственниками, а в случае, если автора уже не было в живых, осквернялась его могила. Такому надругательству подвергли, например, крупнейшего литератора Шэнь Дэ-цзяня (1673—1769), обнаружив «оскорбление величества» в стихах: «Прикидываясь красным, ты все же не по-настоящему красен; ты из другого рода, а зовешь себя царем цветов». В этих стихах правящая маньчжурская династия увидела намек на свое чужеземное происхождение и незаконность своей власти⁹.

К XX в. такое представление о взаимосвязи литературы и политики в Китае имело уже многовековую устойчивую традицию. Деспотическая императорская власть подозревала в литературных произведениях замаскированную крамолу, преследовала и искореняла ее со всем рвением и была способна находить вину даже там, где ее на самом деле могло и не быть.

Мао Цзэ-дун, в этом смысле воспитанный в подобном традиционном духе, не был способен порвать и с традицией подобного восприятия литературы. Его выступления в Яньани были лишь начальным проявлением традиционного и вульгарного понимания им связи литературы и политики. В дальнейшем Мао Цзэ-дун неоднократно высказывался в том же духе, а его речения приводили к принятию «чрезвычайных мер»...

«Вести антипартийную деятельность посредством сочинения романов — это большое открытие», — говорил Мао Цзэ-дун на X пленуме ЦК КПК 8-го созыва в 1962 г. После появления пьесы У Ханя «Разжалование Хай Жуя»¹⁰ Мао Цзэ-дун сразу же усмотрел в ней параллель с событиями на Лушаньском пленуме ЦК КПК 1959 г., когда Пэн Дэ-хуай подверг его жришке за политику «большого скачка». Слова Мао Цзэ-дуна «Пэн Дэ-хуай тоже Хай Жуи» многократно цитировались в китайской печати¹¹.

Расправа над деятелями китайской литературы в годы «культурной революции» чаще всего велась под флагом произвольного и недобросовестного толкования произведений, в которых таким образом находили несоответствия новым политическим требованиям. Так, рассказы Чжао Шу-ли на деревенскую тему были осуждены за то, что в них «неразличим духовный облик революционных крестьян сегодняшнего дня, которые полны силы духа и воли к борьбе и вооружены идеями Мао Цзэ-дуна»¹². Роман Чэнь Дэн-кэ «Гроза» был осужден за то, что был якобы «написан по прямой команде» Лю Шао-ци, объявлен-

ного врагом во время «культурной революции»¹³. Роман Сюэ Кэ «Боевая молодость» осудили за то, что он не показал, что «победа в антияпонской войне была великой победой идей председателя Мао о народной войне»¹⁴. Подобным же образом «культурная революция» отвергла вообще все достижения за 17 лет существования КНР. Эти годы были объявлены периодом господства «антагонистической к идеям Мао Цзэ-дуна черной линии»¹⁵.

Специфика маоистской «культурной революции» проявилась, таким образом, двояко: были зачеркнуты результаты творческой работы китайских писателей за предшествовавшие годы и ограничены творческие возможности современной литературы. Китайская пресса теперь вынуждена открыто признать, что в десятилетие 1966—1976 гг. господствовали утверждения, что «произведений литературы и искусства после созданных 4 мая 1919 г. не было, множества произведений, созданных после образования КНР, тоже не было. Классическая литература — китайская и иностранная — вообще стали запретной зоной, куда никто не смел соваться»¹⁶.

Изменения в китайском руководстве осенью 1976 г. привели к определенной модификации литературной политики, прежние запреты были частично сняты, начался медленный процесс переиздания литературных произведений, прежде изъятых из круга чтения. Но в принципиальном смысле эта политика осталась маоистской, и новый поворот сопровождался тем же характерным для маоизма явлением: запретом, зачеркиванием результатов предшествующего этапа.

В августе 1977 г. на XI съезде КПК Хуа Го-фэн, обличая своих политических противников, сказал: «Подконтрольные им литература и искусство под вывеской изображения так называемых «каппутистов»¹⁷ разнузданно нападали на партийное руководство и очерняли его, превратились в полном смысле слова в заговорщическую литературу и искусство»¹⁸.

«Заговорщической литературой и искусством» были названы те произведения, которые содержали нападки на лиц, либо прямо входящих в нынешнее пекинское руководство, либо пользующихся его признанием. Многочисленные статьи китайской печати сообщают подробные перечни этой «заговорщической литературы». К ней были отнесены пьесы «Морозостойкие семена» (против Чжоу Жун-синя) и «Ли Хун-чжан выходит в море» (против Чжоу Энь-лая), кинофильм «Отпор», рассказы

¹³ «Жэньминь жибао», 8.VII.1968.

¹⁴ «Гуанмин жибао», 10.II.1969.

¹⁵ «Жэньминь жибао», 29.V.1967.

¹⁶ «Гуанмин жибао», 19.XII.1977.

¹⁷ Сокращенная формула «каппутисты» расшифровывается как «идущие по капиталистическому пути внутри партии».

¹⁸ «Хунци», 1977, № 9, с. 14.

⁹ См. Новая история Китая. М., 1972, с. 586.

¹⁰ Русский перевод см. «Иностранная литература», 1976, № 10.

¹¹ См., например, «Жэньминь жибао», 29.III.1971.

¹² «Гуанмин жибао», 8.I.1967.

«Утро ранней весной», «Звон колокола», «Первый урок» и др. Издававшийся в Шанхае журнал «Чжаося» полностью отнесен к «заговорщической литературе»¹⁹. Фактически осуждены были все произведения, которые вышли в свет с февраля по октябрь 1976 г. под лозунгами: «бороться с каппутистами» и «писать о великой культурной революции». Ранее созданные произведения пока что избежали огульного осуждения, хотя причастность к ним «четверки» могла быть доказана.

Критика произведений «заговорщической литературы» ведется в весьма резких выражениях. Вот пример такой инвективы: «Творчество в отрыве от жизни может быть только кашей из субъективистских образов, взятых из писательской головы. «Заговорщическая литература и искусство» возникли из антипартийных планов «банды четырех» и являются пустопорожней литературно-художественной продукцией. В творчестве сложились идеалистические и формалистические реакционные шаблоны. Конфликты часто были натянутыми, ложными, необидительными. Они были не логическим развитием жизни, а проявленном контрреволюционном субъективизме»²⁰. Вместе с тем даже критики признали боевитость этой литературы. «Разве «банда четырех» не подчеркивала всемерно боевитость литературы?» — спрашивает Лю Мэн-си²¹.

При всей шаблонности образов и надуманности конфликтов произведения «заговорщической литературы» могут быть источником некоторой информации о политических противниках их авторов, в том числе и о нынешних пекинских руководителях. Таково было требование тогдашнего руководства культурной политикой, и все нынешние ее критики признают, что «заговорщическая литература» потому так и названа, что имела целью компрометацию определенных политических деятелей.

Среди произведений «заговорщической литературы» китайская печать почему-то избегает упоминать рассказ «Бесстрашие» («Увэй») ²², который в 1976 г. получил широкую рекламу в Китае, его рецензировали газеты ²³, он переведен на английский язык ²⁴. Автор укрылся под псевдонимом Чэнь Чжун-ши, что означает буквально «Чэнь Верный».

Есть множество свидетельств тому, что это произведение литературы, ныне именуемой «заговорщической», создавалось в интересах внутривластной борьбы. Сошлемся на директивную по характеру статью, подписанную псевдонимом У Лин-у и опубликованную летом 1976 г. «Творчество в жанре короткого рассказа имеет большие перспективы», где было написано сле-

дующее: «Особенность рассказа в том, что он краток. В нем не требуется, как в объеме произведении, выводить множество героев, ему достаточно двух-трех героев; ему не надо описывать, подобно крупному произведению, все стороны борьбы, а достаточно ограничиться одной стороной или даже одним уголком борьбы; не надо описывать весь процесс движения, а возможно ограничиться лишь небольшим его отрезком; рассказу не обязательно иметь ясное начало и конец, как произведению крупных форм, и сложную композицию: в нем может быть одна сюжетная линия с внезапно обрывающимся концом. Поскольку он короток, то он и быстр: рассказ способен оперативно брать тему из борьбы настоящего момента и своим творчеством способствовать борьбе, оказывая обратное воздействие... Недавно опубликованы рассказы «Бесстрашие» и «Трудные дни» о критике Дэна ²⁵ и правоуклонистского пересмотра дел. Эти произведения созданы, когда борьба еще не закончена, но они непосредственно отвечают нуждам настоящей борьбы, они полностью выявили боевую роль рассказа как легкой кавалерии литературы» ²⁶.

Рассказ «Бесстрашие» описывает борьбу между руководителями уезда Фэнчуань в долине реки Вэйхэ провинции Шэньси во время так называемого «правого поветрия» 1975 г. по поводу присланного из центра доклада об «упорядочении работы» (имя докладчика — Дэн Сяо-пин — в рассказе не названо). В ходе борьбы «каппутист», секретарь уездного комитета КПК Лю Минь-чжун, берет верх над положительным героем Ду Лэ и отправляет последнего на перевоспитание в школу «7 мая» для кадровых работников. Симпатии автора на стороне Ду Лэ, и рассказ, хотя и с трагической ноткой, выражает уверенность в конечной победе над «каппутистами».

Теперь, когда реабилитирован и вновь «возвысился» Дэн Сяо-пин, а его критики подверглись разгрому, в этом когда-то злободневном произведении наибольший интерес представляет образ так называемого «каппутиста» Лю Минь-чжуна. Фамилия Лю совпадает с фамилией Лю Шао-ци, имя Минь-чжун означает «выходец из народа», так что Лю Минь-чжун воспринимается как «вышедший из народа Лю Шао-ци», то есть «маленький Лю Шао-ци». Кто же такой Лю Минь-чжун и кого он символизирует?

Уезда Фэнчуань, где живет и действует Лю Минь-чжун, в Китае не существует, это название автором вымышлено. Причем «чуань» означает «река». По-видимому, символ «река» — ключ к идейному замыслу произведения. Вымышленным названием уезда Фэнчуань автор рассказа намекает на реку Фэнхэ в соседней с Шэньси про-

¹⁹ «Гуанмин жибао», 9.IX.1977.

²⁰ Там же.

²¹ «Жэньминь вэньсюэ», 1977, № 7.

²² Там же, 1976, № 3.

²³ «Гуанмин жибао», 26.VI.1976.

²⁴ «Chinese Literature», 1976, № 9.

²⁵ Имеется в виду Дэн Сяо-пин.

²⁶ «Гуанмин жибао», 26.VI.1976.

провинции Шаньси. В начале рассказа, например, есть такая фраза: «Они болтали и пили чай — некоторые стояли, прислонившись к подоконнику, любуясь красотой долины реки Вэйхэ, в которой лето постепенно уступало место осени»²⁷. Река Вэйхэ действительно протекает в провинции Шаньси. В соседней же провинции Шаньси протекает река Фэнхэ и имеется уезд Цзяочэи, в котором после антияпонской войны работал уездным руководителем и внешним председателем ЦК КПК Хуа Го-фэн. Биографические данные героя рассказа Лю Минь-чжуна во многих деталях совпадают с тем, что известно о Хуа Го-фэне. Вот биография Лю Минь-чжуна в рассказе: «Еще до освобождения он вышел из одного горного ущелья на севере провинции Шаньси, с кнутом в руке вошел в Иньань и присоединился к революционным ядам; после освобождения, не имея еще двадцати лет от роду, он стал начальником езды Фэнчуань, а потом секретарем укома партии; во время великой культурной революции за ошибки, выразившиеся в проведении политики капиталистического пути, он подвергся критике и испытал на себе борьбу масс; затем его ввели в ревком, и он стал начальником ревкома и снова секретарем укома; в эти годы все увлеченно по практической работе, что и было малоинициативен»²⁸.

Жизнь Лю Минь-чжуна отличается от обычного прототипа только тем, что он анж и остался «секретарем укома», не подъявшись выше по должностной лестнице и не перейдя на работу в провинцию Хуань. Этим, по-видимому, и объясняется, что критика «заговорщической литературы» охотно разбирает произведения, нападающие на Чжоу Эн-ляя, Чжоу Жун-ся и других деятелей, но молчит о рассказе «Бесстрашие», в котором содержится намек на самого Хуа Го-фэна.

Автор — Чэнь Верный — устами положительных (по тому времени) героев рассказа дает Лю Минь-чжуну такую весьма выразительную характеристику: «Колебания и предательство возникли в нем не тогда, когда он стоял на коленях перед врагом. Он стал в революционные ряды только потому, что искал себе чашку риса! Эту идеологию он так и не перевоспитал в себе, а когда у него появилась эта чашка риса за каждым приемом пищи — потом он стал хорошо питаться вкусными людьми, — ему уже было наплевать на то, что в мире живет еще много людей, которым нечего есть!»²⁹.

«Каппутист» Лю Минь-чжун в рассказе поддерживает практику материального стимулирования, добивается роста производства, раздает зерно рядовым членам коммуны, заботясь об их материальном обеспечении. За все это «положительные

герои» рассказа обвиняют его в отступничестве от «идей Мао Цзэ-дуна». Любопытно, однако, еще одно несоответствие с сегодняшним днем: Лю Минь-чжун настойчиво требует «вместить ультралевацкие идеи». Теперь китайская официальная печать вопреки здравому смыслу именуется «ультраправыми» своих политических противников — «четверку». Видимо, это делается для того, чтобы самим избежать характеристики «ультраправые».

В рассказе содержатся прямолинейные, дежурные обвинения в адрес «каппутиста» Лю Минь-чжуна. Его главный порок — недостаточная революционность, переходящая в контрреволюционность, но выражается она в эгоизме, в равнодушии к тому, что многим людям в Китае еще нечего есть, а у самого Лю Минь-чжуна благодаря должности уже есть надежная чашка риса и даже «вкусные блюда». Других убедительных аргументов в рассказе нет: заявления о том, что Лю Минь-чжун выступает против «культурной революции», вытекают как необходимое следствие из вышеприведенной посылки. Но ведь в том же самом рассказе Лю Минь-чжун непосредственно заботится о питании других людей и повышает зерновой паек землекопам на строительстве полей до 750 г пшеничного зерна в день. Именно «положительный герой» Ду Лэ возражает против такой чрезмерной выдачи, так как бригады черпают зерно из продовольственных резервов, сделанных маоистами «на случай войны». Получается прямое несоответствие: автор (Чэнь Верный) упрекает своего отрицательного героя, обозванного «каппутистом», в эгоизме и чревоугодии, но увеличивает пайки крестьянам все-таки Лю Минь-чжун, а положительный герой рассказа Ду Лэ требует «экономить» на пайках, потому что он «против материального стимулирования». Почему-то у автора рассказа не сошлись концы с концами в главном для тех лет политическом вопросе.

Рассказ Чэнь Чжун-ши «Бесстрашие» — бесспорно художественное произведение там, где описывается современная китайская действительность — быт, духовная атмосфера, образ жизни, в рассказе есть, на наш взгляд, правда факта, автор может вызывать к себе доверие. Во всем произведении нет ни одной цитаты из сочинений Мао Цзэ-дуна — вещь, поразительная для 1976 г. Наконец, автор разворачивает действие на ярко выраженном фоне контраста цветущей китайской природы со скудной благами жизнью простых людей, полумиллионного населения уезда, чьи судьбы полностью зависят от воли властей.

«Молодой человек ворвался, как порыв свежего ветра. У него было красное от загара, обветренное лицо, на плечи накинута белая дымчатая рубашка, он производил впечатление простоты, стойкости и силы»³⁰. Таков портрет главного героя в

²⁷ «Жэньминь пэньюэ», 1976, № 3, с. 14.

²⁸ Там же, с. 15.

²⁹ Там же, с. 31.

³⁰ Там же, с. 16.

рассказе. «Положительный герой» рассказа, молодой секретарь парткома коммуны Ду Лэ, казалось бы, олицетворяет ту позицию, которая ныне ставится в вину осужденной «четверке». Он выдвинулся во время «культурной революции», когда был хунвэйбином; он активно продолжает кампанию «большой критики», борется против принципа материального стимулирования, а все достигнутые успехи относит за счет «культурной революции». Ду Лэ скромно одевается. Однако живет он в специальном доме для кадровых работников коммуны, при котором есть женщина-прислуга — кухарка, стряпающая ему еду. Еда эта и вкусна, и скромна: на завтрак похлебка из красных бобов, памлушки и тушеные бобовые стручки. Причем кухарка относится к Ду Лэ как к своему хозяину, а когда на смену ему приезжает из уезда новый секретарь парткома коммуны (в Китае эта должность отнюдь не выборная), кухарка прямо называет нового секретаря, девушку Чэн Хуа, хозяйкой. У Ду Лэ и его заместителя Ян Да-шаня есть машина-джип, на котором они ездят даже на заседания.

Наконец, Ду Лэ влюблен — что было непростительно для героя маонистской литературы 1966—1976 гг. Он любит члена уездного комитета Чэн Хуа, которую знал еще по совместной борьбе в хунвэйбиновских отрядах, и молодая пара тоскует о бурных днях «культурной революции». В то же время рассказ декларирует, что борьба — это главное в жизни молодых людей, никакой сентиментальности нет места. Проявление взаимного чувства ограничено тем, что молодые люди ищут встреч, откровенно разговаривают о делах, дарят друг другу подарки. Но тяга их друг к другу, хотя и понятна для всех окружающих, не получает в рассказе прямого имени, и на вопрос, собирается ли он жениться на девушке, Ду Лэ отвечает: «Еще не ясно». Автор в 1976 г. не мог решиться на описание чувства своих героев.

Достоинства рассказа «Бесстрашие» — свежесть языка, напряженность сюжета, правдивость бытовых деталей. В литературном смысле он далеко превосходит предшествовавшие ему маонистские произведения, опубликованные также после «культурной революции». В то же время рассказ несет на себе черты шаблона в беллетризованной упаковке. Единomyшленники Ду Лэ и Ян Да-шань призваны символизировать лозунг о совместной работе руководителей разных поколений. Автор не приводит дословно этого лозунга, как поступали в предшествующее десятилетие, но декларирует: «Оба они — Ян Да-шань, выросший в урагане аграрной реформы, и Ду Лэ, закалившийся в горниле великой культурной революции...»³¹. «В бледном луном свете старый и молодой шли пле-

чом к плечу...»³². Так иллюстрируются обе части общеполитического лозунга 1976 г. Абсолютно лозунгова речь Ду Лэ в кабинете Лю Минь-чжуна, отправляющего его на перевоспитание: «Великая пролетарская культурная революция является великой революцией... Каких бы отдельных недостатков и недочетов ей ни приписывали, она по-прежнему войдет в скрижали истории сияющей ослепительным светом и озарит будущее!»³³. Правда, в этом рассказе такие пассажи относительно не часты, тогда как в прежних маонистских произведениях они занимали большую часть объема.

Итак, чтение «Бесстрашие» оставляет впечатление определенной двойственности. Рассказ кончается поражением главного героя, которого отправляют на перевоспитание трудом. И хотя Ду Лэ бодро восклицает: «Это еще не наказание!» — такое восклицание остается для читателя пустой декларацией. На два года, как минимум, Ду Лэ выбывает из числа руководителей уезда и теряет там право голоса, а его противник Лю Минь-чжун остается всем заправлять по-прежнему, за ним — победа. Автор клянется устами Чэн Хуа, что борьба с Лю Минь-чжуном будет продолжаться, но тот раунд борьбы, которому посвящен рассказ, окончился поражением положительного героя. В отчаянной риторике «Чэня Верного» проскальзывает трагическая обреченность, оптимизм в рассказе декларативен. «Какая сила в мире сможет преградить сияние идей Мао Цзэ-дуна?» — спрашивает в заключение Ду Лэ, но именно спрашивает, а не восклицает и не утверждает³⁴.

В политической действительности поражение тех, кого олицетворял Ду Лэ, наступило намного быстрее, чем предполагал литературный герой и его автор. Однако торжествовать рано и его противнику, так как трудно доказать, что поражение «четверки» есть победа маонизма, но не стадия его распада. Историческая судьба маонизма определяется иным выбором. Что же до китайского читателя, то у него уже голова идет кругом от мелькания меняющихся указателей: «право» — «лево», «лево» — «право». Что же тогда «Бесстрашие», как не нелепая поза?

Критика «заговорщической литературы», несмотря на многочисленные призывы отражать в произведениях реальную жизнь народа и отказаться от схем и шаблонов, до сих пор не принесла позитивных результатов в литературе. Печать по-прежнему полна славословия и воспевания политических персон в очерках, рассказах и стихах. До октября 1976 г. славословили одного Мао Цзэ-дуна, сегодня воспевают и Хуа Го-фэна, и Чжоу Энь-ляя, и Чжу Дэ, и Хэ Луна, и других как здравствующих, так и покойных деятелей. Художественные сред-

³² Там же, с. 25.

³³ Там же, с. 28.

³⁴ Там же, с. 31.

³¹ Там же, с. 22.

ства литературы теперь используются в пьесах и фельетонах против «четверки» так же, как прежде использовались против «каппуцистов». Все это никак не выходит за рамки маоистского стереотипа «творчества», изменилось только наполнение прежней схемы.

Журнал «Жэньминь вэньсюэ» в 1977 г. опубликовал очень мало произведений на современную тему, предпочитая литературную дань Мао Цзэ-дуну, Чжоу Энь-лаю и другим руководителям, особенно периода великого похода и антияпонской войны. Современной политической борьбе был посвящен в числе немногих рассказ Сяо Юй-сюаня «Надежда»³⁵. Если в «Бесстрашнии» 1976 г. отрицательным персонажем был «каппуцист» Лю Минь-чжун, участник антияпонской войны, то есть по нынешним понятиям старый революционер, то в рассказе «Надежда» 1977 г. старый революционер Мэй Чжэн-чу и его сын, секретарь заводской парторганизации, Мэй Сяо-юй — положительные герои. Бывший хунвейбин Ду Лэ был положительным героем «Бесстрашния», а в «Надежде» митингующие сторонники «четверки» из молодежи — отрицательные персонажи, люди, не желающие заниматься производственным трудом на заводе и мешающие работать другим. Впечатление такое, что за прошедший год оценки героев поменялись местами. В остальном сходство между рассказами разительное. Окончательная победа в «Надежде» не изображена, сюжетная линия сбивается еще в период господства «четверки». Напомним, что и герой «Бесстрашния» Ду Лэ тоже потерпел поражение.

В литературном смысле «Надежда» слабее, в ней меньше интересных художественных находок. Среди них эпизод: смятение главного героя, когда он приезжает на электромеханический завод к сыну и первое, что там видит — огромные лозунги против него: «Долой Мэй Сяо-юя!». Многими в Китае пережито это потрясение. Рассказ не доведен до переворота в октябре 1976 г. и ему придан оптимизм еще более искусственным, чем в «Бесстрашнии», способом: главный герой, старый Мэй Чжэн-чу, видит сон. Ему снится, что «великий вождь председатель Мао и его близкие соратники — премьер Чжоу и председатель постоянного комитета Чжу Дэ плечом к плечу стоят на Тяньаньмэнь, машут руками, приветствуя своих членов партии, свой народ, радостно улыбаются. Председатель Мао своим добрым голосом, полным безграничного доверия, говорит членам партии, народу и всему миру: «История показывает, что наша партия достойна доверия»³⁶. Подобные сны, в сущности, мало отличаются от декларации Ду Лэ в «Бесстрашнии». Шаблон художественной или идейной неуверенности?

Рассказ Ду Биня «Сегодня»³⁷ относится к тому же типу. Расстановка героев та же: положительную сторону представляют секретарь парткома Мэишаньского механического завода Чжэн Да-чжун и главный инженер Лу Цзинь, ветераны войны и строительства, напоминающие отца и сына Мэй в «Надежде» и близкие по типу к Лю Минь-чжуну в рассказе 1976 г. Их противник Чэнь Вэнь-дэ занимает уже десять лет должность заместителя председателя провинциального ревкома. Этот сторонник «четверки», имеющий прямой контакт с одним из ее «начальников», похож на Ду Лэ из «Бесстрашния», но если в 1976 г. Ду Лэ расписывался как идеал, то в рассказе 1977 г. подобный персонаж максимально очернен. Автор придал этому герою комплект моральных изъянов, но наградил привлекательной супервнешностью, точь-в-точь такой, которая полагалась «героям-идолам» и «образцам» в литературе предшествующего десятилетия: «Он крепко сложен, широкоплеч, с могучей грудью, вся фигура воинственная и героическая, густые брови и большие глаза, черты лица грубые и правильные»³⁸. Идеальный герой из масс в литературе предшествующего десятилетия, почти копия портрета Ду Лэ в «Бесстрашнии»! Зато автор беспощаден в описании духовного облика своего героя. После окончания университета в 1956 г. Чэнь Вэнь-дэ как одаренного выпускника посылают в СССР. Вернувшись, он публикует в 1961 г. научную статью, которая оказывается... плагиатом. Так возникает и дежурный антисоветский мотив.

Затем во время «культурной революции» Чэнь становится руководителем одной из массовых организаций и делает стремительную карьеру, «зацепившись за какого-то начальника из комиссии ЦК по культурной революции»³⁹. От Чэнь Вэнь-дэ исходят все злонамеренные козни: кампания дацзыбао по обвинению руководителей завода Чжэн Да-чжуна и Лу Цзиня в правом уклоне; по его наущению сына Лу Цзиня, школьника, изолируют как контрреволюционера за участие в деятельности, связанной с памятью покойного премьера Чжоу Энь-лая и т. д. Он же шантажирует инженера Лу Цзиня, требуя «разоблачить» публично своего старого друга Чжэн Да-чжуна. Лу Цзинь под тяжестью обрушившихся на него несчастий заболевает гипертонией, и только новость о политическом перевороте, которую он узнает в больнице, воскрешает его: «Чрезвычайно радостное известие! Чрезвычайно радостное известие! Товарищ Хуа Го-фэн занял пост председателя ЦК партии! «Банда четырех» разгромлена! Рассеялись тучи над нашей родиной!...» — так кричал Лу Цзинь»⁴⁰.

³⁷ «Жэньминь вэньсюэ», 1977, № 8.

³⁸ Там же, с. 71.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, с. 83.

³⁵ «Жэньминь вэньсюэ», 1977, № 6.

³⁶ Там же, с. 55.

Итак, тот же шаблон, лишь слагаемые поменялись местами. Герои по-прежнему изъясняются лозунгами. Ходульность вместо образов литературы. Политическая услужливость вместо служения правде народной жизни, вместо партийной ответственности художника-коммуниста. Маонизм любого рода оказывается несовместимым с подлинной художественностью и действенной литературой. В условиях маонистского режима происходит не только растрата творческих сил, оказывается подавленным сам литературный процесс.

Принципиальный подход маонистов к литературе не изменился; ее стремятся использовать на потребу групповых интересов и ради воспевания отдельных лиц. Маонистская политика ставит китайскую литературу в безвыходное положение: ее пытаются лишить социально-классовой основы, связи с народом, способности решать задачу создания и развития социалистической культуры, социалистического сознания масс. При каждом повороте маонистской политики — а такие повороты случались неоднократно — страдает литературное творчество, часть созданного объявляется ненужным и даже вредным. Случись ныне малейший поворот в маонистской политике или просто смена лиц в пекинском руководстве, и все «прославляющие» произведения сразу будут вновь объявлены либо «черным товаром», либо «заговорщической литературой» и т. п.

Бесспорно, в стране есть серьезные литературные силы. Противоречивость некоторых произведений может быть и свидетельством растерянности действительных художников, которые не могут не писать, но и не могут творить вне рамок маонистских поделок и штампов.

Наиболее популярным произведением 1977 г. стал исторический роман Яо Сюэ-иня

«Ли Цзы-чэн». Что привлекало к нему внимание китайского читателя — несомненные литературные достоинства, исторические аналогии? Так или иначе, но посвящен он крестьянскому восстанию XVII в. Что же до современной тематики, то шаблон 1977 г. оказался перевернутым шаблоном 1976 г. — с той же расстановкой действующих лиц и теми же событиями, но с диаметрально противоположной трактовкой.

Маоцзедуновское извращенное понимание взаимосвязи литературы и политики, прямо противоположное ленинскому и восходящее к китайским традициям феодально-императорских времен, в этом смысле является одной из серьезнейших идеологических препон, нагроможденных на пути китайской литературы.

«Не выдумка новой пролеткультуры, а развитие лучших образцов, традиций, результатов существующей культуры с точки зрения миросозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры»⁴¹ — так формулировал В. И. Ленин задачу социалистической литературы и искусства.

Только следуя ленинским заветам, а не выбрасывая в угоду маонистским догмам правду китайской действительности, китайская литература внесет свой вклад в культуру своего народа и человечества.

Только тогда перед китайской литературой откроется подлинная социалистическая перспектива служения народному делу мирного строительства социализма, делу просвещения и воспитания многомиллионных масс трудящихся в духе интернационализма и светлых коммунистических идеалов.

⁴¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 462.

ОЧЕРКИ И СООБЩЕНИЯ

Су Дун-по и его «Красные стены»

*В. С. Колоколов,
профессор*

Появление данного перевода, требующего комментария для широкого читательского круга, несколько необычайно. Разъяснение по этому поводу будет весьма необходимым в виде краткого предисловия.

В 1977 г., накануне празднования 350-летия города Красноярска (1978), мы с женой получили приглашение от родных, проживающих в этом городе. Благодаря исключительной любезности и гостеприимству одного из старожилов города, Анатолия Андреевича Агапова, которого хорошо знают, уважают и ценят на Красноярской ГЭС, нам была предоставлена возможность побывать на этом грандиозном сооружении. Нам была показана и книга отзывов для почетных гостей. В ней мы заметили несколько строк, написанных по-японски. Это был отзыв японского гостя — Иноуэ Сё. Надо сказать, что фамилия Иноуэ весьма известная. Она восходит к владетельному клану (даймё) из района Микава, в исторической области Хокурико-до, ныне подразделенной на префектуры Ямагата, Яматои, Исикава и др. Эту же фамилию носят потомки знаменитого самурая из Ямагути, в исторической области Санъё-до. Возможно, что японский гость, побывавший на Красноярской ГЭС, — писатель, а может быть, родственник составителя многих словарей, в том числе карманного японо-китайского, изданного в Японии в 1954 г., который почти всегда выручает меня в затруднительных случаях разбора древних китайских литературных текстов.

В отзыве японского гостя Красноярской ГЭС упомянут китайский государственный деятель XI в. Су Дун-по, известный в качестве ученого, писателя, поэта, художника и каллиграфа, а также и музыканта. В наше время к нему привлечено внимание многих видных китаеведов в Европе и в США. Ученик академика В. М. Алексеева, автор многих работ по Китаю Ю. К. Шуцким впервые опубликовал в сборнике «Восток» (вып. 1, М., 1935, с. 205—208) перевод одного из многих произведений Су Дун-по в жанре «фу», который почему-то принято переводить «ода», хотя иероглиф «фу», обозначающий этот жанр, по составу элементов, входящих в состав его, больше подходит под понятие «баллада». Произведение, переведенное Ю. К. Шуцким, озаглавлено в оригинале «Чи би», что в буквальном переводе означает «Красные стены». Оно и упомянуто в японском отзыве книги почетных гостей Красноярской ГЭС по ассоциации с названием места, где ныне стоит город и это грандиозное сооружение. Красноярские друзья попросили меня рассказать об этом произведении и его авторе, что и послужило основанием для появления данного перевода.

Прежде чем пояснить текст перевода, необходимо коротко сообщить биографические сведения об авторе, хорошо известном не только в Китае, но также в Японии и Корее.

* * *

Су Дун-по, он же Су Ши (1036—1101), — старший сын видного китайского сановника Су Сюня. Он был уроженцем города Мэйшань в пынешней провинции Сычуань. По окончании образования Су Ши получил литературное имя Цзы-чжань в знак уважения к его высокой учености.

Во многих китайских историографических и литературоведческих источниках утверждается, что он родился в 1036 г., что соответствует 3-му году правления «Цзинъю» тогдашнего императора Китая Жэнь-цзуну Сунской династии. Молодым, в возрасте 22 лет, Су Ши выдержал экзамен на высшую степень среднего ранга — «цзиньши», которая давала право на получение высокой должности в государственном аппарате. Он был назначен начальником одного из отделов дворцового архивного управления.

Это было трудное время для китайского народа. Господствующим классам безудержно обогащались, нещадно угнетая неимущее большинство населения страны. Почти по-

всеместно возникали народные волнения, на подавление которых власти посылали войска. Связанное с этим ослабление охраны границ государства компенсировалось увеличением численности войск, что в свою очередь вызвало повышение налогового бремени. Внешние враги (кидани и тангуты) совершали вооруженные нападения и навязывали Китаю огромные контрибуции. Ростовщики немверно наживались на кабальном кредите. Тогдашний верховный советник императора Ван Ань-ши предложил провести реформы, которые пришлось не по душе многим царедворцам, в том числе и отцу Су Ши, выступавшему против нововведений, за что он и попал в опалу. На четырнадцатом году службы в архивном управлении Су Ши тоже стал известен как противник реформ, был понижен в должности и отправлен в город Ханчжоу в качестве «тунпань» (судейского чиновника) для разбирательства разных тяжб между представителями разноплеменно-го населения этого района.

Во втором году правления «Юаньфын» нового императора Шэнь-цзуна (1079) на Су Ши был подан клеветнический донос, по которому его арестовали и доставили в столицу на суд. Он был лишен всех чинов и званий и отправлен на поселение в захолустный городок Хуанчжоу, вблизи которого в одной из теснин реки Янцзы скалы тектонического происхождения образовали подобие стен. Лессовые отложения придавали им красно-рыжий цвет, откуда они и получили название «Красные стены». На восточном склоне одной из таких гор Су Ши выстроил себе домик и беседку, а себя прозвал «обитателем восточного склона горы», заимствовав это выражение из стихотворения любимого им поэта Бо Цзюй-и, озаглавленного «Сажая цветы на восточном склоне горы». Отсюда и пошло новое прозвище: Дун-по — «восточный склон горы».

В 8-м году правления того же императора (1085) Су Дун-по неожиданно был вызван в столицу и ему был предложен высокий пост в палате ученых (ханьлиньюань), который он занимал до 1091 г. За это время он неоднократно подвергался опале, его посылали на второстепенные должности в уездные города на короткие сроки для «исправления своих ошибок». В 1092 г. Су Дун-по был назначен главой военного ведомства (бинбу), но против него стали выступать многие влиятельные недруги, в результате чего Су Ши опять был понижен в должности и назначен правителем области в город Динчжоу. Во всех этих перипетиях отразилась борьба, разгоревшаяся в связи с внутренними неурядицами, внешней опасностью и реформами Ван Ань-ши, которые сопровождалась жестоким подавлением их противников. Су Дун-по занимал твердую позицию, открыто высказывал свои суждения, основанные на глубоких философских размышлениях, и уличал своих врагов в безнравственности и неблагоприятных поступках.

Несмотря на то что по указу нового императора Чжэ-цзуна по отношению к Су Дун-по были проявлены монаршие милости, тот продолжал оставаться строптивым к власти имушмом, за что был вновь удален из столицы и назначен начальником округа в город Хуэйчжоу. Су Дун-по умер на 66-м году жизни в городе Чанчжоу, после очередной ссылки в уездный город Чанхуа.

Полное собрание сочинений Су Дун-по, известное под названием «Дун-по цюань цзи», ждет перевода на русский язык. Можно не сомневаться в том, что любознательные историографы и литературоведы найдут много в этом культурном наследии.

«Чи би» (Красные стены) — географическое название, которое можно образно перевести и как «Красный яр». В Советском Союзе название «Красный яр» встречается в Волгоградской области на реке Ахтубе вблизи города Астрахани, в Томской области на реке Оби севернее города Томска и, наконец, на реке Енисее, где находятся знаменитые «столбы», что и дало название городу Красноярску, а у японского гостя вызвало воспоминания о Су Дун-по.

В Китае название «Чи би» встречается в бассейне реки Янцзы три раза. Во-первых, в теснинах реки за городом Хуанган (ранее Хуанчжоу) в провинции Хубэй. Это как раз то место, куда совершал прогулки Су Дун-по, когда жил в этом городе. Во-вторых, в 70-ти ли юго-восточнее крупного города Учан. Это место носит и другое название — Чи цзи (Красные рифы), а также Чи ци (Красные берега). В-третьих, северо-восточнее города Цзяюй. Там произошло знаменитое в истории Китая речное побоище в 208 г. В произведении Су Дун-по упоминаются участники этого сражения Цао Цао (Мын-дэ) и Чжоу Лан.

Как уже упоминалось выше, Су Дун-по назвал свое произведение «фу». В старом Китае приходилось видеть слепых и полуслепых, оборванных и жалких певцов-бардов, которые распевали песни о бывлой военной славе. Эти песни назывались «фу». В состав иероглифа, которым обозначается это понятие, входит элемент, обозначающий военную доблесть. Он занимает основную правую сторону всего знака, а слева придан элемент, выражающий понятие «деньги». Получается: «плата певцу за балладу о военных подвигах исторических героев». Однако по содержанию оба переведенные песнопения Су Дун-по «Красные стены» кажутся чем-то весьма похожим на невинную философскую идиллию. Плывет по реке лодочка, гости и автор поют песенку, плывут по реке и видят отвесные берега красноватого цвета; одни из гостей — музыкант — вспоминает про Цао Цао — умелого полководца, но однажды попавшего в ловушку в теснине реки, в другом месте, далеко на западе, и в очень давние времена. Автор предаётся размыш-

лениям об изменчивости и неизменности материи и явлений. Словом, нет ничего такого, что похоже на балладу, что могло бы вызвать подозрения у тогдашних строгих китайских цензоров. Но если вдуматься, то налицо замечательная аллегория. Ситуация в Китае, сложившаяся в середине XI в., почти полностью совпадала с положением страны при распаде Ханьской империи и образовании «Троецарствия» в III в. В самом деле, в XI в. с северо-востока Китаю угрожали кидане, а с северо-запада — тангуты. Вместо слабоумного императора правила его жена, окруженная лживыми интриганми-евнухами. Такое же положение было и в далеком прошлом. По мысли Су Дун-по, чтобы спасти страну от неурядиц и от внешних вторжений, нужен был такой же храбрый и способный полководец, каким был когда-то Цао Цао. Между тем по традиции Цао Цао считался при Сунском дворе узурпатором и негодяем за грубое обращение с тогдашним императором. Лодочка символизирует страну, а женские весла — правящую императрицу, которая по обычаям страны могла давать государственные распоряжения сановникам-мужчинам только через плотную ширму. Доступ к ней был строго запрещен.

Су Дун-по видел спасение в воинствующем даосизме, а придворная знать ратовала за внедрение миротворческих идей конфуцианства, подвергала даосов гонениям, и те вынуждены были скрываться и не называть своих имен.

Лышу себя надеждой в какой-то скромной мере способствовать популяризации творчества Су Дун-по среди советских людей, питающих неизменные чувства сердечной дружбы к великому китайскому народу.

ПЕСНОПЕНИЕ ПЕРВОЕ У КРАСНОЙ СТЕНЫ

Осенью 59-го года¹, на другой день полнолуния 7-го месяца, я отправился с моими гостями совершить прогулку на лодке к Красным Стенам. Нам в лицо дул чистый ласковый ветер, не вздымавший волн на реке. Я поднес гостям вино и предложил продекламировать стихи о ясном месяце, спеть куплеты из песни про обворожительную красавицу.

Вскоре из-за горы на востоке взошел полный месяц и побрел между созвездиями Большой Медведицы и Тельца. Белый туман пеленой лег поперек реки, а блеск воды принял цвет неба. Наша лодочка уносила вдоль по реке, подобно тростинке в необъятном просторе. Казалось, правит ею ветерок, и нет у нее никакой опоры, и несется она неведомо куда... И мы готовы были покинуть этот мир, стать независимыми ни от кого, уподобиться тем отшельникам, которые познали волшебство летать по воздуху, как на крыльях.

Вот снова мы пьем вино, нам очень весело, поем песню и отбиваем такт по бортам нашей лодки. Мы поем:

Ах, весла, весла легкие,
Для женских рук,
Вы из корицы и олеандра
На лодке оказались вдруг.
Гребем мы зря навстречу свету,
В душе у нас и так простор!
Найти красавицу бы эту —
И в небо устремлен наш взор.

Один из гостей на самодельной свирели стал вторить нашей песне, ее звуки звучали то жалобно, то любовно, то скорбно, то укоризненно. Отзвуки свирели тянулись протяжно, словно нескончаемая нить. Наверное, драконы в темном ущелье пустылись бы в пляс, а на глаза вдовы — [хозяйки] осиротевшей рыбацкой лодки — наворачнулись бы слезы от этих звуков.

Печаль охватила и меня. Я оправил одежды, сел прямо и попросил игравшего на свирели объяснить, почему у меня появилось такое чувство. Гость ответил так:

— «Чем месяц яснее, тем реже звезды на небе. Стрекохот сороки тогда и улетают на юг...» Не стихи ли это Цао Мын-дэ², того самого Мын-дэ, войско которого зажал Чжоу Лан в том месте, где на западе виден город Сякоу, а на востоке — Учан? Там, где река и горы сплетаются друг с другом, кутаясь в роскошной зелени лесов, там в теснине реки меж отвесных скал этот полководец сложил приведенный стих после того, как разбил войско врагов под городом Цзинчжоу. Он со своей флотилией спускался вниз по течению на восток к городу Цзянлин. За кормой пролегал путь в тысячу ли. Победные стяги па судах затмевали небеса. Среди воинов рекою лилось вино. В полной боевой готовности и в душевном спокойствии полководец слагал этот стих. Нет сомнений в том, что он был тогда героем. Где же теперь нам найти такого? Скажу вам больше того. Вот мы с вами рыбачим здесь, общаемся с рыбешками и рачками, дружим с четою оленей, а сейчас плывем на этой уютной лодочке и распиваем вино из самодельных тыквенных кубков. А живем-то мы в этом мире, как говорится, «между небом и землей», словно мотыльки и букашки, жизнь которых длится всего лишь один день. Мы, как

зернышки проса, живем в безбрежных просторах и скорбим о том, что жизнь наша коротка, проходит как мгновение. Завидуем мы Длинной реке³, вечной неиссякаемости ее глубоких вод. Эх! Ухватиться бы нам за волшебных отшельников и совершить с ними полет по небу! Обхватили бы мы руками ясный месяц и тем бы отсрочили надолго нашу кончину. Увы, мы знаем, что такое дается не сразу! Ну, а что, если вдруг нам удастся? Поручим тогда заунывному ветру донести до земли отзвуки наших голосов.

Тут я удивился.

— Вот как! Значит, и вы, дорогой гость, все знаете про воды и про луну! Но ведь поток, каким бы стремительным он ни был, никогда не сможет течь дальше того места, куда дотечет. Как бы ни разбухала и ни сокращалась луна, ей никогда не стать больше, чем она есть, или исчезнуть совсем. Если рассматривать небо и землю как нечто изменяющееся, то настанет миг, когда они перестанут существовать. А если смотреть как на нечто неизменное, то их вещество никогда не исчезнет, но и мы с вами тоже не исчезнем. Так чего же еще нам желать?!

Все сущее на небе и на земле имеет своего хозяина. Поскольку мы не обладаем никаким из этих сущих веществ, то нам нельзя брать из них даже самую малость, величиной с ворсинку. Только чистый ветерок на реке и свет ясного месяца над горой мы можем брать без запрета. Наши уши обращают их в звуки, а глаза, встречаясь с ними, преобразуют в цвета. Они неиссякаемы, сколько бы мы ни вкушали их. Значит, творец всего сущего не все прячет от нас, дает всем нам возможность вместе наслаждаться некоторыми из своих творений!

Гости рассмеялись и повеселели. Мы обмыли наши чарки и снова наполнили их вином. По окончании выпивки и закуски мы убрали посуду и устроились ночевать на лодке все рядышком. Так незаметно прошло время, и восток посветлел.

ПЕСНОПЕНИЕ ВТОРОЕ У КРАСНОЙ СТЕНЫ

В том же году, в день полнолуния 10-го месяца, я шагал обратно в беседку Линьгао⁴, выйдя из своего дома «Сюэтан»⁵. Двое гостей сопровождали меня: Мы переходили через рыхлый глинистый откос. На землю уже пал туман и мокрый иней, листья на деревьях осыпались. Рядом с нами по земле шли наши тени. Мы подняли головы и увидели ясный месяц на небе. Переглянувшись, мы развеселились и, запевая песенку, переговаривались на ходу. Когда песня кончилась, я тяжело вздохнул и сказал:

— Есть гости, а нет вина; будет вино, а не будет закуски... Ах, как светел месяц! Как чист ветерок! Такая чудесная ночь. Как же нам быть?

Вот что ответили гости:

— Сегодня под вечер мы подняли наш невод и поймали рыбу с большим ртом и мелкой чешуей, по виду похожую на рыбу «лу»^{*}, которая водится в реке Сунцзян⁶. Вот только как насчет вина? Где бы нам его раздобыть?

Я зашел домой и обратился к жене за советом.

— А у меня есть целый «доу»^{**} вина, — сказала она. — Я давно храню его на случай, если тебе, муженек, вдруг понадобится.

И вот, взяв с собой вино и рыбу, мы снова отправились на прогулку к Красным стенам. Теперь река текла с журчанием. Крутые берега вздымались чуть ли не на тысячу чи^{***}, они стали выше, а луна казалась меньше — вода спала и обнажила камни. Давно ли мы были здесь, а как неузнаваемо все переменилось! Река и горы стали иными.

Подобрав одежды, мы высадились из челна на берег. Я стал карабкаться на высоко вздымающийся утес, цепляясь за бурьян, то приседая на корточках, как тигр или барс, то ползком и извиваясь, как дракон. Взобравшись на дерево, я примостился на опасной высоте у журавлиного гнезда. Мне казалось, что глядя вниз я увижу мрачные чертоги водяного духа Пин И⁷.

Так как оба мои гостя не могли последовать за мной, они начали издавать протужные тревожные крики. Они так пронзительно кричали, что затрепетали травы и деревья, эхо зазвучало в горах и отозвалось в долинах. Вдобавок поднялся ветер, воды реки забурлили. Мне тоже стало не по себе, сердце замерло от испуга, холодная дрожь охватила меня: мне ведь нельзя было оставлять их одних. Я вернул, и все сели в лодку. Мы пустили ее на стремнину реки и предоставили ей свободу пристать к берегу там, куда ее приберет течение. Там мы и отдохнули.

Время уже приближалось к полуночи. Кругом было тихо и безмолвно. Вдруг появился одинокий журавль, летевший с востока через реку. Его огромные крылья описывали круги, величиной, пожалуй, с колеса арбы. Одет он был в черный хитон и белую кофту. Протяжно курлякая, он пролетел наискось над нашей лодкой и скрылся на западе.

* Рыба «лу» — род окуня.

** Доу — около 1,5 л.

*** Чи — здесь: мера длины, теперь равная примерно 32 см.

Вскоре гости ушли, и я тоже отправился спать.

Мне приснился даос, одетый в платье из перьев журавля. Приплясывая, он прошел вину мимо беседки Линьгао, учтиво поклонился и спросил:

— Довольны ли вы прогулкой у Красных стен?

Мне захотелось узнать, как его зовут, но он нагнул голову и ничего не ответил.

— Ах вот как! Но все же я узнал вас. Не вы ли вчера ночью пролетали с курлыканьем над моей головой?

На это даос только рассмеялся...

Я в страхе проснулся, открыл дверь, посмотрел по сторонам, но нигде никого не увидел.

¹ В старом Китае, как и в нынешней Японии, летосчисление вели по годам правления каждого императора отдельно. Имя императора обычно табуировалось, а его величание по генеалогической линии не было строго обязательным. Уклоняясь от традиции, Су Дун-по не назвал девиза правления, он воспользовался другим способом летосчисления — по принятому у астрологов лунному календарю, который состоит из повторяющихся циклов в 60 лет каждый. При переводе этих циклов на наше летосчисление применительно к жизни Су Дун-по получается 1082 г.

² Здесь упоминаются события седой старины, эпохи Ханьской империи (206 г. до н. э. — 219 г. н. э.), которая в конце концов пришла в полный упадок и начала распадаться на отдельные области, образовавшие три царства: Вэй, Шу и У. Они вели между собой ожесточенную истребительную войну, причинившую Китаю огромные бедствия и гибель множества людей, скота, природных и денежных ресурсов. Борьба шла за гегемонию под видом воссоединения частей рухнувшей империи, в ходе которой выделились ее герои, вошедшие в историю и в фольклор. Среди положительных персонажей известен любимый в народе хитроумный Чжугэ Лян по прозвищу Кун Мин. Отрицательный тип — это жестокий и отчаянный Цао Цао по прозвищу Мын-дэ. На русском языке есть перевод исторического романа китайского писателя Ло Гуань-чжуна под заглавием «Троецарствие», выполненный В. А. Панасюком в 1954 г. Там наш читатель найдет подробное описание всей ситуации, сложившейся в те времена.

Цао Цао одержал блистательную победу над своим злейшим соперником Лю Бэем, ранее пытавшимся устроить покушение на его жизнь. И вот, окрыленный успехом, Цао Цао соорудил огромную боевую флотилию на реке Янцзы, чтобы занять весь ее бассейн и выйти к морю. Проведение операции против флотилии Цао Цао было возложено на одного из сметливых командиров по имени Хуан Гай, который пошел на хитрость. Воспользовавшись сильным ветром против течения реки, Хуан Гай велел загрузить десять боевых судов для тарана, именуемых «мынтун», горячим материалом, вывесить на них флаги, сигнализирующие безоговорочную капитуляцию, и пустить развернутым фронтом по всему фарватеру навстречу флотилии Цао

Цао. За этими судами на небольшом расстоянии следовали корабли с воинами. В момент сближения «мынтун» с судами противника в них были пушены сзади зажигательные стрелы, и широкая полоса огня метнулась с загоревшихся судов «мынтун» на противника. Ужасная паника охватила воинов Цао Цао, но спасения не было, так как в этом месте крутые берега реки образовали теснину. Тонущих в реке рублили и обезглавливали воины Хуан Гая. Волны, омывающие береговые скалы, окрасили их кровью погибших в красный цвет, что также послужило основанием назвать эти скалы «Чи би», то есть «Красные стены». Местонахождение тех «Красных стен» было хорошо известно автору переведенного произведения.

³ Длинной рекой в Китае принято называть реку Янцзы. Как известно, эта река по своей длине (5 520 км) занимает первое место в Азии. От Нанкина и до устья она носит название Янцзы и под таким именем вошла в европейские труды по географии.

⁴ Линьгао в дословном переводе означает «прибрежная насыпь на берегу реки». Так назвал свою беседку Су Дун-по, он часто посещал ее, чтобы полюбоваться видами.

⁵ Дома в старом Китае, расположенные в населенных местах, не имели номерных знаков и различались по их опоэтизированным названиям, придуманным владельцами или их друзьями. Находясь в длительной ссылке в городе Хуанчжоу, Су Дун-по выстроил себе домик, побелил известкой и назвал «Сюэтан», что в буквальном переводе означает: «Снежный храм».

⁶ Река Сунцзян ныне носит название Усунцзян. Она протекает по провинции Цзянсу и впадает в реку Янцзы. Рыба «лу», отличающаяся очень приятным вкусом, водится только в этой реке.

⁷ Пин И (Фын И), он же Хэ Бо, — бессмертный дух утонувшего в реке Янцзы верного последователя учения о вселенском пути (дао), о котором упоминает философ по прозвищу Хуай Нань-цзы. Пин И служил возницей у чародея Дай Бина в незапамятные времена, и тот научил его править колесницей, летающей в облаках. Как-то раз, перелетая через реку Янцзы, возница попал в бурю и упал в воду вместе с колесницей. Очутившись на дне реки, Пин И остался жив, выстроил там чертог и доныне помогает всем, кто взывает к нему, когда тонет в реке.

Из записок советского дипломата

И. Н. Никитин

8 сентября 1978 г. исполнилось 30 лет со дня провозглашения Корейской Народно-Демократической Республики. В 1949 — 1951 гг. мне довелось работать в советском посольстве в КНДР, и сейчас память вновь возвращает меня к событиям тех лет. Советский союз 12 октября 1948 г. признал КНДР и установил с ней дипломатические отношения. Первым послом Советского Союза в КНДР был назначен Т. Ф. Штыков. Уже к лету 1949 г. посольство СССР было полностью сформировано.

После освобождения Корейского полуострова положение на севере и юге страны складывалось по-разному. В Северной Корее были проведены коренные демократические преобразования: осуществлена земельная реформа, в соответствии с которой земля была передана крестьянам, национализированы промышленность, банки, торговые и культурные учреждения, введен восьмичасовой рабочий день, принят закон о равноправии мужчин и женщин. Это явилось большим стимулом для быстрого развития производительных сил, просвещения, культуры, здравоохранения.

Совсем по-другому сложилось положение в Южной Корее. Промышленность пришла в упадок, шел быстрый процесс деградации сельского хозяйства, невыносимо тяжелым становилось положение народных масс. Свидетельством тому являлись массовая безработица, нехватка продовольствия, рост цен на предметы первой необходимости; крестьяне страдали от многочисленных налогов и обязательных поставок государству, от выкупных платежей за землю. Население Южной Кореи было лишено каких-либо политических прав. Массовые организации трудящихся были загнаны в подполье, демократическая печать полностью разгромлена, Трудовая партия Кореи объявлена вне закона, сотни патриотов брошены в тюрьмы, многие расстреляны в лисынмановских застенках. Все это вызвало глубокое возмущение широких народных масс, требовавших прекращения террора, вывода американских войск и объединения страны на демократических началах. От стачек и забастовок массы переходили к вооруженной партизанской борьбе.

Во второй половине 1949 г. эта борьба приняла всенародный характер. Партизаны освобождали города и целые районы и восстанавливали там власть народных комитетов. Весной 1950 г. борьба против лисынмановского режима и американского господства в Южной Корее еще более усилилась. Опасаясь дальнейшего роста партизанского движения, южнокорейское правительство занялось подготовкой военной авантюры против КНДР. Правительство США обещало ему в этом полную поддержку. На Корейском полуострове назревала война, и все это чувствовали, в том числе и мы, работники советского посольства в Пхеньяне.

С тем чтобы не допустить гражданской войны, 19 июня 1950 г. Президиум Верховного Народного собрания КНДР внес предложение объединить страну путем слияния Верховного Народного собрания КНДР и национального собрания Южной Кореи в единый законодательный орган, который принял бы конституцию и сформировал правительство.

Но и на это предложение власти Южной Кореи не ответили; они усиленно продолжали готовиться к войне против КНДР. Сигналом к ее началу послужил приезд в Сеул 17 июня 1950 г. советника госдепартамента США Дж. Даллеса, который совершил инспекционную поездку в район 38-й параллели и в течение двух дней проверял готовность дислоцированных там лисынмановских войск. 19 июня он выступил в южнокорейском национальном собрании с речью, в которой обещал Южной Корее моральную и материальную поддержку Соединенных Штатов Америки в ее борьбе против КНДР.

25 июня 1950 г. в Корее началась гражданская война. Южнокорейская армия перешла 38-ю параллель и устремилась на Север, имея целью молниеносным ударом разгромить Корейскую народную армию и выйти на границу с Советским Союзом и Китаем.

По призыву ТПК и правительства КНДР народ встал на борьбу за свободу и независимость своей родины. Корейская народная армия быстро остановила продвижение лисынмановских войск и немедленно перешла в решительное наступление. Войска Ли Сын Мана были полностью разгромлены, остатки их в панике бежали на юг. Уже 28 июня был освобожден Сеул, а к середине сентября почти вся территория Южной Кореи. Бои шли за небольшой плацдарм в районе города Пусана. Лисынмановский режим фактически развалился. Дело шло к полному освобождению территории Южной Кореи и объединению страны в единое демократическое государство. Однако этого не произошло — помешала вооруженная интервенция Соединенных Штатов Америки и их союзников.

Поражение южнокорейских войск заставило США с первых же дней войны начать вооруженную интервенцию в Корею. Свою агрессию США поспешили прикрыть именем Организации Объединенных Наций. 25 июня 1950 г. Вашингтон протащил через Совет Безопасности ООН резолюцию, которая обвиняла КНДР в агрессии против Южной Кореи. 27 июня Совет Безопасности принял решение рекомендовать членам ООН предоставить южнокорейскому режиму военную помощь. 7 июля он призвал их предоставить свои вооруженные силы в распоряжение объединенного командования под руководством США, просил США назначить командующего такими силами и уполномочил объединенное командование использовать по своему усмотрению флаг ООН в ходе военных операций против КНДР. Вскоре этим командующим был назначен американский генерал Д. Макартур.

Однако несмотря на эти решения, США не удалось воевать в Корею чужими руками. Из 53-х государств, одобривших резолюцию Совета Безопасности о «помощи» Южной Кореи, только 15 приняли то или иное участие в корейской войне, да и то незначительными контингентами своих войск. Кроме Англии, которая послала на Корейский полуостров бригаду своих сухопутных войск и военно-морские силы, и Турции, направившей туда одну бригаду, остальные страны, в том числе Австралия, Франция, Бельгия, Голландия, Канада, Колумбия, Люксембург, Новая Зеландия, Таиланд, Филиппины, Эфиопия, Южно-Африканский Союз, послали в Корею лишь мелкие подразделения в размере взводов и рот. Таким образом, хотя война и велась под флагом ООН, однако по существу это была война Соединенных Штатов Америки против корейского народа.

16 сентября 1950 г. командование ООН начало крупную десантную операцию в Инчхоне, на западном побережье Кореи. В этой операции участвовало около 50 тыс. пехоты с артиллерией и танками под прикрытием более 300 кораблей и свыше 500 самолетов. В результате двухнедельных ожесточенных боев в конце сентября войска интервентов, имея 20-кратное превосходство в силах, заняли Сеул и устремились на север, к 38-й параллели. 1 октября генерал Макартур потребовал безоговорочной капитуляции Корейской народной армии, что было категорически отвергнуто правительством КНДР. Чтобы узаконить захват Северной Кореи и ликвидировать там народно-демократический строй, США инспирировали в ООН проект резолюции восьми стран, имевший целью санкционировать действия интервентов. 7 октября 1950 г. V сессия Генеральной Ассамблеи приняла эту резолюцию и отклонила предложение Советского Союза, Украины, Белоруссии и Чехословакии о немедленном прекращении войны в Корею и выводе из Кореи войск интервентов.

Получив таким образом «санкцию» на продолжение агрессии, так называемые войска ООН двинулись на Север. 23 октября они захватили Пхеньян и устремились к границам Советского Союза и Китая. К концу октября, оккупировав большую часть территории Северной Кореи, интервенты вышли в районе города Хесанчжинна к корейско-китайской границе. В октябре все советские учреждения были эвакуированы в г. Синийчжу. В течение корейской войны из-за сильнейших бомбардировок, а в ряде случаев и ввиду реальной опасности захвата войсками интервентов, советское посольство было вынуждено неоднократно менять свое местоположение.

Над Китаем нависла угроза иностранной интервенции.

25 октября 1950 г. первые отряды китайских народных добровольцев перешли корейско-китайскую границу, чтобы помочь народной армии Кореи разгромить врага и предотвратить угрозу нападения на Китай. В двухнедельных боях на северо-западном участке фронта, в районе Анчжу, они разгромили противника и отбросили его на юг от реки Чхэнчхэнган.

24 ноября Макартур, подтянув резервы, начал мощное наступление, имея целью к концу месяца завершить операцию по захвату Северной Кореи. В наступлении участвовало 7 американских дивизий, англо-австралийская бригада, турецкая бригада и шесть лисынмановских дивизий. Эта огромная армия насчитывала больше 200 тыс. человек. Ее поддерживали свыше тысячи самолетов, большое количество танков и артиллерии разных калибров. Однако операция была сорвана в самом начале. 25 ноября Корейская народная армия и китайские народные добровольцы перешли в решительное наступление по всему фронту. Уже 27 ноября фронт интервентов был прорван, их войска разгромлены и к концу декабря отброшены за 38-ю параллель. 6 декабря был освобожден

ден Пхеньян, 4 января 1951 г. враг был изгнан из Сеула. Преследуя отступавшего в панике противника, Корейская народная армия и китайские добровольцы продвинулись примерно на 100 км к югу от 38-й параллели и к середине января 1951 г. вышли на линию южнее городов Сувон, Инчон, Вончжу, Каннин. Это было неслыханное поражение войск США и их союзников. После этого они не могли оправиться уже до конца войны.

Способы ведения военных действий американцами в Северной Корее отличались крайней жестокостью, причем во всей полноте применялась тактика выжженной земли. И это было действительно так. Мы, и я в том числе, на себе не раз испытали всю «преlestь» американских бомбежек с воздуха. Об этом также свидетельствуют официальные сообщения специальной комиссии Единого демократического отечественного фронта Кореи — ЕДОФ, заявления корейского правительства, расследования различных международных комиссий. В конце концов, эти варварства ни для кого не являются секретом, об этом знает весь мир.

7 декабря 1950 г. министр иностранных дел КНДР от имени правительства направил специальное заявление в адрес председателя сессии Генеральной Ассамблеи ООН и председателя Совета Безопасности ООН, в котором говорилось, что правящие круги США перешли к еще более жестоким способам ведения войны против корейского народа, прикрывая свои действия лицемерными фразами об осуществлении «полицейских функций» от имени Организации Объединенных Наций. В заявлении также подчеркивалось, что систематические бомбардировки оставшихся целыми населенных пунктов стали особенно интенсивными со второй половины октября, когда американская авиация разрушила Сунан, Кэчон, Хичен и другие города. В ноябре в результате систематических бомбежек в Канге из 8 тыс. зданий осталось менее 500, в Синийчжу из 12 тыс. — около 1000, в Манпходине из 1500 — около 200. Только на территории Северной Кореи американские самолеты разрушили и сожгли около 7 тыс. деревень и других мелких населенных пунктов. Заявление заканчивалось выражением решительного протеста против этих преступлений американских интервентов в Корее и вопросом, не «санкционировала ли Организация Объединенных Наций указанные незаконные действия американских вооруженных сил в Корее?».

Особую жестокость проявляли интервенты, отступая из Северной Кореи. Они преднамеренно и методически разрушали и уничтожали города и села, сжигали и взрывали все, что оставалось еще не уничтоженным, в том числе крестьянские хижинки и деревенские школы, общественные здания и коммунальные сооружения в городах. Особое «усердие» американцы и лисынмановцы проявили в Пхеньяне. Перед отступлением был отдан приказ уничтожить город. Специальные команды подрывников и поджигателей по предварительному составленному плану обходили квартал за кварталом, дом за домом, готовя их к уничтожению. Во время отступления город был превращен в руины. Были казнены тысячи жителей города, в том числе женщины, старики и дети. Массовые убийства ни в чем не повинных людей достигли чудовищных размеров в последние дни перед уходом американцев и лисынмановцев из Пхеньяна. Везде валялись трупы мирных жителей, которые палачи не успели спрятать. Позднее были обнаружены массовые могилы расстрелянных и замученных в самом городе и в его предместьях.

12 декабря 1950 г. министр иностранных дел КНДР вручил главам иностранных посольств и миссий заявление, в котором говорилось, что американские и лисынмановские войска, отступая на юг, проводят преднамеренное массовое уничтожение мирного гражданского населения, сжигают и разрушают города и села, взрывают здания и сооружения.

Министр просил иностранных дипломатов довести до сведения правительств всех стран и мирового общественного мнения эти факты и выразил надежду, что их правительства поставят перед ООН вопрос о немедленном прекращении этих злодеяний и о привлечении уголовных преступников к ответственности.

Командование войск ООН, потеряв всякую надежду на завоевание Северной Кореи, решило окончательно уничтожить столицу КНДР. 3 января 1951 г. в 12 час. 10 мин. 82 американских тяжелых бомбардировщика В-29 совершили налет на Пхеньян и сбросили на жилые кварталы несколько сот т фугасных бомб, в результате чего во всех районах города возникли пожары. С тем чтобы помешать их тушению, американские самолеты разбросали всюду бомбы замедленного действия, которые рвались в течение всего дня. Только 3 января в Пхеньяне сгорело 1812 жилых домов, было много убитых и раненых, сгоревших и задохнувшихся от дыма мирных жителей. Население города, составлявшее до войны 500 тыс. человек, теперь насчитывало 50 тыс., то есть уменьшилось в десять раз.

Все это мы, работники советского посольства в КНДР, видели собственными глазами и испытали вместе с корейцами на себе. За время корейской войны от бомбежек американскими самолетами непосредственно на территории нашего посольства погибли два наших товарища — дежурный комендант А. Н. Шальнов и водитель В. А. Дорогов, многие получили тяжелые ранения и контузии. Советник посольства А. М. Игнатев погиб в пути на Сунанское водохранилище. Американцы несчетное количество раз бомбили территорию советского посольства, несмотря на то что над ней развевал-

ся красный советский флаг и в посольских зданиях постоянно жили и работали советские дипломаты, пользующиеся, как и все дипломаты мира, дипломатической неприкосновенностью.

Несмотря на полный провал интервенции, 25 января 1951 г. американское командование предприняло новое наступление. Оно велось на фронте протяженностью 200 км с позиций, расположенных южнее рубежа Сувон, Ичхон, Иочжу, Вончжу, Каннун. В операциях принимали участие свыше 100 тыс. человек, большое количество артиллерии, авиации, танков. Однако наступление натолкнулось на героическое сопротивление солдат Корейской народной армии и китайских народных добровольцев. 12 февраля они нанесли сильный контрудар близ города Вончжу, где «войска ООН» вынуждены были отступить на 20 км, а также в районе Ичхона.

В конце февраля американское войско командование ввело в бой резервы и отдало приказ о продолжении наступления в направлении Сувон-Сеул. К середине марта войскам интервентов ценою огромных потерь в живой силе и технике удалось форсировать реку Ханган. Во второй половине марта развернулись ожесточенные бои севернее Сеула в излучине реки Имчжинган. На рассвете 23 марта свыше 100 американских транспортных самолетов, сопровождавшихся боевой авиацией, выбросили в окрестностях города Мунсана трехтысячный десант, усиленный артиллерией и легкими танками. Однако все усилия интервентов были напрасными. В двадцатых числах апреля наступление «войск ООН» было остановлено, и они вынуждены были перейти к обороне по всему фронту на рубеже севернее 38-й параллели.

На рассвете 22 апреля Корейская народная армия и китайские добровольцы нанесли новый удар по войскам интервентов. Главная линия их обороны была прорвана в нескольких местах. За три дня наступающие части продвинулись почти на 40 км. Введя в бой резервы, американское командование предприняло попытку задержать продвижение частей Корейской народной армии и отрядов китайских народных добровольцев, но успеха не добилося. Утром 17 мая после артиллерийской подготовки был нанесен еще один сильный удар по войскам интервентов, и они вынуждены были снова отступить по всему фронту. Передовые части наступающих уже находились в нескольких километрах северо-восточнее Сеула и приблизились к городу Ыйчжонбу.

С середины 1951 г. линия фронта оставалась стабильной до конца войны. Она в основном проходила по 38-й параллели, то есть там, где началась война в июне 1950 г. Вооруженная интервенция американцев и их союзников в Корею была сорвана.

Военные действия на фронте сопровождались усиленными бомбежками территории Северной Кореи. Бомбили прежде всего дороги, промышленные предприятия, которых, по сути дела, почти уже не было, города и населенные пункты в провинции с целью уничтожения людей и подавления психики оставшихся в живых, рисовые поля, где работали крестьяне, дамбы водохранилищ, снабжавшие эти поля водой. Не было дня, чтобы американские летчики не обстреливали и не бомбили территорию советского посольства.

Как уже говорилось выше, с середины 1951 г. линия фронта в Корею оставалась стабильной до конца войны. Ни та, ни другая сторона не могли склонить чашу весов в свою сторону. Уже весной стало ясно, что с войной надо кончать. Начало переговоров о перемирии положило выступление постоянного представителя СССР при ООН Я. А. Малика 23 июня в радиопередаче на тему «Цена мира», организованной службой информации ООН. В этом выступлении он заявил: «...Можно было бы урегулировать и самый острый вопрос — военный конфликт в Корею. Для этого требуется готовность сторон встать на путь мирного урегулирования корейского вопроса. Советские народы верят в то, что в качестве первого шага следовало бы начать переговоры между воюющими сторонами о прекращении огня, о перемирии с взаимным отводом войск от 38-й параллели».

КНДР и КНР немедленно выразили свое согласие начать переговоры о перемирии. Поражение «войск ООН» на фронте, обострение в связи с этим противоречий между США и их союзниками и рост движения прогрессивных сил во всем мире за немедленное прекращение войны в Корею вынудили правительство США рассмотреть советское предложение. 30 июня 1951 г. главнокомандующий «войсками ООН» генерал Риджуэй обратился по радио к верховному командующему Корейской народной армией Ким Ир Сену с предложением начать переговоры о перемирии на борту датского госпитального судна в Вонсане и выразил готовность назначить своего представителя. В ответ на это обращение Ким Ир Сен и командующий китайскими народными добровольцами Пэн Дэ-хуай 1 июля сообщили Риджуэю, что они согласны встретиться с представителями американского командования между 10 и 15 июля в районе города Кэсона, расположенного на 38-й параллели.

27 июля началось обсуждение вопроса об установлении демаркационной линии между обеими сторонами для создания демилитаризованной зоны в качестве основного условия для прекращения военных действий в Корею. Корейско-китайская сторона внесла предложение, согласно которому военная демаркационная линия устанавливается по 38-й параллели. Американцы настаивали на установлении этой линии значительно север-

нее 38-й параллели, причем в некоторых местах она должна была бы проходить на 35—40 км севернее линии фронта. Поскольку корейско-китайская сторона не согласилась с их предложением, американское командование стало прибегать к методам нажима и запугивания. С этой целью летом и осенью 1951 г. оно начало наступление на фронте и постоянно проводило ожесточенные бомбардировки мирного населения Северной Кореи. Тогда же были предприняты провокационные действия в районе места переговоров Кэсоне.

Бомбардировки Пхеньяна и всего прилегающего к нему района, а следовательно и территории советского посольства, не прекращались ни на один день. При этом бомбежки посольства стали более целенаправленными и жестокими. Теперь американские летчики вели прицельное бомбометание по тем помещениям, где сотрудники работали.

Война в Корее продолжалась еще около двух лет. Шли ожесточенные бои на фронте, одновременно с этим продолжались трудные переговоры о перемирии в Паньмыньчжоне. Вместе с корейским народом делили все тяготы войны и наши товарищи, работавшие в посольстве и других советских организациях, а также советские специалисты, продолжавшие работать в КНДР.

Наконец 27 июля 1953 г. в Паньмыньчжоне было подписано соглашение о перемирии, которое открывало путь к урегулированию корейского вопроса мирным путем. Демаркационная линия была определена в соответствии с фактическим расположением войск обеих сторон. Она проходила в основном по 38-й параллели с небольшими отклонениями на западе в пользу корейских и китайских войск и на востоке в пользу «войск ООН».

Прекращение войны в Корее было встречено с большой радостью не только населением Корейской Народно-Демократической Республики, понесшим тяжелые жертвы во время трехлетней войны, но и народами всех стран. На многострадальную землю Кореи пришел долгожданный мир. Однако радость была омрачена теми тяжелыми жертвами, которые понесла страна в войне. Полностью были разрушены большинство городов и сел, фабрик и заводов, оросительных сооружений, школ и больниц КНДР. Война унесла сотни тысяч жизней. Не осталось ни одной семьи, в которой не оплакивали бы убитого. Миллионы людей остались без крова, в стране не хватало продовольствия и одежды.

Корейский народ немедленно приступил к восстановлению разрушенного народного хозяйства страны. Это была очень трудная задача для народа, понесшего такие большие человеческие и материальные жертвы в войне. На помощь ему пришли верные интернациональному долгу друзья из социалистических стран. Они предоставили корейскому народу безвозмездную помощь. Большую помощь КНДР оказал Советский Союз. Эта помощь сыграла большую роль в послевоенном восстановлении народного хозяйства Корейской Народно-Демократической Республики и в значительной мере способствовала улучшению ее благосостояния.

Верные своему интернациональному долгу, народы Советского Союза и других социалистических стран постоянно оказывают КНДР поддержку в ее борьбе за воссоединение родины на мирной демократической основе, за вывод из Южной Кореи американских войск.

Политика ограничения прав тибетцев*

События, происходящие в национальных районах КНР, не перестают привлекать к себе пристальное внимание китайцев. Этот интерес вполне закономерен. Именно в этих обширных окраинах Китая произошли глубокие социально-политические и экономические перемены, коренным образом изменившие весь строй жизни местных неханьских национальностей. В то же время политическая практика руководства КНР в национальных районах страны уже с конца 50-х годов стала источником серьезных межнациональных конфликтов и трений, постоянно отягощавших взаимоотношения между неханьскими народами и китайским (ханьским) большинством. Свидетельством неблагоприятного состояния межнациональных отношений в КНР является, в частности, факт бегства из ее окраин в соседние страны десятков и сотен тысяч неханьцев, подвергавшихся у себя на родине всяческому притеснению и дискриминации. Факты подобного рода известны советскому читателю. Национальному вопросу в КНР и национальной политике КПК был посвящен ряд специальных работ, в том числе монографий и статей, появившихся у нас в последние годы¹, тем не менее данная проблематика еще нуждается в дальнейшей разработке, в особенности монографической. Безусловно, еще необходимы новые капитальные ис-

следования как национальной политики КПК в целом или ее аспектов, так и работы по отдельным национальным регионам КНР, столь непохожим один на другой.

В этом плане значительный интерес представляет монография В. А. Богословского, посвященная вопросам политики китайского руководства в отношении Тибета в 1949—1976 гг. Ее автор на протяжении многих лет занимается изучением истории тибетцев, анализом социально-экономических и политических процессов в Тибете в последние десятилетия², а также различных аспектов национальной политики КПК³.

Главные задачи новой его книги, как поясняет сам автор в кратком введении, состояли в анализе процесса «втягивания» Тибета в общеполитический механизм КНР, в рассмотрении целей и методов социально-экономических и политических преобразований в Тибете, реакции на них различных слоев тибетского общества. Исследование указанного круга вопросов, как справедливо замечает автор, «может помочь в определении сущности национальной политики руководства КПК и особенностей современной обстановки в Тибете» (с. 4). К этому можно добавить, что в книге также уделено много внимания различным сторонам так называемой политики районной национальной автономии, официально провозглашаемой в КНР «основной поли-

² В. А. Богословский является также автором монографии «Очерки истории тибетского народа (становление классового общества)». М., 1962 (в переводе на французский язык книга была издана во Франции: *Essai sur l'histoire du peuple tibétain ou naissance d'une société de classes*. Paris, 1972). Из статей и докладов В. А. Богословского, посвященных Тибету, назовем лишь несколько опубликованных в последние годы: Аграрные преобразования в Тибете (1959—1964). — «Шестая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады». М., 1975; Тибет и «культурная революция». — «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 4; Ламаистская церковь в Тибете и ее современное положение. — В кн. «Китай: традиции и современность». М., 1976.

³ В последние годы автор рецензируемой монографии опубликовал ряд статей и докладов, посвященных национальному вопросу в КНР и национальной политике КПК. Он является одним из авторов упомянутой выше коллективной работы «Великодержавная политика маонистов в национальных районах КНР».

* В. А. Богословский. Тибетский район КНР. М., 1978, 200 с.

¹ См., например: Т. Рахимов. Национализм и шовинизм — основа политики группы Мао Цзэ-дуна. М., 1968; Т. Р. Рахимов, Н. А. Тешинлов. Великоханьский шовинизм Пеккина в национальном вопросе. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 2; Л. М. Гудошиников. Политический механизм Китайской Народной Республики. М., 1974; Л. С. Кюзаджян. Национальный вопрос в КНР. — В кн. «Зарубежный Восток и современность. Основные закономерности и специфика развития освободившихся стран», М., 1974, т. 2; Великодержавная политика маонистов в национальных районах КНР, М., 1975.

тикой председателя Мао в разрешении национального вопроса»⁴.

Публикация книги В. А. Богословского, содержащей критический анализ политики КПК в отношении Тибета за последние более чем четверть века, весьма актуальна. Тибет — один из крупнейших национальных районов КНР с территорией, равной почти 1,2 млн. км², и населением более 1600 тыс. человек. Это в то же время огромная часть Китая с компактным неханьским населением. «На территории современного Тибетского автономного района, — отмечает автор, — к 1949 г. китайцев практически не было» (с. 6)⁵. Ко времени победы народной революции в Китае Тибет прошел уже немало веков самостоятельного государственного существования. Его народ выработал собственные устойчивые политические институты, создал своеобразную и богатую традициями культуру. Усилия китайского руководства, однако, были направлены на ликвидацию «своеобразия» Тибета; в политике Пекина Тибету было отведено «особое» место, определявшееся прежде всего его соседством с рядом государств Азии. Как заявлял еще в 1975 г. Хуа Го-фэн, Тибет — это «форпост на юго-западной границе», занимающий «чрезвычайно важное стратегическое положение», где необходимо усилить оборону и подготовку к войне»⁶.

В соответствии с этими планами Пекина Тибете проводится широкое военное строительство. Здесь создается сеть ракетных установок, стратегических дорог, аэродромов, подземных сооружений и складов, других военных объектов. В Тибете сосредоточены значительные контингенты частей НОАК, здесь, по словам китайских средств информации, «укореняются» части военизированного производственно-строительного корпуса и ханьские переселенцы, поток которых все возрастает. Китайские власти стараются всемерно расширить ряды так называемого «народного ополчения», дабы, как сообщалось в зарубежной печати, «постепенно превратить весь народ Тибета в солдат».

На состоявшемся в октябре 1977 г. в Лхасе втором съезде КПК Тибетского автономного района китайское руководство района вновь подтвердило необходи-

мость «укреплять оборону» и «усиливать подготовку к войне»⁷.

Враждебность подобной политики жизненным интересам тибетского народа вполне очевидна. Заслугой автора рецензируемой монографии следует признать раскрытие им на богатом фактическом материале великодержавной, шовинистической сущности политики Пекина в отношении тибетского народа, — политики, направленной на его насильственную китаизацию.

В данной связи значительный интерес представляет глава первая монографии, посвящая, по существу, вводный характер. В ней наряду с характеристикой основных черт традиционных социально-экономических и политических отношений в Тибете и краткого обзора тибето-китайских отношений, начиная с VII в. вплоть до наступления на Тибет войск НОАК в конце 1950 г., содержится специальный раздел, посвященный подходу современной китайской историографии к освещению тибето-китайских отношений.

Говоря о том, как излагается история Тибета и характер тибето-китайских отношений в современных официальных и полуофициальных китайских публикациях, автор отмечает прежде всего стремление Пекина грубо извратить историю Тибета, который, как пытаются утверждать китайские авторы, якобы «извечно» находился в составе Китая или по крайней мере в зависимости от него (с. 28). Подобными фальсификациями, столь характерными для современной китайской историографии, полны не только китайские публикации по Тибету, но и издания, затрагивающие историю других неханьских народов Китая — в прошлом исторических соседей ханьцев.

В рецензируемой работе показана полная несостоятельность этих попыток и приводятся в качестве иллюстрации конкретные случаи подтасовки фактов и явные переделки в использовании цитат китайскими авторами. В. А. Богословский справедливо отмечает, что «современная китайская историография, по сути дела, полностью отрицает способность тибетцев к созданию политических и общественных институтов, которые будто бы были выработаны правителями Китая» (с. 28). Официальная китайская историография явно вопреки фактам стремится доказать, что якобы и «культура тибетского народа создавалась под определяющим влиянием «китайской цивилизации». При этом, отмечает автор, в Китае не только всячески преувеличивается влияние ханьской культуры на Тибет, но и «замалчивается» собственные достижения тибетцев и тем более влияние других народов; фактически отрицается возможность самостоятельного исторического развития тибетцев, которые выступают лишь как объект благотворного влияния «китайской цивилизации» (с. 30). Подобная позиция, как заключает автор, представляет

⁴ См., например, «Жэньминь жибао», 13.VIII.1952; 12.III.1978.

⁵ В данной связи нельзя не отметить того обстоятельства, что китайские теоретики национального вопроса и официальная пропаганда Пекина намеренно фальсифицируют факты подобного рода, постоянно утверждая, что якобы «лишь в немногих местах та или иная национальность (то есть неханьские национальности. — А. М.) проживает компактно» (см. «Китай на стройке», 1978, № 1, с. 38).

⁶ «Жэньминь жибао», 9.IX.1975.

⁷ «Жэньминь жибао», 16.XI.1977.

далеко не только историографический интерес. Она отражает общий подход китайского руководства к проблеме интеграции Тибета в составе КНР и непосредственно связана с конкретной политикой Пекина, проводимой в данном национальном районе страны.

Основу монографии составляют главы III—V, посвященные соответственно характеристике социально-экономических и политических отношений в Тибете в 1951—1959 гг. (гл. II), так называемому «периоду реформ» 1959—1965 гг. (гл. III), «культурной революции» (гл. IV) и положению в Тибете в 70-е годы (гл. V).

В главе второй, содержащей подробный критический анализ политики руководства КПК в отношении Тибета со времени подписания в Пекине соглашения с местным тибетским правительством «о мероприятиях по мирному освобождению Тибета» (май 1951 г.) до подавления восстания в Лхасе (март 1959 г.), заслуживает одобрения, в частности, то внимание, которое автор уделяет политике единого фронта. Основные принципы этой политики союза «с ведущими меньшинствами», методы ее осуществления представляют один из весьма слабо изученных аспектов национальной политики руководства КПК. Нельзя не согласиться с автором в том, что именно принципы «единого фронта» в значительной мере определяли весь политический курс Пекина в Тибете в указанный период времени. Во многом этот союз с «верхами» Тибета следовал традиционной политике управления «инородцами» через их вождей, широко использовавшейся в императорском Китае, а также в годы гоминьдановского правления.

Автор справедливо усматривает основную причину проведения в Тибете политики единого фронта в отсутствии у руководства КНР какой-либо социальной опоры в тибетском обществе. Трудности этого рода, несомненно, были связаны с той особенностью тибетского социума, которая характеризовалась, как отмечает автор, крайне слабым проявлением классового антагонизма. То, что китайские власти не учитывали в должной мере специфики социальных отношений в Тибете, привело в конечном итоге к краху их политики единого фронта. Автор монографии подробно анализирует причины неудач Пекина в эти годы добиться от тибетских «верхов» «добровольно» пойти на проведение социальных реформ, рассматривает просчеты его хозяйственной политики, вызвавшие недовольство тибетских «низов», неудачи в попытках создать в Тибете светскую школу. Не возымели успеха и усилия китайского руководства осуществить свой план административной интеграции Тибета путем организации Подготовительного комитета по созданию Тибетского автономного района.

Всесторонне проанализированы в работе причины роста напряженности в Тибете в конце 50-х годов, которая в конце концов

привела к восстанию в Лхасе в марте 1959 г. Характеризуя повстанческое движение в Тибете, В. А. Богословский показывает несостоятельность маоистского тезиса, что якобы одним из главных инициаторов мятежа было местное тибетское правительство. Как доказывает автор, приводя многочисленные факты, просто «в Пекине решили воспользоваться удобным случаем и распустить местное тибетское правительство, обвинив его в организации мятежа» (с. 84).

Интересны данные, приводимые автором, которые могут служить косвенным свидетельством размаха антикитайского движения, — это масштабы репрессий. Так, «между мартом 1959 и сентябрем 1960 г. было убито 87 тыс. тибетцев, 25 тыс. человек арестовано» (с. 86). Весьма показательно также, что с марта 1959 г. только за один год из Тибета за пределы КНР бежало 80 тыс. человек. «При этом подавляющее большинство беженцев составляли не представители «верхов», а крестьяне, скотоводы, монахи» (там же).

Говоря о «периоде реформ», последовавшем за подавлением мартовского восстания 1959 г., автор монографии в должной мере учитывает то обстоятельство, что начало этого периода совпало с курсом «трех знамен», когда в национальной политике руководства КПК возобладали великоханьские, шовинистические тенденции. Уже в этот период «реальная власть в Тибете, включая формирование будущих гражданских органов управления, практически была отдана в руки армии» (с. 90). Любопытно отметить в данной связи, что, реформируя систему административного районирования Тибета, китайские власти учитывали, как отмечает автор, рельеф местности. В то же время национальные особенности тибетского народа, его традиции и обычаи игнорировались. «Большинство китайских кадровых работников (в Тибете. — А. М.) не только не хотели, но и просто были не в состоянии учитывать запросы коренного населения» (с. 94).

Автор не упустил из виду и того важного обстоятельства, что образование в 1965 г. Тибетского автономного района не привело к объединению всех территорий с компактным тибетским населением в рамках единой административной единицы. В пределах ТАР оказалось менее половины всех тибетцев КНР. «Для подобного дробления тибетского народа между рядом административных единиц, — подчеркивает автор, — не было никаких объективных оснований», так как, в частности, и в ТАР, и в других смежных с ним районах с тибетским населением уже были осуществлены «демократические» реформы (с. 93).

Что касается самих реформ, то они действительно коренным образом изменили социальную структуру тибетского общества, ликвидировав феодальные производственные отношения. Но ход и методы осу-

ществления реформ, в частности аграрной реформы, кооперирования, проводившихся к тому же в условиях массовых репрессий, вызвали, как справедливо отмечает автор, серьезные отрицательные последствия. С одной стороны, аграрная реформа фактически «свелась к освобождению крестьян от феодальной ренты» и личной зависимости, так как практически вся земля уже была распределена на крестьянские наделы. С другой стороны, в деревне появилось значительное «избыточное» население (бывшие «рабы», монахи), что осложнило там обстановку. Попытка китайских властей найти выход в форсированном кооперировании привела к массовому недовольству населения, воспринимавшему эту реформу как «изъятие земельных наделов».

Характеризуя в целом реформы в Тибете, В. А. Богословский со всем основанием отмечает, что китайское руководство проводило их «не столько в целях социального прогресса», сколько в целях скорейшего «создания в Тибете социальной структуры, идентичной районам с китайским населением» (с. 106). Этот вывод полностью подтверждается характером аналогичного рода мероприятий, проводившихся Пекином в других национальных районах КНР.

Весьма грубыми, насильственными методами проводилась «реформа» буддийской церкви. Абсолютное большинство монастырей было закрыто. «Разрушение храмов, монастырей, уничтожение предметов культа глубоко оскорбляли религиозные и национальные чувства тибетцев». Репрессии против монахов затронули широкие слои тибетского населения, так как «почти в каждой семье был кто-либо, принявший духовное звание» (с. 108—109). Автор привлекает внимание также к тем многочисленным фактам, что в ходе «реформы» церкви пострадали ценнейшие памятники тибетской культуры, из Тибета в собственно Китай было вывезено огромное количество различных предметов, имеющих большую историческую и художественную ценность. По существу, сама тибетская культура была объявлена «реакционной» и, следовательно, не имеющей права на существование.

Дискриминационная политика проводилась в этот период и в отношении тибетского языка. В появившихся в Тибете светских школах учеников не знакомили ни с историей тибетского народа, ни с его литературой. «Главными предметами в тибетской школе были «идеи» Мао Цзэ-дуна и китайский язык» (с. 130).

В главе, посвященной «культурной революции», автор сосредоточивает внимание на тех особенностях, которые отличали эту массовую политическую кампанию в Тибете от аналогичных кампаний в других районах КНР. В частности, «культурная революция» в этом автономном районе, как верно указывает автор, не могла привлечь широкие слои тибетского населения. В то же время многими черта-

ми «культурная революция» в Тибете, как нам представляется, напоминает «культурную революцию» в других национальных районах КНР, в частности в Гуанси-Чжуанском и Нинся-Хуэйском, что, конечно, объясняется общими целями, которых пытался достичь Пекин в национальных районах страны. Таковы в особенности денационализированный характер новых органов управления — «ревкомов», засилье армии, подавление национальной культуры. Тем существенным, что отличало Тибет накануне «культурной революции» от других районов КНР, было то, что в нем еще не проводилось массовой «коммунизации» деревни. Но к середине 1970 г. в ТАР уже насчитывалось 666 «коммун». В монографии приводятся интересные сведения о характере организации производства в тибетских «коммунах», которые используются маонистами для интенсификации труда тибетских крестьян, увеличения поставок государству, усиления идеологической обработки населения и широкого привлечения «коммунаров» к строительству военных объектов.

В целом совершенно справедливой представляется общая оценка «культурной революции» в Тибете, которая, как отмечается в монографии, «лишила тибетцев элементарных политических прав, принесла им голод, нужду, лишения, сопровождалась открытыми актами насилия», ликвидацией конституционных органов власти, гонениями на национальную культуру (с. 148—155).

Это в свою очередь вызвало массовую волну протестов со стороны тибетцев, сопротивление которых великодержавной политике принимает в эти годы самые разнообразные формы, вплоть до вооруженной борьбы и создания партизанских отрядов. Автор рассматривает и другие формы организованной борьбы тибетского населения против засилья армии и ханьских ганьбу (с. 152 и след.).

В заключительной главе книги на обширном фактическом материале раскрывается великодержавная, шовинистическая сущность политики пекинского руководства в Тибете в 70-е годы. Приводимые здесь данные, свидетельствующие о стремлении Пекина закрепить «плоды» «культурной революции», убедительно показывают, что китайское руководство продолжает идти по пути превращения Тибета в подлинный военный лагерь. Бросается в глаза, в частности, присутствие в районе огромного количества китайских войск: по некоторым данным, как отмечает автор, их численность в ТАР достигает 400 тыс. человек, что представляет громадную цифру, если сопоставить ее с численностью населения Тибета (1600 тыс. человек).

Необходимость обеспечения китайской армии — основная причина острой нехватки продовольствия в Тибете. В автономном районе введена всеобщая трудовая повинность. На строительство военных объектов

отвлекается труд многих тысяч тибетских земледельцев и скотоводов. Чтобы укрепить в Тибете режим военной казармы, «все трудоспособное население, как мужчины, так и женщины, принудительно зачисляется в так называемое „народное ополчение“» (с. 177). Эта мера дополняется «коммунизацией», которая была форсирована в 1974 г. и завершена на следующий год.

«Коммунизация», как показано в монографии, стала в Тибете средством «максимальной интенсификации труда крестьян и скотоводов» (с. 168), обязанных работать «по методу Дачжая», то есть не ожидать какой-либо поддержки «извне», но в то же время увеличивать поставки государству.

В этой же главе подробно рассмотрены особенности экономической политики Пекина в Тибете в 70-е годы, политика в области просвещения и культуры.

В целом автору монографии удалось весьма ярко охарактеризовать процесс «вытягивания» Тибета в состав КНР, про-

демонстрировать шовинистическую сущность национальной политики маоистов. В настоящее время, как отмечается в кратком заключении, Тибет «окончательно интегрирован в составе КНР. Социально-экономическая структура тибетского общества приведена в соответствие с общественной, точнее, с маоистской моделью» (с. 181). Этот результат, однако, был достигнут путем попрания элементарных прав тибетского народа, игнорирования его национальных особенностей.

Выводы автора рецензируемой монографии убедительны и хорошо аргументированны. Работа опирается на богатый документированный фактический материал. Несомненно, книга В. А. Богословского вносит существенный вклад в изучение современного Тибета, национальной ситуации в КНР, политики КПК в национальном вопросе.

А. А. Москалев,
кандидат филологических наук

* * *

Япония: особенности кредитно-финансовой сферы

Серия «Финансовые и денежно-кредитные системы капиталистических стран», выпускаемая издательством «Финансы», пополнилась книгой «Финансовая и денежно-кредитная система Японии», написанной известным советским экономистом, японоведом профессором А. И. Динкевичем*.

К исследованию сложных процессов развития финансовой, кредитной и денежной систем послевоенной Японии А. И. Динкевич обращается не впервые. В рецензируемой работе эти проблемы получили новое освещение. Характерной чертой и достоинством книги является то, что она не только дает широкое представление о функционировании финансовой, денежной и кредитной систем современной Японии, но и приводит читателя к пониманию специфики сложившейся в стране системы государственно-монополистического регулирования, позволяет судить об уровне развития японского государственно-монополистического капитализма. Анализируя количественные и

качественные характеристики упомянутых областей, автор стремится выявить особенности их развития.

В первой части книги речь идет о послевоенной системе японских государственных финансов, об особенностях финансовой системы Японии. К ним автор прежде всего относит функционирование так называемой системы спецсчетов (автономных бюджетов) — особого звена государственных финансов, которое позволяет японскому правительству, с одной стороны, выводить их значительную часть из-под контроля парламента и местных органов власти, а с другой — контролировать всю систему государственных и полугосударственных учреждений. Существенное возрастание в 60—70-е годы удельного веса спецсчетов в национальном доходе (с 6,5% в 1965 фин. г. до 18,2% в 1974 фин. г.) на фоне относительно стабильной доли в нем центрального и местного бюджетов (24% и 23% соответственно) свидетельствует, по мнению автора, о дальнейшем развитии в Японии системы финансового регулирования.

Послевоенные изменения в структуре и характере расходов государственного бюджета охарактеризованы в книге во взаимосвязи с развитием тех звеньев японской социально-экономической системы, которые нуждались в активной государственной поддержке. Так, рост ассигнований на социальные цели автор объясняет не только успехами борьбы японских трудящихся, но и государственной заинтересованностью в привлечении средств через системы социального страхования и обеспечения на осуществление структурной перестройки экономики.

* А. И. Динкевич. Финансовая и денежно-кредитная система Японии. М., «Финансы», 1977, 135 с.

Особенности социально-экономической ситуации учитывались государством и при проведении налоговой политики, игравшей решающую роль в мобилизации бюджетных ресурсов в послевоенной Японии (доля налогов в бюджете возросла с 44,7% в 1934—1936 фин. г. до 91,4% в 1970/71 фин. г.). Общий рост доходов населения в условиях длительного подъема японской экономики во многом объясняет отмеченное автором отставание Японии по доле налогов в национальном доходе от ряда других империалистических стран. Однако ни это отставание, ни характерный в послевоенное время для японских властей курс на сохранение устойчивой доли налогов в национальном доходе не дают верного представления о том, в интересах каких классов осуществлялось налоговое регулирование. О его социальной сущности убедительно свидетельствуют приведенные в книге данные об уменьшении реального выигрыша населения от практики неоднократных снижений налогов, применяемой правительством в целях улучшения экономической конъюнктуры (с. 26), а также детальная характеристика государственных мероприятий по сокращению налогообложения японских фирм (с. 28—29).

В течение всего послевоенного периода государственные финансы Японии были хронически дефицитны, хотя официальная статистика этого не подтверждает. В этой связи автор раскрывает перед читателем еще одну специфическую функцию системы спецсчетов: по пяти из них проводится большая часть дефицита государственных финансов (63%), тогда как официальному объявлению подлежит лишь дефицит центрального бюджета, то есть 30,9% общей суммы дефицита.

Касаясь вопроса источников покрытия бюджетного дефицита, А. И. Динкевич отмечает характерную для Японии нетипичность использования государственных займов вплоть до 1965 г. и значительное возрастание их роли с середины 70-х годов. Последнее явление в большой степени обусловлено увеличением государственных расходов на общественные работы, предпринятым правительством Фукуда в целях стимулирования экономической активности после кризиса 1974—1975 гг.

В первой части книги анализируются также причины, по которым в общей сумме налоговых и государственных кредитных поступлений в центральный и местные бюджеты послевоенной Японии сократился удельный вес трудящихся (с 64,6% в 1955 фин. г. до 51,5% в 1974 фин. г.) и выросла доля эксплуататоров (с 35,4% до 48,5% соответственно). Подчеркивая, что характер такого сдвига связан вовсе не с устранением системы капиталистической эксплуатации, а лишь с изменениями условий ее функционирования в Японии, автор делает вывод: «В современных условиях и на перспективу в обстановке борьбы двух систем... правящие круги... для того чтобы

отвести от отживающего строя социальную угрозу... могут пойти на такое изменение пропорций распределения бюджетных издержек, при которых в общей сумме бюджетного финансирования доля эксплуататорских классов станет преобладающей» (с. 48—49). Видимо, обоснованность такого вывода была бы более очевидной, если бы автор дал им более обстоятельное статистическое подтверждение, представив читателю не только результаты, но и механику собственных расчетов.

Особенностям проявления государственно-монополистических тенденций в денежной сфере посвящена вторая часть монографии, в которой анализ японской практики внутреннего и внешнего ценообразования тесно переплетается с теоретическими положениями. А. И. Динкевич подробно рассматривает механизм воздействия различных факторов на рост цен. К фундаментальным причинам расстройств денежного обращения в Японии, имеющим особую важность для анализа будущих тенденций, автор относит прежде всего структурную несбалансированность ее экономики и значительную уязвимость последней в отношении внешних факторов инфляции. Во второй части книги содержатся обстоятельные подтверждения этого (см., например, с. 69).

Основные инструменты экономической политики японского государства остаются сосредоточенными в сфере кредита. Кредит играл первостепенную роль в укреплении позиций японских монополий, активы которых были почти полностью обеспечены жестокой инфляцией первых послевоенных лет. Анализ кредитной системы, представленный в третьем разделе монографии, способствует пониманию специфики государственно-монополистического капитализма Японии, а главы, посвященные вопросам кредита, составляют, пожалуй, наиболее интересную часть книги.

Автор не ограничивается перечислением типичных, обусловленных экономическим ростом факторов, а выделяет специфические моменты, имеющие особое значение для Японии и по сей день. К последним относится, во-первых, высокий уровень личных сбережений из трудовых доходов, связанный с относительной отсталостью развития в стране систем социального страхования и социального обеспечения и с особенностями оплаты наемного труда, а во-вторых, государственная политика принудительного обращения в ссудный капитал части бюджетных поступлений из фондов личного потребления монополий, а также превращения в кредитные ресурсы части доходов населения через расширенные системы страховых и пенсионных фондов (с. 89).

Обстоятельную характеристику послевоенных сдвигов в структуре японской кредитной системы, многосторонний разбор функционирования каждого из трех ее звеньев — частных, государственных и кооперативных институтов, — сопровождается

рядом таблиц, несомненно, следует отнести к достоинствам работы.

Читатель книги А. И. Динкевича почувствует четкое и обширное представление об особенностях функционирования финансовой и денежно-кредитной системы Японии. Несмотря на отдельные недостатки, ре-

цензируемая работа, несомненно, представляет интерес не только для специалистов-японистов, но и для исследователей валютно-финансовой сферы.

Н. В. Смородинская

* * *

Подход новый — цели старые

Полтора года назад в США институтом Брукингса была издана работа видного американского специалиста по проблемам Дальнего Востока Ральфа Клофа «Сдерживание и оборона в Корее. Роль вооруженных сил США»¹. Она явилась прямой реакцией на усилившиеся после провала американской агрессии в Индокитае как в конгрессе США, так и среди общественности страны выступления в пользу сокращения численности американских войск в Южной Корее, где размещена одна из наиболее крупных группировок вооруженных сил США в Азии. Рецензируемая книга — своеобразная квинтэссенция воззрений американских правящих кругов на политический курс США в Корее.

В книге исследуется, во-первых, военное значение присутствия американских войск в Южной Корее, во-вторых, политическое значение этого присутствия (в двух аспектах — для корейских сторон и для великих держав) и, наконец, задачи ближайшей и перспективной политики США по данной проблеме.

Во вступлении Р. Клоф подчеркивает, что Южная Корея более важна для Соединенных Штатов, чем Южный Вьетнам, ввиду ее тесных связей с главным американским союзником в Восточной Азии — Японией, кроме того, возобновление любого конфликта на Корейском полуострове может привести к вовлечению в него великих держав (с. 1).

Р. Клоф при анализе соотношения вооруженных сил корейских сторон (на основе данных лондонского Института стратегических исследований) приходит к твердому убеждению, что «ни одна из них не обладает подавляющим преимуществом, которое давало бы одной из них твердую убежденность в способности победить другую в тотальной войне без участия иностранных вооруженных сил» (с. 14).

Казалось бы, автор подошел вплотную к мысли о необходимости по крайней мере не нарушать сложившегося баланса вооружений на Корейском полуострове (тем более, что Клоф указывает на «сдержанность» Советского Союза и «слишком ограниченные» возможности КНР в этом плане) и отбрасывая оружие перейти к практическим действиям по разрядке напряженности в регионе. Но нет, Р. Клоф тут же утверждает, что сложившийся баланс существенно не изменится в результате программы модернизации вооруженных сил Южной Кореи с помощью США. Трудно сказать, намеренно или нет американский ученый не остановился подробнее на этих программах, хотя их общая стоимостная оценка была уже в 1976 г. известна (около 10 млрд. долл., из которых на долю США приходится 70—80%)¹. Однако очевидно, что серьезное усиление военного потенциала режима Пак Чжон Хи уже тогда рассматривалось как своеобразная «плата» за частичный вывод американских войск.

Переходя к анализу политического значения присутствия вооруженных сил США для корейских сторон, автор, не пренебрегая пропагандистскими передержками и искажениями, пишет, что КНДР рассматривает американские войска в Южной Корее как «главное препятствие для объединения Корейского полуострова на условиях Пхеньяна» и потому требует их полного вывода. Вместе с тем он вынужден косвенно признать, что требование КНДР о выводе вооруженных сил США с корейской земли находит поддержку в «третьем мире» и среди левых сил Японии.

Что касается Южной Кореи, то Р. Клоф сразу же спешит указать на ее «менее выгодное географическое положение», заключающееся в том, что основной союзник находится за тысячи миль от нее. Этим самым он прежде всего объясняет отрицательное отношение Сеула к передислокации войск США из Южной Кореи на Гуам или Гавайи. Вместе с тем, согласно Клофу, южнокорейские лидеры понимают, что этот воп-

¹ Позднее стало известно, что Пентагон не удовлетворился и этими размерами «помощи», предложив правительству Картера план дополнительных военных поставок южнокорейскому режиму на сумму 8 млрд. долл. («Правда», 29.VII.1977).

¹ Ralf N. Clough. Deterrence and Defence in Korea. The Role of US Forces. Washington, 1976, 61 p.

рос, по существу, вне их контроля, и используют все рычаги для оттяжки срока вывода и получения компенсаций.

Рассматривая влияние американского военного присутствия на взаимоотношения Севера и Юга, автор книги приходит к следующим заключениям: во-первых, вывод американских войск вряд ли серьезно может повлиять на переговоры двух сторон, но окажет скорее влияние на «стабильность» южнокорейского правительства (с. 29); во-вторых, «неумеренные» попытки повлиять на Пак Чжон Хи и заставить его отказаться от подавления демократии и политических свобод в Южной Корее (используя для этого вопрос о выводе) могут легко вызвать дестабилизацию и увеличить опасность конфликта в данном районе (с. 32); в-третьих, несмотря на его амбиции, Сеул вряд ли будет создавать ядерное оружие, если его доверие к США и зависимость от них не претерпят значительных изменений (с. 34); в-четвертых, вывод войск США ослабил бы американо-южнокорейские связи и ослабил бы Южную Корею в борьбе с КНДР за позиции на международной арене, тогда как американо-южнокорейский союз для Сеула «более важен, чем поддержка государств третьего мира» (с. 37).

Так что и здесь общий вывод ясен: «по всем статьям» американское военное присутствие в Южной Корее, пусть и ограниченное, необходимо, иначе существование проверенного союзника окажется под угрозой.

Переходя к исследованию позиций крупнейших держав относительно военного присутствия США в Южной Корее, Р. Клоф подчеркивает, что на позиции СССР и Китая, по его мнению, в значительной мере воздействует конфликт между ними.

Как и большинство американских специалистов по азиатским делам, он разделяет ту точку зрения, что на развитие ситуации в Корее большое влияние помимо США оказывают Советский Союз, КНР и Япония, и пытается показать, что вооруженные силы США играют «важную роль» в политическом и военном балансе сил, сложившемся на Корейском полуострове. Обоснованию этого положения в целом подчинена вся книга Р. Клофа, и в особенности четвертая глава. В частности, это отразилось на оценках автором отношения Советского Союза к присутствию американских войск в Южной Корее.

Ограничив себя заданной схемой, Р. Клоф пытается приписать позиции Советского Союза чисто прагматический характер, утверждая, что СССР «не рассматривает вывод американских войск из Южной Кореи в качестве главного элемента урегулирования на Корейском полуострове» (с. 39). Рассуждая в рамках традиционной для американских политологов схемы «баланса сил», он утверждает, что Советский Союз прежде всего устраивает «длительная стабильность на Корейском полу-

острове, которая могла бы быть нарушена в результате вывода оттуда американских войск, что поставило бы под угрозу достижение Советским Союзом более широких целей» (с. 39).

Столь характерные для буржуазных ученых субъективистская методология и ограниченность подхода лишили автора возможности провести объективное исследование позиции Советского Союза, последовательно выступающего за вывод иностранных войск из Южной Кореи, в поддержку всех усилий, направленных на мирное, демократическое объединение Кореи без иностранного вмешательства.

Анализируя отношение Китая к вопросу пребывания американских войск на Юге Кореи, Р. Клоф приходит к итоговому выводу, что Китай «вряд ли искренне желает вывода американских войск из Южной Кореи» (с. 44).

С подобным выводом в принципе нельзя не согласиться. Но следует подчеркнуть, что острин аргументации при этом направлено совсем в другую сторону. Так, автор указывает, что скорый вывод американских вооруженных сил из Южной Кореи вслед за уходом американцев из Юго-Восточной Азии может легко показаться китайцам предлодией к полному уходу США из Северо-Восточной Азии, результатом чего будет «увеличение советского влияния в регионе» (с. 44). Нельзя сказать, что этот тезис из ряда научных и оригинальных.

На наш взгляд, дело здесь совсем в ином. Не составляет секрета то, что главным побудительным мотивом политики руководства КНР являются великодержавие и стремление к мировой гегемонии. А основным методом их достижения избран в соответствии с канонами традиционной китайской дипломатии метод ослабления и даже уничтожения своих более сильных соперников руками друг друга. Отсюда — заигрывание КНР с одним из соперников, стремление оторвать их друг от друга и по возможности спровоцировать конфликт между ними. Отсюда же — «понимание» и присутствия США в Азии, и наличия американо-японского «договора о безопасности», и пребывания американских войск в Южной Корее. Сам же Китай тем временем стремится усиленно наращивать свой военный и экономический потенциал, который, как надеются в Пекине, позволит ему доминировать если не в мире, то, во всяком случае, в Азии.

Таким образом, можно констатировать, что и в данном вопросе анализ американского ученого не отличается должной глубиной.

Р. Клоф полагает, что при определении целесообразности сохранения вооруженных сил в Южной Корее позиция Японии по этому вопросу должна быть принята во внимание в первую очередь уже в силу того большого значения, которое США придают своим отношениям с Японией (с. 44). Он подчеркивает, что в японских правящих

округах Южную Корею рассматривают как важный фактор обеспечения безопасности самой Японии и поэтому само собой разумеющейся является их поддержка сохранения американских войск на Корейском полуострове. Оставаясь в рамках схемы, предложенной в основу своей книги, Р. Клоф утверждает, что присутствие американских войск на юге Кореи усиливает степень доверия к обязательствам США в области обороны не только Южной Кореи, но и самой Японии (с. 47).

Вместе с тем автор признает, что значительные силы оппозиции в Японии выступали как против коммунистической Японии (1969 г.), согласно которому «безопасность Южной Кореи неотъемлема от собственной безопасности Японии», так и против «осовремененной» формулировки о Корее из коммунистической Японии — Форда (1975 г.). Р. Клоф напоминает, что Сато проявлял в то время «некоторое нежелание» как принимать данную формулировку, так и дать публичное согласие на использование американских баз в Японии в случае конфликта в Корее. Но все же Р. Клоф считает, что, пока ЛДП остается у власти, изменения в существующей поддержке со стороны Токио американского присутствия в Южной Корее вряд ли предвидятся.

Перейдя к формулированию будущего курса США в Корее, Ральф Клоф выделяет три программы: краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную.

Рассматривая краткосрочную перспективу (два года или немногим более), Клоф утверждает, что в обстановке, сложившейся после поражения в Индокитае, когда правящие круги Южной Кореи и Японии стали охвачены «верности» США своим военным обязательствам, даже частичный вывод американских войск из Южной Кореи в течение одного-двух ближайших лет является нежелательным. В будущем будет рассматриваться союзниками как начало ухода США из Северо-Восточной Азии, и американское правительство не может, видимо, приглушить политические последствия такого шага. Учитывая это, отмечает Р. Клоф, правительство США уже заявляло, что оно намерено сохранить свои войска в Южной Корее, какие бы шаги и были предприняты Организацией Объединенных Наций в отношении командования войск ООН (с. 50).

Как считает Р. Клоф, еще через 2—3 года (на этапе среднесрочной программы), тогда улягутся воспоминания о поражении США во Вьетнаме, возможно возвращение к вопросу о частичном сокращении американских войск в Южной Корее с учетом новых обстоятельств, которые возникнут к тому времени. По мнению автора, такой шаг не скажется существенным образом на балансе сил между КНДР и Южной Кореей (с. 52).

Включение Р. Клофом в долгосрочную американскую политику в отношении Кореи таких элементов, как признание существования двух корейских государств на полу-

острове и их отдельного вступления в ООН, свидетельствует об игнорировании им стремления корейского народа к объединению, оно преследует цель увековечения раскола Кореи.

Излагая подробнее план вывода американских войск из Южной Кореи, Р. Клоф предлагает следующую поэтапную схему: сначала — тактическое ядерное оружие, затем — сухопутные силы и наконец — ВВС. Как считает автор, «с военной точки зрения у США нет необходимости иметь в Южной Корее тактическое ядерное оружие, которое, однако, в течение ближайших двух лет должно оставаться там, пока политические условия в Восточной Азии не созреют для переоценки ситуации на Корейском полуострове» (с. 57). Далее вывод сухопутных сил должен осуществляться постепенно и сопровождаться передачей или продажей Южной Корее некоторых видов американского современного вооружения, и в случае если США будут продолжать оказывать военную помощь Южной Корее, основное внимание должно быть уделено укреплению военно-воздушных сил (с. 60).

И, наконец, осуществление долгосрочной программы будет сопровождаться полным удалением американских войск из Кореи.

Говоря о работе Р. Клофа в целом, следует подчеркнуть, что содержащиеся в книге предложения о путях решения вопроса об американских войсках в Южной Корее представляют интерес с точки зрения того влияния, которое оказывают ведущиеся в американских академических кругах исследования на выработку американской администрацией решений по внешнеполитическим вопросам. В связи с этим нельзя не обратить внимания на созвучность содержащихся в книге Р. Клофа предложений с теми заявлениями, которые были сделаны президентом США Дж. Картером по корейской проблеме.

В то же время данный в рецензируемой работе анализ позиций как корейских сторон, так и стран, настаивающих на выводе американских войск из Южной Кореи или по тем или иным причинам проявляющих заинтересованность в продолжении их пребывания, не дает объективного и тем более исчерпывающего представления о существе этих позиций по данному вопросу. Втиснутые в проклаустово ложе теории «баланса сил», идеи Клофа призваны теоретически обосновать курс США, выражающий отнюдь не интересы корейского народа и его общепризнанное стремление к объединению.

Д. Т. Капустин,
кандидат исторических наук

В. К. Константинов

Шестой выпуск ежегодника «Япония»

Вышел из печати шестой выпуск ежегодника «Япония»¹, который заслужил уже широкую популярность у советских читателей. Несмотря на значительный тираж — 25 тыс. экземпляров, ежегодник расходуется буквально за несколько дней.

Выпуск 1977 г. открывается статьей доктора исторических наук П. П. Топехи «Немеркнущие идеи Октября», посвященной 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Автор рассказывает о влиянии революционных событий в России на рабочее и демократическое движение Японии, о распространении в Японии социалистических идей, о создании в июле 1922 г. Коммунистической партии Японии. В статье подчеркивается, что буквально с первых дней революции трудящихся Советского Союза и Японии связывают тесные узы братской дружбы и солидарности, дальнейшего развития и укрепления которых в наши дни полностью отвечает интересам народов обеих стран и вносит существенный вклад в борьбу за установление истинно добрососедских отношений между СССР и Японией.

Как и в предыдущих выпусках, значительное место в ежегоднике занимают обзоры экономики, внутренней и внешней политики Японии за истекший год.

Ю. П. Шипов — автор экономического обзора — отмечает, что 1976 год «можно назвать годом оживления, выхода из циклического кризиса». Однако это оживление «было вялым, протекало с большими перебоями, отличалось крайней неравномерностью движения как экономики в целом, так и отдельных ее подразделений» (с. 22).

Вялое восстановление внутреннего и внешнего спроса, недогрузка мощностей, возрастание доли стоимости труда, сырья и энергии, снижение конкурентоспособности характеризовали положение многих отраслей японской промышленности в 1976 г. Среди них автор выделяет текстильную и металлообрабатывающую промышленность, текстильное машиностроение, производство химических удобрений. В то же время он подчеркивает, что весьма высокий показатель роста промышленного производства в 1976 г. (на 13,8%) был получен за счет отраслей, имевших высокую экспортную квоту (автомобилестроение, радиоэлектронная промышленность, производство отдельных видов комплектного оборудования).

Но даже впечатительные темпы роста экспорта, составившего 67 млрд. долл. (на 20,6% больше, чем в 1975 г.), улучшение

состояния платежного баланса и рост золотовалютных резервов (на 30%), позволившие выправить в некоторой степени экономическое положение Японии в первой половине года, не смогли предотвратить новый спад в конце 1976 г.

Автор приходит к выводу, что «в экономике Японии завершился этап высоких темпов роста. Народное хозяйство страны вступает в полосу развития, которую отличает не только замедление набранных в послевоенные годы скоростей, но, что более важно, весьма существенное изменение ее качественных параметров». В статье указывается на структурные сдвиги в сторону развития наукоемких, с более высокой добавленной стоимостью отраслей при одновременном сокращении доли энерго-, материало- и трудоемких отраслей. Новый этап определяется автором как «переход от экстенсивных к интенсивным методам развития экономики» (с. 40).

Сложная и неустойчивая экономическая обстановка в 1976 г. оказала свое влияние на характер внутривнутриполитических событий в стране. Попытки правящих кругов страны вывести экономику из тупика на путях ущемления интересов трудящихся, не затрагивая высоких прибылей монополий, натолкнулись на упорное сопротивление рабочего класса, всех демократических сил Японии.

Анализируя весеннюю борьбу трудящихся, А. И. Иванов — автор обзорной статьи «Проблемы внутренней политики Японии: новые сдвиги в расстановке сил» — обращает внимание на тот факт, что «весеннее наступление» 1976 г. носило общенародный характер, отражало требования всех слоев населения страны.

Как и в прежние годы, консервативные силы пытались ослабить эффективность наступления трудящихся, призывая к «диалогу» между предпринимателями и профсоюзами и широко используя средства информации для развертывания кампании против прогрессивных профсоюзов. В этих условиях отсутствие единства в рядах рабочего движения, а также недостаточно энергичное руководство «весенним наступлением» привели к тому, что рабочим и служащим удалось добиться лишь частичного удовлетворения своих требований.

В 1976 г. в центре внимания общественности Японии оказались скандальные разоблачения коррупции руководства ЛПД и высших правительственных должностных лиц в связи с «делом Локхид». Анализируя политическую обстановку в стране, А. И. Иванов приходит к выводу, что расследования по «делу Локхид» еще больше подорвали престиж ЛПД, лишили ее поддержки большинства избирателей.

Выборы в палату представителей, проходившие в декабре 1976 г., со всей остротой выявили сложность и противоречивость внутривнутриполитической ситуации в стране. С одной стороны, правящая партия потерпела серьезное поражение на выборах и

¹ Япония, 1977. Ежегодник. М., Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1978. 286 с., с ил.

смогла обеспечить себе лишь простое большинство в парламенте. С другой — широкая антикоммунистическая кампания, развернутая буржуазными средствами массовой информации, и отсутствие единства помешали оппозиционным партиям наладить сотрудничество в ходе выборов и добиться кардинального сдвига в расстановке сил.

Внешняя политика Японии в 1976 г. развивалась на фоне последствий экономического кризиса 1974—1975 гг., провала агрессивной политики США в Индокитае, сложных и противоречивых событий внутри страны. Немаловажное влияние на внешнеполитический курс японского правительства оказывала тихоокеанская стратегия США в Азии.

В обзорной статье С. И. Вербицкого «Внешняя политика Японии: в поисках новой роли в мире» отмечается, что США стремятся использовать Японию для оказания давления как на отдельные страны, так и на региональные организации Юго-Восточной Азии, переложить на нее часть бремени по «обороне» ЮВА и Дальнего Востока.

С. И. Вербицкий вместе с тем указывает на наличие определенных трудностей на пути более активного участия Японии в стратегических планах США, связанных с решительным протестом демократических сил по конституционным ограничениям и т. д.

В статье отмечается, что в 1976 г. в результате последствий мирового экономического кризиса 1974—1975 гг. еще больше обострились противоречия между тремя центрами капиталистического мира — США, Западной Европой и Японией. В ней рассматриваются также политические и экономические отношения Японии с Канадой, Австралией, со странами Ближнего Востока и Латинской Америки.

Автор уделяет значительное внимание советско-японским отношениям, которые в 1976 г. носили сложный и противоречивый характер. С одной стороны, «национальные интересы Японии, объективные факторы, связанные с необходимостью разрядки напряженности на Дальнем Востоке и укреплении экономических связей, благоприятствовали развитию сотрудничества», а с другой — политика японских правящих кругов сдерживала этот позитивный процесс и нанесла значительный ущерб развитию советско-японских отношений.

С. И. Вербицкий приходит в своей статье к выводу, что «деятельность японской дипломатии в 1976 г. была направлена не столько на поиски путей к разрядке напряженности, сколько к укреплению позиций японских монополий в различных районах мира и более активному участию в американо-японской стратегии в тихоокеанском регионе» (с. 79).

Значительную часть ежегодника «Япония 1977» занимают статьи проблемного и дискуссионного характера, посвященные отдельным вопросам внутренней политики, экономики, науки, идеологии и культуры.

Политика правящих кругов Японии, направленная на защиту монополистического капитала и игнорирующая интересы трудящихся масс, приводит к обострению противоречий современного японского капитализма. В статье В. Н. Хлынова «Социально-экономические последствия усиления эксплуатации рабочего класса Японии в условиях НТР» показывается, что рост производительности труда в Японии (более чем в 3,8 раза за период 1955—1974 гг.) достигнут не только в результате внедрения новой техники, но в значительной степени за счет повышения интенсивности труда, что ведет к росту производственного травматизма и профессиональных заболеваний.

Однако рабочий класс Японии не мирится с существующим положением и решительно выступает против эксплуатации монополиями. В ходе забастовочной борьбы трудящиеся требуют улучшения условий труда и нередко добиваются положительных результатов.

Проблемам профсоюзного движения в Японии посвящает свою статью «Профсоюзы Японии в борьбе против монополий в условиях экономического кризиса» Ю. В. Георгиев.

Анализируя положение в профсоюзном движении на современном этапе, автор приходит к выводу, что сложная внутриполитическая обстановка, обусловленная экономическим кризисом, оказала значительное влияние на рабочее движение. С одной стороны, она способствовала дальнейшему развитию боевой активности трудящихся и обострению классовой борьбы, а с другой — выявила факторы, препятствовавшие успешной борьбе профсоюзов за интересы трудового населения страны. Среди последних Ю. В. Георгиев выделяет раскольническую политику японских монополий, использующих все буржуазные средства информации для того, чтобы дискредитировать и подорвать авторитет боевых профцентров, удерживать на соглашательских позициях профсоюзы частных предприятий.

Раздел «Экономика, наука, техника» открывается статьей Е. А. Пигулевской «Доктрины государственно-монополистического регулирования в Японии и кризис буржуазной политэкономии», в которой рассматриваются и анализируются различные экономические концепции японских буржуазных теоретиков, пытающихся найти средства к преодолению пороков капитализма. Однако экономический кризис 1974—1975 гг. показал, что ни теории экономического роста, ни государственно-монополистическое регулирование не способны обеспечить бескризисное развитие капитализма, «всеобщее благосостояние» и «социальную устойчивость».

Подвергая критическому анализу неокейнсские концепции государственного регулирования, ставящие во главу угла экономический рост и не учитывающие социальных нужд и других факторов общест-

венного развития, автор подчеркивает, что «одностороннее стимулирование роста валового национального продукта привело не к «процветанию», а к возникновению сложного комплекса социальных и экономических противоречий, наносящих ущерб производственному процессу в целом» (с. 120). В результате «приоритетного» роста экономики Японии столкнулась с острыми проблемами занятости, инфляции, разрушения окружающей среды, энергетического и сырьевого кризисов.

Нынешний кризис буржуазной политэкономии, приходит к заключению автор, носит не конъюнктурный характер, а отражает неспособность буржуазной науки объяснить реальную действительность. «Кризис буржуазной политэкономии связан с кризисом всей системы государственно-монополистического капитализма» (с. 135).

Существенную роль в хозяйственной конъюнктуре Японии играют внешнеэкономические связи. В статье С. К. Игнатушенко «Внешняя торговля Японии: некоторые тенденции последних лет» анализируются изменения, которые произошли во внешней торговле Японии в последние годы.

В статье М. В. Сутягиной «Соотношение сил монополистических групп Японии» рассматриваются становление и развитие крупнейших японских монополий, их структура и позиции финансово-промышленных групп в послевоенный период.

Автор отмечает, что восстановление позиций монополистического капитала, усиление его мощи, процесс объединения крупных компаний происходили в условиях быстрого экономического роста и развития научно-технической революции, способствовавших концентрации и централизации производства и капитала. Высшим звеном в организационной структуре финансового капитала стала финансово-промышленная группа, охватывающая сферу производства и обращения, во главе которой стоят крупные монополистические корпорации Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, банк Фудзи, банк Дайити, банк Санва.

Раздел «Идеология и культура» открывается статьей В. М. Гайдара «Иррационалистическая философия в современной Японии и ее социальная роль». В ней подвергается критике различные концепции японских буржуазных философов и идеологов, подчеркивающих «превосходство японской нации» и воскрешающих пресловутую довоенную идеологию «японизма».

Автор указывает, что с 60-х годов в японской буржуазной идеологии стало возрождаться «культурно-типологическое направление», подчеркивающее специфику «способа мышления и образа жизни японцев». Анализируя некоторые труды и исследования японских философов-идеалистов, в частности Ивао Кояма и Ятё Куроки, В. М. Гайдар приходит к выводу, что наиболее существенной их особенностью является «стремление приписать всему японскому народу интуитивистско-иррационали-

стическое мировоззрение определенных кругов буржуазного общества как якобы неизбежно вытекающее из «особенностей японского национального мышления» (с. 190).

Доказывая на ряде примеров, что националистическая пропаганда 70-х годов, противопоставляющая психологию, культуру и мировоззрение японцев и неапонцев, перекликается с довоенной шовинистической пропагандой, автор подчеркивает, что и та и другая преследовали одну и ту же цель — перейти от «муссирования «специфики» японской культуры до утверждений о ее «превосходстве» над культурой остального мира и от идеи «превосходства» японской культуры до призывов распространить ее на весь мир» (с. 197).

В. М. Гайдар отмечает, что японские философы-марксисты подвергли справедливой критике реакционную сущность иррационалистической философии, ее претензии на абсолютную «самобытность» и «исключительность». Они считают иррационализм наиболее реакционным мировоззрением, считают его опасным для народных масс и призывают японских трудящихся к борьбе против иррационалистического мировоззрения, являющегося «западной на пути народа, стремящегося сделать свою жизнь независимой и свободной» (с. 200).

Бурное развитие средств информации в послевоенной Японии породило целую индустрию развлекательной «массовой литературы». В статье Н. И. Чегодарь «Массовая литература» и ее роль в современной Японии» дает характеристике специфики «массовой литературы», выделяет ее основные направления, отличительные черты и характер различных видов этого жанра, показывает цели и задачи «массовой литературы», служащей интересам буржуазии.

Анализируя те немногие произведения «массовой литературы», которые пользуются заслуженным вниманием и в которых звучат социальные мотивы (в частности, романы Сэйтё Мацумото и Сохати Ямаока), автор отмечает, что они, к сожалению, являются исключением в потоке литературной продукции современной Японии. В основном книжный рынок Японии наводняет литература, главным содержанием которой являются любовные отношения героев, эротические сцены. Общая тенденция «популярного романа», заключающаяся в переходе от эротизма к открытой порнографии, отмечает автор, принимает угрожающий размах. Однако, несмотря на протесты демократической общественности, объем порнографических изданий продолжает расти, так как это не только выгодный бизнес, но и прекрасное средство отвлечения масс от более серьезных проблем жизни.

«Нарастающий процесс централизации средств массовой информации, и в том числе индустрии «массовой литературы», — пишет в заключение автор, — создает огромные возможности для пропаганды буржуазной идеологии, а новейшие достя-

методы науки позволяют использовать все более эффективные способы подачи материала в целях манипулирования сознанием масс» (с. 213).

Средства массовой информации в современной Японии играют важную роль и в той идеологической борьбе, которая развертывается в театральном искусстве.

В статье Л. Д. Гришелевой «Борьба идей на японской сцене» рассказывается о сингэки, кабуки, ноо и других наиболее распространенных видах театрального искусства Японии. Автор видит свою задачу в том, чтобы показать не только все многообразие жанров на японской сцене, их философские и эстетические позиции, политическую ориентацию, но и различную идеологическую и социальную направленность репертуара отдельных театральных коллективов внутри определенного жанра, их творческие возможности.

Рассказывая о деятельности Государственного театра — «Кокурицу гэкидзё», автор подчеркивает ее неоднозначность, которая проявляется в том, что наряду со стремлением коллектива театра сохранить и творчески развить традиционные жанры в руководстве наблюдается тенденция использовать классический репертуар театра для проведения определенной политической линии правящих кругов. Разбирая постановку классической пьесы «Имосэяма онна гэйкин» на сцене Государственного театра в 1974 г., Л. Д. Гришелева указывает на то, что в этом исполнении она получила ярко выраженное националистическое звучание, и это «вполне отвечает духу общей идеологической установки правящих кругов Японии».

Совершенно иную позицию занимает театр кабуки — «Дзэнсиндза», который стремится к творческому переосмыслению классических пьес, к большей реалистичности, жизненной достоверности к гражданственному звучанию спектаклей, видит свою главную задачу в том, чтобы искусству кабуки было живым, современным, служащим народу. Примером плодотворного обращения к классике с демократическими позициями является постановка театром спектакля «Сказание о народном герое из Сакура» («Сакура гиминдэн»).

Следующий раздел ежегодника посвящен советскому научному японоведению. Здесь помещены материалы, рассказывающие о многообразных формах научного сотрудничества Академии наук СССР с Японией в 1976 г., об очередном советско-японском симпозиуме по вопросам современной кинематографии и т. д.

В разделе «По страницам японской периодики» напечатан подготовленный И. А. Цветовой обстоятельный обзор материалов журнала «Родо ундо», посвященных проблемам рабочего и профсоюзного движения Японии, вопросам создания единого демократического фронта в борьбе против монополий и антинародной политики правящих кругов.

Внимание читателей привлекут рецензии на ряд зарубежных и советских книг, посвященных различным проблемам японской экономики.

В ежегоднике помещен обзор трудов советских лингвистов по японскому языковедению за последнее десятилетие. Автор обзора В. М. Алпатов пишет об издании в СССР ряда словарей, учебной литературы, исследований, посвященных различным вопросам строя и истории японского языка.

Библиография, помещенная в ежегоднике, знакомит с литературой о Японии, вышедшей в 1975—1976 гг. в СССР и за рубежом.

В «Приложении» опубликованы основные экономические показатели и статистические данные о положении трудящихся, динамике промышленного производства, сельском хозяйстве, внешней торговле Японии.

Читатель найдет в ежегоднике также хронологию, освещающую важнейшие события политической, общественной и культурной жизни Японии в 1976 г.

Таким образом, в статьях и материалах, помещенных в шестом выпуске ежегодника «Япония», отражены основные события в стране, происшедшие в 1976 и в начале 1977 г., дан анализ широкого круга проблем современной экономической, политической, идеологической и культурной жизни Японии.

Н. П. Павлова

Идеологическая борьба в КНР

3а последние годы в нашей стране выявилась обширная литература, разоблачающая сущность теории и практики мао-

изма. На основе научного анализа выработана общая оценка маоизма как антимарксистского мелкобуржуазно-националистического идейного и политического течения, с позиций марксизма-ленинизма подвергнуты критике важнейшие аспекты идеологии и политики маоизма. Советскими учеными и учеными социалистических стран окончательно развеян миф о Мао Цзэ-дуне как о выдающемся философе-марксисте, созданный его адептами. Разоблачены по-

пытки маоистов извратить марксистско-ленинское учение о революции, государстве и диктатуре пролетариата, о характере современной эпохи, войне и мире, стратегии и тактике международного коммунистического движения. Показано огромное значение марксизма-ленинизма, интернациональной помощи Советского Союза и других социалистических стран для исторических судеб Китая и тот урон, который наносится делу социалистической революции политикой маоистов, вставших на путь антисоветизма и открыто противопоставивших себя международному коммунистическому движению.

Маоизм как научно-теоретическое течение, в корне враждебное научному коммунизму, не является продуктом лишь сегодняшнего дня. Он формировался на протяжении многих лет в ходе ожесточенной идеологической борьбы в КПК. В этом плане тщательное изучение отдельных периодов и эпизодов этой борьбы позволяет более фундаментально и обстоятельно вести разоблачение реакционной сущности маоизма. Одним из последних исследований в этом направлении стала работа кандидата исторических наук Г. Н. Яценко*.

В идеологической борьбе в КПК период 1957—1964 гг. сыграл особую роль в утверждении идейно-политического господства маоизма в КНР. Именно в это время маоизм открыто противопоставил себя марксизму-ленинизму в идейно-теоретическом отношении, сформулировав «особые концепции» по актуальным проблемам общественного развития, что означало новое наступление маоизма на позиции марксизма-ленинизма в партии и государстве. Именно в этот период Мао Цзэ-дун и его сторонники приступили к открытому пересмотру решений VIII съезда КПК, навязали партии и стране авантюристическую линию «трех красных знамен», выдвинули раскольническую платформу в мировом коммунистическом движении, обнародовали территориальные притязания по отношению к Советскому Союзу и т. д.

Книга Г. Н. Яценко состоит из трех глав. В первой главе — «Пересмотр решений VIII съезда — новый этап в борьбе двух линий в КПК» — автор рассматривает небольшой по продолжительности, но чрезвычайно важный период, непосредственно следующий за VIII съездом КПК. Как справедливо отмечает автор, этот период охарактеризовался «наступлением Мао Цзэ-дуна на решения VIII съезда КПК, в которых была подтверждена и конкретизирована генеральная линия партии на построение социализма в КНР» (с. 44).

Фактическим началом ревизии решений съезда стало выступление Мао Цзэ-дуна с речью «К вопросу о правильном разре-

шении противоречий внутри народа», произнесенной в феврале 1957 г. на Верховном государственном совещании КНР. Несомненной заслугой автора следует считать подробный анализ этого документа, впервые данный в советской китайцеведческой литературе. В этом выступлении Мао Цзэ-дун, как показано в рецензируемой работе, сформулировал антимарксистскую концепцию противоречий социалистического общества и провозгласил идущую вразрез с решениями VIII съезда КПК программу в области внутреннего развития КНР.

Эта концепция содержала субъективистскую трактовку понятия «класс», смешивающую неантагонистические и антагонистические противоречия, утверждала наличие в социалистическом обществе трех взаимопереходных категорий противоречий — «классовых», «между нами и нашими врагами», «внутри народа». Эта трактовка социальных противоречий послужила идейно-теоретическим обоснованием ревизии линии VIII съезда на укрепление и расширение экономических основ социализма в КНР, и движения в качестве главного направления развития страны решение задач в идейно-политической области. В то же время на основе толкования в духе мелкобуржуазного либерализма таких категорий, как «диктатура» и «демократия», в этой концепции отрицалась марксистско-ленинская линия съезда в области идеологического и политического строительства КНР, а вместо нее был провозглашен курс «ста цветов», направленный своим острием на борьбу против идейных и политических основ социализма.

В противоположность точке зрения марксистской историографии, объясняющей происхождение и сущность открытых антисоциалистических акций правых элементов в КНР в апреле — мае 1957 г. как следствие якобы «просчетов» китайских коммунистов или их «коварных замыслов», направленных против интеллигенции, в книге убедительно показано, что эти выступления явились результатом осуществления маоистского курса «ста цветов», провозглашенного вопреки решениям VIII съезда КПК. Как подтвердили дальнейшие события, антисоциалистические выступления нужны были Мао Цзэ-дуну для того, чтобы под предлогом борьбы с «правыми» провести чистку в партии, а также использовать их как якобы фактическое подтверждение правомерности главного тезиса маоистской концепции социальных противоречий — о неизбежности обострения классовой борьбы при социализме, положенного в основу так называемого «учения» о продолжении революции при диктатуре пролетариата. Это «учение» в качестве главного направления внутреннего развития страны определяло курс на борьбу с противниками маоизма, отождествляемыми с «классовыми врагами пролетариата». Подробный анализ выступления Мао Цзэ-дуна дал автору основания для выво-

* Г. Н. Яценко. Идеологическая борьба в КНР (1957—1964). М., «Наука», 1977, 107 с.

да о том, что оно имело и идейно-теоретический, и программный характер: сформулированная в нем антимарксистская концепция социальных противоречий служила идеологическим обоснованием пересмотра программы VIII съезда КПК в области внутреннего развития КНР, замены ее курсом на утверждение в стране идейного и политического господства маоизма. Таким образом 1957 г. явился началом кардинального пересмотра генеральной линии КПК и началом нового этапа в развитии борьбы двух линий по вопросу о путях развития Китая, обострение которой выразилось в наличии практически взаимоисключающих программ — съездовской и маоистской.

Вторая глава книги посвящена идеологической борьбе в КПК в 1958—1963 гг. В эти годы маонисты, ревизируя марксистско-ленинскую внешнеполитическую линию VIII съезда КПК в духе национализма и гегемонизма, сформулировали антимарксистскую концепцию «империализм — бумажный тигр», направленную на подмену ленинской теории империализма как идейно-теоретической основы мирового коммунистического движения маоизмом. В результате идеологическая борьба маонистов переросла внутрипартийные рамки и стала фактором международным.

Вскрывая сущность маоистской концепции империализма — неклассовый, геополитический подход к оценке противоречий на международной арене, автор показывает, что эта концепция «выражала попытку разделить страны и народы мира на «своих» и «врагов» в зависимости от той роли, которая отводилась им в гегемонистских планах маонистов.

Дополнив свой идейно-теоретический арсенал субъективистской концепцией империализма, маонисты создали идеологическую платформу борьбы против марксизма-ленинизма как внутри страны, так и на международной арене. Именно эта платформа была использована маонистами в качестве идейно-теоретической основы курса на «классовую борьбу против современного ревизионизма», под знаком которой они развернули открытую борьбу в Китае и в мировом коммунистическом движении против научного коммунизма, за насаждение идейного и политического господства маоизма.

В третьей главе автор рассматривает маоистскую «концепцию движения и развития» — философскую основу «теории продолжения классовой борьбы при социализме». Сформулировав эту концепцию в конце 1963 — начале 1964 г., маонисты как бы завершили процесс становления «теории» продолжения классовой борьбы при социализме. Сущность данной маоистской концепции состоит в метафизической трактовке развития, согласно которой все свя-зано в мире сводится только к противоречию и борьбе, а все развитие представляется как процесс распада явлений на две части

и воспроизводства качественно одних и тех же пар противоположностей.

В книге впервые показано, что несоместимость маоистских измышлений о «раздвоении единого» с ленинским пониманием этой категории состоит в том, что в ленинском понимании — это критерий диалектического подхода к раскрытию проблем движения и развития, в маоистском же — формула, под которую искусственно подгоняется все развитие. Коренной порок маоистских измышлений о борьбе, тождестве и взаимопревращении противоположностей, которыми обосновываются утверждения о неизбежности политического раскола социалистического общества и мирового коммунистического движения, состоит в смешении различных по своему способу проявления и роли в процессах развития противоречий и отрицании их специфики.

В целом в своем анализе идеологической борьбы в КНР в 1957—1964 гг. автор приходит к следующему общему выводу по исследуемой проблеме:

в идеологической борьбе в КПК 1957—1964 гг. представляют собой период, в течение которого была совершена подмена теории научного коммунизма маоистской «теорией продолжения классовой борьбы при социализме», что послужило предпосылкой замены генеральной линии КПК на построение социализма курсом на утверждение идейного и политического господства маоизма в Китае и в мировом коммунистическом движении. По своему характеру и конкретному содержанию идеологическая борьба в КПК в этот период представляла собой столкновение двух непримиримых тенденций: с одной стороны, марксистско-ленинской линии VIII съезда КПК, представленной программой построения социализма в КНР на принципах теории научного коммунизма и практики социалистических стран, в том числе и практики развития самого Китая по социалистическому пути, с другой — антисоциалистической линии маонистов, представленной «теорией» продолжения классовой борьбы при социализме и соответствующей практикой борьбы против марксизма-ленинизма внутри страны и на международной арене.

Необходимо отметить, что книге Г. Н. Яценко присущи и некоторые недостатки. Концентрируя внимание на идеологических, мировоззренческих истоках и аспектах маоистских концепций, рассматриваемых в работе, автор мало внимания уделил их социальным корням. Вопреки заявленной в заглавии теме «идеологическая борьба в КНР», в книге главное внимание уделяется критическому анализу процесса становления в рассматриваемый период идейно-теоретических концепций маонистов. В то же время реакция противоборствующих сил, их позиция, а соответственно и борьба — изложены слабее. Однако в целом автор справился с поставленной перед собой задачей. Вскрывая главное направление и основные этапы в развитии идеологической

борьбы в КПК в 1957—1964 гг., книга Г. Н. Ященко углубляет понимание характера и сущности тех сложных и противоречивых процессов, которые происходили в общественно-политической жизни

Китая в этот период, и тем самым вносит вклад в научную разработку проблем истории КПК и КНР.

В. В. Арунов

Антимарксистская сущность военной теории и практики маоизма

Характерной особенностью современной эпохи является ускорение темпов развития международных отношений, их насыщенность и взаимозависимость. Появляется все больше проблем, оказывающих влияние на состояние и развитие международных отношений и требующих неотложного решения. Одни проблемы являются краткосрочными, другие долгосрочными. От решения последних зависят судьбы человечества в самом широком понимании этого слова. К ним принадлежит и проблема войны и мира, являющаяся сердцевиной внешней политики государств.

Советский Союз и другие социалистические страны, наращивая свой активный совместный вклад в укрепление всеобщего мира, делают все для того, чтобы добиться ослабления военной опасности, остановить гонку вооружений, приступить практически к разоружению. Силам мира и социализма упорно противодействуют наиболее оголтелые представители реакционных и милитаристских кругов, пытающихся отбросить мир к мрачным временам «холодной войны». Вместе с ними выступает правящая верхушка Китая, которая открыто идет на союз с самыми реакционными силами империализма.

Разоблачению антимарксистской сущности военной теории и практики маоизма посвящена вышедшая в этом году книга «Маоизм: военная теория и практика»*, подготовленная коллективом авторов института военной истории Министерства обороны СССР. Опираясь обширными документальными данными, авторский коллектив исследует истоки антимарксистской сущности теории и практики маоизма по вопросам военного строительства и военной доктрины, вскрывает милитаристский характер идеологии маоизма, показывает

роль и место китайской армии в осуществлении антинародной внутренней и гегемонистской внешней политики китайского руководства. Авторы вскрывают всю опасность и вред военных концепций и практических действий Китая для дела мира, социализма и прогресса.

Актуальность и важность вышедшей книги состоит в том, что в ней разоблачается политика Пекина, направленная против разрядки международной напряженности, потенциально опасная для дела мира и могущая обернуться впоследствии угрозой безопасности тех государств, которые сейчас осуществляют или намереваются осуществить в Китай поставки оружия, предоставляют технологию военного производства, расширяют в этой области экономические и научные связи в расчете использовать «китайскую карту» против Советского Союза.

Нельзя не обратить внимания на то, что среди стран, планирующих поставки военной техники и технологии Китаю, находятся те, чья подпись стоит под Заключительным актом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Правоммерно поставить вопрос: как можно совместить военные поставки стране, которая открыто провозгласила курс на войну, на решение международных проблем силой оружия, с соблюдением хельсинских договоренностей, делом разрядки?

Как известно, пекинская верхушка, взяв курс на резкое наращивание военного потенциала, не только не откликнулась на конструктивные предложения Советского Союза и других социалистических стран, но и усилила клеветническую антисоветскую кампанию, ведет бешеные атаки против разоружения и разрядки международной напряженности, раздувает вражду между странами, предъявляет территориальные претензии в отношении всех соседних государств, всячески провоцирует новую мировую войну. Наследники Мао Цзэ-дуна откровенно декларируют свою готовность сколотить «международный единый фронт» против Советского Союза, других стран социалистического содружества, против коммунистических партий и национально-освободительного движения.

Раскрывая милитаристский характер идеологии маоизма, авторы убедительно показывают, что в своей военной теории и практике пекинские лидеры опираются на опыт китайских милитаристов, игнорируя учение основоположников марксизма-лени-

* Маоизм: военная теория и практика. М., Воениздат, 1978, 222 с.

маоизма по военным вопросам. Маоисты возвращают ленинское учение о соотношении войны и политики. Они не отделяют политические проблемы от военной мысли. Характерно для них то, что проводимая военными методами политика не отличается принципиально от политики войны и чисто военного искусства. «Политика, — утверждают маоисты, — это бескровная война, а война — кровопролитная политика» (с. 21).

Антинаучный подход маоизма к оценке соотношения войны и политики проявляется в стремлении изобразить наличие одной и той же закономерности для вооруженной и политической борьбы, завуалировать причинность этих разных общественных процессов. Основоположники марксизма-ленинизма при исследовании политики, порождающей войну, устанавливали связь политики и войны, когда последняя становится продолжением политики иными средствами. «Преднамеренное распространение маоизмом насильственных свойств войны на политику преследует цель оправдать милитаристский характер политики маоизма: осуществление на практике военного контроля сверху донизу во всей стране, военнизацию населения и общественной жизни, военнизированные методы и формы воспитания и управления» (с. 22).

Милитаризм в Китае в его сегодняшнем виде представляет собой реакционную военную систему, призванную путем военного принуждения обеспечить правителям Китая политическую власть в стране и создать условия для осуществления великодержавных гегемонистских замыслов на международной арене. Все стороны внутренней политики пекинского руководства подчинены стремлению форсировать военную подготовку, усилить милитаризацию страны.

Конституция 1977 г. прямо нацеливает страну на всемерную милитаризацию. В одном из ее положений утверждается, что государство осуществляет курс на стимулирование подготовки на случай войны. Исчезли статьи, которые были в Конституции 1954 г. и выражали стремление КНР к миру. Авторы на конкретных примерах убедительно доказывают, что расцвет милитаризма в Китае является прямым следствием практического применения лженаучных маоистских военных концепций.

С большим интересом читаются разделы о помощи Советского Союза в военном строительстве в первые годы после образования КНР. С помощью СССР была реорганизована и перевооружена Народно-освободительная армия Китая, что имело большое значение в защите суверенитета Китая, в отражении американской агрессии в Корее и защите территории Китая от угрозы вторжения американских войск в 1953 г. «Угроза военного нападения США и их союзников на Китай поставила само существование КНР и решение многих вопросов ее внутривнутриполитического и экономи-

ческого развития в прямую зависимость от помощи СССР и других социалистических стран и сотрудничества с ними по всем линиям» (с. 73). В трудный для Китая период экономической блокады и прямых военных угроз со стороны империализма китайский народ всегда ощущал дружеское сочувствие и надежную поддержку со стороны братского Советского Союза. Несмотря на то что Советскому Союзу пришлось самому залечивать тяжелейшие раны, нанесенные гитлеровской Германией, советский народ щедро делился всем, что у него было, бескорыстно оказывал всестороннюю помощь Китаю в восстановлении разрушенного антияпонской и гражданской войнами народного хозяйства, в создании базовых отраслей промышленности, в подготовке квалифицированных инженерных и рабочих кадров, в укреплении обороноспособности страны. Об этом в свое время неоднократно говорили китайские руководители. «Великая всесторонняя, технически совершенная братская помощь Советского Союза Китаю, — говорил Чжоу Энь-лай 12 октября 1954 г., — это помощь действительно дружеская, действительно созидательная. Она являет миру новый тип международных отношений» (с. 78—79).

Показательно, что, чем эффективнее развивались советско-китайские отношения, тем успешнее строился социалистический Китай, возрастали темпы его промышленного развития, укреплялись его международное влияние и авторитет. Строительство НОАК с помощью Советского Союза и его военных специалистов наглядно убедило американские кадры Китая в превосходстве советского военного опыта и объективной необходимости тесного боевого союза с Советской Армией. Всего с помощью советских военных специалистов в те годы подготовлено и обучено 90 тыс. китайских командиров. Это были кадры нового типа, в подавляющем большинстве выходцы из рабочих и крестьян.

Выступая на VIII съезде КПК, бывший министр обороны КНР маршал Пэн Дэ-хуай заявил: «Требование полного овладения всем передовым опытом Советской Армии, выдвинутое нами с самого начала строительства нашей современной армии, является правильным. В течение нескольких лет мы добились больших успехов в изучении опыта Советской Армии. Нет никакого сомнения в том, что наша учеба и в дальнейшем должна быть направлена главным образом на изучение передового опыта Советской Армии... ибо она является самой передовой современной революционной армией, военная наука которой является наилучшей, военная техника первоклассной, а ее опыт руководства военными действиями современной армии — богатым» (с. 82).

Китайские коммунисты много сделали для внедрения в армию советского опыта. Однако Мао Цзэ-дун и его окружение увидели в этих тенденциях опасность для осу-

шествования своего антинародного курса и всячески стремились помешать развитию дружбы между народами и воинами КНР и СССР, доведя эту линию до полного разрыва с первой страной социализма. Чтобы подвести хоть какие-то основания под свой антисоветский курс, руководители Китая и их пропаганда стремятся изобразить Китай страной, якобы подвергающейся угрозам и необоснованным нападениям со стороны СССР. Известно, что антисоветизм никогда и никому не приносил лавров. Разжигая антисоветизм, пекинская верхушка прежде всего наносит серьезный вред китайскому народу, заинтересованному в дружбе и сотрудничестве с советским народом, который оказал ему большую помощь как в борьбе с иностранными поработителями, так и в создании основ нового общества.

Большой заслугой авторов является разоблачение маоистской военной доктрины, которая впервые в советской исторической литературе всесторонне анализируется, раскрываются ее политическая сущность, идеологическое содержание и военно-техническая сторона. Военная доктрина пекинского руководства является теоретической основой подготовки войны во имя главной его цели — утверждения мировой гегемонии Китая. Она исходит прежде всего из того, что главным «врагом» Китая является Советский Союз; отсюда призывы к подготовке войны против СССР и его союзников, объединению всех антисоветских сил мира с целью осуществления крестового похода против первой социалистической страны мира, родины ленинизма. Маоисты призывают всесторонне готовиться к войне как с обычным, так и с ядерным оружием. Особый упор делается на модернизацию вооруженных сил, усиление их боеспособности, в частности на увеличение их ракетно-ядерного потенциала. В книге раскрывается реакционность, авантюристичность и опасность для миролюбивых народов военной доктрины маоизма. «Коварные, далеко идущие расчеты пекинских стратегов столкнуть СССР и США в термоядерной войне теперь открыто дополняются официальной, конституционной установкой на подготовку китайской вооруженной агрессии против Советского Союза, который объявлен маоистами «врагом номер один» (с. 117—118).

Пересмотр маоистами основных положений военной доктрины непосредственно сказался на изменении социально-политической сущности китайской армии, на ее перерождении в оружие военно-бюрократической диктатуры пекинского руководства. Разрыв Мао Цзэ-дуна и его последователей с марксизмом-ленинизмом привел к преднамеренному искажению марксистских принципов военного строительства.

Пекинские лидеры всегда смотрели на армию как на орудие, с помощью которого они стремились установить контроль над партией и государством. С помощью

армии в годы так называемой «культурной революции» они разгромили КПК, разогнали народные органы власти и демократические организации и фактически совершили контрреволюционный переворот в Китае. Были извращены и другие принципы военного строительства. Классовый принцип формирования армии заменен принципом преданности пекинскому руководству, принцип пролетарского интернационализма — проповедью великоханьского национализма. На словах говорят о поддержке национально-освободительной борьбы других народов, на деле выступают вкуче с реакционными силами империализма в Африке, на Ближнем Востоке и Юго-Восточной Азии. Ныне китайских военных специалистов можно найти в Заире, где они помогают прогнившему режиму Мобуту вести борьбу против заирского народа в качестве советников контрреволюционных банд, ведущих борьбу против ангольского народа, и в рядах другого реакционного отребья.

С помощью армии маоисты установили контроль над общественно-политической и хозяйственной жизнью страны. Военные заняли ведущие позиции в руководстве партии и государства, с их помощью осуществляется военнизация всей жизни в стране. Встречая сопротивление своему курсу среди части кадрового состава в армии, маоисты проводят непрерывные чистки армии от негодных им людей, постоянные перестановки должностных лиц.

Занимаясь лавированием в области внутренней политики, маоистское руководство неизменно проводит антисоветский курс в области внешней политики. «По существу, единственный критерий, определяющий теперь подход китайских руководителей к любой крупной международной проблеме, — говорил товарищ Л. И. Брежнев, — это стремление нанести по возможному большому ущербу СССР, ущемить интересы социалистического содружества» (с. 188).

Для осуществления этих целей маоисты выдвигают неклассовые, антинаучные концепции вроде доктрины «трех миров», «опоры на собственные силы», о «сговоре двух держав» и другие. Предав национальные, классовые интересы китайского народа, маоисты разжигают ненависть к СССР среди китайских воинов, распространяют клеветнические измышления среди населения об «угрозе с севера», создают обстановку военного психоза, чем практически притупляют бдительность к классовым врагам китайского народа, к империализму.

Разоблачение военной теории и практики маоизма, антимарксистских концепций Мао Цзэ-дуна и его последователей особенно необходимо на современном этапе исторического развития, который характеризуется резким обострением идеологической борьбы на международной арене, стремлением наиболее агрессивных и реваншистских сил пересмотреть итоги второй

мировой войны. Наша партия, постоянно подтверждая курс на нормализацию отношений с КНР на принципиально марксистско-ленинской основе, вместе с тем считает необходимым решительно разоблачать маоизм как враждебное марксизму течение и проявлять постоянную бдительность в отношении к авантюристическим, гегемонистским акциям пекинских руководителей. Китайские трудящиеся, китайские коммуни-

сты и воины НОАК, подчеркивают авторы, должны знать, что Советский Союз и другие социалистические страны — их надежные союзники, что дружба и сотрудничество с братскими партиями и государствами — залог выхода из нынешнего кризиса и успешной борьбы за социализм.

В. А. Васильев

Идеологические диверсии — главное направление внешнеполитической пропаганды Пекина

В условиях разрядки напряженности, характеризующей развитие международных отношений в настоящее время и являющейся следствием политики мира, проводимой СССР и другими социалистическими странами, не прекращаются попытки подрывной пропагандистской деятельности против миролюбивого внешнеполитического курса социалистических стран.

В этой неблагоприятной деятельности прямым пособником империалистов становится пекинская пропаганда. Как справедливо отмечал Ф. Кастро, «между информационными агентствами империалистов и Китая нет уже абсолютно никакой разницы — они используют одинаково подлый и коварный язык...»¹.

Раскрытию реакционной сущности деятельности китайского руководства на международной арене, использованию им средств внешнеполитической пропаганды для достижения гегемонистских целей посвящена монография кандидата исторических наук Э. А. Сергеевой, вышедшая в издательстве «Наука»². Если не считать перевода книги венгерского журналиста И. Дьердя «Через призму Пекина», рецензируемая работа представляет собой, по существу, первое в нашей стране монографическое исследование деятельности аппарата внешней пропаганды современного Китая.

Актуальность появления данной книги несомненна, ибо никогда еще антисоветская пропаганда, распространяемая из Пекина, не принимала столь гигантских масштабов и не была чревата столь опасными последствиями, как теперь. На проведение ожесточенной идеологической диверсии против СССР и братских стран социализма великоханьские гегемонисты мобилизовали весь свой огромный пропагандистский аппарат. Поставив во главу внешней политики оголтелый антисоветизм, нынешнее пекинское руководство направляет пропаганду на борьбу против мировой социалистической системы, на подрыв единства международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения, на торпедирование разрядки международной напряженности, на разжигание термоядерной войны.

Книга состоит из трех глав. В первой главе рассматриваются основные направления внешней политики и пропаганды китайского руководства. Печать, радио и телевидение оказывают огромное влияние на умы и сердца миллионов людей, на формирование общественного мнения и международный политический климат, поэтому «исключительную остроту приобретает вопрос: какую роль выполняют средства массовой информации, служат ли они целям мира и прогресса или разносят по свету отраву розни и недоверия между странами и народами»³. Как показывает автор рецензируемой книги, пропаганда в Китае стала одним из орудий практического обеспечения великодержавно-шовинистической внешней политики, наносящей ущерб делу социализма. Пропаганда несет отпечаток всех основных черт антисоциалистического курса Пекина, составляет одну из наиболее важных частей в общей системе идеологической диверсии против социализма и все более перерастает в орудие психологической войны. Через всю книгу проходит мысль о том, что ядро внешней пропаганды Китая, ее стратегический курс составляет антисоветизм. Разжигая антисоветизм и насаждая национализм, пекинская пропаганда выступает

¹ «Новое время», 1978, № 32, с. 30.

² Э. А. Сергеева. Внешняя политика и внешнеполитическая пропаганда руководства КПК. М., 1978, 190 с.

³ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. М., 1978, т. 6, с. 108.

против коренных положений марксизма-ленинизма, против самой сути социализма.

Характерной чертой внешней пропаганды китайского руководства становится ее стремление к глобальности, то есть к воздействию на все районы мира, на все формы идеологии и на все социальные слои населения.

Анализируя основные направления внешней пропаганды, автор показывает, что ставка делается на разобщение социалистических стран, на использование в этих целях исторических и национальных различий.

Во второй главе автор на большом фактическом материале анализирует процесс быстрого развития аппарата внешнеполитической пропаганды Китая. Пекинские руководители, отмечается в книге, добились охвата своей пропагандой фактически всех районов мира (с. 117). Показательно, что наиболее быстрыми темпами расширяется та часть пропагандистского механизма, которая обслуживает антисоветские кампании. Достаточно указать, что за период с 1963 по 1970 г. общий объем китайского радиовещания на иностранных языках увеличился в полтора раза, а объем вещания на русском языке — почти в 13 с половиной раз!

Следует указать и еще на одну особенность: радиовещание становится основным каналом внешнеполитической пропаганды Китая. Развитие нововещания привело не только к быстрому выдвиганию страны в первые ряды радиодержав, но и к заметным изменениям в направленности радиопередач. В частности, продолжается увеличение удельного веса передач, направленных на европейские страны. Ныне радио Пекина ведет передачи на языках народов всех социалистических стран, а объем вещания на них составляет 40% от общего.

На китайской территории создаются органы «черной» радиопропаганды. Эти станции, претенциозно именующиеся «голосами» народов Таиланда, Малайзии и Бирмы, в действительности — отделы радио Пекина. В период борьбы патриотов Анголы с иностранной военной интервенцией находившаяся где-то в африканских джунглях радиостанция «Голос свободной Анголы» клеветала на братскую помощь Советского Союза и других социалистических стран. Использование при этом всего арсенала маоистских ругательств не оставляло сомнений в авторстве инсинуаций.

В третьей главе показано, что основными принципами борьбы с маоистской пропагандой являются укрепление единства контрпропаганды и повышение ее эффективности, концентрация контрпропагандистских усилий на наиболее важных проблемах современности: войны и мира, разоружения, неприменения силы в международных отношениях, безопасности в Азии, и других.

В этой главе автор вскрывает идейную

сущность маоистской пропаганды, ее отход от пролетарских классовых позиций, отказ от конкретно-исторического подхода к действительности. Закономерен и вывод о том, что сближение маоизма с империализмом находит отражение во взаимном смягчении пропагандистских оценок, заимствовании форм и методов воздействия на сознание.

В данном разделе следовало бы, на наш взгляд, шире использовать материалы, связанные с принятием новой Конституции КНР, проведением сессии ВСНП и различных совещаний по идеологическим вопросам. В этой связи обращают на себя внимание мероприятия нынешнего китайского руководства по укреплению органов пропаганды. Как известно, в декабре 1977 г. в Пекине было проведено собеседование по вопросам пропагандистской работы с участием руководителей органов пропаганды Китая. Собеседование подтвердило верность китайской пропаганды «идеям Мао Цзэ-дуна», наметило проведение в 1978 г. Всекитайского совещания по пропаганде. При Академии общественных наук Китая создан Институт журналистики. В речи Хуа Го-фэна на I сессии ВСНП пятого созыва подчеркивалось, что «надо хорошо поставить дело журналистики и радиовещания»⁴.

Судя по всему, китайская пропаганда вступила в период организационной перестройки и дискуссий. Вырабатываются подновленные принципы подхода к ее теории и практике с очевидным стремлением сохранить в неприкосновенности основные маоистские постулаты, предпринимаются попытки поставить ей на службу достижения общественных и естественных наук, внедрить новую технику. Следует особо подчеркнуть, что эти изменения не затрагивают общей антисоветской направленности пропаганды. Вынужденные приспосабливаться к условиям разрядки международной напряженности, маоисты готовятся к длительной и упорной идеологической борьбе против социалистического содружества.

Следует отметить, что рецензируемая работа не лишена некоторых недостатков и фактических неточностей. Например, автор относит образование агентства Синьхуа к 1938 г. (с. 104). Фактически же, по сообщению газеты «Жэньминь жибао» от 20 сентября 1977 г., оно было создано в апреле 1937 г. Неправоммерно и утверждение о том, что радиопропаганда на 41 языке ведется с 1960 г. (с. 132). В действительности это произошло значительно позднее. В некоторых случаях в книге приводятся устаревшие цифровые данные. Так, тираж «Жэньминь жибао» определен в 3,5 млн. экз. (с. 109), в то время как в мае 1977 г. начальник Центрального управления радиовещания Чжан Сян-шань приводил цифру 5,5 млн. экз. Журналы «Пекин ревью» и «Чайна Риконстрактс»

⁴ «Жэньминь жибао», 7.III.1978.

выходят в настоящее время на 6 языках каждый, а не на пяти, как указывает автор (с. 122, 123). Имеются искажения в написании фамилий и названий некоторых периодических изданий.

Несмотря на отмеченные недостатки, поставленная автором задача в целом решена. Книга заслуживает внимания всех, кто интересуется проблемами внешней по-

литики Китая, процессами идеологической борьбы в современном мире. В определенной мере монография Э. А. Сергеевой помогает решению важной и актуальной задачи по аргументированному разоблачению сущности, форм и методов антисоветской пропаганды маоистов.

Г. Н. Тайгачев

Исследование сельского хозяйства КНР

Большой авторский коллектив сотрудников Института Дальнего Востока АН СССР подготовил научный труд «Сельское хозяйство КНР»*, выпущенный в свет издательством «Наука».

Рецензируемая монография — первое в советском Китаеведении комплексное исследование сельского хозяйства КНР за четверть века ее существования (1949—1974). В работе анализируются основные аспекты состояния и развития крупнейшей отрасли китайской экономики — сельского хозяйства: природно-естественные, исторические, политические, социально-экономические, производственно-технические, отраслевые. Книга разделена на 12 глав, в которых освещается широкий спектр проблем — от характеристики сельского хозяйства дореволюционного Китая до анализа состояния отдельных отраслей исследуемой области экономики. Подобным многоаспектным подходом настоящая монография выгодно отличается от уже опубликованных работ по сельскому хозяйству КНР.

Первая глава посвящена краткой характеристике сельского хозяйства Китая в 30—40-е годы XX в. Принятые временные рамки исследования представляются нам вполне оправданными, учитывая задачи, поставленные авторами. В данной главе наглядно показано бедственное состояние, в котором находилось сельское хозяйство страны, процесс его деградации, характерный для освещаемого периода. В 1949 г. по сравнению с 1936 г. посевная площадь сократилась примерно на 15%, сбор продовольственных культур снизился на 22,3%, хлопка — на 48,2%. Производство зерна в расчете на душу населения

упало с 277 кг в 1936 г. до 200 кг в 1949 г. По имеющимся данным, возможно неполным, в 1946 г. в Китае голодало более 50 млн. человек.

С образованием КНР в 1949 г. перед китайским народом открывались светлые перспективы построения нового, социалистического общества, которое обеспечивает простор развитию производительных сил, уничтожает гнет и эксплуатацию трудящихся со стороны иностранного и национального капитала, ликвидирует нищету и отсталость широких народных масс. Решенные задачи социалистического строительства в Китае, несмотря на наличие многих трудностей, существенно облегчались благодаря всесторонней помощи и поддержке со стороны Советского Союза и других стран социалистического содружества.

В осуществлении коренных социально-экономических и политических преобразований в Китае важное место принадлежало проведению социалистической аграрной политики. Посвященная этому вопросу вторая глава монографии является, по нашему мнению, одной из центральных в работе. Авторы совершенно справедливо отмечают (с. 26), что на первом этапе (1949—1957) политика тогдашнего китайского руководства характеризовалась в целом марксистско-ленинским подходом к решению аграрного вопроса, включая завершение земельной реформы и осуществление на этой базе социалистических преобразований в сельском хозяйстве путем кооперирования единоличных крестьянских хозяйств. Правда, в 1955—1956 гг. под давлением Мао Цзэ-дуна и его сторонников было резко форсировано кооперирование крестьянства, что, как подчеркивают авторы, «не вызывалось потребностями развития производительных сил в сельском хозяйстве. Значительная часть крестьянства и морально не была подготовлена к ускоренному переходу на путь коллективного хозяйства» (с. 37).

Привлекает внимание оценка политики китайского руководства на втором этапе, начавшемся в 1958 г. Этот этап характеризовался отступлением маоистского руководства от марксистско-ленинских принципов социалистического строительства, что выразилось в проведении таких авантюристических экспериментов, как «большой

* Сельское хозяйство КНР. Под общей редакцией чл.-корр. АН СССР М. И. Сладковского. М., 1978.

«скачок» и «культурная революция». Основное содержание этого этапа — стремление маоистов поставить сельское хозяйство на службу великодержавным, гегемонистским целям военно-бюрократического режима (с. 27).

Большой интерес представляет анализ форм собственности в китайской деревне (глава III). В 1951—1953 гг. ЦК КПК принял специальные постановления о развитии трудовой взаимопомощи и сельскохозяйственной производственной кооперации. К концу 1954 г. в постоянные или временные группы трудовой взаимопомощи вступило 58,4% крестьянских хозяйств. Более полное проявление коллективной собственности получила в сельскохозяйственных производственных кооперативах низшего типа. В кооперативах этого типа земля и другие средства производства, используемые в коллективном хозяйстве, оставались в частной собственности крестьян. К середине 1955 г. кооперативы низшего типа объединили 14% всех крестьянских хозяйств страны.

В результате форсирования темпов кооперирования со второй половины 1955 г. к середине 1956 г. почти 92% крестьянских дворов вошло в кооперативы, причем 63,2% всех созданных кооперативов были кооперативы высшего типа. В этих кооперативах обобществлялись земля, тягловый скот, крупные сельскохозяйственные орудия и другие средства производства вступивших в кооператив крестьян.

В 1958 г. в Китае стали создаваться «народные коммуны», в которых в коллективную собственность передавались не только все средства производства, которыми располагали вошедшие в них производственные кооперативы и отдельные крестьянские дворы, но даже и предметы домашнего обихода. Как отмечается в монографии, создание в сельском хозяйстве крупных хозяйственных единиц с высокой степенью обобществления не было обеспечено надлежащей материальной базой и субъективными предпосылками, не соответствовало требованию объективных экономических законов, а потому и не могло содействовать повышению эффективности сельскохозяйственного производства и укреплению коллективной собственности (с. 81). В дальнейшем китайское руководство было вынуждено пойти на серьезную реорганизацию системы «народных коммун»: введена, как записано в конституции КНР, «собственность трех ступеней с бригадой в качестве основы», восстановлено право крестьян на ведение подсобного домашнего хозяйства. Что же касается государственной собственности в сельском хозяйстве Китая, то она представлена, главным образом, госхозами, машиноремонтными и агротехническими станциями.

В целом в монографии сделан вполне обоснованный вывод о неустойчивом характере производственных отношений в китайской деревне, о том, что процесс фор-

мирования социалистических производственных отношений оказался прерванным (с. 89).

С третьей главой тесно связана четвертая — «Организация производства, распределения и оплаты труда в сельском хозяйстве». Эффективное решение этих проблем тормозится противоречивым действием двух взаимоисключающих факторов: с одной стороны, волюнтаристской политики китайского руководства, направленной на всемерное выкачивание средств из сельского хозяйства для усиления военно-экономического потенциала, и, с другой стороны, объективных потребностей развития производства. В целом волюнтаризм в руководстве и подчиненность экономической политики шовинистическим целям ведут к тому, что существующая ныне организация производства, распределения и оплаты труда не отвечает потребностям достаточно эффективного развития сельскохозяйственного производства.

По признанию китайской печати, сельское хозяйство страны все еще находится на довольно низком уровне, не обладает должной сопротивляемостью частым стихийным бедствиям. Одна из решающих причин отсталости сельского хозяйства заключается в слабости его материально-технической базы, анализу которой посвящена глава V. Мероприятия китайского руководства в области усиления материально-технического оснащения, как это показано в монографии, выразились в той или иной степени в развитии ирригационно-дренажного строительства, увеличении потребления химических удобрений, распространении несложной сельскохозяйственной техники. Ставка на развитие сельского хозяйства «собственными силами», на дальнейшую интенсификацию физического труда крестьян с целью компенсации недостающих материальных ресурсов трудом и энергией человека привела к тому, что в китайской деревне не стало хватать рабочих рук (с. 177). Все это свидетельствует о том, что без крупных централизованных капиталовложений, а также достаточных поставок современной техники и необходимых материальных ресурсов сельское хозяйство Китая еще длительное время не сможет решить задач модернизации своей материально-технической базы.

Значительный интерес представляют глава VI — «Почвенно-климатические условия, земельный фонд, структура и размещение сельскохозяйственного производства» и главы VII—X монографии, посвященные исследованию важнейших отраслей сельского хозяйства Китая.

В частности, интересен раздел, посвященный анализу вопроса о площади пашни в стране. Данные, приведенные в этом разделе, позволяют авторам сделать вывод о том, что количество пашни, приходившееся на душу населения в стране в 1974 г., по сравнению с 1952 г. сократилось с 0,19 га до 0,13—0,14 га. Высказыва-

зается предположение, что появляющиеся в китайской печати данные об освоении к 1974 г. новых площадей относятся лишь к восстановлению ранее заброшенных пахотных земель (с. 206). Гегемонистские устремления пекинского руководства и взятый им курс на милитаризацию китайского общества делают невозможным вложение крупных средств в освоение новых земель и развитие слабой материально-технической базы сельского хозяйства. В силу этих причин общая площадь пахотных земель составляет в настоящее время лишь 11,5% территории страны.

Природные условия Китая позволяют выращивать в больших объемах самые различные продовольственные культуры и разводить многие виды скота. Однако низкопродуктивному сельскому хозяйству трудно обеспечить потребности быстрорастущего населения в продуктах питания. Средняя калорийность питания в КНР значительно ниже уровня многих социалистических стран и некоторых стран Востока. В пищевом рационе китайцев главным продуктом по-прежнему остается зерно, потребление мяса и жиров незначительно. В стране долгие годы существуют жесткие нормы снабжения населения важнейшими продовольственными и промышленными товарами.

Сельское хозяйство КНР продолжает снижаться в кризисном состоянии. Причины такого явления авторы монографии обоснованно видят в игнорировании маоистским руководством конкретных вопро-

сов развития сельского хозяйства, недостаточности государственных капиталовложений и слабости материально-технической базы, нарушении социалистических принципов управления и планирования в экономике, материальном стимулировании трудящихся и т. п. (с. 347).

Достоинством монографии следует признать богатство фактического и статистического материала, который тщательно отобран и умело использован. Значительный интерес представляют статистические таблицы (их более 130). Авторами проведен анализ большого количества оригинальных документов по вопросам социально-экономических преобразований, состояния сельскохозяйственного производства, отдельных отраслей. Несмотря на большие трудности, обусловленные почти полным отсутствием официальных статистических данных о состоянии сельского хозяйства КНР после провала «большого скачка», авторы провели кропотливую аналитическую работу по отбору наиболее объективных оценок и обоснованию собственных оценок состояния сельского хозяйства и его отраслей.

В целом рецензируемая монография внесла значительный вклад в изучение широкого круга вопросов по сельскому хозяйству КНР и представляет несомненный интерес для всех читателей, интересующихся Китаем.

В. И. Акимов,
доктор экономических наук

Книга о Ба Цзине*

Советское Китаеведение пополнилось интересной книгой о творчестве известного китайского современного писателя Ба Цзиня. Его творческое наследие богато и разнообразно: романы и повести, рассказы и дневники, путевые записки и очерки, публицистические статьи, мемуары, стихи в прозе и сказки для взрослых — всего четырнадцать томов сочинений. Произведения талантливого художника хорошо известны советскому читателю. В 1959 г. было издано на русском языке двухтомное собрание сочинений писателя, в котором были помещены романы «Любовь» (1931—1933), «Холодная ночь» (1946), повесть «Сад радости» (1945) и рассказы. Отдельными изданиями публиковались романы «Семья» (1931 г., рус. пер. 1956), «Весна» (1938) и

«Осень» (1940 г., оба переведены в 1957 г.), составляющие трилогию «Стремительное течение». Дважды, в 1955 и 1957 гг., на русском языке выходили сборники рассказов Ба Цзиня.

Творчество Ба Цзиня пользуется всемирным признанием. В США издана монография о его творчестве, написанная О. Ланг¹. Роман «Холодная ночь» переведен на французский язык и издан во Франции в 1977 г. Интерес к писателю, которого признавали властителем дум китайской прогрессивной молодежи в тридцатых и сороковых годах, не угас и по сей день.

Хотя в Советском Союзе творчество Ба Цзиня хорошо известно, специальных работ о нем было написано немного. В. В. Петров является автором трех предисловий: к двухтомному собранию сочинений, к сборнику рассказов и роману «Семья». А ведь первый рассказ Ба Цзиня на русском языке был опубликован еще в 1937 году! Поэтому работа Л. А. Никольской восполняет ощути-

* Л. А. Никольская. Ба Цзинь. (Очерк творчества). Изд-во МГУ, 1976.

¹ O. Lang. Pa Chin and His Writings: Chinese Youth Between Two Revolutions. Cambridge, Harvard University Press, 1967.

мый пробел в нашей китаеведческой литературе, создавая цельную картину более чем тридцатилетнего творческого пути писателя.

Ба Цзинь вступил в литературу с повестью «Гибель» в 1929 г. Он принадлежал к тому поколению китайских писателей, которое создало прогрессивную новую литературу тридцатых годов. Однако более всех других китайских писателей Ба Цзинь испытал на себе влияние русской классики. Он преклонялся и перед русскими революционерами. Даже псевдоним писателя Ба Цзинь (его настоящее имя — Ли Фэй-гань) возник из сложения начального и последнего слогов имен русских революционеров Ба-кунина и Кропоткина.

Ба Цзинь выступал переводчиком и популяризатором русской литературы. Он переводил М. Горького, А. И. Герцена и особенно И. С. Тургенева («Стихотворения в прозе», «Отцы и дети», повести и рассказы). Ба Цзинь писал, что «не смог бы стать настоящим писателем, если бы не читал русских классиков» (с. 8). В 1954 г. писатель приезжал в СССР, посетил чеховские места и по возвращении на родину издал в Шанхае брошюру «О Чехове»². Русская литературная традиция повлияла не только на творчество, но и на жизненную позицию Ба Цзиня. «Строгое отношение Толстого к литературе и к жизни в свое время оказало на меня немалое влияние. — писал он. — Я увидел в его творчестве прежде всего путь к правде и, следуя ему, взялся за перо...» (с. 9). После издания 14-томного собрания сочинений в 1962 г. Ба Цзинь стал в один ряд с такими писателями современного Китая, как Го Мо-жо, Мао Дунь, Е Шэн-тао: он был заместителем председателя Союза китайских писателей, председателем шанхайского отделения этого союза, главным редактором шанхайского литературного журнала «Шоухо» (с. 95).

В годы «культурной революции» Ба Цзинь разделил горькую участь ее жертв. В феврале 1978 г. писатель рассказал в интервью корреспонденту Франс Пресс, что по счастливой случайности он избежал физической расправы, на него не надевали позорный колпак и не водили по улицам, не посылали на «исправление» унизительным трудом в так называемые маоистские «школы перевоспитания 7 мая». Все эти долгие годы престарелый писатель чистил туалеты,

чинил водопровод, подметал полы и прислуживал за столом в бывшем здании шанхайского отделения союза писателей, которое было захвачено маоистскими массовыми организациями. Так прошли десять лет. Семья писателя была выслана в ссылку в разные места. Дом, где он жил и работал, вместе с ценнейшей библиотекой, которую он собирал всю жизнь, был опечатан. Произведения Ба Цзиня были объявлены маоистами «ядовитыми травами» и в годы «культурной революции» не переиздавались. После реабилитации в мае 1977 г. Ба Цзинь вернулся к творческой работе: старый писатель (ему сейчас 74 года) переводит на китайский язык русскую классику, произведения И. С. Тургенева. Его сочинения прошлых лет вновь стали доступны китайским читателям в библиотеках, переиздан роман «Семья». Но вернется ли писатель снова к собственному творчеству? «Как писатель он может не возродиться», — считает Л. А. Никольская (с. 101). Хотелось бы надеяться на лучшее. Сам Ба Цзинь сказал французскому журналисту, что собирается написать книгу о пережитом за те десять лет, когда он был во власти хунвэйбинов и цзаофаней. Если такая книга будет написана, совершится акт высокого гражданского мужества. А сейчас старый писатель, возвратившись в свой дом, приводит в порядок свою библиотеку для дальнейшей работы.

Книга Л. А. Никольской богата фактическим материалом и является ценным источником познания творчества писателя.

К недостаткам работы, на наш взгляд, следует отнести стремление автора переводить заново заглавия произведений Ба Цзиня, в том числе те, которые уже были у нас изданы. Так, роман «Холодная ночь» Л. А. Никольская предпочитает называть «Студеная ночь» (с. 90). Может быть, такое заглавие звучит несколько литературнее, но все же под прежним заглавием роман был у нас уже напечатан и известен читателям. Роман «Огонь» автор исследования предлагает в русском переводе переименовать в «Пламя» (с. 81). Аргументы для такого переименования не выглядят убедительными ни в первом, ни во втором случае. Эти отдельные незначительные замечания, конечно, нисколько не умаляют значения всей проделанной автором работы.

*В. К. Потаенко,
А. Н. Смигирцев*

² См. М. Е. Шнейдер. Русская классика в Китае. М., 1977, с. 119—120.

Сила, проверенная временем

В наше время, когда воздействие общественного мнения на ход международных событий постоянно возрастает, развитие всестороннего сотрудничества различных общественных сил в борьбе за мир, национальную независимость и социальный прогресс приобретает все большую актуальность. Среди прочих мировых общественных сил, ведущих борьбу за эти цели, особым драматизмом, организованностью и эффективностью своих выступлений выделяется движение солидарности общественности афро-азиатских стран. Активная роль движения солидарности в антиимпериалистической борьбе, попытки весьма широкого спектра сил (от империалистических кругов до местных правонационалистических элементов и левых маоистов) сбить его на ложный путь, лишить верных политических ориентиров, отмежевать от международного рабочего движения — все это делает чрезвычайно необходимым изучение сложных социально-политических процессов, протекающих внутри и вокруг движения солидарности народов Азии и Африки. Именно этой задаче посвящена книга А. С. Дзасохова, выпущенная издательством «Наука»*.

Автор поставил перед собой сложную задачу: выяснить роль и место движения солидарности народов Азии и Африки в системе антиимпериалистических сил, показать историю и ход становления Организации солидарности народов Азии и Африки, осмыслить процессы, которые сопутствуют движению солидарности, проследить, как в его конкретной деятельности проявляются общие закономерности национально-освободительной борьбы. Через всю книгу автор проводит мысль о том, что возникновение движения солидарности явилось объективным результатом развития мирового революционного процесса. Рост политического самосознания народных масс, их стремление к совместным действиям в борьбе против колониализма и неоколониализма, против империалистической политики войны и агрессии делали все более организованными силы национального освобождения. В конечном счете эти факторы привели к возникновению антиимпериалистического движения солидарности, которое развивалось по двум основным линиям: линии укрепления межгосударственных отношений стран Азии и Африки (начало которым положила Бандунгская конференция) и линии сплочения прогрессивных политических партий и де-

мократических общественных организаций стран Азии и Африки (Учредительная конференция антиимпериалистических прогрессивных сил двух континентов состоялась в Каире в декабре 1957 г.). В результате была создана Организация солидарности народов Азии и Африки (ОСНАА).

Для правильного определения роли и места движения солидарности в решении насущных задач национального освобождения, его исторической позитивной миссии большое значение имеет анализ той сложной общественно-политической картины, на фоне которой оно действует. Автор отмечает, что огромное разнообразие социально-экономических условий стран Азии и Африки, неграмотность основной массы населения, недостаточно высокая его политическая сознательность, сильные племенные и иные предрассудки, относительная слабость рабочего класса в афро-азиатских странах значительно усложняют решение задач, стоящих перед движением солидарности (с. 16). Ныне на авансцену политической жизни значительной части стран Азии и Африки вышла революционная демократия, социальной базой которой являются широкие слои трудового народа. Она представляет собой коалицию социально-классовых прогрессивных сил, в которой особое место занимают интеллигенция и патристически настроенное офицерство. Опыт последнего времени показывает, что проблема единства патристических и особенно демократических левых сил приобретает жизненно важное значение. ОСНАА, отмечает А. С. Дзасохов, призвана объединить усилия различных прогрессивных течений и в своей практической деятельности способствовать выработке идеологических и тактико-стратегических принципов национально-освободительной борьбы. При этом надо иметь в виду, что ОСНАА в определенной мере выступает и как своеобразное связующее звено между мировым рабочим и национально-освободительным движениями (с. 18). Значение движения солидарности состоит и в том, что участие в нем явилось для многих политических и государственных деятелей Азии и Африки подлинной школой революционной борьбы, в частности потому, что оно выступает как важный фактор сочетания интересов отдельных национальных движений с общими интересами антиимпериалистической борьбы. В то же время, указывает автор, такая постановка вопроса трудна для движения солидарности, которое на его современном этапе руководствуется прежде всего принципами антиимпериалистического национализма (с. 21). Именно поэтому в рецензируемой книге большое внимание уделено исследованию проблемы роста интернационального фактора в деятельности ОСНАА, борьбе за антиимпериалистическое единство.

Изменение обстановки в мире, новые исторические условия породили и новые цели движения афро-азиатской солидарности. Кроме противоречий с империализмом (ко-

* А. С. Дзасохов. Движение солидарности народов Азии и Африки. М., «Наука», 1977, 214 с.

торые для него остаются доминирующими), все с большей силой сказывается императивная способность движения к проведению демократических реформ. Поэтому неуклонно растет и необходимость координации акций и объединенных усилий стран Азии и Африки в решении острых вопросов социально-экономической и культурной жизни. Автором объективно отражена большая помощь движению солидарности со стороны комитетов солидарности социалистических стран, которую следует рассматривать как форму широкой политической и идеологической связи социалистического содружества с национально-освободительным движением. Особенно большую роль играет здесь Советский комитет солидарности стран Азии и Африки, действующий в тесном контакте и сотрудничестве с советскими международными организациями и имеющий широкие связи с национальными комитетами солидарности, революционно-демократическими партиями, национально-освободительными движениями в 84 странах мира.

В последние годы ряды движения солидарности значительно выросли, в нем укрепились позиции прогрессивных, революционно-демократических сил. Вместе с тем на этом пути движение столкнулось с серьезными внутренними трудностями, вызванными прежде всего раскольнической деятельностью маонистов, их попытками умалить роль социалистического содружества в антиимпериалистической борьбе, его поддержку борьбы народов Азии и Африки за национальное освобождение. Маонисты стремятся разжечь в движении афро-азиатской солидарности межнациональные противоречия, навязать ему так называемую теорию расовой исключительности азиатов и африканцев, политически обособить народы Азии и Африки. Желая дискредитировать советскую политику мира, Пекин пытается увлечь участников движения солидарности на отказ от выработанных ОСНАА генеральных принципов, в соответствии с которыми борьба за мир, мирное сосуществование рассматривается как важнейшее условие завоевания и укрепления афро-азиатскими народами подлинной независимости, их успешного социально-экономического развития. Принципиальная позиция большинства участников движения, поддержанная социалистическими странами, не позволила возобладавать гегемонистским устремлениям маонистов. Более того, организационная, политическая и идеологическая борьба здоровых сил афро-азиатской солидарности против маонистских раскольников объективно способствовала выработке более четкой идеологической основы движения, избавила его от неустойчивых элементов.

В условиях заката колониальной системы империализм создал мощную военно-политическую машину для борьбы с национально-освободительным движением. Этот механизм включает в себя многосторонние военно-политические блоки, двусторонние

военные союзы между империалистическими державами и отдельными странами Азии и Африки. Пытаясь сохранить или восстановить свое господство над народами бывших колоний, империалистические круги становятся в ряде случаев на путь военного давления и войны. В книге шаг за шагом раскрывается роль и значение борьбы движения солидарности против происков империализма в Индокитае и на Ближнем Востоке, показано, как ОСНАА всеми имеющимися в ее распоряжении средствами оказывала и оказывает содействие национально-освободительным движениям в этих районах мира, осуществляя эффективные мероприятия в поддержку народов, борющихся за свою свободу и независимость.

В последние годы на развитии международных отношений все сильнее сказывается необходимость в оздоровлении политического климата, утверждении атмосферы мирного сосуществования, равноправного и взаимовыгодного делового сотрудничества. Именно поэтому ОСНАА в своей деятельности уделяет первостепенное внимание борьбе за реализацию выдвинутой СССР идеи обеспечения безопасности Азии совместными усилиями стран континента.

Выступая с этим предложением, Советский Союз руководствуется стремлением исключить войны из жизни народов Азии, противодействовать политике империалистических агрессоров, содействовать свободному развитию и национальному возрождению государств континента, укреплению доверия и взаимопонимания в отношениях между азиатскими странами. Необходимость претворения в жизнь идеи коллективной безопасности в Азии диктуется отнюдь не случайными или конъюнктурными соображениями. В ее основе лежат глубокие закономерности объективного характера: растущая борьба за прочный мир и безопасность народов, усиливающаяся интернационализация мировых экономических процессов. В книге на примере работы ОСНАА и других международных форумов — двусторонних и многосторонних встреч, семинаров, симпозиумов и конференций — убедительно показано, что решать проблемы мира и безопасности в Азии можно и нужно на разных уровнях — не только «сверху», путем межгосударственных, межправительственных контактов, но и одновременно «снизу» — развитием соответствующей активности различных социальных кругов, мобилизацией общественного мнения, разъяснением того, что социальный прогресс немислим без ослабления и уничтожения угрозы войны, без обеспечения безопасности народов. «Широкий спектр участвующих в международных организациях политических сил — коммунистические и революционно-демократические партии, национально-освободительные движения, религиозные и крестьянские организации, женские и молодежные союзы, творческие объединения, научная интеллигенция и т. д. — открывает перспективу превращения дея-

тельности в поддержку принципов безопасности в Азии в дело массовое и всенародное». — делает вывод автор (с. 86).

Современный этап национально-освободительного движения в странах Азии и Африки характеризуется развертыванием широкого движения против неоколониализма. В условиях коренного изменения в соотношении сил на международной арене, крушения колониальной системы империализм вынужден переходить к новой стратегии удержания бывших колоний и зависимых стран в рамках мировой капиталистической системы. Эта стратегия, включающая совокупность старых и новых методов и приемов эксплуататорской политики, своей материальной базой имеет иностранно-монополистическую собственность на орудия и средства производства в афро-азиатских странах. Идеологический неоколониалистская стратегия опирается главным образом на всевозможные антикоммунистические и правонационалистские концепции. Антиимпериалистское движение афро-азиатской солидарности в сотрудничестве с другими демократическими международными движениями и организациями вносит существенный вклад в борьбу народов развивающихся стран за экономическое освобождение, за успешное разрешение насущных социально-экономических проблем.

В рецензируемой книге анализируются основные этапы формирования социально-экономической стратегии ОСНАА. Так, по мнению автора, до середины 60-х годов «объективная общность интересов социальных сил, участвующих в этом движении, позволила определить основные принципы и направления борьбы против экономического господства неоколониализма, выработать некоторые действенные и эффективные формы антиимпериалистического движения в сфере социально-экономических отношений, определить ближайшие и более отдаленные перспективы достижения молодыми государствами экономической самостоятельности». В этот период движение афро-азиатской солидарности внесло серьезный вклад в консолидацию рядов национально-освободительных сил, в упрочение их единства с мировым социализмом и

международным рабочим движением (с. 121).

Однако формирование принципов социально-экономической деятельности произошло в непрерывной борьбе здоровых антиимпериалистических сил Организации солидарности против как неоколониалистских, так и вредных мелкобуржуазно-националистических концепций и раскольнических, изоляционистских тенденций. Активизация деятельности сторонников этих концепций была, как считает А. С. Дзасохов, одной из существенных причин временного ослабления социально-экономической деятельности ОСНАА в 1965—1970 гг. Тем не менее прогрессивные силы движения солидарности, выступающие за его единство и сплоченность, смогли отстоять в борьбе с мелкобуржуазно-националистическими концепциями здоровые и последовательные принципы движения, заложить основу для успешной социально-экономической деятельности ОСНАА в последующие годы (с. 126—127).

В заключение необходимо отметить большую библиографическую и источниковедческую базу книги А. С. Дзасохова, в которой широко использованы материалы и документы ОСНАА, различных конференций и семинаров, состоявшихся в рамках этого движения, архивные материалы, а также критический анализ некоторых работ буржуазных авторов, фальсифицирующих роль движения афро-азиатской солидарности. Все это, несомненно, повышает научную и практическую ценность работы А. С. Дзасохова.

Многоплановая деятельность движения афро-азиатской солидарности, подробно проанализированная в книге, показывает возрастающую роль общественных сил современности, и в частности ОСНАА, вносящей весомый вклад в дело укрепления мира, достижения единства и сплоченности рядов антиимпериалистического фронта, решения задач национальной независимости и социального прогресса. Движение афро-азиатской солидарности прошло испытание временем и на деле показало, что оно отражает жизненно важные интересы народных масс.

Ю. М. Рякин

На XXVI европейской конференции по китаеведению

Очередная, XXVI конференция европейских ученых, занимающихся проблемами Китая, состоялась в Италии, в городке Ортизей/Санкт Ульрих (провинция Больцано, бывший Южный Тироль). Это был второй форум такого рода после создания в 1976 г. ЕАК (Европейской ассоциации китаеведения)¹. На конгрессе присутствовало свыше 150 участников и наблюдателей (согласно уставу ЕАК, полноправными участниками конференций могут быть лишь члены Ассоциации, индивидуальные или коллективные, внесшие соответствующий взнос). Советское китаеведение было представлено 6 делегатами и 14 наблюдателями, приехавшими по линии научного туризма. Это была наиболее представительная группа советских синологов за все время ашего участия в подобных конференциях, о есть с 1954 г., включая в себя ведущих специалистов в разных областях китаеведения из Института Дальнего Востока и Института востоковедения АН СССР.

В состав советской делегации, которую возглавлял чл.-корр. АН СССР М. И. Сладковский, входили также д. и. н. В. А. Кривцов, д. ф. н. В. М. Солнцев, д. э. н. В. И. Шабалин, к. ф. н. В. Ф. Сорокин и к. и. н. Л. С. Суханов.

Организационный комитет по подготовке и проведению конференции возглавили известные итальянские китаеведы проф. Л. Ланчотти, проф. П. Коррадини. По решению оргкомитета, одобренному правлением ЕАК, общая тема конференции была сформулирована так: «Понимание современного Китая: проблемы и методы». При этом подчеркивалось, что изучение проблем древнего и средневекового Китая существенно важно для понимания Китая нынешнего. Такая интерпретация открывала широкий простор для выбора тем докладов, и участники воспользовались этим.

Предварительно было намечено четыре «главных доклада», которые должны были осветить основные аспекты современной китайской проблематики. Первый из них —

«Археология в нынешнем Китае: демонстрация прошлого для строительства будущего», порученный М. фон Деваль (Гейдельберг, ФРГ), — не состоялся. Автор второго доклада, тоже западногерманский синолог, Р. Трауцеттель говорил на тему о роли истории и других общественных наук в понимании современного Китая. Проф. Б. Чонгор (Будапешт) раскрыл тему своего доклада «Литература и лингвистика как средство понимания современного Китая» через ряд интересных и глубоко интерпретированных примеров из области реформы китайской письменности и из классических романов «Речные заводы» и «Путешествие на Запад». Доклад голландского китаеведа К. Шиппера, работающего в Париже, был посвящен теме «Мессанизм и миллениаризм (учение о «тысячелетнем царстве божием») в древнем Китае»; интересный сам по себе, он был мало связан с основной темой конгресса. Тем не менее можно сказать, что в «главных докладах» было поставлено немало проблем и предложены некоторые ответы, вокруг которых в определенной степени концентрировались дискуссии на конференции.

«Главные доклады» были произнесены на пленарных заседаниях. Далее работа конференции продолжалась в секциях, первой из которых начала работать секция языка и литературы (на двух ее заседаниях председательствовали В. М. Солнцев и В. Ф. Сорокин). Большая часть докладов была посвящена проблемам изучения и преподавания китайского языка. Молодая исследовательница М.-К. Пари (Франция) поделилась своими соображениями о грамматических функциях частицы *дэ* в современном китайском языке. Об опыте преподавания китайского языка в Гамбургском университете интересно рассказал Гуань Юй-цзин. Два докладчика — Дж. Ло (Йорк, Великобритания) и Чэн Тянь-му (Франкфурт, ФРГ) — рассуждали о работах в области лингвистики, ведущихся в КНР. Доклад проф. В. М. Солнцева (ИВ АН СССР) был посвящен анализу синтаксических конструкций китайского языка, выявлению омонимических конструкций и разграничению таких синтаксических явлений, которые традиционно не разграничивались. Доклад был основан на системно-структурном подходе к языку и содержал ряд критических замечаний в отношении синтаксической теории Н. Хомского.

Проблемам новейшей литературы Китая было посвящено два выступления. Д-р Э. Мюллер (ун-т им. Гумбольдта, ГДР) в своем докладе, озаглавленном «Разработка новых тематических направлений в

¹ См. «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 3.

современной китайской литературе — к методологии написания истории литературы», в центр внимания поставила тему жизни и борьбы рабочего класса, занявшую видное место в произведениях китайских писателей после 1949 г. В. Ф. Сорокин в сообщении «Литература конца 40-х гг. и проблемы реализма в Китае» указал на недостаточную изученность периода истории китайской литературы между окончанием войны с Японией и победой народной революции; между тем этот период богат серьезными достижениями реалистической, социально острой прозы и поэзии, поныне не утратившими своей художественной ценности.

В конференции участвовала довольно большая группа синологов из социалистических стран Европы. Среди докладов, представленных на заседания секции истории и политики, большой интерес вызвали выступления ученых из ГДР Р. Фельбера («Историческое понимание современного Китая. Методологические соображения») и Х. Петерса («Некоторые заметки относительно развития Китая в 50-х годах»). В последнем из указанных докладов большое место было уделено интернациональной помощи Китаю со стороны Советского Союза и других социалистических стран как важному фактору прогрессивного развития страны. Переход к политике «трех красных знамен» был охарактеризован докладчиком как отступление от генеральной линии партии, сформулированной в начале 50-х годов. Польский ученый К. Гавликовский выступил на секции с докладом «Традиционные китайские концепции ведения войны и теория народной войны», в котором концепция «народной войны», пропагандируемая в КНР, рассматривается как продолжение традиционных китайских политических и военных концепций, хотя она и вносит в них, как указал докладчик, различные новые элементы. Другим представителем польской синологии на секции был проф. Р. Славинский; тема его выступления — «Байлянь-цзяо янь» — народное сказание о белом лотосе — связана с историей народных движений в Китае.

В докладе д. и. н. В. А. Кривцова «О генезисе политического сознания в древнем Китае» был показан процесс переосмысления в древнем Китае морально-религиозных норм социального регулирования в политические. Докладчик проанализировал иероглифическое выражение этих норм и доказал, что превращение морально-религиозных норм в политические, отражавшее возникновение политического сознания, происходило путем привнесения в эти нормы идеи насилия, которая таким образом сделалась характерной для политического сознания китайцев и стала традиционной.

На секции политики и истории с докладом «Перспективы государственной конституции Китая 1978 г.» выступил английский синолог Б. Хук. Его доклад представлял собой формальное сопоставление текстов трех конституций КНР. Два выступления

на конференции касались историко-правовых проблем. Проф. А. Хульсвэ (Швейцария) сообщил основные выводы своего исследования о циньском законодательстве на основе новых китайских археологических открытий. Он отметил аутентичность найденных таблиц текстам реально существовавших законов, высказав предположение, что целого кодекса не найдено, а лишь отдельные разрозненные законы. Все же они, по мнению докладчика, дают ряд новых представлений об уголовном праве циньской эпохи и социальных категориях того времени. В частности, проф. Хульсвэ считает, что термины «ци», «ку» и т. п. обозначают государственных рабов. Истории уголовного права Китая в новое и новейшее время было посвящено выступление И. Дандоло (итальянский ученый, работает во Франции).

Одно из выступлений на секции истории и политики было посвящено роли китайских женщин в производстве. С этим сообщением выступила М. Торборг (Швеция.) На примерах периода 1949—1978 гг. она отметила резко возросшую активность женщин в промышленности, строительстве, сфере обслуживания. Был приведен целый ряд статистических сведений по занятости женщин в государственном секторе.

Кроме того, на заседаниях секции были заслушаны доклады голландских ученых Э. Вермеера «Системы социального обеспечения в современном Китае» (доклад содержал критические материалы в отношении китайской действительности) и Л. Блуссе «Голландская оккупация Тайваня (1624—1661 гг.), итальянского сиолога Р. Сантанджело «Некоторые новейшие интерпретации Французской революции и Наполеона в КНР» и другие. Ж. Шарбонье (Париж) в своем сообщении об интерпретации китайской истории в музеях КНР выразил несогласие с некоторыми аспектами принятой там периодизации исторического процесса в Китае.

На секции истории китайской мысли было заслушано три доклада, посвященных проблемам древнекитайской идеологии и ее истолкования в современном Китае: Р. Крамера (Швейцария) на тему «Судьбы конфуцианского наследия в новом Китае», Д. Бодри (Париж) — «Новая интерпретация «Трактата о соли и железе» в коммунистическом Китае» и Б. Гринпаса (Брюссель) — «Идея мира в древнем Китае».

Особое заседание было посвящено показу документального фильма «Боги Китая. Книга мертвых», снятого молодым французским исследователем П. Фава на Тайване, в районе г. Тайвань. Фильм воспроизводит различные стороны поминальных обрядов, восходящих к давно прошедшим временам и продолжающих бытовать в этом, да и не только в этом районе проживания китайцев. Фильм этот, хорошо сделанный в техническом отношении, обладает безусловной познавательной ценностью в этнографическом и социологическом плане.

Примечательной особенностью конференции явилось участие делегации ученых из КНР, выступивших с докладами на пленарных заседаниях конференции². Ими был археолог Ся Най, сделавший доклад «Новейшие археологические открытия в Китае», экономист Сюй Ди-синь, выступивший с докладом «Экономические законы в применении к социалистическому строительству современного Китая», философ Дин Вэй-чжи — докладчик на тему «Фазы изменений в конфуцианстве» и литературовед Цянь Чжун-шу, представивший доклад об изучении классического литературного наследия в современном Китае. Кроме ученых и сопровождавших их переводчиков, в составе китайской делегации на конференции (единственной из всех) был дипломат — второй секретарь посольства КНР в Италии. Большинство входивших в состав делегации Китая ученых подвергались критике и репрессиям в период «культурной революции», их включение в состав делегации явно преследовало цель продемонстрировать «либерализацию» режима в КНР.

В своих докладах китайские ученые не касались острых политических вопросов. Все постигшие Китай бедствия они стремились свалить на пресловутую «банду четырех», защищая в то же время «культурную революцию». Китайскими делегатами не поднимались вопросы, связанные с советско-китайскими отношениями. В докладах и выступлениях ими не применялись и характерные для пекинской пропаганды ярлыки в отношении СССР и других социалистических стран. Доклады, рассчитанные в основном на аудиторию европейских буржуазных сиологов, были направлены прежде всего на то, чтобы создать у последних впечатление о якобы происходящей в КНР либерализации всей жизни страны. При этом подчеркивался курс на поддержку буржуазных элементов внутри Китая и на восстановление традиционных связей с Западной Европой, усиление сотрудничества с нею. В одном из докладов содержался прямой призыв к помощи Китаю со стороны западноевропейских стран в деле модернизации китайской экономики. Из всего этого можно сделать вывод, что перед китайской делегацией ставилась ограниченная задача: установить связи с западноевропейской синологией и продемонстрировать готовность сотрудничать с нею.

Китайские ученые почти не полемизировали с критическими замечаниями в отношении различных сторон идеологии и положения в КНР, содержащимися в докладах некоторых делегатов. В то же время китайская делегация пыталась оказать на организаторов конференции давление, требуя, например, запрещения демонстрации фильма о китайских обрядах («Книга мерт-

вых»), изменения отдельных пунктов повестки конференции. Их требования были отклонены ведущими учеными, выразившими недовольство таким давлением со стороны китайских представителей. Участники конгресса высказывали опасение по поводу возможного вреда для работы последующих аналогичных конференций, если китайские делегаты будут продолжать подобную деятельность. Судя по всему, эти опасения имеют под собой основания, и в дальнейшем можно ожидать, что китайская сторона будет пытаться более активно воздействовать на работу ЕАК.

Кроме пленарных и секционных заседаний, в период конференции состоялись заседания исследовательских групп. На заседании группы «Государство в Китае: концепции и реальности», проходившем под председательством П. Коррадини, обсуждались вопросы, связанные с предложением руководящего комитета группы о проведении в 1979—1983 гг. трех конференций по исследуемой теме, охватывающей проблемы как исторического прошлого китайской государственности, так и современного ее состояния. Предложенные руководящим комитетом план и порядок работы исследовательской группы вызвали много критических замечаний со стороны участников обсуждения. Было принято решение ввести в руководящий комитет одного из наиболее активных критиков его прежней деятельности, профессора Б. Хука (Лидс, Великобритания). На первой из предстоящих конференций (конец 1979 г.) решено обсудить две основные проблемы: 1) структура правительственных органов Китая (центральных и местных) и их взаимодействие; 2) государство как определитель моральных и социальных ценностей.

Было продолжено также обсуждение «литературного проекта» — справочного издания по современной китайской литературе. Вновь возникли споры о принципе составления справочника — по авторам, или по произведениям, или путем сочетания этих двух методов. Этот и другие конкретные вопросы должны быть решены на намеченном на весну — лето 1979 г. рабочем совещании инициативной группы, поскольку пора уже переходить к практической работе над «проектом» (субсидия на его осуществление выделена Европейским научным фондом). Пока что согласно приступить к работе изъявили французские и советские литературоведы. Состоялось также заседание группы по составлению каталога даосского канона «Дао цзан» (советские китаеведы в этой работе не участвуют).

Советские ученые, присутствовавшие на конференции в качестве наблюдателей, распространили тексты своих докладов, посвященных различным проблемам истории, философии, экономики и литературы Китая. В их числе «Третья конституция Китайской Народной Республики» д. ю. н. Гурдошикова Л. М., «Материалистические

² Как было сказано в выступлении одного из китайских делегатов, представители КНР не участвовали в такого рода форумах с 1956 г.

«История в древнем конфуцианстве» д. ф. н. Феоктистова В. Ф., «О развитии в Китае научного взгляда на историю китайской литературы (20—50-х годов)» д. ф. н. Эйхенштадта Л. З., «Произведения Л. Н. Толстого в Китае» д. ф. н. Шнейдера М. Е., «Из истории новой китайской поэзии» д. ф. н. Марковой С. Д., «Семантическая структура тангутской письменности» д. ф. н. Софронова М. В., доклад д. э. н. Е. А. Козлова о демографических проблемах КНР и др. Эти доклады, а также монографии и статьи советских китаеведов, показывающие широчайший диапазон, научную основательность и объективность наших исследований, вызвали живой интерес у участников конференции.

В ходе конференции состоялась также Генеральная ассамблея ЕАК, принявшая некоторые поправки к уставу, утвердившая отчет Правления и избравшая его новый состав. Больших изменений в составе Правления не произошло. От СССР были избраны М. И. Сладковский и В. А. Кривцов (на место В. Ф. Сорокина), от Польши наряду с Я. Хмелевским избран Р. Славинский, от Болгарии вместо Г. Гиргинова в Правление вошел Д. Дончев. Выбыли из состава Правления Б. Виттгоф и М. Поксерт (оба — ФРГ). Почти неизменным остался и состав Бюро Правления: председатель С. Эгерод, вице-председатели М. И. Сладковский и И. Эрвэзт, генеральный секретарь — К. Шиппер. Лишь на место казначея вместо М. Картье избран Р. Крамерс.

Как было сообщено, в настоящее время ЕАК насчитывает 323 индивидуальных и коллективных члена, в том числе 123 из

Франции (страны пребывания руководящих органов ЕАК), 74 из ФРГ, 72 из Англии, 26 из Италии, 19 из Голландии и т. д. Наша страна пока что представлена одним коллективным (ИДВ АН СССР) и шестью индивидуальными членами. На ассамблее было внесено предложение развернуть работу по привлечению большего числа коллективных членов с целью укрепления финансовой основы Ассоциации.

Следующую, XXVII конференцию европейских китаеведов решено провести в 1980 г. в Швейцарии. Подготовкой к ней будет руководить Р. Крамерс — голландский китаевед, работающий ныне в Цюрихе.

Как уже упоминалось, работа конференции проходила в небольшом городке Ортизея/Санкт Ульрих (в автономной провинции Больцано все населенные пункты имеют двойное — итальянское и немецкое — название). Это один из центров горного туризма и спорта, расположенный на высоте 1260 м среди хвойных лесов и альпийских лугов (от Ортизея до ближайшего международного аэропорта под Миланом — 340 км по железной и шоссейным дорогам).

Говоря о конференции в целом, следует отметить, что она прошла в духе конструктивного сотрудничества и свидетельствовала об укреплении научных связей между китаеведами различных стран нашего континента.

*Л. М. Гудошников,
доктор юридических наук*

*В. Ф. Сорокин,
кандидат филологических наук*

60-летие М. И. БАСМАНОВА

14 октября 1978 г. исполнилось 60 лет видному советскому востоковеду, литератору, члену Союза писателей СССР, заместителю заведующего I Дальневосточным отделом МИД СССР Михаилу Ивановичу Басманову.

М. И. Басманов родился в Алтайском крае в семье крестьянина. Рано началась его трудовая деятельность. В 17 лет он преподает русский язык и литературу в сельской школе в Забайкалье. После окончания педагогического института в 1941 г. был призван в Красную Армию. С марта 1942 г. он с оружием в руках отстаивает свободу и независимость советского народа, принимает участие в боях на Карельском фронте и в советском Заполярье, в освобождении Норвегии, Польши и Чехословакии. Окончилась война, и М. И. Басманов возвращается к мирной профессии — работает учителем в городе Электростали Московской области. С 1949 г., после окончания Высшей дипломатической школы МИД СССР (восточное отделение), Михаил Иванович бессленно находится на дипломатической работе, сочетая ее с востоковедческой и литературной деятельностью. В течение длительного времени был на заграничной работе в КНР и МНР, пройдя путь от атташе до советника-посланника. Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного посланника II класса.

Первые шаги на литературном поприще М. И. Басманов сделал еще в годы войны, опубликовав ряд своих стихотворений в фронтовых газетах. Но подлинный литературный талант его проявился на переводческой ниве китайской поэзии. Публикации пробных переводов относятся к 1956 г. Они позволили поэту-переводчику приступить к созданию отдельных сборников стихотворений поэтов Сунской эпохи — Синь Ци-цзи (1140—1207) и Ли Цин-чжао (1084—1151). Была проведена большая кропотливая работа переводчика-исследователя, сумевшего взглянуть на жизнь глазами поэтов далекой эпохи. Крупная творческая удача М. И. Басманова — переводы стихотворений замечательной китайской поэтессы Ли Цин-чжао. Ему удалось проникнуть в сложный поэтический мир женщины средневекового Китая, открыть советскому читателю высокий талант и «граненое мастерство» автора «Строф из граненой яшмы». Поэт-переводчик донес до современного читателя интересные подробности быта, приметы времени, своеобразие пейзажа и многое другое.

М. И. Басманов трудится на одном из важнейших направлений советской внешней политики, вносит свой посильный вклад в претворение в жизнь ленинской внешней политики КПСС в отношении Китая, Монголии и КНДР. Своими глубокими знаниями, скромностью, отзывчивостью, готовностью поделиться богатым опытом и по-дружески оказать помощь, партийной взыскательностью и принципиальностью М. И. Басманов заслужил глубокое уважение и высокий авторитет среди коллег по работе и товарищей.

М. И. Басманов ведет большую общественную работу. Являясь членом правлений обществ советско-монгольской и советско-корейской дружбы, много внимания уделяет укреплению дружбы с народами МНР и КНДР.

Ратный и дипломатический труд М. И. Басманова высоко оценен партией и правительством. Он награжден орденами Отечественной войны, Красной Звезды, двумя орденами «Знак почета», монгольским орденом «Полярной звезды», а также медалями СССР и МНР.

Коллектив сотрудников Института Дальнего Востока, редакционная коллегия журнала «Проблемы Дальнего Востока», товарищи по работе горячо поздравляют Михаила Ивановича со славным юбилеем, желают ему крепкого здоровья и новых творческих успехов.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ЯКОВЛЕВИЧА АБОЛТИНА (1899—1978)

8 ноября 1978 г. после тяжелой болезни скончался крупный ученый-международник, доктор экономических наук профессор Владимир Яковлевич Аболтин.

В. Я. Аболтин родился 1 октября 1899 г. в бедной крестьянской семье; его отец и братья активно участвовали в революционном рабочем движении. Накануне Великой Октябрьской социалистической революции, в июне 1917 г., В. Я. Аболтин вступил в партию большевиков, делу которой он посвятил всю свою жизнь. В годы гражданской войны В. Я. Аболтин находился на самых трудных участках борьбы с контрреволюцией: был одним из организаторов партизанского движения в Латвии, сражался на Дону и Кубани, защищал Петроград. В 1924 г., после окончания Восточного факультета Военной Академии, В. Я. Аболтин был направлен на дипломатическую работу. В течение нескольких лет он являлся Генеральным консулом СССР в Харбине. В 1935—1937 гг. В. Я. Аболтин был корреспондентом ТАСС в Пекине.

Уже в годы напряженной практической работы В. Я. Аболтин большое внимание уделял исследованию научных проблем. Его труды «Империализм в Маньчжурии», «Борьба за Тихий океан», «Распад колониальной системы» и ряд других ярко раскрыли талант В. Я. Аболтина как ученого—международника, основывающего свои исследования на глубоком марксистско-ленинском анализе проблем мирового развития. Чрезвычайно весом вклад В. Я. Аболтина в разработку актуальных проблем истории Китая, международных отношений на Дальнем Востоке, национально-освободительной борьбы народов Азии.

Значительны заслуги В. Я. Аболтина и как организатора науки. Он был проректором Института востоковедения в Москве, более сорока лет проработал в системе Академии наук СССР. Почти два десятка лет В. Я. Аболтин являлся заместителем директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. С его именем связаны многие достижения института, вошедшие в арсенал советской науки. Коллектив Института Дальнего Востока АН СССР высоко оценил активную работу В. Я. Аболтина в качестве члена Ученого совета института.

Круг интересов В. Я. Аболтина не ограничивался лишь рамками науки. Одно из важнейших мест в его жизни занимала общественная деятельность. В. Я. Аболтин был одним из основателей Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Он участвовал во многих международных форумах, конгрессах, симпозиумах, выступал с лекциями и докладами в десятках стран мира. С 1958 г. В. Я. Аболтин находился на посту президента Общества советско-цейлонской дружбы (СССР—Шри Ланка).

Заслуги В. Я. Аболтина высоко оценены Коммунистической партией и Советским правительством. Он был награжден орденами Ленина и Октябрьской революции, медалями Советского Союза.

Светлая память о Владимире Яковлевиче Аболтине, замечательном человеке и талантливом ученом, навсегда сохранится в памяти тех, кто знал его и работал с ним.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА» ЗА 1978 ГОД

Конституция мира и социализма, № 1 (25)
Александров В. А. Во имя создания коммунизма, № 3 (27)
Разоружение — путь к прочному миру, № 2 (26)
Решающий фактор мирового развития, № 4 (28)

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» ЖУРНАЛА

Маонзм без Мао Цзэ-дуна, № 2 (26)

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

- Алексеев В. И., Ашуров Н. М. Советско-корейское сотрудничество, № 4 (28)
Дальнев М. Д. Маонстские фальсификаторы поправляют историю, № 4 (28)
Дивов Ф. И. Политика провокации и войны, № 1 (25)
Дмитриев Ю. Д. Корейская Народно-Демократическая Республика: славное тридцатилетие, № 3 (27)
Ивков И. И. Японский милитаризм поднимает голову, № 3 (27)
Капасов М. В. Юго-Восточная Азия — под прицелом пекинских гегемонистов, № 3 (27)
Капралов П. Б., Круглов А. М., Островский А. В. Некоторые вопросы социально-классовой структуры современного Китая, № 3 (27)
Каушик Д. (Индия). Три десятилетия индийско-советского сотрудничества, № 1 (25)
Коновалов Е. А., Феоктистов В. Ф., Яковлев А. Г. Еще одно свидетельство антисоциалистической сущности маонизма, № 1 (25)
Котова Т. М. Курс Пекина на использование зарубежной китайской буржуазии, № 2 (26)
Кривцов В. А. Внешнеполитическая стратегия маонистов, № 2 (26)
Ледовский А. М. Провал американских планов интервенции в Китае и отторжения Маньчжурии, № 4 (28)
Морозов А. П., Наумов И. Н., Потапов В. И., Ширяев С. Л. Экономика КНР в 1977 году, № 2 (26)
Мясников В. С. Идеиное банкротство пекинских лженсториков, № 4 (28)
Николаев Г. С. Саморазоблачение маонизма, № 1 (25)
Нгуен Кхань Тоан (СРВ). Путь вьетнамского народа к национальному и социальному освобождению, № 1 (25)
Осотов И. А., Петров М. М. Социалистические преобразования на Юге Вьетнама, № 4 (28)
Поспелов Б. В. Об историческом значении разгрома империалистической Японии во второй мировой войне, № 3 (27)
Рамзес В. Б. Социально-экономический статус и движение потребителей в Японии, № 4 (28)
Рахманин О. Б. 20 лет Обществу советско-китайской дружбы, № 1 (25)
Сакуи П. И. Незабываемое, № 3 (27)
Сладковский М. И. Международное значение опыта монгольского народа в строительстве социализма, № 4 (28)
Софинский В. Н., Хазанов А. М. Политика КНР в странах Тропической Африки (60—70-е годы), № 2 (26)
Спандарьян В. Б. Важный этап в развитии советско-японской торговли, № 1 (25)
Степанов Е. Д. Некоторые аспекты политики Пекина на морских рубежах, № 2 (26)
Столяров Ю. С. Внешнеэкономические связи Японии, № 2 (26)
Титов А. С. Пекин и его американские лобби, № 3 (27)
Хлынов В. Н. Борьба рабочего класса Японии против господства монополий, № 1 (25)

ИДЕОЛОГИЯ

- Булкин А. П. Современная модификация маоистской концепции «продолжения революции при диктатуре пролетариата», № 3 (27)
- Иванов А. И. Японские варианты концепции «среднего пути» и их адепты, № 2 (26)
- Поспелов Б. В. Марксистско-ленинское учение и рабочее движение Японии, № 4 (28)

ИСТОРИЯ

- Никитин А. Ф. К истории установления советско-японских отношений, № 3 (27)
- Переломов Л. С. Историческое наследие в политике китайского руководства, № 4 (28)
- Черевко К. Е. Как заселялись прибрежные острова Северо-Восточной Азии, № 1 (25)
- Шевелев К. В. К 50-летию VI съезда КПК, № 2 (26)

БОРЦЫ ЗА ВЕЛИКОЕ ДЕЛО

- Отто Браун — коммунист-интернационалист, № 1 (25)
- Титов А. С. Пэн Дэ-хуай — герой китайской революции, № 1 (25)
- Титов А. С. Мужественный сын китайского рабочего класса (к 80-летию со дня рождения Сян Ина), № 2 (26)
- Юрьев М. Ф. Пламенный интернационалист, вождь Кантонской коммуны, № 3 (27)

КОММЕНТАРИИ

- Арунов В. В. К итогам сессии ВСНП, № 2 (26)

КУЛЬТУРА

- Желуховцев А. Н. Некоторые вопросы взаимосвязи литературы и политики в КНР, № 4 (28)
- Москалев А. А. О политике КНР в национально-языковом вопросе, № 3 (27)
- Теплицкий М. Г. Китайская литература в 1977 году, № 3 (27)
- Федоренко Н. Т. Искусство слова и время (китайская литература в мировом литературном процессе), № 2 (26)
- Чимитдоржиев Ш. Б. Сотрудничество ученых СССР и МНР, № 2 (26)

ОЧЕРКИ И СООБЩЕНИЯ

- Коррадини П. (Италия). Несколько дней в Аомыне, № 2 (26)
- Кривцов В. А. К вопросу об эстетических взглядах Лю Ся, № 1 (25)
- Никитин И. Н. Из записок советского дипломата, № 4 (28)
- Никулин Н. И. Страницы давней дружбы, № 1 (25)
- Софронов М. В. Перспективы алфавитного письма в Китае, № 3 (27)

ПУБЛИКАЦИИ

- Мэй Лань-фан. Моя жизнь в кино, № 3 (27)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Акимов В. И. Исследование сельского хозяйства КНР, № 4 (28)
- Андреев В. И., Березкин Н. М. Опыт строительства социалистической экономики, № 3, (27)
- Валентинов Б. В. Рабочий класс Японии и ИТР, № 3 (27)
- Васильев В. А. Беспечное завоевание социализма, № 3 (27)
- Васильев В. А. Антимарксистская сущность военной теории и практики, № 4 (28)
- Дроздов Э. Ф. Знаменательная страница истории Приамурья, № 1 (25)
- Капица М. С. История Китая и разоблачение ее фальсификаторов, № 1 (25)
- Капустин Д. Т., Константинов В. К. Подход новый — цели старые № 4 (28)
- Кашин В. Н. Критика теорий японских буржуазных экономистов, № 1 (25)
- Коновалов Е. А. Социально-экономическая политика гоминьдановского Китая, № 3 (27)
- Костяева А. С. Общество «Красные пики» и крестьянское движение в Китае в 1926—1927 гг., № 3 (27)
- Лаппо Ф. Ф. Книга о Ли Да-чжао, № 3 (27)
- Москалев А. А. Политика ограничения прав тибетцев, № 4 (28)
- Мункуев Н. Ц. Перевод и комментарий уникального монгольского источника, № 3 (27)
- Никифоров В. Н. Традиции русского Китаеведения, № 2 (26)
- Отраднов Б. К. Корни «китайской» политики США, № 3, (27)
- Павлова Н. П. Шестой выпуск ежегодника «Япония», № 4 (28)
- Переломов Л. С. Механизм политической власти в императорском Китае, № 1 (25)
- Попов К. М. Проблемы государственно-монополистического капитализма в Японии, № 1 (25)
- Рякин Ю. М. Сила, проверенная временем, № 4 (28)
- Сморodinская Н. В. Япония: особенности кредитно-финансовой сферы, № 4 (28)
- Сорокин В. Ф. Содружество двух литератур, № 2 (26)
- Тайгачев Г. Н. Идеологическая диверсия — главное направление внешнеполитической пропаганды Пекина, № 4 (28)
- Украинцев М. С. Опасный для народов курс, № 1 (25)
- Усов В. Н. Коммунистический Интернационал Молодежи и молодежное движение в 1919—1943 гг., № 2 (26)
- Цветова И. А. Новая платформа японского социал-реформизма, № 1 (25)
- Черевко К. Е. СССР и Япония: курс на добрососедство и его противники, № 3 (27)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Гудошников Л. М., Сорокин В. Ф. На XXVI европейской конференции по Китаеведению, № 4 (28)
- Рякин Ю. М. Молодежь в борьбе за социальный прогресс, мир и безопасность народов, № 1 (25)
- Рякин Ю. М. III Всесоюзная конференция Общества советско-китайской дружбы, № 2 (26)
- С позиций интернационализма, № 1 (25)
- Торопцев С. А. Научная конференция лингвистов, № 2 (26)

Чижов Б. К. Вечер, посвященный 50-летию Кантонской коммуны, № 1 (25)

ЮБИЛЕИ УЧЕНОГО

- 70-летие Г. В. Астафьева, № 3 (27)
- 60-летие С. Л. Тихвинского, № 3 (27)
- 60-летие М. Ф. Юрьева, № 3 (27)
- 60-летие М. И. Басманова, № 4 (28)

НОВЫЕ КНИГИ

№ 1 (25)

Сдано в производство 28.IX.1978 г. Подписано к печати 10.XI.1978 г. Формат 70×108^{1/16}. Бум. л. 6. Печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 18,38. Изд. № 26734 А 15051 Цена 50 коп. Заказ 2345. Тираж 17619

Издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Москва Г-21, Зубовский бульвар, 17
Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли г. Чехов, Московской области

В 413
НОВИЕ ЧЕРЕМУШКИ
КМ-Л 24 А КСРП 6 В КВ 97
МЕЛИХОВУ Г В
70758

Цена 50 коп.

Индекс 70758

Handwritten signature